

Кир
Бульчев

Приключения
Аддисы

Кир Булычев

При-
АД ключения
исы

Милион
приключений

Издательское
объединение
«Культура»
1991

ББК 84 Р7
Б 90

Рисунки Е. Мигунова

Кир Булычев

590 **Приключения Алисы. В 6-ти книгах. Книга**
третья. Миллион приключений.— М.: Издатель-
ское объединение «Культура», 1991.— 368 стр. с илл.

Из третьей книги читатели узнают о приключениях Алисы и ее друзей во время каникул на планете Пенелопа, а также о том, как Алиса Селезнева и Пашка Гераскин совершают удивительное путешествие в подземное царство Четырехглазого и спасают его жителей от жестокого правителя.

ББК 84Р7

ISBN 5-7158-0024-2

© Кир Булычев, 1991 г.
© Рисунки Е. Мигунова, 1991 г.

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Часть первая

НОВЫЕ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Глава

1

АВГИЕВА ЛАБОРАТОРИЯ

Весеннее утро началось мирно, а кончилось большим скандалом.

Первым, как всегда, пришел Аркаша. Он поспешил на делянку, где выращивал чувствующие цветы. Все растения умеют чувствовать, но попробуй разберись в их чувствах.

При виде Аркаши цветы закивали головами; они раскрывали лепестки, шевелили листьями и изображали радость. Аркаша подключил шланг и начал поливать своих питомцев теплой витаминной водой.

Затем пришел Джавад. Он покормил зверей в клетках и выпустил на волю питекантропа Геракла, который тут же помчался к домику, где ночевали три собаки — Полкан, Руслан и Султан, которые, как ни странно, были сестрами. Собаки летом работали у геологов и по запаху разыскивали руду и ископаемые кости глубоко под землей. Но сезон еще не начался, поэтому сестры были в отпуске и дружили с Гераклом. А он умело пользовался этой дружбой и завтракал два раза — у себя и у собак.

Прибежали близняшки Маша и Наташа, худенькие, глазастые, с одинаковыми ссадинами на коленках. Они так похожи, что не отличишь, а в самом деле — совершенно разные люди. Маша серьезная и уверяет, что любит только науку. А Наташа — страшно легкомысленная и любит не столько науку, сколько зверей и танцы. При виде Марии и Наташи дельфины Гришка и Медея по пояс высунулись из бассейна — соскучились за ночь.

Алиса Селезнева запоздала. Она ездила в Космический центр договориться об экскурсии на планету Пенелопа. Но Алисе сказали, что неизвестно, будут ли места, попросили прийти через месяц. Алиса была расстроена, она даже не заметила, как подошел Геракл с протянутой лапой. То ли хотел поздороваться, то ли надеялся на угощение.

Алиса скрылась в невысоком здании лаборатории, чтобы оставить там сумку и переодеться, а когда вышла, гневно заявила:

— Это не лаборатория, а авгиевы конюшни!

Геракл, который ждал ее у входа, ничего не ответил, потому что никогда не читал греческих мифов, а кроме того, знал только съедобные слова. Как его ни учили, дальше слов «банан», «яблоко», «молоко», «сахар» он не пошел.

Зато возглас Алисы услышала Машенька Белая.

— Разумеется,— сказала она.— Пашка Гераскин сидел там вчера до поздней ночи, а убрать за собой не удосужился.

— А вот и он,— сказала Наташа Белая.— Легок на помине.

Пашка Гераскин медленно шел к станции по кокосовой аллее и на ходу читал книгу. На обложке крупными буквами было написано: «Мифы Древней Греции».

— Обратите внимание,— ехидно сказала Машенька Белая.— Этот юноша хочет узнать, как чистят авгиевы конюшни.

Пашка услышал, остановился, заложил страницу пальцем и сказал:

— Могу сообщить, что Геракл — значит «совершающий подвиги из-за гонений Геры». Кстати, Гера — это жена Зевса.

Питекантроп Геракл услышал свое имя и заявил:

— Дай банан.

Пашка задумчиво посмотрел на него и произнес:

— Нет, тебе подвигов не совершить. Ростом не вышел.

— Слушай, Пашка,— сказала мрачно Алиса.— Ты чем занимался в лаборатории? Можно подумать, что там тридцать лет никто не убирался.

— Когда у меня возникают идеи,— ответил Пашка,— я не обращаю внимания на мелочи жизни.

— А мы обращаем,— сказала Машенька.

— Не шумите,— сказал Пашка.— Все уберу. Через полчаса будет полный порядок.

— Свежо предание, но верится с трудом,— сказал Аркаша.— Предлагаю на время уборки отобрать у Пашки книгу. Зачитается и все забудет.

После короткой схватки Пашка лишился книги и удалился в лабораторию зализывать раны и обдумывать месть.

Убираться ему не хотелось, скучное это занятие. Он подошел к окну. Машенька сидела на краю бассейна, возле нее были разложены карточки с цифрами. Дельфины зубрили таблицу умножения. Наташа рядом плела венок из первых желтых одуванчиков. Джавад о чем-то спорил с Алисой, а над ними возвышался скучный, глупый, любопытный жираф Злодей с одним рогом посреди лба.

«Как же это я умудрился так насорить?» — поразился Пашка.

На полу валялись мятые листы бумаги, обрывки магнитофонных лент, образцы почвы, ветки, апельсиновые корки, стружки, обломки разбитых колб, предметные стекла, скорлупа орехов — следы вчерашней бурной деятельности, когда Пашкой овладела гениальная идея создать животное без легких и жабр для жизни в безвоздушном пространстве. Идея лопнула часам к одиннадцати, как раз тогда позвонила мать и потребовала, чтобы он возвращался домой.

Есть минусы, подумал Пашка, в том, что ты энтузиаст и живешь среди энтузиастов. Ребята, и Пашка в том числе, проводили на станции все свободное время, прямо из школы спешили к своим зверям и растениям, а в субботу и воскресенье часто просиживали там с утра до вечера. Пашкина мать ворчала, что он совсем забросил спорт и делает ошибки в сочинениях. А на каникулах ребята собирались на планету Пенелопа, в настоящие, еще не исследованные джунгли,— разве от такого откажешься?

Вздохнув, Пашка взял губку и начал протирать лабораторный стол, сбрасывая ненужный хлам на пол. Жалко, подумал он, что книгу мифов отобрали. Сейчас бы прощать, как Геракл чистил авгиеевы конюшни. Может быть, он схитрил?

Когда через полчаса в лабораторию заглянул Джавад,

Пашка уже вытер все столы, расставил по местам колбы и микроскопы, убрал в шкафы приборы, зато на полу мусора прибавилось.

— Долго еще будешь копаться? — спросил Джавад. — Может, помочь?

— Управлюсь, — сказал Пашка. — Еще пять минут.

Он сгребал щеткой сор к середине комнаты, получилась гора чуть ли не до пояса.

Джавад ушел, а Пашка остановился перед горой и задумался, как бы ее вынести наружу в один прием.

В этот момент в открытом окне показалась морда питекантропа Геракла. При виде хлама он даже ухнул от удовольствия.

И Пашке пришла в голову счастливая мысль.

— Иди сюда, — сказал он.

Геракл тут же впрыгнул в окно.

— Доверяю тебе дело большой важности, — сказал Пашка. — Если ты вынесешь все это из нашей авгиевой лаборатории, получишь банан.

Геракл подумал, напряг свой неразвитый мозг и сказал:

— Два банана.

— Ну ладно, два банана, — согласился Пашка. — Я сейчас должен сбегать домой, чтобы к моему приходу все было чисто.

— Ну-сде, — сказал питекантроп.

Просьба Пашки Геракла не удивила. Его часто использовали на всяких работах, где не нужно большого ума. Правда, бесплатно он ничего не делал.

Пашка выглянулся в окно. Никого. Он перескочил подоконник и побежал домой.

Геракл поглядел на мусор и поскреб в затылке. Куча была большая, за раз не вынесешь. А Геракл был великим лентяем. Он думал целую минуту, как бы заработать бананы без усилий. И сообразил.

На поляне рядом с лабораторией лежал шланг для поливки. Геракл умел им пользоваться, а в жаркую погоду подстерегал прохожих, обливал их с головы до ног и ухал от радости.

Он выскочил из лаборатории, повернул кран и запустил струю воды внутрь лаборатории. Струя была несильная, на полу сразу получилась большая лужа, в которой крутился мусор. Это не удовлетворило питекантропа.

Он отвернул кран до отказа и, вцепившись лапами в непослушный конец шланга, направил толстую струю в грязное болото, которое раньше было лабораторией.

Струя ударила в мусор. Бумажки, тряпки, осколки, деревяшки отнесло к дальней стене. Шланг дергался в лапах Геракла, и не удивительно, что струя заодно смыла то, что стояло на столах,— колбы, приборы, склянки и пробирки. Хорошо еще, микроскоп устоял и шкафы не разбились.

Дверь лаборатории от напора воды распахнулась, и оттуда вырвалась могучая река, которая несла в себе массу вещей, сбила с ног Аркашу и закрутилась водоворотами вокруг ног жирафа Злодея.

До Геракла дошло, что он натворил. Он бросил шланг, быстро вскарабкался на манговое дерево, сорвал плод и начал его чистить, делая вид, что он ни при чем.

Пашка вернулся минут через пять, когда все уже успели всласть его изругать. В конце концов Наташа Белая даже пожалела его, потому что он расстроился больше всех.

Аркаша вернул ему книгу «Мифы Древней Греции» и сказал:

— Ты не дочитал до самого интересного и не знаешь, что наш питекантроп чистил лабораторию по древнему рецепту.

— Как так?— удивился Пашка.

— Настоящий, древний, Геракл отвел в авгиевы конюшни соседнюю реку.

— Совпадение полное,— сказала Машенька Белая.— За одним исключением: в авгиевых конюшнях не бывает микроскопов.

Г л а в а

2

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРАКЛА

Надо рассказать, откуда на биостанции питекантроп.

Алиса, Аркаша, Джавад и Пашка Гераскин были в Институте времени.

Они давно хотели туда попасть, но временные кабины расписаны между учеными на год вперед, а туристов

в прошлое непускают. Мало ли что может случиться?

К счастью, у Алисы Селезневой большие связи, в том числе в этом институте. Ей уже приходилось бывать в прошлом.

Однажды на биостанции раздался звонок, и на экране видеофона показался курчавый худой молодой человек по имени Ричард Темпест.

— Неожиданно освободилась большая кабина,— сказал он.— Я обо всем договорился. Так что одна нога там, другая — здесь.

Не прошло и получаса, как биологи уже были у дверей института, где их ждал Ричард.

— Значит,— сказал он.— Вы желаете поглядеть, когда и как обезьяна превратилась в человека?

— Правильно,— ответил Джавад.— Долг ученых — зафиксировать этот момент.

— Тогда скажите, пожалуйста,— попросил Ричард, проводя ребят внутрь громадного здания.— Какого числа, месяца или хотя бы года до нашей эры произошло это событие? Кстати, подскажите мне, в какой точке земного шара это случилось...

— Точно не скажу, но приблизительно...— задумался Джавад.

— Начнем с приблизительного.

— Примерно от миллиона до двух миллионов лет назад.

Алиса с Пашкой засмеялись, а Ричард очень серьезно записал эту цифру, вздохнул и сказал:

— Спасибо за информацию. А теперь сообщите мне место этого события.

— Где-то в Африке или в Южной Азии,— ответил Джавад.

— Очень точно,— сказал Ричард и записал.— Значит, сегодня мы отправляемся куда-то на юг, за миллион или за два миллиона лет до нашей эры. И если повезет, увидим, как обезьяна превратилась в человека.

Ричард шутил. Ученые давно интересовались этой проблемой и несколько раз летали в прошлое, искали древних людей. Конечно, никто не увидел, как обезьяна стала человеком, потому что такого момента и не было. Зато удалось найти стадо наших далеких предков — питекантропов на острове Ява.

Сначала Ричард показал биологам Институт времени.

Всего там три зала с кабинами для путешествий в прошлое. В будущее, как известно, попасть нельзя, потому что его еще нет. Сколько кабин, столько и отделов.

Первый — исторический. Временщики, которые там работают, пишут подробную, точную, иллюстрированную историю человечества.

Ребята попали в галерею, где висели объемные, цветные фотографии знаменитых людей прошлого. Там были портреты Гомера, Жанны д'Арк, молодого Леонардо да Винчи и старого Леонардо да Винчи, вождя гуннов Аттилы и даже Ильи Муромца, который оказался молодым голубоглазым усачом. Там же были тысячи картин, снятых в самые различные эпохи. Например, вид города Вавилона с птичьего полета, пылающий Рим, подожженный Нероном, и даже деревня, которая когда-то стояла на месте Москвы...

Пашка Гераскин, страдая от зависти, прошептал Алисе:

— Пожалуй, уйду из биологов в историки. Уж очень они интересно живут.

— А я никогда не изменю биологии,— ответил Джавад.— Историки только объясняют, что было, а мы, биологи, изменяем мир.

— Пустой спор,— заметил Ричард, открывая дверь в следующий зал.— Все мы изменяем мир, и историки в том числе. Наш мир существует не первый день и не последний. И когда мы узнаём новое о прошлом, этим мы изменяем не только прошлое, но и настоящее. Понятно?

Они остановились перед большим, в три метра, портретом: молодая, красивая женщина с курчавым мальчишкой на руках. Мальчишка был чем-то расстроен, вот-вот заревет.

— Это кто?— спросила Алиса.

— Уникальный снимок,— сказал Ричард.— Наши ребята за ним год охотились. Маленький Пушкин на руках у своей мамы.

— С ума сойти!— ахнул Пашка, входя в следующую комнату.

Здесь историки-временщики хранили свое оборудование: одежду, обувь, оружие, украшения. Рядами тянулись шкафы с кафтанами и мушкетерскими плащами, стояли строем ботфорты и римские сандалии, громоздились шляпы с перьями и зеленые чалмы в рубинах и бриллиантах. У стены выстроились рыцарские доспехи.

— Это все настоящее? — спросил Пашка.

Никто ему не ответил. И так ясно, что все здесь — оттуда. Когда временщик уходит в прошлое, он изучает язык и обычаи «своего» времени тщательнее, чем старинные шпионы. Потом специальная комиссия проверяет, готов ли он. Если нет, никто его не отпустит. Пашкины ноги приросли к полу — уйти отсюда было выше его сил. Пришлось Ричарду за руку увести Пашку из зала.

Следующий этаж института занимал исследовательский отдел. Здесь трудятся специалисты самых различных наук. Прошлое может дать ответ на задачи, которые не решишь сегодня. Геологи отправляются за миллиард лет назад, чтобы узнать, как передвигались земные материки и какой глубины были первобытные океаны, ботаники привозят из прошлого вымершие растения, чтобы использовать их в хозяйстве, астрономы собираются посмотреть собственными глазами на солнечное затмение, которое случилось три тысячи лет назад в Южной Индии...

А вот третий отдел института, куда ребят Ричард не повел, только рассказал о нем, показался Алисе самым интересным. Он назывался так: «Отдел исправления исторических ошибок и несправедливостей».

Вход туда для посторонних закрыт, потому что временщики занимаются в нем такими тонкими и рискованными операциями, что любая ошибка может дорого обойтись всей Земле.

— Например, — рассказал Ричард, — всем известно, что писатель Гоголь сжег второй том своего романа «Мертвые души». Но любой из нас может его прочесть.

— У меня дома есть, — сказал Пашка.

— Ничего удивительного. А было вот что: временщик из третьего отдела проник в прошлое, в тот день, когда Гоголь собрался сжечь свой роман, и в последний момент сумел незаметно подменить его стопкой чистой бумаги. Ход истории не был нарушен, зато мы, потомки Гоголя, увидели этот роман.

— Ну а еще что? — спросила Алиса.

— Еще? Знаете ли вы об Александрийской библиотеке?

— Я слышал, — сказал Аркаша. — Она была в Египте, в Александрии, и сгорела, когда туда пришел Юлий Цезарь.

— В этой громадной библиотеке погибло много тысяч

папирусов. И недавно наш институт решил эту библиотеку спасти. Три тысячи восемьсот рукописей нам удалось вытащить из горящего здания. Много раз временщики уходили туда, в огонь и дым, возвращались опаленные, полузадохшиеся, израненные, но тут же, сдав добычу, спешили обратно...

— А библиотека Ивана Грозного? — спросил Джавад. — Ее уже нашли?

— Обязательно найдут, — сказал Ричард. — Никуда она не денется. Ну ладно, нам пора самим отправляться в прошлое.

В зале исследовательского отдела пришлось несколько минут подождать. Кабина была еще занята, ждали, когда вернутся из прошлого физики, которые наблюдали падение Тунгусского метеорита.

Тем временем Ричард показал гостям опытный временной экран. Он горизонтально висит над столом. Все, что под него попадает начинает двигаться обратно во времени. Но не так, как в кабине, где человек может пролететь миллион лет и нисколько не измениться. Если положить под экран бабочку, через некоторое время она превратится в куколку, потом в гусеницу. Если положить тряпку, то она превратится в скатерть, которой когда-то была. А если положить листок бумаги со стертыми буквами, то вскоре можно будет увидеть что на ней было написано раньше. Этот прибор сделали по просьбе реставраторов старых картин и рукописей, но он, наверно, пригодится и в других местах.

Загудела сирена — возвращались физики.

Ребята бросились в зал, чтобы не пропустить этот момент.

Над кабиной загорелась надпись: «30 июня 1908 года».

Дверь кабины открылась, и из нее вышло два человека. Они были странно одеты — в ватники и высокие сапоги.

Один из операторов спросил:

— Ну что? Видели?

— Видели, — устало ответил один из пришедших, снимая фуражку и вытирая со лба пот. — Ядро кометы, как я и говорил.

— Об этом мы еще поспорим, — ответил второй, скидывая с плеч зеленый рюкзак и осторожно ставя его на пол. — Здесь все пленки, записи и образцы. Но сначала я мечтаю принять ванну и забыть о комарах.

Не успели физики уйти из зала, как к ребятам подбежала маленькая хрупкая женщина.

— Скорей,— сказала она.— А то астрономы нас выгонят. Они кабину со вчерашнего утра ждут. Ричард, веди их в дезинфекционную камеру. Дай им маски, и чтобы через пять минут были здесь. Я пока наберу код. Ява, миллион — двенадцать по Кривой Петрова, правильно?

За несколько минут ребят очистили от всех микробов — нельзя же в прошлое привезти какой-нибудь микроскопический подарок из двадцать первого века,— выдали им защитные маски с фильтрами, и не успели они опомниться, как оказались в кабине, которая тут же загудела, замигала лампочками, готовясь к прыжку длиной в миллион лет.

Сам перелет на первобытную Яву занял мгновение. Но чувство было неприятное, особенно если путешествуешь в первый раз. Как будто проваливаешься в бесконечную пропасть и тебя крутит так, что непонятно, где верх, где низ...

Кабина стояла на вершине невысокого, поросшего травой и мелким кустарником холма над извилистой речкой.

Ричард распахнул дверь, и ребята высыпались из кабины как горох. В лицо им пахнуло жарким, влажным, душистым воздухом.

— Никуда без моего разрешения не отходить! — приказал Ричард.— Это опасно.

Из-за маски его голос звучал глухо.

— А что,— сказал Пашка.— Здесь неплохо. Можно и остаться.

Большая муха подлетела к Пашке и попыталась на него усесться.

— Не приставай,— сказал ей Пашка.— Может ты кусачая.

— И наверняка ядовитая! — заметила Алиса.

Пашка отступил на шаг. Муха — за ним. Пашка отошел на несколько шагов, муха не отставала. Пашка отпрыгнул... но тут Ричард сказал:

— Тише. А то больше не буду брать детей. Поверили вам, что вы — настоящие ученые...

— Смотрите,— сказал Джавад.— У реки...

И тут они увидели питекантропов.

Предки человека оказались обезьянами, похожими на шимпанзе, ростом с десятилетнего ребенка. С холма было видно, как некоторые из них переходили с места на место на задних лапах, не касаясь земли руками, а один крупный питекантроп, наверно вожак, держал в лапе толстую палку.

Одно дело — видеть фильм или читать об этом в книге, другое — глядеть на стоянку своих собственных предков, и не только видеть их, но и ощущать эту жару, влажный ветерок, слышать, как шуршат листья и ухают питекантропы.

— Гляди, — прошептал Джавад, — ребенок.

Один из питекантропов, поменьше других, повернул голову в их сторону, приложил лапу к глазам, чтобы не мешало солнце, и старался рассмотреть, кто там пожаловал в гости. Его мамаша дала подростку подзатыльник, и он заревел.

— Можно подойти поближе? — спросила Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Ричард. — Мы искали это стадо почти два года. А если оно сменит стоянку, придется снова его разыскивать. Смотрите!

Из-за деревьев внезапно выскоцил громадныйолосатый тигр с клыками такой величины, что они казались саблями. Тигр на секунду прижался к земле и прыгнул.

С визгом питекантропы бросились врассыпную. Лишь вожак стада попытался прикрыть собой остальных, подняв палку.

Тигр промахнулся — вожак успел отпрыгнуть и взлететь на дерево. Хищник оглядывался, выискивая следующую жертву.

Ею оказался питекантроп-подросток, который не догадался влезть на дерево, а побежал по открытому склону холма. Тигр кинулся вслед.

— В кабину! — крикнул Ричард, хватая за руку Алису, которая стояла к нему ближе всех.

Алиса не успела сообразить, как оказалась в кабине. Джавад с Аркашей втиснулись за ней.

— Пашка! — кричал Ричард. — Не сходи с ума!

Сквозь прозрачную стенку кабины было видно, что Пашка бежит навстречу визжащему питекантропу, а к нему приближается прыжками саблезубый тигр.

Пашка успел подхватить беглеца в тот момент, когда тигр уже готов был сомкнуть клыки, а спас их Ричард,

выхвативший пистолет и всадивший сноторную пулью в морду тигра.

Тигр грохнулся на землю, лапы кверху, и захрапел.

Пашка в обнимку с питекантропом втиснулся в кабину, Ричард — вслед за ними.

И тут Ричард сообразил, что пассажиров прибавилось.

— Ты с ума сошел, — возмутился он. — Сейчас же выпусти животное.

Но животное, видно, поняло, что ему грозит, и так вцепилось в Пашку, что оторвать его было невозможно. Притом питекантроп верещал, словно Ричард хотел его зарезать.

Дверь кабину медленно закрывалась.

— Да ты понимаешь, что с лишним грузом мы можем вообще домой не попасть? — Ричард старался оторвать питекантропа от Пашки.

— Поздно, — сказал Аркаша.

И был прав, потому что свет в кабине померк и снова началось стремительное падение. Кабина неслась сквозь время...

Дверь открылась. Они были в знакомой лаборатории. Маленькая женщина, которая руководила полетом, возмущенно сказала:

— Это совершенно недопустимо. Вы столько набрали трофеев, что получилась страшная перегрузка. Не представляю, как вообще удалось вас вытащить... Ах!

Из кабину выскочил перепуганный питекантроп, который тут же забрался на стол, ощетинился, оскалил зубы, показывая, что легко врагам не сдастся.

— Ого, — сказал кто-то из операторов. — Ну и влетит тебе, Ричард, от директора. Нельзя же брать из прошлого живых существ. Разве забыл?

— Если бы мы его не взяли, — сказал Ричард, — его бы сожрал тигр... Но что с ним делать? Отправить обратно? А стадо уже убежало..

Тут из кабину вышел Пашка, юный питекантроп звзизгнул, бросился к нему и обнял, как потерянного брата. И разлучить Пашку с питекантропом не удалось.

Так на биологической станции на Гоголевском бульваре появился новый обитатель, которого окрестили Гераклом и стали ждать, когда он превратится в человека.

А Геракл не спешит. Его устраивает доля питекантропа.

Глава 3

ВТОРОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Плюбуйся, — мрачно сказал Аркаша Сапожков, увидев Алису. — Что делать — ума не приложу.

Еще вчера на опытном поле колосилась грядка полосатых апеляблок с планеты Пенелопа. Апеляблоки, когда поспеют, ничем не будут отличаться от настоящих яблок — ни вкусом, ни формой, только размером они с горошину и растут в колосьях.

Еще вчера все любовались колосящимися апеляблоками, а за ночь из земли вылезли пенелопские сорняки — колючие, вьющиеся кусты, которые полностью заглушили делянку, — с трудом можно было разглядеть в их тени поникшие колосья.

— Вырви их с корнем, — сказал подошедший Пашка Гераскин. — Хочешь, помогу?

— Не получится, — вздохнул Аркаша. — Смотри.

Он изо всей силы потянул за плеть горбато-рогатого сорняка. С минуту сорняк сопротивлялся, а потом с треском подался, выворотив крепкими, длинными корнями квадратный метр земли.

— Жалко, — сказал Пашка. — Не успели созреть твои яблочки.

Сорняки давно донимали Аркашу. Как ни отбирай семена инопланетных растений, всегда проберется на грядку сорняк.

Вот и сейчас за одну ночь сорняки загубили месяц труда.

— Нет, я не сдамся, — сказал Аркаша, расправляя узкие плечи и поднимая, как кнут, вырванный с корнем сорняк. — Я до вас доберусь!

И в тот же день, после обеда, он отправился к Ричарду Темпесту в Институт времени.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Конечно, помню. Это вы осенью питекантропа привезли, а у меня из-за вас состоялся неприятный разговор с директором. Что же тебе нужно? Хочешь отправить питекантропа обратно?

— Пускай живет! У него есть и положительные качества. Нет, мне нужен на несколько дней ваш временной экран.

— Экран, под которым время идет назад?

— Я его не сломаю.

— Вряд ли это возможно,— сказал Ричард.— Понимаешь, экран — не игрушка.

— А я и не собираюсь играть в игрушки. Меня измучили сорняки. Помогите избавиться.

— Но при чем здесь экран?

— У меня есть конструктивная идея.

— Я могу пойти с тобой к директору института, но на сто процентов уверен, что он не разрешит.

— И все-таки попробуем,— сурово сказал Аркаша.— Я умею убеждать директоров.

И он был прав.

На следующий день техники из Института времени установили на опытной делянке Аркаши Сапожкова временной экран.

Бурные заросли горбато-рогатых колючек заполнили всю грядку и поднимались метра на два. От апеляблок и следа не осталось.

— Ну, расскажи теперь, как ты будешь бороться со своими сорняками?— попросила Машенька Белая, разглядывая странный прибор,— над грядкой с апеляблоками был натянут белый блестящий экран, от которого к пульту управления, стоящему метрах в двадцати, в тени мангового дерева, тянулись провода и трубки.

— Очень просто,— ответил Аркаша.— Я все продумал. Можно включать!

Техник включил экран.

— Сорняки появились недавно, всего два дня назад. К тому времени апеляблоки уже начали колоситься. Значит,— сказал Аркаша,— мы должны отступить на два дня назад, когда сорняки лишь появятся из-под земли. Вот мы их и выполем. Просто, как все гениальное.

Аркаша обернулся к технику и спросил его:

— Когда время под экраном уйдет на два дня назад?

— Минут через пятнадцать,— сказал техник.— Гляди, чтобы никто туда не залез.

Техник был молодой, очень серьезный. Он опасался, что ребята его недостаточно уважают.

— Не беспокойтесь,— ответил Пашка Гераскин.— За пятнадцать минут ничего не случится.

Он ошибся. Пятнадцать минут — не такой уж маленький срок.

Машенька Белая отлучилась к бассейну с дельфинами, Джавад пошел поглядеть, почему поссорились жираф с кроликами. Алиса вспомнила, что забыла закрыть клетку с птицей-прокудинкой, у делянки остались только Аркаша с Пашкой.

И надо же было так случиться, что именно тогда питону Архимеду надоело лежать на ветвях мангового дерева и он пополз по толстому суку, нависавшему над пультом управления, поглядеть, чем занимается под деревом чужой человек.

Техника забыли предупредить, что на дереве живет семиметровый питон Архимед. Можно представить его удивление, когда он услышал шипение и увидел в пяти сантиметрах от своего носа немигающие глаза громадной змеи. Он подскочил на метр, чуть не сломал пульт, опрокинул стул, потерял равновесие, рухнул в бассейн и исчез под водой.

Смущенный Архимед перепугался и пополз обратно, на вершину дерева, дельфины дружно нырнули, потому что они обожают спасать утопающих, а их на биостанции не бывает, Пашка с Аркашой тоже кинулись к бассейну.

Падая, техник задел пульт управления, и экран заработал на полную мощность. Сорняки быстро съежились, и уже можно было разглядеть полегшие колоски апельяблок. Первым увидел их петух, которого подарила биостанции одна бабушка, купившая себе цыпленка, чтобы не скучать. Когда цыпленок подрос, он обнаглел, будил криком на рассвете весь дом, заклевал до полусмерти соседского кота и на бабушку — ноль внимания. Бабушкино терпение лопнуло, и петух оказался на биостанции. С тех пор вот уже два месяца он бродил по станции и всех задирал.

Колоски заинтересовали петуха. Он вышел на делянку и принялся их клевать. Экран пожирал время со скоростью два месяца в минуту. Через минуту гребень петуха съежился, и роскошный рыжий хвост сократился вдвое. Еще минута — петух превратился в цыпленка и очень удивился, увидев, что стоит на пустой грядке. Пока своим умишком он сообразил, что же делать дальше, то совсем уменьшился и превратился в белое яйцо.

Это яйцо и попалось на глаза питекантропу Гераклу.

Яйца он обожал, хотя их ему давали редко, чтобы не страдал неправильным обменом веществ.

Одним прыжком Геракл прыгнул под экран, уселся на землю, схватил яйцо и попытался его прокусить. Но к его величайшему изумлению, яйцо уменьшалось у него в лапах. Геракл склонил голову, пытаясь понять, что это значит, а потом решил, что лучше проглотить яйцо, пока оно совсем не пропало. Он разинул пасть, закинул туда яйцо, но оно исчезло прежде, чем он успел ощутить его языком. Геракл оскорбился в своих лучших чувствах и обиженно заревел.

Алиса не спеша возвращалась к экрану. Она обратила внимание на то, что техник, весь мокрый, сидит на краю бассейна, а вокруг суетятся остальные, и удивилась, чего это он решил купаться в одежде? И тут же она увидела, что под экраном сидит Геракл.

— Ко мне, Геракл! — закричала она, кидаясь к грядке.

Геракл не обращал на нее внимания. Он смотрел на свою ладонь, с которой уже исчезли мозоли, — она погрозовела и стала чуть ли не вдвое меньше.

Алиса сообразила, что Геракл помолодел. Нельзя терять ни секунды.

Она бросилась под экран, подхватила на руки визжащего детеныша и через несколько секунд отчаянной борьбы выволокла его наружу.

Тут уж мокрый техник подбежал к пульте. Он поглядел на счетчик времени, ахнул и выключил экран.

Но дело было сделано.

Во-первых, все посадки Аркаши пропали начисто — и сорняки и апеляблоки. Во-вторых, исчез петух. В-третьих, Геракл помолодел чуть ли не на полгода. А в-четвертых, помолодела и сама Алиса. Насколько, сказать трудно.

Техник, виновато собирая аппаратуру и время от времени грозя кулаком спящему питону, сказал, что Алиса пробыла под экраном секунд пятнадцать, не больше. То есть помолодела недели на две. Можно и не обращать внимания на такую безделицу.

Алиса, конечно, не стала спорить, но с тех пор решила справлять день рождения два раза в году, с промежутком в две недели. Второй день рождения справляют только на биостанции — это биологическая тайна.

Глава 4

ПОЖАЛЕЙТЕ МАСЛЯТ

Разумеется, все на станции любят животных — иначе какой из тебя натуралист? Но Аркаша убежден, что растения никак не глупее животных.

Аркаша подружился с психологом Плюфдекером, и тот подарил ему невероятно чувствительную смородину, которая съеживалась, если близко проходил хулиган Геракл, и краснела, когда у нее опадали листья, потому что полагала, что стоять голой — не совсем прилично. Плюфдекер дал Аркаше порошок-стимулятор. Если им осыпать даже бесчувственное растение — например, кактус, — тот сразу начнет переживать, а уж какая-нибудь нежная мимоза только что разговаривать не сможет.

Вечером, когда все уже собирались домой, разгорелся жаркий спор.

Наташа Белая уговорила Пашку с Алисой идти на рассвете за грибами, а Аркаша, как услышал, встал на дыбы.

— Это бесчеловечно, — вещал он, размахивая тонкими руками. — Это недостойно гордого звания человека.

— Ты не прав, Аркадий, — возмутилась Алиса. — Человечество не стало бы разумным, если бы не собирало грибов в первобытные времена, пока не изобрело луков и стрел. Ты погляди на Геракла — он великий мастер-собиратель.

— Что простительно питекантропу, — не сдавался Аркаша, — то позорно для человека. Мы должны исправлять ошибки предков, а не усугублять их. Сколько мы тратим усилий, чтобы восстановить леса и очистить реки! Сколько вымерло птиц и зверей, сколько растений мы погубили, а теперь выводим их снова или привозим из прошлого!

Надо сказать, что никого Аркаша не переубедил. В науке всегда найдется кто-нибудь с крайними взглядами, а надо искать золотую середину.

Золотая середина заключалась в том, что Наташа нашла в сосновом бору в дальнем конце бульвара, в местах укромных и почти не хоженных, целое поле новорожденных маслят — к утру они должны подрасти. Идти по

грибы надо на рассвете, потому что кто-нибудь из грибников по соседству тоже мог выследить это «месторождение».

— Значит, завтра в шесть встречаемся у входа на бульвар, — сказал Пашка.

— Вы меня не хотите выслушать? — возмутился Аркаша.

— Мы тебя вежливо выслушали, — сказала Наташа и рассмеялась. — И в тот день, когда ты перестанешь есть хлеб, сделанный из чувствительной пшеницы, и пожирать помидоры и ананасы, мы бросим собирать грибы.

Ребята ушли, а Аркаша сказал, что задержится — записать дневные наблюдения.

Дождавшись, пока остальные ушли, Аркаша бросился в лабораторию, достал из шкафа пакет с порошком-стимулятором, подхватил распылитель и побежал по бульвару к сосновой роще.

Его путь лежал по кокосовой аллее, мимо альпийского луга, где между камней дремали куропатки, мимо озера с черными лебедями и фламинго, бамбуковых зарослей, эвкалиптовой рощи, где медленно ворочались, укладываясь спать, медведи-коала, через прозрачную на закате березовую рощу, туда, где за темным ельником начиналась чаща сосновых посадок.

Он еле успел — уже начало темнеть и внутри, под ветвями, все было укрыто сиреневой тенью. Но все же он разглядел коричневые пуговки маслят.

— Ах вы, мои бедные, — прошептал он, садясь на корточки, чтобы получше разглядеть грибы. — Я вас спасу.

Грибы молчали.

На следующее утро, в шесть, у входа на бульвар встретились три охотника за грибами, с корзинками в руках.

Легкий туман окутывал Гоголевский бульвар, вдали за деревьями виднелись вершины небоскребов. На траве лежала роса.

— Плохо дело, — сказал Пашка. — В тумане мы ничего не увидим.

— Пока дойдем, рассеется, — возразила Алиса.

— Я вас сейчас догоню, — сказал Пашка.

— Ты куда?

— Геракла возьму. Я ему обещал. Он еще никогда грибов не собирал. Первое лето в двадцать первом веке.

— Может, обойдемся без него? — не очень решительно возразила Наташа. — Он еще напортит чего-нибудь.

Но Пашка не слушал — он уже мчался к биостанции.

Они с Гераклом догнали девчат в ельнике. Приближение друзей было слышно издали — они топали, словно изображали взбешенного слона. Увидев Алису с Наташой, Геракл обрадовался — скучно ему ночью одному в домике; бросился целоваться, его отогнали.

— Погодите, отдохнусь, — сказал Пашка. — Он меня загонял. Видно, за последний миллион лет мы потеряли спортивную форму.

От шума проснулся на озере белый журавль, поднялся в небо. И словно по сигналу, из глубины ельника вылетели комары и яростно набросились на Пашку.

— Удивительно, — сказал Пашка. — Чего мы только не изобрели, а с комарами так и не справились. Откуда, скажите на милость, взяться комару в центре Москвы?

— Вот смешной, — сказала Наташа. — Ведь из этого леса до ближайшей улицы минут пятнадцать идти. Москва — на пятьдесят процентов лес.

Это Пашку не утешило. Не утешило и Геракла, которому тоже досталось от комаров. Он скалился и прыгал, но ни одного из злодеев не настиг.

— Займусь комарами, — сказал Пашка. — Обязательно займусь.

— И как ты будешь с ними бороться? — спросила Наташа.

— Не беспокойся. Я еще оставлю след в биологии.

Скромностью, как известно, Пашка не отличался.

— Пора, — сказала Алиса. — Вы забыли, зачем сюда пришли?

Туман уже почти рассеялся, в сосновке было тихо, лишь щебетали птицы. Земля была густо покрыта иглами.

— Где твои маслята, Наташа? — спросила Алиса.

— Сейчас увидишь.

Они прошли дальше. Ни одного масленка. Лишь большой оранжевый мухомор стоит как семафор.

Геракл ухнул от радости при виде такого красивого гриба и протянул лапу, чтобы его сорвать.

— Не смей! — сказал Пашка. — Это ядовитый гриб. Ты умрешь, если откусишь от него хотя бы кусочек.

Геракл понял, отпрыгнул назад и погрозил мухомору кулаком.

Наташа села на корточки, разгребла ладонью иглы и увидела небольшой масленок.

— Первый,— сказала она.— Теперь пойдут тысячами. Она срезала гриб и бросила его в корзинку.

Но больше не нашлось ни одного гриба. Впустую ребята разбрасывали иглы и сучья — ничего.

Впереди начиналась густая чаща — не прoberешься.

Пашка вынул масленок из Наташиной корзинки и показал Гераклу.

— Такие увидишь — зови меня.

Питекантроп понюхал гриб, скорчил страшную рожу и бросился в чащу. Ребята за ним.

Но тут же пришлось остановиться — словно кто-то заставил деревья сплестись ветвями, чтобы не пропустить их дальше.

— Ой, девочки! — воскликнула Наташа.— Вы только посмотрите!

За сплетением ветвей, на небольшой полянке, окруженной стеной сосенок и елей, стояли тысячи грибов. Большой частью маслята, несколько боровиков и сыроежек.

Это скопление грибов словно почетным караулом было окружено цепочкой оранжевых мухоморов и бледных поганок.

— Ничего страшного,— сказал Пашка. Он отдал свою корзинку Гераклу и сказал:

— Пробивайся туда, нарви маслят.

— Угу,— согласился Геракл.

— Мне это не нравится,— сказала Алиса.— Почему вчера грибы росли обыкновенно, а сегодня собрались на недоступной полянке?

Геракл с трудом протиснулся сквозь сучья и приблизился к грибам. Ребята, отмахиваясь от комаров, следили за ним.

При виде Геракла самые сильные и крепкие мухоморы начали раскачивать шляпками и поскрипывать.

— Иди, Геракл, это ветер,— успокоил питекантропа Пашка.

Но стоило Гераклу сделать еще один шаг, мухоморы сдвинулись с места и образовали между ним и маслятами прочный заслон.

Увидев, как грибы движутся ему навстречу, Геракл не выдержал. Он бросил корзинку и метнулся обратно.

Оставляя клочья шерсти на колючих ветках, он протиснулся к ребятам, обнял Пашку за колени и завыл, жалуясь на страшные переживания.

— Ну вот,— расстроился Пашка,— а как же корзинку достать?

— Забудь о корзинке,— сказала Алиса.— Мы должны сейчас же вернуться на станцию.

— Эге,— догадался Пашка,— ты думаешь, это шутки Аркаши?

— А ты видел, чтобы мухоморы защищали маслят?

— Если я сейчас не сплю,— сказал Пашка,— то вижу это впервые в жизни.

— Ах, он их своим стимулятором опрыснул!— воскликнула Наташа.— Тогда пускай сам добывает корзинку.

Аркашку они встретили у входа на биостанцию. Видно, не выдержал, встал пораньше.

Первым делом он заглянул в корзинки. Увидев, что они пустые, он сказал как ни в чем не бывало:

— Плохие вы следопыты. Не вам за грибами ходить.

— А ну-ка,— сказала мрачно Алиса.— Повтори закон для юных биологов, который ты обязался выполнять, когда пришел на станцию!

— Какой закон?

— Забыл?

— Помню, но почему я должен его повторять?

— Повтори,— сказал Пашка.

— Каждый юный биолог имеет право ставить любые научные опыты, которые считает полезными, нужными или интересными...

— Дальше...

— Дальше?.. Но он не должен проводить опытов, которые могут повредить или помешать другим людям.

— Еще дальше!

— Тот, кто нарушит это правило, будет с позором изгнан со станции.

— Все ясно?— спросила Алиса, протягивая Аркашке пустую корзинку.— Ты можешь получить прощение, если принесешь полную корзинку грибов.

— И мою тоже,— сказала Наташа.

— А третью, Пашкину, найдешь на поляне.

— Но я не проводил опытов! Я только защищал грибы от таких варваров, как вы.

— А когда принесешь три корзины грибов, мы их поджарим и тебя угощать не будем.

— Это жестоко!

Но ребята прошли на станцию. За ними — Геракл. Через час Аркаша принес три пустые корзины.

У него не поднялась рука рвать грибы.

К тому времени Пашка был по горло занят проблемой, как избавиться от комаров, Алиса с Наташой — своими делами.

Грибов они набрали на следующее утро, когда действие стимулятора прекратилось.

Глава

5

КУДА УЛЕТАЮТ КОМГУСИ?

Павел Гераскин решил известить комаров.

В то лето комаров развелось множество — им нравилось развеситься над ручьями и полянами Гоголевского бульвара, вечерами накидываться на влюбленных или биологов.

Будучи человеком гордым и уверенным в своих способностях, Пашка не скрывал, подобно некоторым гениям, своих намерений.

Еще до начала опытов он бродил по станции и рассуждал вслух, обращаясь к своему верному спутнику питекантропу Гераклу:

— Какой мы изберем путь? Будем травить комаров ядами? Это уже пробовали, а комарам хоть бы что!

Геракл кивал и жевал бублик, который тайком сорвал с бараночного дерева, выведенного Аркашей.

— Есть и биологические методы — подманивают, например, самцов, подражая самкам, — без самцов нет у комаров дружной семьи, и они должны бы вымирать, а не вымирают.

Геракл бросил бублик, надеясь попасть на рог жирафу Злодею — добрейшему, скучному существу.

— Значит, надо найти путь, которым никто еще не шел, а мы с тобой пойдем. Но какой путь? Какой, я спрашиваю?

Геракл развел руками, как бы говоря: если такой

биологический гений, как Пашка Гераскин, не может избавиться от комаров, я пасую!

Решение пришло неожиданно — словно яблоко упало.

Пашка задумчиво стоял у Аркашиной делянки, смотрел, как скворцы деловито выклевывают с грядки червяков.

— Труженики, — сказал он о скворцах.

— Эй, — ответил с горечью Аркаша, — бурей вчера два скворечника свалило. Только они устроили себе дом и уют, придется снова квартиру искать.

— Да, — согласился Пашка, — летиши через полмира, а тебя даже не могут обеспечить...

— Ты чего? — спросил Аркаша.

— Я понял, — ответил Пашка медленно. — Я решил, что делать с комарами.

— Только учти, — предупредил Аркаша. — Если ты собираешься их уничтожать, я — категорически против. Это жестоко, к тому же может нарушить экологический баланс.

— Спасибо за подсказку, — сказал Пашка. — Но я придумал гуманное решение. Я выведу перелетных комаров.

— Не понял.

— Сейчас поймешь! Чем плох комар — зимой он спит или вообще еще не родился. А летом нападает на людей и животных... А нужно сделать так, чтобы он на лето куда-нибудь улетал.

— А как ты намерен это сделать?

— Это уже пустяки. Главное, внедрить в него перелетный инстинкт. Как потеплеет, будет он улетать в Арктику или Антарктику, сосать кровь у рыб и тюленей. А человечество будет спасено.

— Но там тоже люди — зимовщики, ученые...

— Что легче — защитить от комаров несколько тысяч полярников или сотни миллионов людей умеренных широт, включая детей и стариков?

Пашка не стал слушать возражений, а побежал в лабораторию.

Там он застал толстяка Джавада, который читал ветеринарный справочник, — второй день у жирафа Злодея болело ухо.

— Джавад, будь другом, — попросил его Пашка. —

Скажи мне, какие птицы улетают на лето в полярные края?

— Ну, гуси, например. Потом...

У Пашки есть отвратительная манера не дослушивать собеседника, если он уже узнал, что требовалось. Догадайся Джавад, к чему приведут его слова, он бы тысячу раз подумал, прежде чем сказать про гусей. Ведь есть и маленькие птицы, которые летают в полярные страны. Но он сказал «гуси» и снова углубился в справочник.

На следующее утро Пашка исчез: помчался в Институт генного конструирования, чтобы достать там гены серых гусей. Комаров в его распоряжении было больше чем достаточно. Так что с обеда закипела работа.

— Что-то Пашка не вылезает из лаборатории,— сказала Машенька Белая через несколько дней.

— Комаров хочет загубить,— ответила Алиса.

Они кормили дельфинов, а те прыгали так, что казалось — весь бассейн выплеснут.

— А почему он молчит? Ты представляешь, чтобы Пашка в нормальном состоянии молчал?

— Это подозрительно. Давай развеем тайну.

— Как?

— Пойдем к нему. Ему самому не терпится похвастаться.

Алиса с Машенькой заглянули в лабораторию. Пашка сидел у электронного микроскопа и даже не заметил, как они вошли. На столе стоял какой-то ящик, накрытый черной тканью.

— Пашка, пойдем в волейбол поиграем,— сказала невинно Алиса.

— Отстань,— отмахнулся Пашка.— Я занят.

— Пашка, Геракл по тебе скучает,— сказала Машенька.

— Потерпит,— сказал Пашка.

— Слушай, что случилось? Ты на себя не похож.

Пашка молчал.

— Скажи хоть, чем занимаешься?— спросила Машенька.

— Сделаю — увидите.

— Не похоже на тебя,— сказала Алиса.— И вообще не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас делал тайну из своей работы.

— А я вот делаю,— сказал Пашка.— Потому что вы

играете в детские игры, а я создаю переворот в биологии.

— Значит, не скажешь?

— Потом, потом...

Девчата вышли из лаборатории расстроенные. Мимо как раз проходил Аркаша.

— Слушай, Аркаша,— спросила Алиса,— ты не знаешь случайно, чем так увлечен Пашка Гераскин?

— Знаю,— сказал Аркаша.— Он выводит перелетного комара.

— Зачем?

— Чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей. Он их с чем-то скрещивает.

— Что-то я беспокоюсь,— сказала Алиса и побежала к Джаваду, который менял компресс на ухе жирафу Злодею. Жираф стоял перед ним, как старинный железно-дорожный шлагбаум, вытянув шею вперед.

— Джавад,— сказала Алиса,— ты не знаешь случайно, с кем Пашка собирается скрещивать комаров?

— А он их скрещивает?

— Чтобы они стали перелетными и улетали на лето в полярные страны.

— Что-о-!

Джавад даже подскочил, а жираф от неожиданности клюкнулся носом в песок.

— Что тебя испугало?

— Испугало! Да я в ужасе! Он же меня как-то спрашивал, какие птицы улетают на лето в полярные страны.

— И ты что сказал?

Я сказал — «гуси».

И наступило молчание.

— Надо его немедленно остановить. Он не представляет, чем это кончится,— тихо сказала Машенька.

Но договорить она не успела, потому что из лаборатории донесся торжествующий вопль Пашки:

— Вышелся! Вышелся! Есть первый перелетный комар!

Ребята подбежали к окну лаборатории и заглянули внутрь. Черная ткань, оказывается, скрывала стеклянный колпак, под которым поблескивало что-то большое и довольно страшное. Пашка стоял у колпака с черной тряпкой в руке. Увидев зрителей, он произнес:

— Вот он, перелетный комар! Никто раньше не дога-

дывался скрестить комара с перелетной птицей. Лишь начинающий, но талантливый генний конструктор Павел Гераскин решил эту задачу и вывел комгуся.

Пашка гордо смотрел на зрителей, а тем временем его творение поднялось на шесть тонких ног, кончающихся перепончатыми лапами. Серые перья комгуся кое-как прикрывали его блестящий хитиновый панцирь, прозрачные крылья были покрыты гусиным пухом, а вместо клюва из его гусиной головы высовывалось жало длиной в полметра.

Комгусь поднаторжился, привалился к стенке колпака, и колпак рухнул на пол, Пашка отскочил в сторону, а грозный гибрид расправил крылья и сердито оглянулся, разыскивая подходящую жертву.

Жертвы стояли совсем близко — у окна. Они сразу догадались, что им грозит, поэтому бросились в разные стороны.

Комгусь вылетел в окно, набрал высоту и сделал круг над поляной.

— Его нельзя выпускать! — крикнула Алиса. — Он кого-нибудь в городе до смерти искусает!

— Я сеть принесу! — крикнул Джавад и побежал на склад.

Звери метались в клетках — к счастью, сквозь прутья комару было не пролезть, питон спрятался в листве мангового дерева, жираф, как страус, сунул голову в песок, надеясь, что гибрид примет его за архитектурное украшение, а тут еще, в довершение суматохи, из лаборатории вылетел Пашка и закричал:

— Не смейте его трогать! Это единственный экземпляр!

Джавад носился с сетью по площадке подобно римскому гладиатору, но комгусь, хоть и новорожденный, понял, что к чему, и на Джавада не обращал внимания.

Все забыли о Геракле, который дремал под деревом. От шума питекантроп проснулся, но ему лень было двигаться с места. Как мудрый старец, он лежал в тени и снисходительно наблюдал за беготней.

Может быть, в его времена встречались комары и покрупнее этого гибрида.

Комар погнался за Алисой, но ее спасли дельфины. Они захрюкали, зовя ее в бассейн, и Алиса прыгнула в

воду. Комар взмыл вверх, а через минуту загнал в бассейн Машеньку. Потом уже по доброй воле туда си-ганули Аркаша с Пашкой, который не переставал требовать, чтобы гибрида оставили в покое.

На поляне оставались лишь Джавад с сетью и Геракл. За неимением других жертв комгусь заинтересовался Гераклом. Питекантроп сообразил, что шутки с этим злодеем плохи, вскочил на ноги и, когда комар был совсем близко, подпрыгнул и схватился за сук, надеясь скрыться в листве. Но сук с треском обломился, и Геракл свалился на землю.

— Скорей к нам! В бассейн! — закричала Алиса.

Но Геракл не выносил воды.

Он увернулся от комара и, когда тот снова пошел в атаку, встал на его пути, подняв палку.

С удивительным для питекантропа хладнокровием Геракл выждал момент, когда комар был совсем близко, и со всего размаха треснул его палкой по голове.

Комар хрустнул и упал в траву.

Геракл оперся на свою дубинку и ждал, пока биологи вылезут из бассейна.

— Вот так обезьяны превращаются в людей, — сказала серьезно Машенька, глядя на Геракла.

— Их к этому принуждают обстоятельства, — добавил Джавад.

Лишь Пашка был настолько расстроен, что не нашел для Геракла добрых слов.

— Дураки, — сказал он. — Неужели нельзя было подождать, пока он сам улетит в полярные страны?

Глава

6

ДЖИНН В КОРАБЛЕ

С утра Стас улетел в пузыре к маленькой бухте за скалами Зевса, Пашка Гераскин, конечно, с ним. На прощанье Стас строго-настрого приказал Машеньке с Наташей не купаться и вообще к воде близко не подходить: у них разыгрался страшный насморк, а, как известно, к концу двадцати первого века человечество справится со всеми болезнями за исключением насморка.

Позавтракав, Алиса вышла на берег и позвала дельфинов — Гришку с Медеей. Дельфины отозвались сразу, соскучились за ночь.

Они кувыркались, щелкали, щебетали, звали Алису скорей нырять в воду.

Утро было прохладным, свежим, но солнце уже начало припекать — и через час-два на берегу станет жарко. А вода здесь теплая, как парное молоко, днем и ночью одинаковая.

— Доброе утро,— сказала Алиса дельфинам.— Спываем в бухту Калиакрис?

Алиса опустила на глаза очки и, разбежавшись, врезалась в упругую чистую воду, подняв сноп сверкающих брызг. Издалека с берега донесся Наташкин крик:

— К обеду возвращайся!

...Есть у биологов друг Стас, конструктор и подводный археолог. Многие считают, что, займись он чем-нибудь одним, стал бы великим человеком.

— Великим — да,— соглашается Стас.— Но счастливым — никогда. И еще не доказано, что лучше.

Например, если в конструкторском бюро назревает открытие или близится к концу важная работа, оказывается, что в Средиземном море нашли очередную Атлантиду. С этой минуты Стас работает кое-как, мечтая лишь об одном — скорей нырнуть в Средиземное море и не вылезать, пока не вытащит Атлантиду наружу.

Но не успеет он вытянуть свою Атлантиду, как получает письмо от друзей-конструкторов — родилась потрясающая идея! И Атлантида тут же теряет половину своей привлекательности — теперь уж Стас рвется обратно.

Уже вторую неделю биологи и дельфины жили в гостях у подводных археологов на острове Пробос в Средиземном море. Стас взял их в экспедицию — поднимать со дна моря флот тирана Диостура, который пропал без вести две с половиной тысячи лет назад. Отправился завоевывать Афины и пропал. Древние историки рассказывали, что боги были недовольны поведением тирана. Зевс кинул в него звездой, поднявшись отчаянная буря, флот разметало по волнам и разбило о скалы.

Многие думали, что флота никогда не существовало, а вся эта история — легенда. И вот весной геологи, об-

следуя окрестности острова Пробос, натолкнулись на разбросанные в бухте остатки деревянных кораблей. И при первом же погружении нашли под грудой обломков глиняных амфор золотую корону с древнегреческой надписью: «Диостур».

Вскоре из разных стран туда слетелись подводные археологи, чтобы исследовать погибший флот и поднять на поверхность все интересное. Стас, без которого ни одна подводная экспедиция не обходилась, взял на остров юных биологов и их друзей — дельфинов...

Некоторое время Алиса ехала верхом на Гришке, затем скользнула в воду и поплыла с дельфинами наперегонки. Хоть Алиса и неплохой пловец, еще не было человека, который обогнал бы дельфина. Так что дельфины плыли не спеша.

Вот и три скалы, торчащие из моря, словно зубы утонувшего дракона. За ними — глубокая уединенная бухта Калиакрис. Она еще не обследована археологами, и Алиса обещала Стасу побывать там и поглядеть, нет ли там отбившейся от флота галеры.

Бухта казалась зловещей: обрывистые берега замыкали ее с трех сторон, бурунчики и белые пятна пены показывали, что к самой поверхности подходят зубцы скал. В бухте были предательские водовороты, но Стас за Алису не боялся — он знал, что, когда рядом дельфины, ничего не случится. И Алиса это знала, к тому же она была отличным ныряльщиком и могла три часа дышать под водой — для этого надо только проглотить пиллюю.

Алиса нырнула. Сверху вода была голубой, солнечной, с бликами, глубже она зеленела и темнела. Из глубины поднимались волосы длинных водорослей, рядышком проплыла медуза, и Алиса отпрянула, чтобы не обжечься. Дельфины крутились по соседству, гоняли стайку серебряной рыбешки. Алиса опустилась к самому дну. Гришка скользнул рядом — не хотел терять Алису из виду. Алиса обогнула скалу, за ней открылась громадная ниша, словно гигант начал выгрызать нору в скале, но передумал.

Это место Алисе понравилось. Хорошо бы, подумала она, найти здесь галеру или даже затонувший город.

Издали легко было убедить себя, что обломки скал — руины дворцов, но, оглядев их, Алиса разочаровалась

и решила подниматься на поверхность — великого открытия не произошло.

Только прежде стоило осмотреть длинную скалу в самой глубине ниши, заваленную каменными глыбами.

Казалось, кто-то обтесал скалу, прежде чем кинуть сюда. А потом она обросла ракушками и лишайниками.

Алиса отодрала мидию и удивилась: под ракушкой оказалась матовая ровная поверхность, похожая на металлическую.

Алиса медленно проплыла вдоль всей скалы. И где бы она ни скребла ее, везде была такая же гладкая поверхность.

Сначала Алиса решила, что это потонувшая когда-то подводная лодка, но она никогда не слышала, чтобы подлодки были похожи на миндальный орех метров в двадцать длиной.

А вдруг это космический корабль?

Такая мысль Алисе понравилась. А почему бы и нет? Нашли же космический корабль, который упал на Землю триста тысяч лет назад в пустыне Калахари!

Но в космическом корабле должен быть люк.

Поиски люка заняли минут двадцать. Дельфинам надоело присматривать за подругой, и они поднялись выше. Иногда Алиса видела их тени, проносявшиеся сверху.

Люк было трудно найти не только оттого, что он зарос ракушками, но и потому, что рядом с ним когда-то упал обломок скалы и намертво его заклинил.

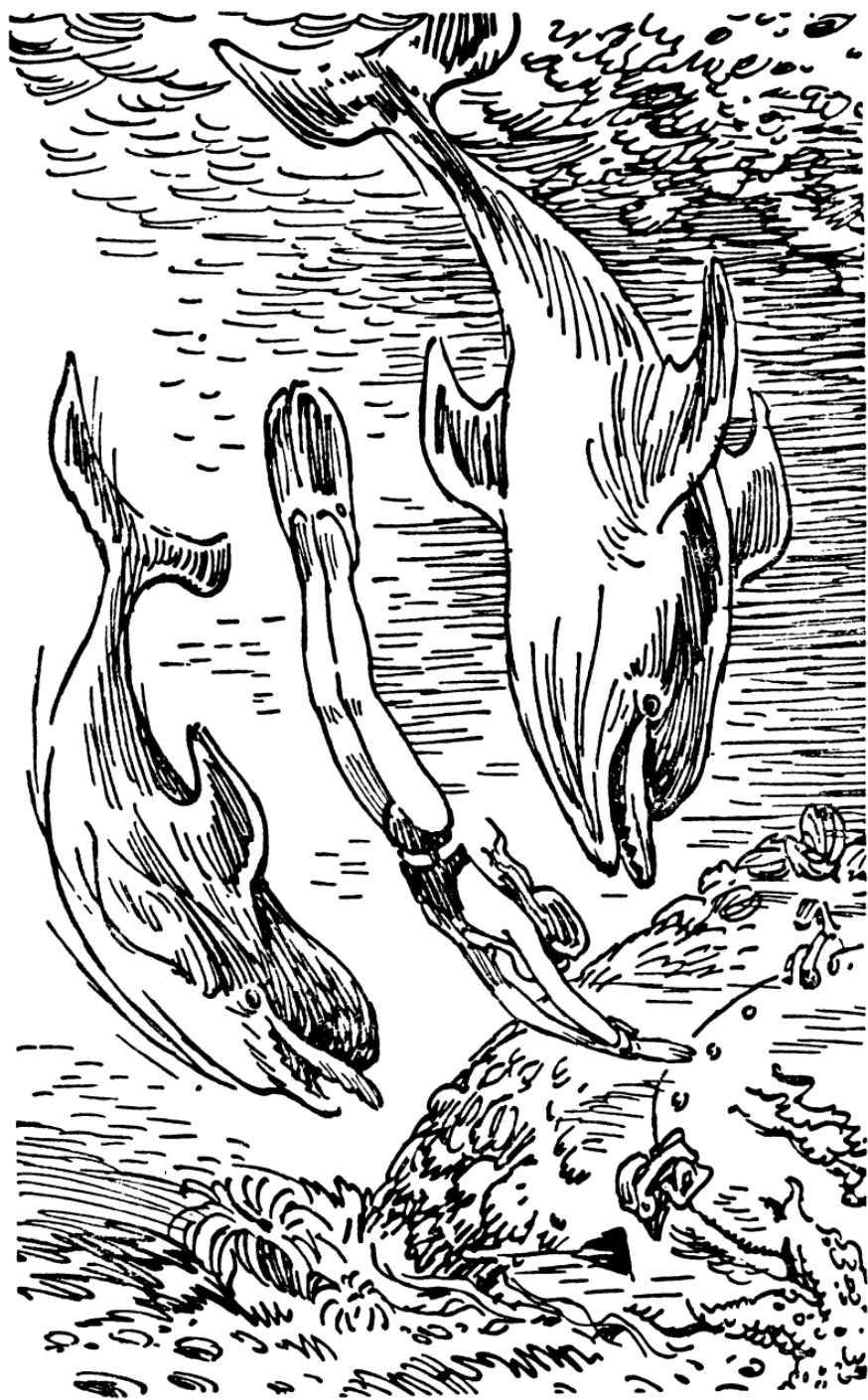
Вытащить клин было нелегко, но когда Алиса наконец отвалила камень и соскребла ракушки, она увидела тонкую линию — границу люка.

Алиса вставила в эту нитянную щель острие ножа, и, к ее удивлению, люк легко открылся, словно только вчера был смазан. Внутри тоже была вода.

Алиса включила фонарь, прикрепленный ко лбу, и увидела по ту сторону камеры второй люк.

Гришка подплыл сверху, словно свалился с неба, но Алиса отогнала его, чтобы не мешал.

Алиса вошла внутрь и только дотронулась до внутреннего люка, как почувствовала за спиной движение воды. Она обернулась и увидела, что внешний люк быстро закрывается. Алиса повернула обратно, но опоздала. Люк закрылся.

Вода быстро уходила из камеры — через минуту в ней было сухо, над головой вспыхнул свет. Автоматика затонувшего корабля действовала.

Внутренний люк открылся, словно приглашая пройти внутрь, что Алиса и сделала.

Она оказалась в каюте. Перед ней был пульт управления, масса незнакомых приборов.

В дальнем конце каюты стояла прозрачная ванна, наполненная зеленоватой жидкостью, и в ней плавало тело космонавта.

Алиса подошла к ванне и потрогала ее рукой — ванна была холодной.

Еще недавно, когда люди не умели прыгать через пространство, на каждом космическом корабле были такие анабиозные ванны. Космонавты погружались в глубокий сон, и время для них останавливалось.

А когда подлетали к нужной планете, включался сигнал — и космонавты приходили в себя.

Над головой вспыхнул яркий свет, замигали огоньки на пультах.

Крышка ванны начала сдвигаться.

Космонавт шевельнулся. Вот это везение! Алисе удалось не только найти потерпевший бедствие космический корабль с неизвестной планеты, но и освободить от заточения инопланетного путешественника!

Космонавт оперся четырьмя длинными коричневыми руками о края ванны и поднялся.

Он был страшно худ, втрое тоньше нормального человека. Его лицо было сплющено с боков, словно в раннем детстве он старался пролезть сквозь узкую щель. Ушей вообще не было, а длинный подбородок заканчивался жидкой желтой бородой.

Наверно, для того, кто раньше с жителями других планет не сталкивался, вид этого несчастного пришельца показался бы неприятным, но Алиса знала, что в Галактике живут такие разные существа, что подходить к ним с земными мерками неразумно. Поэтому Алиса сказала:

— Здравствуйте, я очень рада, что нашла ваш корабль.

Говорила она на космолингве — галактическом языке, который отлично знала.

Космонавт сморщил лоб, потер виски, казалось, он собирался с мыслями.

— Садитесь, — сказала Алиса, показывая на кресло. —

Вам надо прийти в себя. Сейчас я отправлюсь за помощью, и вас поднимут на поверхность.

Пришелец ничего не ответил, но в кресло сел.

— Вы меня не понимаете или так давно упали, что еще космолингвы не было?

Алиса говорила медленно, тихим голосом. Ведь это же трагедия — столько лет провести под водой на чужой планете, без надежды, что тебя отыщут.

— Я все понимаю, — проскрипел космонавт, словно его голос заржал.

— Когда ваш корабль упал, — сказала Алиса, — сверху свалился камень и заклинил люк?

— Да, — сказал космонавт.

— И вы решили погрузиться в анабиоз и подождать, пока вас найдут?

— Да.

— Какое счастье, что я на вас натолкнулась...

— Да.

— Вы издалека к нам прилетели?

— Да.

— И давно?

— Да.

Космонавт попался неразговорчивый.

Чтобы не быть навязчивой, Алиса сказала:

— Я поплыву, позову на помощь, чтобы ваш корабль подняли. Тут недалеко археологи работают, у них оборудование есть. Через час будете на берегу. Не беспокойтесь.

Космонавт ничего не ответил, Алиса пошла к двери.

Дверь была закрыта.

— Откройте, пожалуйста, — сказала Алиса.

Космонавт молчал.

— Так что же вы? — спросила Алиса.

Космонавт медленно поднялся с кресла и подошел вплотную к Алисе.

Она не успела опомниться, как он больно вцепился ей в плечо костлявыми пальцами и отбросил к стене.

— Стой здесь, — сказал он тихо.

— Что вы? — удивилась Алиса.

— Я не люблю повторять, — сказал космонавт. Он возвышался над Алисой, как живой скелет. От него попахивало гнилью. — Я прилетел сюда, чтобы покорить Землю. Это было две с половиной тысячи лет назад.

Мой корабль приняли за падающую звезду, а буря, которая поднялась, когда я упал в море, погубила целый флот. Но, как назло, меня завалило огромными скалами...

При воспоминании об этом космонавт поморщился.

— А зачем вам покорять Землю? — спросила Алиса.

— Потому что меня изгнали с моей собственной планеты, объявив тираном. Я хотел покорить Землю, набрать здесь армию и жестоко наказать тех, кто посмел поднять на меня руку...

— Но теперь-то поздно... — сказала Алиса.

— Никогда не поздно, — ответил тиран.

— Да и Земля уже не та, что была раньше. Вряд ли нас можно покорить.

— Да, Земля уже не та... — сказал тиран. — В первую тысячу лет я поклялся, что тому, кто меня спасет, я подарю половину сокровищ Земли. Во вторую тысячу лет я решил, что оставлю ему жизнь. А в третью тысячу лет...

— Вы поклялись убить спасителя, — подсказала Алиса.

— Молчи. Сейчас убедишься, как близка твоя догадка к правде.

— А какой смысл меня убивать? — спросила Алиса.

— Смысл есть, — ухмыльнулся космонавт. — Я убью тебя и приму твой облик. Мне нелегко завоевать Землю в собственном обличии. А вот в твоей шкуре это будет нетрудно сделать.

— Да вы про меня ничего не знаете, — сказала Алиса. — Даже смешно.

— Я изучу твой мозг, прочту твои мысли, я разберу тебя на атомы и соберу снова. И всего-то мне на это понадобится час. Потом я поднимусь на поверхность, и судьба Земли будет решена.

Тиран подошел к стене, нажал кнопку, и стена раздвинулась. Там обнаружилась ниша со множеством приборов.

— Не пытайся сопротивляться, — сказал он, — тебе меня не одолеть. Никто не придет к тебе на помощь. Никто не знает, что ты здесь... И гордись тем, что в твоем бывшем теле будет жить и действовать величайший тиран всех времен и народов.

— Нет, — быстро сказала Алиса, — когда я упывала,

я оставила записку, где меня искать. Мои друзья обязательно приплывут сюда.

— Тебя в то время уже не будет в живых, — сказал тиран. — Я их встречу в твоем облике и скажу, что нашел космический корабль, а в нем мертвого космонавта — мое бывшее тело. Все продуман », девочка.

Космонавт начал готовить приборы, но в то же время не спускал с Алисы заднего глаза. Две руки трудились, две другие были предостерегающие протянуты к Алисе.

— Ничего у вас не получится, — сказала Алиса. — Мои друзья куда образованнее вас. Даже если вы меня убьете, вас через два дня разоблачат.

— Что же, немало, — сказал тиран. — За два дня можно многое сделать.

— Вы даже не успеете вылезти наружу...

— Успею. Пока я лежал в анабиозе, мои приборы наблюдали за всем, что творится вокруг. Я даже знаю, что ты плыла сюда с двумя громадными рыбами. Тебе нельзя отказать в смелости.

— Это же ручные дельфины, чего же их бояться? — сказала Алиса.

— Если они тебя не жрут, значит, они тебя боятся, — ответил тиран. — Другого пути нет. Все живые существа делятся на слабых и сильных, умных и глупых. Глупым и слабым положено быть в рабстве у сильных. Эти рыбы в рабстве у тебя, а ты у меня...

— Неправда! — воскликнула Алиса. — Ведь есть еще дружба...

— Дружба, — отмахнулся тремя руками тиран. — Это утешение для слабых. Дружба с рыбами!

Он заскрипел, захочотал и стал приближаться к Алисе, протягивая тонкую иглу с едва мерцающим на конце белым огоньком.

— Не бойся, — говорил он, — ха-ха-ха! — Он все еще не мог насмеяться. — Все будет мгновенно: удар тока — и тебя нет.

В это время в дверь постучали. Сильно и уверенно. Тиран замер.

— Ты здесь, Алиса? — послышался голос Стаса.

Тиран отбросил иглу, схватил Алису и прошептал:

— Молчи!

— Что случилось? — спросил Стас. — Почему ты не выходишь?

— Алиса у меня в плену,— сказал тиран.— Вы слышите? И если вы сюда войдете, она погибнет. Мне нечего терять.

— Я хочу услышать голос Алисы,— сказал Стас.

— Я здесь,— сказала Алиса.— Извини, Стас, но я в самом деле у него в плену. Я не думала, что он хочет завоевать Землю.

— Все нормально,— сказал Стас.— Я советую вам, любитель приключений, немедленно отпустить девочку и открыть дверь. Земля — не место для опытов над людьми.

— Соглашайтесь,— сказала Алиса.— Стас шутить не любит.

— А где гарантia?— спросил тиран.

— Мне надоело ждать,— сказал Стас. И в то же мгновение по металлу двери кольцом прошла золотая искра, и круг металла диаметром в метр выпал внутрь каюты. За дверью стоял Стас с лазерным резаком в руке.

— Алиса, иди сюда,— сказал он.

Хватка тирана ослабла. К счастью, он не настолько обезумел, чтобы решиться на глупость.

За люком на дне стояли еще три археолога и Пашка Гераскин. Ждали. Поодаль крутились дельфины.

Гришка бросился к Алисе. Он выглядел виноватым — еще бы, не усмотрел.

Когда все, включая пленного тирана, поднялись в катер, ожидавший на поверхности, Алиса сказала:

— Я виновата перед дельфинами.

— Да, уж они-то переволновались,— сказал Стас. Пашка добавил:

— Гришка с Медеей примчались к нам как сумасшедшие и бормочут, что с тобой беда. На них лица не было.

Мрачный тиран сидел, уткнув лицо в четыре руки.

— Как же они успели прибежать? Ведь все было рассчитано!— бормотал он в отчаянии.

— Неужели вы ничего не поняли?— удивилась Алиса.— Не все делятся на господ и рабов. Дельфины — мои друзья.

— Если бы не они,— добавил Пашка Гераскин, который завидовал, что не на его долю выпало такое удивительное приключение,— то завтра ты, Алиса, завоевала бы всю Землю. Была бы ты девочка-тиран.

Часть вторая

ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

Глава

1

МЫ ЛЕТИМ В ДЖУНГЛИ ПЕНЕЛОПЫ!

В тот день Алиса Селезнева примчалась на станцию юных натуралистов, словно за ней гналась стая космических драконов, и от самого входа закричала:

— Все в порядке!

Казалось бы, ничего особенного.

Но нормальная жизнь станции сразу нарушилась.

Джавад, который кормил обезьян, вырвал банан из рук питекантропа Геракла и съел вместе с кожурой.

Аркаша Сапожков рассыпал семена моментального гороха, они тут же проросли, и через десять секунд стебли опутали Аркашу, словно змеи древнегреческого героя Лаокоона.

Маша Белая, которая каталась на дельфине Гришке по бассейну, упала в воду, и дельфинам пришлось нырять за ней, искать на дне и выталкивать носами на поверхность.

А Павел Гераскин, который в этот момент сидел в лаборатории и выводил гигантскую стрекозу, свалил на пол электронный микроскоп и перепутал гены, которые с утра сортировал по размеру.

Юные биологи окружили Алису и наперебой спрашивали:

— Неужели разрешили?

— А когда летим?

— А что с собой брать?

— Когда вернемся?

— Спокойствие, коллеги! — сказала Алиса. — Объясняю все по порядку. Нам разрешили лететь на планету Пенелопу. На все каникулы. Будем жить в джунглях,

собирать растения и животных для нашего музея, а если повезет, делать открытия. И еще будем купаться, загорать и так далее. Ясно?

— Ясно!

— Вылетаем послезавтра. Сначала на Плутон, а оттуда на звездном лайнере до самой Пенелопы. С собой ничего лишнего не брать. Мой отец договорился, что там нам дадут все, что нужно.

— А кто из врослых полетит?

— К счастью, никто. Но на Пенелопе нас встретит папина знакомая и поедет с нами в джунгли.

— Жалко,— сказал Пашка Гераскин.— Я люблю свободу.

— Не обращай внимания,— сказала серьезная Машенька Белая.— Ты же знаешь Пашкину маму. Она его вообще может не отпустить.

— Я пользуюсь самостоятельностью,— возразил Пашка.— В разумных пределах.

Питекантроп Геракл, которому надоело ждать, пока о нем вспомнят, потянул Джавада за рукав и сказал:

— Ба-нан.

Геракла уже полгода учили говорить, но он не хотел произносить ничего, кроме съедобных названий.

Я возьму с собой гербарные папки,— сказал Аркаша.— У них на Пенелопе наверняка хуже.

— А я — свой батискаф,— сказала Маша.

— А я,— заявил Пашка,— считаю нужным вооружиться. В джунглях могут встретиться опасности.

— Если были бы опасности, нас бы не пустили,— сказала Алиса.

— Со львом не справишься голыми руками,— не согласился Пашка.

— Не слушайте его,— сказала Маша.— Я вообще не понимаю, как такой человек может заниматься биологией. Ему надо уехать в прошлое и воевать с Юлием Цезарем.

— Надеюсь,— возразил Пашка,— на мой век хватит опасностей в открытом космосе. Сами еще прибежите ко мне с криками: «Спаси, Пашенька!»

— Вы только на него поглядите!— сказала Маша.— Рыцари!

Пашка раскраснелся, русые волосы растрепались, глаза сверкали. Он подскочил к Джаваду, оторвал банан от грозди, которую тот держал в руке, и прицелился из

банана в дельфина Гришку, который, сгорая от любопытства, высунулся из бассейна.

— Лапы вверх, чудовище! — воскликнул Пашка. — Отважный рыцарь сэр Ланселот вызывает тебя на поединок!

Глава

2

ПЕНЕЛОПА И ЖАНГЛЕ-МНОГОТОЧИЕ

Теперь надо сказать, почему юные биологи так хотели попасть на Пенелопу.

Лет двадцать до того космический корабль «Малая Медведица» под командованием Полугуса Земфирского летел к своей родной Пилагее и вдруг у известной звезды Кассандра открыл планету, которой никто раньше не видал, хотя по этому пути пролетали тысячи кораблей. Разумеется, Полугус Земфирский приказал припланетиться. На планете были зеленые леса, белые, снежные горы, синие океаны. Над полянами летали бабочки и птицы с хвостами длинными, загнутыми, раздвоенными, растроенными и даже расчетверенными. Под деревьями скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики.

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Все фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел только в стороне от людей, а ветер бывал только слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных речках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тринадцать килограммов, но не нашел на планете ни одного человека, ни одного хищника и даже ни одного комара. Наконец, Полугус Земфирский с трудом собрал по лесам и полям команду своего корабля и еле уговорил друзей вернуться домой.

Со вздохами и стонами покидали космонавты гостеприимную планету.

— Жди нас, — повторяли они, словно боялись, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешест-

венника Одиссея. И они назвали планету Пенелопой.

Когда Полугус рассказал на Пилагее об открытой планете, ему сначала не поверили. Тогда отважный капитан разделся до трусов, и все увидели, каким сказочным бронзовым загаром покрыто его мускулистое тело.

— Где я мог так загореть, если только вчера вернулся из длительной космической командировки? — спросил он скептиков.

Тогда все поверили в существование планеты Пенелопы.

На Пенелопу полетело несколько экспедиций. Восторженный рассказ Полугуса Земфирского полностью подтвердился, и было решено сделать Пенелопу туристским заповедником.

Но у Пенелопы нашелся один недостаток. Она лежит в стороне от других звездных систем. Далеко не всякий полетит сюда в отпуск: пока полетишь да вернешься, весь отпуск пройдет. Поэтому в построенном на ней туристском городе большинство гостиниц пока пустует, только роботы-уборщики бегают по коридорам, стирают со столов пыль и меняют простыни в номерах.

Специальная комиссия, которая придумала и спланировала город-столицу туристской Пенелопы, долго решала, как этот город назвать. Кто-то предложил сложить название из первых букв планет, которые его строили. Получилось: ЗПППКРСТФКУГ. Это означало: Земля, Плутон, Пилагея, Попокатепепа и так далее. Попробуйте произнести, тем более быстро! Был другой вариант: взять первые слоги от названий планет. Получилось — Земллпокерасотрфукауггр. Конечно, это слово произнести легче, чем первое. Но все-таки... А как же сделать, чтобы никого не обидеть? Тогда приказали электронному мозгу сказать первое попавшееся красивое слово на любом из галактических языков. Машина сказала — «ЖАНГЛЕ», что по-пилагейски означает «Светлый ветер, дующий с высокой горы».

Всем название понравилось. Его передали художникам и поэтам, чтобы оповестить Галактику, где лучше всего отдохнуть. Через два дня поэты и художники принесли свои произведения. Первый художник показал картину будущего города, окруженного лесами и озерами, а поэт прочел надпись к картине:

— Поскорее прилетай
В славный город Жанглетай!

— Что такое? — раздался возмущенный голос. —
Город называется Жангле!

— Ничего страшного, — ответил поэт. — Города еще нет. Попробуйте придумать рифму к слову Жангле. Не получается? Зато прислушайтесь, как красиво звучит: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

— А почему бы и в самом деле не назвать город Жанглетаем? — спросил делегат с планеты Фукрук. — Пускай будет Жанглетай, «Жанглетай, поскорее прилетай!».

Остальные члены комиссии согласились и позвали второго поэта и второго художника.

Художник развернул изумительное полотно. На нем был изображен объемный, движущийся музыкальный карнавал. Раздались аплодисменты, и все обернулись к поэту, ожидая, какие он прочтет стихи. Он прочел:

— Прилетай на карнавал
В славный город Жанглевал!

— Как так? — удивилась комиссия. — Ведь город называется Жанглетай! Ну, в крайнем случае, Жангле.

— А как вы прикажете рифмовать Жангле со словом «карнавал»? — удивился поэт. — К тому же города еще нет, и неважно, как он называется.

— Придется поискать рифму, — сказал фукрукец. — У города уже есть название.

— Ах так! — воскликнул художник. — Я забираю свою картину обратно, потому что меня вполне устраивают стихи.

— Давайте отложим наше окончательное решение до следующего художника, — сказал Иван Тристанович Сингх — делегат Земли.

Вошел третий художник. Его картина изумляла своими яркими и даже необычными цветами. Неважно, что на ней было изображено, но — нечто очень привлекательное.

— Замечательно! — послышались голоса. — Любой человек, увидев эту картину, устремится в Жангле... —

И все опасливо замолчали, потому что не знали, чего ждать от третьего поэта. А тот прочел:

— Вот какую красоту
Ты увидишь в Жанглету!

— И это тоже название? — спросил Иван Тристанович.

— А чем оно хуже других? — спросил поэт.

Комиссия не стала с ним спорить, а вызвала четвертого поэта, который предложил следующее:

— Коль устал ты, прилети
В славный город Жанглети!

Пятый поэт прочел:

— Если ты утомился и тоскуешь притом,
Приезжай отдыхать поскорей в Жанглетом!

— Все ясно, — сказал Иван Тристанович. — Прослушивание стихов прекращается. Комиссия удаляется на совещание.

Три часа комиссия совещалась без перерыва. А потом Галактика узнала о ее решении.

Так как в конкурсе участвовали достойные поэты и написали достойные стихи, то комиссия решила никого не обижать. Отныне столицу планеты Пенелопы каждый имеет право называть как ему вздумается, при условии, чтобы название начиналось со слова Жангле. А дальше — как удобнее.

Все имеют такое право. Даже читатели этой повести. И даже те, кто жил в XIX веке до нашей эры.

В официальных документах и на звездных картах название столицы планеты Пенелопа пишется так: «Жангле...» — то есть Жангле-многоточие. Обитатели Галактики зовут этот город Жанглепупом, Жанглетоном, даже Жанглекоком. А уж что с этим словом делают поэты — страшно подумать!

— Любой поэт придумает стихи
Про город Жанглехи — хи-хи-хи-хи!

Глава 3

ВСЕ БЕДЫ ОТ РОМАНТИКИ

Больше всего забот у Алисы было из-за Пашки Гераскина.

Он в первый раз попал в космос — раньше мама не пускала, словно в наши дни можно удержать человека на Земле. Вот и передержала.

Уже на космодроме при погрузке, когда ребята сдавали все лишние вещи и домашние пирожки, потому что вес ограничен, Пашка умудрился протащить на корабль свой знаменитый нож с тридцатью тремя лезвиями, пилой и даже садовыми ножницами. Ну ладно бы, притащил, но ведь он еще и воспользовался им на Плутоне.

Там, пока ждали пересадки на звездный лайнер, пошли погулять вокруг базы. Все были на тросах. На всякий случай ребят сопровождал один тамошний геолог. Казалось бы, что может случиться на обжитом Плутоне с нормальными школьниками? Но случилось. И конечно, с Пашкой.

Как известно, на Плутоне живут снеговики. Поймать их еще не удавалось, хотя их немало, любому гостю показывают издали.

Почему снеговика трудно поймать? Потому, что он двуликий. Живут снеговики на границе солнца и тени. Если за ними погонишься по теневой стороне, сразу перелетают на солнце и испаряются, взлетают облачком пара — только его и видели. А когда опасности нет, они пасутся себе в тени в виде сверкающих, почти прозрачных шаров из мелких замерзших кристаллов. Удивительное зрелище!

Когда ребята пошли на прогулку по Плутону, они заметили снеговиков и стали их фотографировать. Тут Пашка увидел, что один из снеговиков забрался далеко в тень.

Пашка отлично понимал, что на тросе он как щенок на поводке — не погонишься за снеговиком, сразу назад вернут. Свой утаенный нож он прятал в кармане скафандра и, когда на него никто не смотрел, перекусил садовыми ножницами трос, освободился и бросился вслед за таинственным плутонским жителем.

Хватились его минуты через три. Трос обрезан, а юного биолога и след простыл — он успел далеко умчаться за снеговиком, который хоть и неразумен, но, видно, сообразил, что преследователь неопасен, и решил поводить его за собой среди скал.

На Плутоне объявили всеобщую тревогу. Сотни людей были оторваны от дел, все механизмы и планетарные катера были высланы на спасение исчезнувшего ребенка. А ребенок между тем и не подозревал, что он — источник тревоги.

Когда его нашли, он еще отбивался и кричал, что он на грани великого открытия — чуть-чуть не поймал голыми руками снеговика, а ему мешают.

И потом, уже на пути на Пенелопу, он нет-нет да вздыхал и говорил с печалью:

— Эх, если бы не плутонские перестраховщики, был бы живой снеговик в нашем зоопарке.

— Ты бы его в кармане привез? — спрашивала ехидно Машенька Белая.

— Наивно, — отвечал Пашка. — Я его испаряю и загоняю в банку. В банке и везу. Дома снова замораживаю. У меня все рассчитано.

Пришлось группе поручиться, что Пашка больше не будет позорить биологию и устраивать из научной экспедиции детский сад. Хотя ученые с Плутона предупреждали: «Зря вы ему верите. Он сейчас искренний, а потом забудет о своих обещаниях. Не потому, что он лживый или плохой человек, а потому, что слишком увлекающийся. Таким в космосе не место».

Ну ладно, пожалели.

В лайнере «Солнечная система — система Кассандры» Пашка вел себя почти идеально, лишь ворчал, что прошли времена приключений и корабль, на его взгляд, слишком цивилизованный. Хотя сам купался в корабельном бассейне, играл в футбол на корабельном стадионе и даже учился скакать верхом на синтетических конях в корабельном манеже.

Когда прилетели на Пенелопу, ребята почти забыли о плутонском снеговике, хотя Алиса не очень доверяла Пашке и решила за ним присматривать, когда они попадут в джунгли. В городе ему вроде бы ничто не грозило. Романтика там в основном туристская, безопасная.

В первый день ребят повезли на экскурсию по городу

Жанглетону и показали некоторые достопримечательности. Достопримечательности были, например, природные. Самое интересное — скала с круглой дырой. Если смотреть сквозь дыру, то видишь озеро, от которого до скалы тридцать километров, а стоит тебе сквозь дыру пройти, как озеро исчезает и за скалой оказывается непроходимый лес. Есть там целебные источники, которые в три минуты заживляют всякую рану. Только они кипящие, и если сунуть порезанный палец в источник, не остудив воду, то вместо маленькой царапины получишь большой ожог. Потом ездили к «Малой Медведице», которая открыла эту планету. «Малую Медведицу» три года тому назад списали за старость, привезли в Жанглелмноготочие и поставили на одной из площадей. Правда, пока что эта площадь не обстроена домами, и, если не знаешь, что это городская площадь, можно подумать, что корабль стоит на поляне в лесу.

Все остальные достопримечательности — специально туристские.

Во-первых, гостиницы. Обыкновенные, если не считать гостиницы для крокосов. Эта гостиница — прозрачный шар, внутри которого крокосы будут плавать и любоваться окрестностями. Правда, еще ни один крокос на Пенелопу не прилетал, поэтому гостиница стоит пустая, а рядом — цистерны с одеколоном, который для крокосов заменяет воздух. Когда-нибудь гостиницу доверху нальют одеколоном.

В Жанглеграде разбит также великолепный парк с аттракционами, свезенными с разных планет. Аттракционы пока не работают, но когда заработают, найдется развлечение для любого жителя Галактики: подземные тунNELи с сюрпризами и привидениями, качели со скоростью света, карусели на воздушной подушке, комнаты плача и хохота, фонтан с апельсиновым соком, бассейн для схватки с осьминогом, площадка для соревнований по сбору мухоморов, живая библиотека и многое другое.

Особённо Пашке понравился будущий аттракцион — рыцарский турнир. Его участники должны одевать латы, взбираться на коней и сражаться копьями. Пашку с трудом оттащили от аттракциона, и то только когда робот-экскурсовод сказал, что кони и латы искусственные, а копья — из мягкого пластика.

— Это для детей,— заявил Пашка.— Подделок я не терплю. Подождем до джунглей.

— Но в джунглях нет рыцарей,— сказал ему экскурсовод, который, разумеется, принимал Пашку всерьез.

— Может, и нет,— согласился Пашка.— Но в джунглях могут быть другие опасности. Встречи с дикими зверями и так далее.

— Опасных диких зверей пока не нашли,— сказал экскурсовод.

— Вот именно, что пока,— ответил Пашка.— К этому надо быть готовым.

Машенька Белая тяжело вздохнула, потому что считала Пашку почти ненормальным. Она была уверена, что самое лучшее приключение — это сделать какое-нибудь открытие в биологии, а все остальные приключения получаются только от глупости. О них даже и думать не стоит.

В гостинице ребят ждала записка от местного биолога Светланы, где говорилось, что она заедет на своей машине в семь часов вечера, чтобы до ужина успеть на лесную станцию, где она работает и около которой будет разбит лагерь юных биологов.

Ребята пообедали. Потом Аркаша сел писать дневник. Джавад лег спать, а Машенька с Алисой принялись сортировать письма домой.

Прошел час, потом Алиса спросила:

— А где Пашка?

— Спит, наверно,— сказала Машенька.

— Что-то неладно у меня на душе,— сказала Алиса.— Как бы он не побежал искать приключений.

— Не обращай внимания,— сказала Машенька.— Он сидит у себя в комнате и думает, где раздобыть космическую пушку, чтобы убить из нее стрекозу или муху.

Это Алису не успокоило. Она провидеофонила в комнату к Пашке, но там никто не ответил. Потом она выбежала в коридор и заглянула к ребятам. Пашки и там не было.

Она решила не беспокоить зазря Машеньку, вернулась в номер и сказала:

— Пойду подышу свежим воздухом. Через час вернусь.

— А письмо?

— Мне писать пока нечего. Летели, летели и долетели. Передавай в своем письме привет от меня. Хорошо?

— Хорошо,— сказала Машенька.

Алиса обежала все этажи, расспросила всех встречных и узнала, что мальчик, о котором она спрашивает, час назад вышел из гостиницы и не возвращался.

До прихода Светланы оставалось полтора часа.

Глава

4

СВЯЯ УЛА

При виде Алисы двери в гостиницу разошлись и выпустили ее наружу.

На площади светило солнце, щебетали птицы, с голубых недалеких гор слетал освежающий ветерок. Туристы усаживались в автобус, чтобы ехать на Целебные воды. Другие не спеша гуляли по площади.

Несколько человек стояли посреди площади, под громадным, висящим в воздухе шаром. Они глядели на шар и спорили.

Шар был указателем. На его боках было написано, куда пойти.

К сожалению, этот шар очень понравился птицам. Некоторые успели уже прилепить к его бокам гнезда, другие стайками гонялись друг за другом вокруг шара так быстро, что в глазах рябило. Сверху шар был уже покрыт шапкой птичьего помета, словно арктическим льдом. От шапки к тропикам тянулись языки ледников. В общем, разобрать, что написано на шаре, было трудно.

На другой планете прогнали бы птиц, вымыли шар, и все в порядке. Но на Пенелопе есть закон: птиц нельзя беспокоить. Поэтому жанглетонцы решили загубленный шар подарить птицам, а рядом повесить еще один, такой скользкий, что на нем ничто не удерживается. Пока суд да дело, поставили под шаром списанного по старости робота-уборщика, который, как местный старожил, давал разъяснения.

— Что там написано черными буквами?— спросил турист с Альдебарана, которого Алиса без труда от-

личила от человека, потому что у него колени сзади, а локти спереди.

Маленький блестящий робот отъехал в сторону, подумал и сказал:

— Пенелопская Швейцария.

— А что такое Швейцария? — спросил турист с Альдебарана.

— Это планета, где живут швейцары, — ответил робот.

Робот был похож на кастрюлю на ножках и говорил хриплым басом.

Алиса знала, что робот ошибся, но не стала вмешиваться, чтобы не обижать старика. Сама она в Швейцарии еще не бывала, живого швейцарца не видела, но знала, что в Швейцарии живут не швейцары, а швейцарцы. А это большая разница.

— Простите, — сказала она, обращаясь к роботу. — Вы не видели здесь мальчика?..

— Сколько ног? Сколько рук? С какой планеты? — перебил ее робот.

— Две руки, две ноги, одна голова, на голове синяя шапочка с козырьком.

Робот поднял голову к шару и задумался.

— Я его видел, — сказал он наконец. — Мы с ним читали надписи.

Туристы расступились, чтобы роботу с Алисой было удобно обойти шар вокруг.

— Вот, — сказал робот, — он пошел туда.

Алиса попыталась прочесть надпись на боку шара, которая выглядела так: «С — гнездо — В — спящая птица — Н — стая бабочек — Я УЛ — гнездо — А».

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— К сожалению, я тоже забыл, — сказал робот.

— Может, это Свиная улица? — спросила Алиса.

— Нет, — обиделся робот, — у нас не может быть такого названия.

— Улица Свидания, — подсказал турист с Альдебарана.

— Нет, — сказал робот, — для свиданий у нас парк, а не улица.

— Все просто, — сказал турист-двадцатитрехног. — Это Северная улица.

— Нет, — возразил робот, — север у нас совершенно в другой стороне.

Каждый из туристов старался помочь Алисе и предложить свое название. Когда исчерпались все названия на космическом языке, некоторые стали предлагать слова на своих родных языках.

— Совенкуня улица! — кричал двухголовый веганец.

— Улица Справгепупяря?

— Улица Сдерв-ван-ни-ван-ня?

— Может, это Справочная улица? — спросила Алиса.

Робот замолчал. Он, видно, не подозревал, что может быть так много улиц.

И неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы какой-то мальчишка не кинул бутербродом в шар, да так метко, что попал точно в стайку бабочек. Бабочки взлетели, и оказалось, что они скрывали собой буквы «ИРНА».

Получилось: «С..В..НИРНАЯ УЛ...А».

— Вспомнил! — воскликнул робот. — Это Сувенирная улица!

— Я теперь и без вас вижу, что Сувенирная, — согласилась Алиса. — А как мне туда попасть?

Вот это уж проще простого. Идите в ту сторону и увидите.

А когда Алиса отошла, робот крикнул ей вслед:

— Этот мальчик с двумя ногами, двумя руками и одной головой в синей шапочке с козырьком спрашивал меня, где продается оружие или боевые кони.

Г л а в а 5

ВСЕ ДЛЯ ШПИОНА

Пройдя через парк, где замерли в ожидании гостей аттракционы, Алиса остановилась перед большой, в тяжелой золотой раме, вывеской. На вывеске было написано:

«СУВЕНИРНАЯ УЛИЦА»

Алиса ступила под вывеску и замерла от удивления: этого она не ожидала увидеть даже на планете Пенелопе в славном городе Жанглечуде!

Улицу сделали нарочно. Для туристской романтики.

Это была очень узкая, длинная, извилистая улица, составленная из старинных домов. Первый дом справа был каменный, с узкими высокими окнами. Его второй этаж выдавался над первым, а третий — над вторым. А над третьим этажом нависала крутая крыша из красной черепицы. Напротив возвышался дом, составленный из множества тесно стоящих колонн. Колонны были покрыты резьбой, и двери на первом этаже были такими узкими, что внутрь можно было попасть только боком, выпустив из себя весь воздух. И так далее...

Первые этажи домов были заняты магазинами и лавками, над ними висели вычурные вывески, вдоль улицы тянулись фонарные столбы с керосиновыми фонарями, к одному из столбов была приставлена лестница, на ней стоял человек в черном цилиндре и, открыв фонарное стекло, зажигал свет.

Только тут Алиса поняла, что уже смеркается и надо спешить. И так она потеряла минут десять у шара на площади.

— Простите,— обратилась она к фонарщику.— Вы не видели здесь мальчика с двумя ногами?..

Фонарщик закрыл стекло фонаря и поглядел вниз.
У него были длинные грустные усы.

— Видел. Он спросил меня, где продают оружие и охотничье припасы.

— Правильно. Это он!

— Мальчик оскорбил меня.

— Как?

— Он назвал меня фонарщиком.

— Разве вы не фонарщик?

— Я — трубочист. Это и слепому видно.

— А почему вы тогда зажигаете фонари?

— Ах, девочка.— Фонарщик спустился с лестницы и достал из кармана трубку. Осторожно разжигая ее, чтобы не подпалить усы, он продолжал:— В славном городе Жанглешуне решили сделать Сувенирную улицу для романтиков. Все здесь должно быть старинным и настоящим. По всей Галактике стали искать чудаков, которые согласились бы жить в старинных домах, топить печки и камини и торговать сувенирами. Меня тоже нашли. Последнего настоящего трубочиста на Земле. Я обрадовался, что могу поработать по специальности, потому что

вот уже восемнадцать лет мне приходилось тренировать альпинистов — ведь на всей Земле не осталось ни одного действующего дымохода. И что же оказалось? Чудаков, которые согласились бы жить на романтической улице, топить печи, пользоваться керосиновыми лампами и готовить себе пищу на плите, нашлось всего два. Я и Фуукс.

— Это совсем не удивительно, — сказала Алиса.

— Не удивительно, но обидно. И что тогда сделали? Оставили фонари только на улице, а внутри домов все сделали совершенно обыкновенно — с пищедоставкой, телекорами, пенованными и всякой современной требухой. Но не уезжать же мне обратно! Хоть фонари стоят. Вот я и работаю. Обещают в будущем году сделать специально для меня одну большую трубу. Этой надеждой и живу.

— Но куда пошел тот мальчик, который назвал вас фонарщиком?

— Он пошел дальше по улице.

— И давно это было?

— Почти час назад. Я успел уже зажечь восемь фонарей и долить в них керосин.

— И обратно он не возвращался?

— Нет.

— А он мог пройти дальше?

— У этой улицы нет второго конца, — сообщил трубочист. — Загляните в магазин старика Фуукса. Я на месте романтически настроенного мальчика обязательно зашел бы в тот магазин. И может, даже не вышел бы обратно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Зайдите — узнаете, — сказал трубочист. — Передавайте от меня Фууксу привет. Только умоляю, не верьте ему!

— Не верить?

— Ни в коем случае! Это очень рискованно.

Смеркалось. От желтых фонарей на узкой улице казалось темнее. Воздух стал синим. На нижних этажах старинных домов ярко горели витрины с сувенирами. Только покупателей пока что было мало. Раз или два Алиса встретила прохожих, глазевших на экзотические витрины и вывески. Она шла довольно медленно, потому что забыла спросить, как называется магазин старика

Фуукса, которому нельзя верить. К тому же Пашка мог застрять в каком-нибудь совсем другом магазине. Или даже на выставке сирианских марок, которая разместилась в круглой башне с зубцами поверху.

Дом Фуукса Алиса прозевала. Он был сдавлен двумя соседними домами — один был пузатый, как самовар, и сверкал оранжевым блеском, а другой был похож на старинный паровоз. Седой бревенчатый домик между ними был почти незаметен. Да и витрина в нем освещалась одной керосиновой лампой. Скудный свет падал на квадратный лист белой бумаги.

Алиса миновала уже этот магазин, но вдруг остановилась и обернулась. Ведь трубочист говорил, что на улице всего два ревнителя старины — он и Фуукс. А в витрине горит керосиновая лампа!

Алиса вернулась обратно.

Так и есть. Над узкой дверью маленькая жестяная вывеска: «Магазин Фуукса».

Алиса наклонилась к самому стеклу витрины, чтобы при слабом свете керосиновой лампы прочесть, что там написано.

«ВСЕ ДЛЯ ШПИОНА!

Продаем и покупаем государственные тайны!

Меняем секретные документы на секретные документы.

Обеспечиваем тайный проезд в любую точку Галактики!

Имеются в продаже подлинные документы всех планет и звездных систем!

Шпионы и авантюристы, спешите к нам!

Только в магазине Фуукса в славном городе Жанглебумсе!

То, что забыто в Галактике, можно вспомнить у нас!

Последние рыцари Большой дороги и авантюристы звездных трасс, СПЕШИТЕ К НАМ!»

— Если Пашки здесь нет, то он здесь был обязательно, — сказала Алиса вслух и направилась к двери в магазин.

Г л а в а

6

ДВА ЛИЦА ФУУКСА

Дверь громко заскрипела, и внутри магазина отзвался колокольчик. Магазин оказался длинной, вытянутой в глубь дома комнатой.

На боковых стенах висели старые, потертые на сгибах карты неизвестных островов и заливов, под стеклами — гравюры с парусными кораблями под пиратским флагом. Гравюры были засижены мухами и потускнели от времени, а казалось, что корабли окутаны пороховым дымом. Посреди магазина стояла бочка, возле нее — три табуретки, а дальний конец зала был перегорожен прилавком, на котором выстроились в ряд стаканы, чашки, несколько старинных бутылок и грудой валялись растрепанные книги. На полу посреди магазина почему-то стоял детский ночной горшок с незабудками на боках.

Откуда-то из-за прилавка бесшумно вышел раскормленный рыжий кот с красным носом, поглядел на Алису и улегся в углу, не спуская с нее глаз, словно боялся, что она обкрадет магазин.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросила Алиса.

Никакого ответа. Старинные часы пробили шесть раз.

Алиса сделала несколько шагов к прилавку. Половицы громко заскрипели, а сидевшее на прибитом к стене сухом суку чучело совы вдруг зашаталось и перевернулось вниз головой.

Алиса подошла к прилавку, поглядывая на сову, — вдруг оживет? В таком магазине Алисе еще не приходилось бывать.

Вдруг из-за двери, которая вела в заднюю комнату, послышался детский плач, потом громкий голос спросил:

— Куда запропастилась эта проклятая посудина?

Тут же из двери выскочил в магазин маленький лысый человек в черных очках, с очень длинным и массивным носом, который тянул его книзу, и оттого человек бежал, как охотничья собака, почувствавшая добычу.

Он не заметил Алису, а устремился к ночному горшку с криком: «Вот он!» — словно открыл Америку.

За ним в магазин вбежал мальчик лет пяти, по пояс

измазанный вишневым вареньем. В руке, словно шпагу, он нес длинный полосатый леденец.

— Папочка! — промяукал мальчик. — Памила снова сорвала занавеску и ее жует.

Лысый человек увидел Алису и тихо сказал: «Ах!»

Он подхватил горшок, кинулся к ребенку, приподнял его за шиворот и громко прошипел:

— Разве ты не видишь, что у нас покупатель?

С этими словами он исчез, лишь из-за двери слышался топот и писк. Рыжий кот вздохнул, вспрыгнул на прилавок и устроился среди бутылок.

Алиса подумала, что чучелу совы неудобно висеть вниз головой. Она встала на цыпочки и постаралась поставить сову на место, но чучело тут же перевернулось снова.

За этим занятием Алиса не заметила, как носатый человек вернулся в магазин.

Если бы не нос и не черные очки, никогда бы не догадаться, что это он только что бегал по магазину с ребенком и горшком в руках.

Человек успел накинуть черный халат с вышитыми на нем звездами, а на голову надеть черную шляпу из соломки.

— К вашим услугам, мадемуазель, — произнес он натужным басом. — Что вы желаете приобрести, продать или променять?

— Здравствуйте, — сказала Алиса, стараясь не улыбаться. — Вы — директор этого магазина Фуукс?

— Балтазур Фуукс, магистр черной, белой и зеленои магии, к вашим услугам, — поклонился ей человечек, но тут нос перевесил, и Алисе пришлось подхватить Фуукаса, чтобы он не стукнулся носом о бочку.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказал Фуукс серьезно.

— Вам привет от трубочиста, — сказала Алиса.

— Вы с ним знакомы?

— Недавно познакомились.

— Тогда при случае передайте ему привет. Я должен вас предупредить, что простыми сувенирами мы здесь не торгуем.

— Скажите, пожалуйста, к вам не заходил недавно мальчик?..

— В синей кепочке?

— Вот именно.

— К сожалению, это тайна.

В этот момент из-за прилавка послышались глухие страшные стенания. Забыв обо всем, Фуукс бросился туда и извлек пузатую вазу, из которой торчали маленькие ноги в красных носках.

Держа вазу под мышкой, Фуукс попытался вытянуть ребенка наружу, но тот или застрял, или не хотел вылезать, хотя ревел, как бык, потому что звуки отражались от внутренних стенок вазы и усиливалась до ужасных размеров. Кот выгнулся спину и в ужасе сиагнулся в открытую дверь.

— Это кто из вас? — спросил Фуукс, засовывая в вазу нос.

— Я-аа! — ответил ему рев.

— Не угадываю! Но это неважно, — опечалился Фуукс. — Придется разбивать вазу молотком. Забудем о ее ценности. Дети дороже.

Фуукс поставил вазу на пол и исчез за внутренней дверью. Тут же в магазине появились два мальчика; одного Алиса знала — он был измазан вареньем, а второго раньше не видела — он был измазан яичным желтком.

— Это Памила полезла за медом, — сказал мальчик в вишневом варенье.

— Это мы ей сказали, что там мед. А там меда нет, — сказал второй.

— Тут гооорчица! — раздался гулкий глухой голос из вазы.

— Давайте ее вынем, пока она там не отравилась, — сказала Алиса.

— А папа побежал за молотком, — сказал вишневый мальчик.

Алиса подошла к вазе и потянула Памилу за ноги. Памила оказалась тяжелой и плотной девочкой, притом она сопротивлялась, а мальчишки прыгали вокруг и мешали Алисе.

— Пускай папа молотком! — кричали они. — Это же интереснее!

Алиса положила вазу на бок, сама села на пол, уперлась ногами в крутые бока вазы и стала тянуть девочку на себя. Мальчишкам это понравилось, и они вцепились в Алису, как в сказке о репке.

Ваза сказала: уух!

Памила вылетела из нее как пробка, Алиса и мальчишки отлетели к стене, а Памила метров пять проехала носом по полу. Она была так измазана горчицей, что у Алисы даже в горле запершило.

В магазин вбежал Фуукс — полы халата разевались, черные очки сверкали. Он тащил громадный молоток.

— Эх! — крикнул он от прилавка и замахнулся.

— Остановитесь! — закричала Алиса. — Памила уже на свободе.

Но остановиться Фуукс не успел. Молоток опустился на вазу — ваза вдребезги, а мальчишки в восторге закричали:

— Ура! Теперь еще чего-нибудь!

— Где мой ребенок? — приговаривал Фуукс, ползая на коленях среди черепков. — Я тебя заодно не разбил?

— Я здесь, папочка, — сказала Памила.

Фуукс поднял голову и увидел, что Памила сидит у Алисы на руках.

— Ты жива? — удивился он. Забыв подняться на ноги, он перебежал комнату на четвереньках и принял Памилу из Алисинах рук. Но тут запах горчицы пронизал все его тело, и он принялся так отчаянно кашлять и чихать, что Памила вырвалась у него из рук и вместе с братьями умчалась из магазина.

Глава 7

ГДЕ ПАШКА ГЕРАСКИН?

Откашлявшись и отчихавшись, Фуукс сообщил Алисе:

— У меня аллергия на горчицу. Чем могу служить?

— Я вас спрашивала о мальчике.

— А, в синей шапочке? Простите, я только закрою дверь. Моя жена, простите, на конференции, и я совсем один с детьми.

— А разве у вас нет роботов?

— Вы с ума сошли! Неужели я допущу, чтобы моих кровных детей воспитывали пластиковые монстры? Детям нужно человеческое тепло.

Фуукс запер дверь на железный засов, и дети тут же начали в нее молотить.

— Не обращайте внимания,— сказал Фуукс,— они у меня упорные.

— Я и не обращаю,— сказала Алиса.— Вазу жалко.

— Какую вазу? Этую? Ничего страшного. Раньше в ней жил джинн, но я отпустил его на свободу, и вряд ли он вернется. Что вы мне предложите?

— Ничего. Мне нужно узнать, куда делся мой товарищ по имени Павел.

— Рыцарь Павел? Как же, я с ним отлично знаком. Но ничем не могу помочь. В нашей конторе умеют хранить тайны. Правда, вы можете у меня эту тайну купить. Любую тайну можно купить.

— Но у меня нет денег. И я даже не знаю, какие здесь деньги.

— При чем здесь деньги!— Фуукс щелкнул себя по носу, и звук получился гулким, словно нос был картонный.— Разве в наши дни стоящую тайну за деньги купишь?

Фуукс уселся за бочку и подвинул Алисе вторую табуретку.

— Садитесь, пожалуйста. Вы здесь в качестве шпионки?

— Никакая я не шпионка,— возмутилась Алиса.— Разве я похожа на шпионку?

— Если шпионы будут похожи на шпионов, тогда их не надо искать. А что вы здесь делаете?

— Мы на экскурсии. Через час нам надо уезжать в джунгли, а Пашка исчез.

— А вам-то до него что за дело?

— Мы вместе приехали, и я несу ответственность перед его родителями. Вы не представляете, какая у него строгая мать. Она и так его еле отпустила, а если узнает, что он пропал, она этого не переживет.

— Ужасная история! Он скрыл это от меня! Он сказал, что приехал искать приключения!— воскликнул Фуукс.— У меня сердце разрывается от жалости к его несчастным родителям. Я сам родитель! Но я ничем не могу вам помочь, потому что вашего друга нет на Пенелопе.

— Как нет? Вы не шутите?

— К сожалению, я лишен чувства юмора и никогда не шучу. Ваш друг по доброй воле покинул Пенелопу и отправился на другую планету.

— Вот этого я и боялась. Он абсолютный авантюрист, наверное, потому, что его воспитывали в строгости. До сих пор его в школу провожает бабушка. Что же теперь делать?

— Ума не приложу! — Фуукс развел руками и стал похож на большую черную птицу. — Я даже не знаю, когда он вернется... и вообще, вернется ли...

— Как же вы могли допустить такое безобразие? — возмутилась Алиса. — Вы же взрослый человек!

— Вы уверены? — спросил Фуукс. — Моя жена в этом сомневается.

Фуукс грустно замолк, и только слышно было, как дверь сотрясается от детских ударов.

— Как вы думаете, чем мои крошки молотят в дверь? — спросил Фуукс.

— Наверно, тараном, — сказала Алиса.

— Нет, больше похоже на мясорубку. Так на чем мы остановились?

— Вы мне не сказали, куда дели Пашку.

— Он сам делся. И теперь, когда я узнал всю правду о вашей экскурсии и его строгих родителях, я вне себя от горя.

Фуукс поднялся с табурета, подошел к прилавку, налил два стакана лимонада и вернулся к бочке.

— Выпейте, — сказал он. — Это бодрит...

Сам он залпом выпил свой стакан и продолжал:

— Представляете, дети плачут, манная каша подгорает, а ваш друг требует настоящих рыцарских приключений. Я продал ему за бесценок документы и билет на ту планету, куда он стремился. Какой ужас! Что скажет моя жена, когда узнает?

Горе и раскаяние Фуукса могло бы показаться искренним, если бы его губы при этом не улыбались. Так что Алиса ему и верила и не верила.

— Верните Пашку обратно! — сказала она.

— Не могу! — воскликнул Фуукс. — Ни минуты свободной. Пора готовить ужин. Кроме того, ваш друг честно расплатился за билет и документы. Вот, смотрите.

Фуукс откинулся на спинку стула и достал из кармана брюк пять одинаковых значков, изображавших мальчика на дельфине, — это были значки общества юных биологов — Пашка захватил их с собой целую горсть.

— Чепуха какая-то,— сказала Алиса.— Вы меня, наверно, разыгываете. Значки как значки...

— Ни в коем случае,— сказал Фуукс.— Для вас это значки, а для меня — великая ценность. Один человек обещал мне за них настоящую пиратскую карту с кладом.

Ну что на это скажешь? Понятно, что Алиса промолчала.

Не дождавшись ответа, Фуукс продолжал:

— Есть один вариант... Не знаю только, устроит ли он вас?

— Какой вариант?

— Если у вас найдется немного времени, может, вы слетаете за вашим другом?

— Как же так? Через час мы должны быть в гостинице!

— Я вам бесплатно документы дам. И билет.

— Но у меня только час времени! До космодрома больше часа ехать.

— Корабль ждет во дворе моего магазина.

— Как? Прямо здесь?

Фуукс протянул руку и взял Алисин стакан с лимонадом.

— У нас солидная фирма,— сказал он,— очень солидная. Ее знают по всей Галактике.

— Но я должна хотя бы вернуться в гостиницу и сказать ребятам,— не сдавалась Алиса.

— Вот тогда уж вы точно никуда не успеете. А если решитесь ради вашего товарища слетать на другую планету, то, может быть, через час-другой вернетесь обратно.

— Вы не шутите?

— Я уже говорил, что никогда не шучу. Все в нашем мире относительно. И время, и расстояния... и верность друзьям, и отвага, и трусость. А может быть, в самом деле вам лучше вернуться в гостиницу и подождать вашего друга. Если он, конечно, вернется...

— Чего же мы теряем время?— спросила тогда Алиса.— Ведите меня к кораблю.

Г л а в а 8

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

— Погодите,— сказал Фуукс.— Так дела не делаются. Не можете же вы лететь на другую планету без документов.

— Почему?— спросила Алиса.— Сюда мы прилетели просто так.

— Не спеши, девочка. Это на цивилизованных планетах документы отменили, а на некоторых даже еще не придумали. Твой друг просился на особенную планету — планету с рыцарями, приключениями и так далее. Там документы в ходу. Поэтому держи!— Он кинул на бочку деревянный кубик.

— Это что такое?— спросила Алиса.

— Бери. Это пропуск в город.

— Но на нем ничего не написано.

— И не должно быть написано. Там у них с грамотностью плохо.

— Ну, можно идти?— спросила Алиса.

— Опять двадцать пять. Идти — легче легкого. Даже твой непутевый друг оказался сообразительней тебя. А кем ты, простите за нескромность, там будешь?

— Как так кем? Сама собой.

— В таком виде ты и двух шагов не сделаешь. Нужна маскировка.

— А Пашка?

— Он — в лучшем виде. Странствующий рыцарь. Этого ему и хотелось. Но ты не можешь быть странствующим рыцарем...

Фуукс вытащил из кармана стопку разноцветных бумажек и разложил бумажки на бочке. Он водил по ним носом и бормотал:

— Сделать тебя камеристкой... нет, ты не умеешь прислуживать... крестьянкой... нет, еще кто-нибудь тебя обидит, да и во дворец тебе не попасть... ведьмой... сожгут невзначай... Ага!

Фуукс выхватил из стопки розовый листочек и помахал им перед носом Алисы.

— Вот! То, что нам нужно, держи.

На листке был нарисован герб: щит с пятью розами

и тремя аистами, его придерживают два голых великаны с дубинками. И никакой подписи.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Это твои документы. И твой герб.

— Но кто я такая?

— Ты — зарубежная принцесса. Приехала с неофициальным визитом. Если не ошибаюсь, ты даже дальняя родственница вдовствующей королевы-мачехи.

— Ой, может, чего-нибудь попроще?

— Хватит. Или ты едешь, или ты не едешь. Я лучше знаю, какие тебе давать документы. И так уж я из-за тебя вазу разбил, детей без ужина оставил, а жена вот-вот с конференции вернется. Что мы тогда ей скажем?

Фуукс вскочил и бросился к внутренней двери.

Пришлось Алисе пойти за ним.

Фуукс откинул щеколду и потянул дверь к себе. Дверь резко отворилась, и все его дети высыпали им под ноги.

Фуукс резво перескоцил через них и потянул Алису в комнату, где у стены стоял старинный деревянный шкаф. Шкаф был распахнут, и из него горой вывалились всевозможные платья, рубашки, халаты и полотенца. На этих вещах мирно спал толстый рыжий кот.

— Ах, шалуны, — расстроился Фуукс, — все-таки сняли замок. Чем же это они?

— Топориком, папочка, — раздался голос от двери.

Но Фуукс уже не слышал, он, к возмущению кота, зарылся в вещи и через минуту выхватил из груды белое платье.

— Скорей! — крикнул он, протягивая платье Алисе. — Это свадебное платье моей супруги. Когда-то она была худенькой.

— Не верьте папочке, — пискнул от двери детский голосок.

— А ты и не видел, — возразил Фуукс.

Алиса схватила платье в охапку, Фуукс сунул ей еще серебряные туфельки, они пробежали через кухню, где на плите выкипал суп, и выскочили во двор.

Двор был большой, он зарос полынью, лопухами, репейником. Над сорняками в вечернем сумраке суетились птицы и бабочки. Поодаль возвышалась довольно ржавая старинная ракета, какие давно уже сняты даже с околосеменных трасс. Люк в ракету был распахнут и держался на одной петле.

— Скорей! — торопил Алису Фуукс. — Осталось всего две минуты. — Сейчас с работы вернется моя жена, и все погибло.

Он подхватил валявшуюся в траве табуретку и первым побежал по узкой тропинке к ракете. Алиса за ним. Все случилось так быстро, что она даже не успела сказать, что на такой ракете опасно выходить в открытый космос.

Фуукс приставил к люку табуретку и подсадил Алису. При этом он без умолку говорил:

— Ракета автоматическая, доставит куда надо. Иди, иди, не бойся, там совершенно безопасно, не заблудишься. Да скорей же! Дай я помогу тебе закрыть люк. Ты летала, ты знаешь, как пристегнуться?..

Алиса согнулась и вошла в полутемный корабль. Навстречу выскочил рыжий кот. Морда у него была обиженная, усы во все стороны. Еще бы, не дают спокойно отдохнуть!

Фуукс, стоя на табурете, прилаживал люк.

— Эй, принцесса! — крикнул он ей. — Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Учи только, что не всему надо верить. Если не всему верить, то обойдется. Я об этом говорил Пашке, но он, по-моему, плохо слушал. Ты ему напомни, чтобы не всему верил. Слышишь?

— Слышу.

— И не задерживайся. Потому что чем дальше, тем труднее не верить.

— Постойте! — крикнула Алиса, увидев, как уменьшается щель люка. — А когда я смогу вернуться? Ведь нас ждут.

— Не беспокойся, я придержу время, — ответил Фуукс. — Сколько бы вы там ни были — здесь не пройдет больше часа. Фирма гарантирует.

Люк захлопнулся, и последнее, что слышала Алиса, — это далекий тонкий крик кого-то из детей Фуукса:

— Не верь папочке, Алиса!

И звук шлепка.

Алиса кое-как отыскала стартовое кресло, уселась в него и пристегнулась пыльными ремнями.

Впереди загорелась надпись:

«До старта десять секунд».

И тут же в окошечке начали выскачивать цифры: 7... 6... 5... 4... 3... 2... 1...

Глава 9

ЛАТЫ В МЕТАЛЛОЛОМ

Алиса была уверена, что ей попался старый, тихоходный корабль, а не прошло и трех минут после старта, как впереди зажглась надпись:

«Внимание! Приступаем к супергиперпрыжке».

Тревожное жужжание заполнило корабль. Алиса устроилась поудобнее в кресле, проверила, хорошо ли держат ремни, а когда снова взглянула вперед, там уже горела другая надпись: «Начинаем посадку».

Загорелся тусклый свет. И прежде чем Алиса успела опомниться, надпись сменилась третьей: «Полет закончен».

Алису одолело сомнение: а вдруг все это злая шутка носатого старика? Пашки он и в глаза не видел, а загнал Алису на какой-нибудь ближний астероид.

Алиса стояла в нерешительности, держа в руках платье и туфли жены Фуукса. Переодеваться или сначала поглядеть, куда ее занесла судьба?

И тут Алиса заметила, что на полу что-то блестит. Она нагнулась и подняла значок: мальчик на дельфине. Значок мог обронить только Пашка.

Значит, старик Фуукс не обманул. Пашка здесь был. И на том спасибо.

Алиса натянула платье поверх комбинезона. Платье было велико, но не очень — правда, оно волочилось по полу и в нем не побегаешь. Но надевать ли туфли? Все равно не видно. Нет, лучше слушаться Фуукса. А вдруг здесь принцесс узнают по туфлям?

Вот и все. Алиса прошлась по каюте. Не очень удобно, но терпимо.

Она вышла к люку и толкнула его. Люк со скрежетом распахнулся, сорвавшись с петли. Хорошо еще, что это случилось не в космосе, подумала Алиса.

Она ожидала увидеть космодром и встречающих. Даже подготовила кубик и розовую бумажку.

Но оказалось, что корабль опустился на поляне в лесу. Близко подступали деревья и кусты, с одной стороны между ними виднелась покосившаяся изгородь.

День был сумрачный, облака бежали низко над лесом,

вот-вот мог начаться дождь. Тихо. Лишь стрекочет кузнец-чик и ветер шуршит листвой.

Алиса подобрала длинное белое платье, спрыгнула с люка и обошла ракету кругом. Ни души.

Поляну пересекала тропинка, которая пробегала как раз под кораблем.

Алиса поглядела под ноги — нет ли значка. Может, Пашка догадался оставлять следы, как мальчик-с-пальчик. Нет, не догадался.

Алиса прикрыла люк, сжала в кулаке кубик, обернутый в розовую бумажку с гербом. Только бы дождь не начался — хороша будет зарубежная принцесса в мокром платье!

Направо тропинка скрывалась в кустах. Налево — вела к прогалине между деревьев. Туда Алиса и пошла.

Дождь здесь, видно, лил с утра. Тропинка была скользкой, в углублениях стояли лужи, высокая трава склонялась под тяжестью капель воды, приходилось подбирать платье, но все равно туфли и подол промокли. Алиса смотрела под ноги и поэтому заметила двух женщин, сбиравших хворост, только когда до них оставалось шагов десять. Алиса остановилась, разглядывая их.

Женщины были босые, одеты в лохмотья. При виде Алисы они замерли, словно увидели тигра.

— Простите,— сказала Алиса,— я принцесса из соседнего государства. Здесь не проходил мальчик?..

Звук голоса словно разбудил женщин. Мелькая мокрыми пятками, они кинулись в кусты.

— Стойте! — крикнула им вслед Алиса.

Но разве их догонишь? Особенно в таком идиотском платье. Может, Пашка здесь чего-нибудь уже натворил?

Рыцарей Алиса пока что не встречала, а вот женщины здесь запуганные.

Тропинка влилась в проселочную дорогу, идти стало легче. Алиса даже опустила край платья. Карету бы найти какую-нибудь. Интересно, здесь есть извозчики?

Из-за туч выглянуло солнце, сразу начало парить. Лес кончился, дорога потянулась через обширную пустошь.

Пустошь была вытоптана словно стадом слонов, деревья и кусты, которые кое-где поднимались из грязи, стояли без листвьев, веток, а то и без коры. Потом Алиса увидела, что по земле разбросаны какие-то железки и

тряпки. Железки поблескивали на солнце, и от них поднимался пар.

Вблизи оказалось, что это — части рыцарских доспехов: шлемы с поломанными страусовыми перьями, нагрудники и налокотники, копья, мечи, обрывки плащей, попон и флагов и даже подковы.

Под дубом у дороги стояла большая тачка, наполненная шлемами и латами. На тачке, свесив ноги, сидел человек с трубкой в зубах и в странном костюме. Выше пояса его камзол был поделен надвое — справа красный, слева — синий. А вот рейтзузы были раскрашены наоборот — правая штанина синяя, левая — красная. Заканчивался этот костюм тапочками с сильно вытянутыми носками — правый красный, левый — синий.

Человек был не молод. Пегие пряди волос были зачесаны на лысину, голубые глазки окружены множеством морщинок, а кончик острого носа чуть свешивался вниз, к тонким губам.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Добрый день, принцесса, — ответил человечек. — Гуляешь? Ноги не промочила?

— Не беспокойтесь, сегодня не холодно. А что здесь случилось?

— Здесь позавчера битва была. Большое сражение.

— Почему?

— А почему битвы бывают? Как обычно, из-за пустяков. Граф Визислон Двурогий спьяну назвал барона Крипта Синеусого, рыцаря Синей Ямы, безнадежным болваном.

— Ой, как нехорошо. За что же?

— За дело. Каждый в королевстве знает, что это чистая правда.

— А барон?

— Барон, конечно, ответил, что от болвана и слышит. Это, кстати, тоже всем известно.

— И они вдвоем так насорили?

— Что ты, принцесса? Сразу видно — зарубежная. За графа Визислона вступилась вся Умитская конфедерация, а воинствующий орден Кольца и Веревки встал стенной за барона Крипта. Вот и сражались от рассвета до заката.

— И кто победил?

— Ты еще спроси — с каким счетом, — захихикал

двуцветный человечек.— Конечно, никто не победил. Собрали убитых и раненых и разъехались по своим замкам. Устроили перерыв перед большим турниром. Ты ведь тоже, наверно, на турнир явилась?

— Нет, я знакомого ищу.

— Кого же? Я тут, почитай, всех знаю. Он из благородных?

— Он рыцарь. Только вы вряд ли его знаете. Он тоже приезжий.

— Так опиши его своими словами.

— На вид он еще мальчик, в синей шапочке с козырьком...

— Ага, на мальчика похож! Знаю. Павлом зовут. Час назад здесь проходил. С космодрома шел. Как увидал латы и копья — прямо затрясся. Давай, говорит, меняться.

— И вы поменялись?

— Он взял латы, копье, щит, меч, а мне значков с дельфином дал. Штук десять. Честно говоря, я значков не собираю, но уж очень парень был настойчивый.

— Разве можно было ему настоящее оружие давать? Он еще мальчик.

— Сама же говорила, что рыцарь. И он мне подтвердил, что рыцарь. И документы показал. Все как в аптеке. Рыцарь Красной стрелы. У меня как раз баночка красной краски нашлась — мы с ним на щите эту стрелу и нарисовали.

— А разве это ваши доспехи?

— Теперь мои. Бой вничью кончился, а земля мне принадлежит. Еще покойным королем-отцом подарена. Очень выгодное владение. По крайней мере раз в неделю какое-нибудь сражение здесь происходит.

— А за что вы эту землю получили?

— За службу. Я на королевской службе. Шутом работаю. Но разве на одну зарплату у нас проживешь?

Алиса совсем расстроилась. Оказывается, Пашка уже и латы себе раздобыл. Теперь обязательно чего-нибудь натворит.

— А куда он дальше пошел? — спросила она.

— В город, куда же. Только сначала ему надо коня раздобыть. Без коня — какой рыцарь?

— Но у него денег нет. И значки, наверно, кончились.

— Настоящий рыцарь все без денег возьмет. Такой у рыцарей обычай.

— Но Пашка не такой...

— Может, он раньше был не такой, а как попал в рыцари — станет как все. Грабителем, угнетателем сирот и бедных, бездельником и бандитом.

— Нет! Вы просто не любите рыцарей.

— За что мне их любить?.. Ну ладно, в город пора.

— А можно, я с вами? А то я здесь в первый раз...

— Иди, принцесса. У тебя пропуск есть?

— Есть. Вот он.

Шут развернул розовую бумажку и стал разглядывать герб.

— Смотри-ка, — сказал он наконец. — Да ты, оказывается, из хорошей семьи. И нашей вдовствующей королеве-мачехе приходишься внучатой племянницей. Правильно?

— Мне об этом говорили, — согласилась Алиса. — Только я ее совсем не помню.

— Ну конечно, ничего удивительного. Ведь королева Изабелла от вас совсем молоденькой уехала. Ты, наверно, тогда под стол пешком ходила. Держи свои документы. Все в порядке. Можно идти в город.

Шут взялся за длинные ручки, с трудом приподнял тачку и тут же бросил. Схватился за поясницу и замер в изогнутой позе.

— Какое горе, — простонал он. — Опять меня скрутил радикулит. Что делать, что делать?

— А зачем вам эти латы? Они же гнутые, ломаные.

— Вот и сдам их в металлолом. Гроши заплатят, но все равно деньги. При нашей-то бедности...

На глазах у шута выступили две большие слезы и медленно покатились по щекам. И весь он съежился, стал маленьким и старым.

— Я вам помогу, — пожалела его Алиса.

Она подхватила тачку. Старый шут пожадничал, навалил на тачку не меньше центнера. Уже через десять шагов Алиса все руки себе оттянула.

— Ты потерпи, — уговаривал ее шут. — Вон до того бугорка, а дальше я сам повезу. Пройдет приступ, и смею тебя. Ты не думай...

Шут бодро вышагивал рядом с Алисой, даже забегал вперед, чтобы убрать с дороги камень или ветку.

— Надолго к нам? — спросил он голосом любезного хозяина. — Да ты не спеши, не надрывайся. В твоем общественном положении надрываться необязательно.

— Найду Пашку — и сразу обратно, — сказала Алиса.

— Это правильно, — сказал шут. — Нечего у нас задерживаться. Отстало живем, темные мы люди. Горстка рыцарей и князей угнетает простой народ, который живет в нищете и бесправии. Просто безобразие. Ждем не дождемся, когда начнется Возрождение. Может, тогда вздохнем немного. А у вас какая обстановка?

— У нас лучше, — сказала Алиса, стараясь дышать глубоко, как во время бега на три километра.

— Воевать с нами не собираетесь?

— Ни с кем не собираемся воевать.

— Вот это зря. Нас, я тебе скажу, можно голыми руками взять.

— Вот уже и бугорок, — сказала Алиса, напоминая шуту о его обещании.

— Что-то у меня сердце прихватило, — ответил шут. — Давай втащим тачку наверх и передохнем немножко. Ты не возражаешь?

Он взялся за ручку и сделал вид, что помогает Алисе, хотя от его помощи не было никакого толку. И глазки у него были такие хитрые, что Алиса заподозрила: может, он нарочно подстерегал какого-нибудь простака, чтобы самому тачку не тащить? 1

— А чего вы лошадь не купите? — спросила Алиса. — И работа у вас есть, и участок земли, и металлом сдаете.

— Нельзя, — сказал шут. — По причине неблагородного происхождения. Рад бы, да нельзя. Есть у меня, правда, осел, но я его напрокат сдал в королевский зоопарк, на нем принцы катаются, а мне за это денежки идут. Лучше уж я попотею, сам тачку потаскаю, зато деньги целы будут. Бережливость — вот мой лозунг, коль не пришлось благородным родиться.

На вершине холма Алиса поставила тачку и поглядела вперед. Там, в долине, стоял город. Он был обнесен каменной зубчатой стеной, по углам возвышались башни, а в стене у открытых ворот дежурили стражники. Их латы поблескивали под солнцем. Между путниками и городом расстилались вспаханные поля, кое-где темнели хижины под соломенными крышами. От города доносился далекий колокольный звон.

— Красота,— вздохнул шут.— Люблю природу. Ну что, отдохнула? Пойдем дальше.
— Еще минуточку,— сказала Алиса.

Глава 10

ОБИЖЕННЫЙ МАРКИЗ

Посыпался стук копыт, звон оружия, и на вершину бугра выскочил богато разодетый толстый рыцарь с обнаженным мечом. Забрало шлема было поднято, и оттуда, как из окошка, торчал красный нос и рыжие кошачьи усы. Сзади, положив поперек седла длинное рыцарское копье, скакал юный лохматый оруженосец в кожаной куртке.

— Где он?— завопил рыцарь, осаживая коня перед Алисой.— Где этот мерзавец?

— Вы о ком, уважаемый маркиз Фаффакс?— спросил шут.

— Я его растерзаю на четырнадцать частей! Или даже больше, на восемь!— кричал рыцарь.

— Какая потрясающая неграмотность,— прошептал шут Алисе.— Полагаю, что ему вообще не приходилось ходить в школу. Представляете?

Алиса кивнула.

— Вы чего бормочете?— спросил рыцарь.— Со мной шутки плохи. Может, вы его спрятали! Грико, погляди в тачке.

Оруженосец не спеша подъехал поближе, но в тачке копаться не стал.

— Осторожнее, маркиз,— сказал шут.— Вы забыли, что тачка принадлежит мне, а я — любимец его величества.

— Мне на всех плевать,— сообщил рыцарь.— Пока я не отыщу негодяя, который освободил из цепей моих рабов. Что еще за вольности с чужой собственностью? Кто дал ему такое право?

— Может, это право сильного?— спросил шут.

— Сильный — это я. Вчера не слезал с седла тридцать

один час, свалил трех великанов и обезглавил одного дракона. Не слыхали?

— Кто не знает об этом, господин маркиз? — согласился шут. — Вот зарубежная принцесса специально прибыла полюбоваться вами на большом турнире.

— Грико, подставляй спину! — закричал рыцарь. — Я должен поздороваться с принцессой.

Оруженосец подмигнул Алисе — он был худой, поджарый и загорелый, совсем еще юный, даже без усов. Он соскочил на землю и нагнулся у рыцарского коня, чтобы господину было на что поставить ногу.

Рыцарь тяжело перевалился через седло, со всей силой наступил сапогами на спину оруженосца. Алисе страшно стало — не сломал бы он парню позвоночник. Но Грико как ни в чем не бывало выпрямился и, пока маркиз поправлял свою сбрую, сказал Алисе:

— Не обращай внимания. Я крепкий, на мне воду возить можно.

Рыцарь подошел к Алисе, разгладил железной перчаткой рыжие усы и сказал:

— Рад приветствовать вас, принцесса. Вы не замужем?

— Нет, — сказала Алиса. — И не собираюсь.

— Не желаете ли стать моей дамой сердца? — спросил маркиз.

— Я об этом как-то не думала, — сказала Алиса. — К тому же я здесь проездом.

Рыцарь подошел поближе и подцепил перчаткой рукав платья.

— Какая ткань! — воскликнул он. — Такого у нас не делают. Заграничная работа. Вы прекрасны, мадемуазель.

— Не обращай внимания, — сказал оруженосец.

— Простите, маркиз, — сказал шут. — Вы тут жаловались на какого-то рыцаря.

— Ах, даже вспоминать неприятно. Тем более в такой момент. Какой-то молокосос увидел моих рабов, которых вели на продажу, и посмел их освободить.

— А рыцарь-то местный?

— Нет, чужой. Герб у него — Красная стрела.

Шут обернулся к Алисе и сказал тихо:

— Это он.

Алиса уже поняла.

— А куда он поехал? — спросил шут.

— Куда поехал? Если бы я знал, то догнал бы и разорвал. — Маркиз пошевелил усами и продолжал спокойнее: — Наверно, в город. Я на него королю пожалуюсь, будет знать, как хулиганить. Но не в этом дело...

Рыцарь снова обернулся к Алисе и торжественно заявил:

— Желаю встать перед вами на колено.

— Нельзя, ваша милость, — сказал оруженосец, — у вас левое колено заржало.

— Я на правое встану.

— Что вы, маркиз, — вмешался шут. — На правое встают только перед королем. Кто-нибудь узнает, донесет его величеству.

— Кто же донесет? — удивился маркиз.

— А я на что? — спросил шут. — Обязательно донесу.

— Да, правильно, ты, конечно, донесешь, — согласился рыцарь. — Простите, принцесса, преклонение отменяется.

— Пожалуй, я все равно донесу, — сказал шут сладким голосом.

— Но ведь я не вставал!

— Но хотел.

— Это неблагородно!

— А я неблагородный. Я деньги люблю.

— Шут, откуда у меня деньги? — удивился рыцарь. — У меня меч и копье. Ими я добываю славу.

— А еще людьми торгуете, — заметил шут.

— Долги отдавать пришлось. А свободных денег — ни монетки. Вот и продал. Они все равно ленивые.

— Ладно уж, не буду доносить, — согласился шут. — Только при одном условии. У меня тачка тяжелая, до города не дотащить. Пусть ваш оруженосец нам поможет.

— А кто же мое копье повезет? — удивился маркиз. — И мне, кстати, без свиты ездить не положено.

— Положено, — вмешался тут оруженосец. — Вчера весь день без меня ездили: к вашей мамаше за деньгами ездили, потом в карты играть ездили и ужинать ездили. И все без меня.

— Вчера я с великанами воевал, — возразил маркиз.

— Все, — сказал шут стальным голосом. Алиса даже

удивилась, откуда у шута появился такой голос.— Поезжайте, маркиз. Мы вас найдем во дворце.

Маркиз все еще колебался, хотя на шута поглядел с опаской.

Алиса представила, каково ей одной тащить тачку с металлом, и взмолилась:

— Маркиз, я вас лично прошу, оставьте нам своего оруженосца.

Это был выход. Одно дело подчиняться шуту, другое — иностранной принцессе.

— Не могу отказать прекрасной даме. Берите, пользуйтесь.

Все втроем они помогли рыцарю взгромоздиться на коня. Грико протянул ему копье.

— Тяжело,— признался рыцарь.

— А вы не спешите,— сказал шут.— Потихонечку, полегонечку. Турнир еще не начинается. Может, даже соснете часок где-нибудь в тени.

— Отдыхайте, маркиз,— поддержала шута Алиса. Она поняла, что чем позже рыцарь приедет в город, тем лучше для Пашки.— Спасибо за помощь.

— Во дворце увидимся,— сказал маркиз и повернулся коня в сторону.

Шут подождал, пока маркиз скрылся за поворотом, и сказал:

— Поехали, что ли?

— Поехали,— согласился Грико.— Возьмите моего коня.

Они пошли вниз, к городу. Впереди оруженосец вез тачку и порой смотрел на Алису и улыбался. Алиса шла чуть сзади, придерживая за край свое загородное платье. Шут вел на поводу коня и тихо напевал:

— Все съезжались на турнир
В славный город Жангленир.
Мы храбрейшего узнаем
На турнире в Жанглезе.

— Простите,— обернулась к нему Алиса.— Разве этот город тоже называется Жангле-многоточие?

Шут пожал плечами.

— Каждый называет этот город как хочет. А виной тому поголовная неграмотность.

Глава

11

ДРУГОЙ ЖАНГЛЕ...

Мост через ров у городской стены был опущен, решетка ворот поднята. Мимо стражников, стоявших по обе стороны входа, проходили крестьяне с мешками и связками хвороста, горожане в высоких шляпах, горожанки в пышных юбках, монахи в черных рясах, подпоясанных веревками. Медленно брела вереница полуголых людей, скованных общей цепью.

— Вот видишь, Алиса,— сказал шут, пока они стояли у моста, ожидая своей очереди войти в город,— некоторые молодые люди стремятся в средневековые времена и думают, что там была увлекательная приключенческая жизнь — рыцари скакали по полям и осаждали замки. А рыцари, скажу тебе, были довольно темными и жестокими людьми. И для многих здесь жизнь не сахар.

— Я знаю,— сказала Алиса.— Мы в школе проходили.

— Можно по-разному проходить,— сказал шут.— Ты, может, и запомнила что-то, а твой друг почти все пропустил мимо ушей. Ты не представляешь, сколько лишнего беспокойства и неприятностей происходит от невнимательных романтиков.

— А вы много знаете,— сказала Алиса.

— Я уже немолодой шут... Ну, пошли дальше.

Стражники опустили алебарды, преграждая дорогу.

— Кто такие?— спросил один из них.

— Не узнаешь, деревенщина?— рявкнул шут басом.

— Ты похож на королевского шута Фу-фу,— сказал стражник.— Но полной уверенности у нас нет. И к тому же откуда у тебя лошадь?

— Лошадь не моя, а маркиза Фаффакса. А это его оруженосец.

— Правильно,— сказал второй стражник.— Остается выяснить личность этой девчушки.

— Вот,— Алиса протянула им бумажку и кубик.

Стражник взвесил кубик на ладони и вернул обратно.

— Настоящий,— сказал он.

Потом развернул розовую бумажку, покрутил ее так и этак и крикнул:

— Эй, начальник. Погляди, кто пришел.

Из двери, спрятанной в стене, выскочил третий стражник в каске с петушиными перьями. Он выхватил бумажку из рук своего подчиненного и сказал:

— Ты что, слепой, что ли? Не отличаешь розового пропуска от простого? Это же как минимум принцесса.

— И притом заграничная,— сказал шут.

— Вижу, что заграничная. Я своих всех наперечет изучил. Уж не будете ли вы, ваше высочество, двоюродной внучатой племянницей ее вдовствующему величеству?

— Ясное дело,— сказал шут.

Сзади уже скопилась длинная очередь, и некоторые начали ворчать: «Что нам здесь, до вечера ждать, что ли?»

— Молчать!— рявкнул начальник караула.— Мы на посту! Мы при исполнении!

И совсем другим голосом он продолжал:

— А вам, ваше высочество, надо проследовать в ваши апартаменты во дворце, номер с ванной. Вот ключ.

Начальник стражников достал большой позолоченный ключ и передал Алисе.

— Добро пожаловать в гостеприимный Жанглепул!

А когда оруженосец уже подхватил тачку, чтобы следовать дальше, начальник наклонился к уху Алисы и прошептал:

— Если привезли контрабандный чай или кружева, я дам лучшую цену.

Шут услышал и усмехнулся:

— Поздно. Я уже все перекупил.

— Ну конечно,— расстроился начальник караула.— С тобой разве можно состязаться? Небось у самой границы караулил?

Перейдя площадь у ворот, спутники попали на узкую улицу, чем-то похожую на Сувенирную улицу в другом Жангле-многоточии. Шут сказал:

— Ты, Алиса, не обижайся. Но иначе от него не отвязаться. Разве бы он поверил, что заграничная принцесса может приехать без всякой контрабанды?

— Мертвый номер,— подтвердил оруженосец.— Дальше куда?

— Поможете мне доставить груз до металлолома, а потом — во дворец.

— А может, мне не надо идти во дворец? Я здесь

живь не собираюсь. Мне только Пашку Гераскина найти — и сразу обратно.

— А где ты его сейчас искать будешь? Без моей помощи не обойтись. Сделаем так: ты пойдешь к себе, а я разузнаю, чего еще успел твой друг натворить. Как только найду его, сразу сообщу. Я — твой первый союзник. Ты мне нравишься, а здешние порядки совсем не нравятся.

— Слушайся шута, принцесса, — сказал оруженосец. — Он такой пройдоха — второго во всем королевстве не сыщешь.

— А оруженосец с тобой побудет, — сказал шут. — На всякий случай. Он — парень веселый и честный. Я его с детства знаю. Мы с его родителями в соседней квартире жили.

— Да, мама до сих пор о вас очень тепло отзывает-ся, — сказал оруженосец.

— Только без этих нежностей! Я, придворный интриган, этого не люблю.

Они свернули в узкий темный переулок, над которым почти смыкались крыши домов, и остановились перед воротами. Над ними косо висела ржавая вывеска:

ПРИЕМ МЕТАЛЛОЛОМА

Сдавайте старые кастрюли,
доспехи, котлы,
чешую драконов,
щиты и прочий лом
черных и цветных металлов.
Цены по соглашению.

— Тут я с вами прощаюсь, — сказал шут. — Грико выведет тебя ко дворцу, а я вступлю в бой — за каждый шлем придется торговаться. Как я этого не люблю...

Глава 12

НОМЕР С ВАННОЙ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

— Далеко до дворца? — спросила Алиса у оруженосца.

— Нет, минут десять ходу. — Грико был почти на голову выше Алисы, очень стройный. Наверно, из него получился бы хороший спортсмен.

— Ты каким-нибудь видом спорта занимаешься? — спросила Алиса.

— Если повезет, стану рыцарем.

— Ну, это еще не спорт, — сказала Алиса.

— Может быть. Но это жизнь. А ты чем занимаешься?

— Я принцесса.

— Ну конечно. Выйдешь замуж и будешь сидеть в башне.

— Не думай. У нас совершенно другое отношение к людям. Ты, кстати, в школе учился?

— Один год учился, у монахов. Даже читать умею. Если печатными буквами. Но я это от моего маркиза скрываю. Он бы меня выгнал. И так с трудом удалось место найти. Ты не представляешь, сколько мои родители бились, прежде чем такое благородное место для меня нашли!

— А может, лучше бы дальше учиться?

— А потом куда? Писарем? Или в монастырь?

— Да, выбор маленький. И все-таки я бы на твоем месте поискала себе другую работу. В моряки бы пошла, в путешественники.

— Слушай, — обиделся оруженосец. — Ты что думаешь, если ты благородного происхождения, то можешь мужчину учить?

Алисе стало смешно.

— Ты чего? — спросил оруженосец. В общем, он оказался славным парнем.

— Странно все это слышать.

Им пришлось посторониться и прижаться к стене, потому что четверо слуг несли крытые носилки с гербом на занавесках. Слуги тяжело дышали, один даже прихрамывал.

— А кто тебе этот рыцарь? — спросил Грико. — Женщина, что ли?

— Нет, товарищ, — сказала Алиса. — Мы с ним вместе научной работой занимаемся.

— Звезды считаете или колдуете? — спросил оруженосец. — А то еще окажется, что ты ведьма, беды не оберешься.

— Разве я похожа на ведьму?

— Они хитрые. Если бы ведьмы были похожи на ведьм, сожгли бы всех, и дело с концом.

— Нет, я не ведьма, честное слово, — сказала Алиса. — Да и мой Пашка вовсе не рыцарь. Он только вообразил, что, если попадет на рыцарскую планету, отыщет всякие волнующие приключения.

— А у вас что, своих рыцарей нет?

— Все вывелись.

— Ну и скучно же вы живете.

— Веселее, чем вы. Может, какнибудь к нам выберешься, поглядишь?

— Нет, я опасаюсь за границу ехать. Там у вас драконы и колдуны на каждом шагу.

Алиса поняла, что спорить с Грико невозможно. Как ему объяснишь, чего он никогда не видел. Ей кажется, что в его мире скучно, а ему — наоборот.

— Но ты мне поможешь, если нужно?

— Конечно, помогу, — сказал оруженосец. — Особенно если твой друг с моим маркизом враги — я, честно говоря, хоть и у него на службе, этого толстого борова не выношу. Дурак жадный, пьяница, картежник. Половину своих крестьян в рабство продал. Но надо его опасаться. Он дурак-дурак, но хитрый. Ты думаешь, он нас послушался, отдохнуть поехал? Как бы не так! Наверняка уже у короля сидит, ябедничает, чтобы твоего друга в тюрьму упекли.

— Что же делать?

— Без шута нам ничего не поделать. Фу-фу хоть и придворный, но неплохой человек. Мы с ним соседи по Кривой улице. Всего своим трудом добился.

Дворец оказался бестолковым зданием, с массой пристроек. Казалось, сначала кто-то возвел трехэтажный дом с колоннами и башнями, потом, когда понадобились новые комнаты, пристроил к нему двухэтажные флигеля по краям, а уже после каждый, кому не лень, дополнял

дворец флигелями, переходами, крыльями, башенками.

Закованный в латы страж — только нос наружу, чтобы дышать, и уши, чтобы слышать, — поглядел на Алисины документы и сказал:

— Вам, принцесса, через третий подъезд, по лестнице на второй этаж, потом направо до конца коридора. Номер шестнадцать. А вот вашему пажу придется переночевать в коридоре, мы ему подстилку дадим.

Алиса хотела сказать, что Грико — не ее паж, но тот ее успел ущипнуть — она поняла и промолчала.

— Больно щиплешься, — сказала она Грико, когда они отошли от стражи. — Синяк будет.

— Извини, но если бы не ущипнул, оставили бы меня на дворе маркиза ждать. А я ведь тебе могу пригодиться.

Дворец давно не ремонтировали, краска слезла, штукатурка кое-где осыпалась, а стекол в окнах вообще не было.

Они поднялись по темной лестнице на второй этаж и еле отыскали в конце коридора шестнадцатую комнату. Дверь была не заперта, но Грико пришлось поднатужиться, чтобы ее открыть. Вся рассохлась.

В комнате было много ковров — весь пол и стены в коврах. В одном углу стояла кровать под лиловым балдахином, расшитым двухвостыми птицами. На кровати можно было бы уложить весь Алисин класс. Правда, простыни на ней не оказалось. Зато рядом лежали звериные шкуры. Кроме кровати, в комнате стояли два деревянных стула с очень высокими резными спинками и длинный сундук. Вот и вся мебель. Открытая дверь вела в соседнюю комнату. Алиса сразу сунула туда нос.

— И это называется ванная! — воскликнула она.

— А что? — спросил Грико, стараясь пригладить непослушные лохмы. — Роскошно будешь жить, принцесса.

Ванна оказалась деревянным чаном. Рядом с чаном на полу стоял ночной горшок.

— Совмещенный санузел, — сказала Алиса.

— Чего? — спросил Грико.

— Сами живите в такой роскоши, — сказала Алиса. — Тоже мне, королевский дворец!

— Но у нас же средние века! — сказал Грико.

— Слишком уж средние, — возразила Алиса, вернувшись.

лась в комнату и подошла к окну. Окно было затянуто частым деревянным переплетом, но без стекол. Оно смотрело по другую сторону дворца. Там был стадион.

Невысокие деревянные трибуны окружали поле без ворот.

— Здесь у вас в футбол играют? — спросила Алиса.

В какой еще футбол, принцесса? — удивился оруженосец.

— А что тогда на этом поле делают?

— Это же площадка для турниров, на которых не на жизнь, а на смерть сражаются доблестные рыцари, — сказал Грико. — Даже младенцы об этом знают.

— Я же тебе сказала, что у нас рыцари вывелись.

Глаза оруженосца сверкали, смуглые ноздри раздулись. Он глядел на это вытоптанное пыльное поле, как голодный обжора на коробку шоколадных конфет.

— Счастливый твой друг, рыцарь Красной стрелы, — сказал Грико. — Он уже имеет право померяться силами с великими рыцарями. Если бы мне происхождение позволило, я бы отсюда вообще не вылезал.

— Ну и дурак, — сказала Алиса. — Прихлопнут еще без пользы.

— Ну и пускай, лучше умереть на поле славы, чем влакить скучную жизнь.

Алиса не успела ответить этому отсталому юноше, потому что услышала знакомый скрипучий голос:

— Ну, как устроилась, принцесса, не скучала?

— Ой! — Алиса бросилась к старому знакомому. — Вы что-нибудь узнали?

Шут был одет как прежде, только сменил шляпу на высокий с двумя верхушками колпак, увешанный бубенчиками.

Шут отрицательно покачал головой, и бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— В городе я ничего узнать не смог и поспешил во дворец, чтобы опередить маркиза. Когда я примчался к их величеству, они мыли руки. Это новая заморская мода. Если король моет руки, его нельзя отвлекать.

— И вам ничего не удалось сказать?

— Не только мне, но и маркизу, который сунулся было со своей жалобой. Ему велели подождать до конца обеда. Так что собирайся, и побежали в столовую. Я сказал о твоем приезде королеве-мачехе. Она, в принци-

пе, порядочная женщина, тоскует здесь. Ей будет о чём с тобой поговорить — общие друзья, родственники...

Алисе показалось, что шут смотрит на неё с усмешкой.

— А она меня помнит? — спросила Алиса.

— Еще бы. Малюткой она тебя качала на коленях. А когда твоя мама сопровождала твоего папу в походах, тебя обычно отдавали на сохранение твоей тетушке Изабелле. Так что я надеюсь на её помощь.

«Плохо дело, — подумала Алиса. — Ну и влипла же я с этой рыцарской страной! Вернусь, неделю с Пашкой разговаривать не буду. Если вернусь...» Вернее всего, эта старуха королева обязательно Алису узнает, и тогда уже не убежишь... Не объяснишь же им, откуда ты в самом деле. Сожгут, как ведьму.

— Ну, чего мы ждем? — спросил шут. — Все уже за столом. А ты, Грико, иди на двор, к другим слугам, там тебя чем-нибудь накормят. Увидимся на турнире

— Счастливо, Алиса, — сказал оруженосец.

Алиса протянула ему руку, но он не посмел до неё дотронуться, поклонился и убежал.

Алиса с шутом долго шли темными коридорами и еле освещенными лестницами, в одном месте дорогу им перебежала крыса, в другом — спугнули сову. Шут нес перед собой керосиновую лампу, и от её света возникали длинные, подвижные, страшноватые, словно живые, тени. Шут размышлял вслух:

— Надо же было твоему дружку отпускать на свободу рабов! Ну ладно бы увел чужую лошадь, избил кого-нибудь, ограбил, наконец. Это у рыцарей не большой грех. Но отпускать на волю рабов — преступление. Как его выручить, не представляю...

— А разве вы на его месте не стали бы освобождать рабов? — спросила Алиса. Она, конечно, догадывалась, что ответит шут.

— Это чепуха! — заявил он. — Это война с ветряными мельницами, как у Дон Кихота!

— У кого? — удивилась Алиса. Вот уж не думала, что здесь кто-нибудь слышал об этой книге.

— Был такой рыцарь. Хотя, может, его иначе звали. А что?

— Ничего.

— Чужого раба освободить — все равно что соседу

в карман залезть. Никогда бы я не стал чужих рабов освобождать.

— Но ведь у Пашки совсем другое воспитание. Нет на Земле рабов, понимаете? Вы бы к нам попали, еще бы не того натворили. Что же вас, на костре жечь?

— Меня нельзя — я на королевской службе. Только их величество могут меня сжечь. Ладно, не печалься. Придумаем чего-нибудь. Мир не без добрых людей.

Глава

13

КОРОЛЕВСКИЙ ОБЕД

— Осторожней, здесь приступочка,— предупредил шут, когда они вошли в высокий, темный, кое-как освещенный дымными факелами и свечами зал. Чуть ли не половину зала занимал стол в виде буквы «П». Он был уставлен яствами, а вдоль него на скамьях без спинок сидело человек сто, не меньше. Во главе стола, на троне, восседал король, рядом — его приближенные.

Вокруг стола бегали слуги с подносами. На подносях лежали гуси и пороссята. За слугами носились охотничьи собаки, которые следили, не свалится ли что-нибудь вкусное с подноса.

— Ну, держись, принцесса,— сказал шут.— Начинаем представление.

Вдруг он встал на руки, так что концы колпака волочились по каменному полу, и пошел к столу, пронзительно вереща:

— Я привел с собой принцессу, которая перевернула мне душу и тело! Ай-ай! Я теперь никогда не смогу встать на ноги!

Его последние слова заглушил громовой хохот рыцарей и вельмож, которые сидели за столом. Хохот метался под сводами зала, словно заблудившаяся стая ворон.

— А если я прикажу тебе на ноги встать,— закричал бородач в золотой короне,— ты встанешь или нет?

— Я рад бы! Я рад бы! — ответил шут.— Но не могу. Придется мне руки отрубить.

— Ну и чувство юмора,— вздохнула Алиса.

— Тогда пускай твоя принцесса идет сюда,— сказал

бородач.— У нас для нее найдется свободное место.

Он поднял широкую ладонь и стукнул по шее худого старикашку, который сидел рядом. Старикашка свалился со стула. Гости захотели пуще прежнего.

Алиса послушно пошла к столу, хотя ноги у нее подгибались. Она жутко струсила. Главное, не забывать, что ты принцесса и всю жизнь провела в таких вот компаниях.

Особенно неприятно было идти мимо вереницы усатых, бородатых, тонких, толстых, лысых, волосатых, молодых, старых физиономий — они даже жевать перестали, глазея на гостью.

Король до самых глаз зарос черной бородой, но все равно видно было, что лицо у него приплюснутое, словно кто-то ударили его по голове, — от этого глаза выпучились, зубы вылезли вперед, нос задрался кверху. Руки у короля были заняты: он держал баранью ногу. Поэтому здорваться с принцессой он не стал, а только спросил:

— Чего пожаловала? Мы тебя вроде не приглашали.

— На турнир, ваше величество, — сказала Алиса.

— Молодец. Девчонка, а смелая. Ну, тогда садись. Можешь звать меня дядей. Эй, дайте сюда гуся помоложе. Моя племянница проголодалась.

Прибежал слуга с золотой тарелкой, на которой лежала гусиная нога.

— Жуй, — сказал король. — У нас все попросту.

Алиса не знала, с какой стороны взяться за такую ножищу, тем более что есть не хотелось.

Виночерпий налил Алисе бокал красного вина.

— И выпей, — сказал король. — Не обижай наше величество.

Все внутри у Алисы сжалось, как от мороза.

И тут она услышала тихий, мелодичный голос:

— Не стесняйся, девочка. Только вина тебе пить, пожалуй, не стоит. Ты сделай вид, что пьешь.

Алиса обернулась. Справа от нее сидела молодая женщина изумительной красоты. У нее были пушистые, вьющиеся темные волосы, синие глаза в черных ресницах. Она была бледной и грустной. Платье у этой женщины было темно-синим с серебряным шитьем, а на голове горела небольшая корона.

— Ты меня не узнаешь, Алиса? — спросила женщина.

— Я... наверно, я забыла...

— Конечно, ты была совсем маленькая. Я — королева Изабелла, твоя внучатая тетка по матери. И еще меня называют вдовствующей королевой-мачехой.

— Ой, извините,— сказала Алиса.— А я думала, что королева-мачеха обязательно должна быть старой и злой. Ведь сам король тоже немолодой.

— Его отец взял меня в жены четыре года назад,— сказала королева-мачеха.— Я была младше его на тридцать четыре года. А вскоре он умер, на престол взошел его сын, а я стала пленницей в этом дворце. Так мне и придется, видно, провести здесь остаток моих дней, если враги не отравят.

Король громко чавкал, пожирая баранью ногу, и запивал вином из кубка размером с ведро. К счастью, он сразу позабыл про Алису.

— Как твоя мамочка?— спросила Изабелла.

— Спасибо, здорова,— сказала Алиса. Она вообще врать не любила, а врать такой грустной и приятной женщине было втрое противно.

— А папа?

— Папа тоже здоров.

— Он оправился от ран?

— Оправился.

— Ему, кажется, дракон ногу откусил в битве за волшебную чашу?— спросила Изабелла.

— Да, кажется,— сказала Алиса и почувствовала, как краснеет, хорошо еще, что здесь не очень светло.

— А как твой братишко?— продолжала расспросы королева-мачеха.

Нет, все-таки правду говорили в сказках, что мачехи в королевском чине — самые коварные люди на свете. И что ей приспичило допрашивать гостью о родственниках?

— По-старому,— сказала Алиса.

— Как его зовут, я забыла?— упорствовала королева Изабелла.

Алиса в отчаянии так вгрызлась в гусиную ногу, что даже зубы застряли. Теперь, если бы Алиса захотела ответить, все равно ей не вытащить зубы из жесткого мяса.

А над ухом все журчал голос королевы-мачехи:

— Да, конечно, его же зовут Венедиктом. Рыцарем Венедиктом. Или Павлом? Может, Павлом?.. Кажется, я его звала Павликом... Это он победил оборотня в битве у

Заупокойного озера? Конечно же, вторая голова оборотня всегда висела в библиотеке твоего папы над письменным столом...

Изабелла посмотрела на Алису, подняв брови. Ничего не оставалось, как кивнуть головой. Такой ответ Изабеллу вполне удовлетворил.

— Правильно,— сказала она,— все сходится. Узнаю в тебе славную дочь бурного рода королей Актианских.

В этот момент король отложил баранью ногу, вытер ладони о живот и вспомнил о заграничной принцессе.

— Ну, как ты устроилась, ванна тебе понравилась?— спросил он.— У вас тоже теперь руки перед едой моют?

Алиса попыталась освободить зубы из гусиной ноги, но ничего не вышло. Алиса извивалась в борьбе с проклятой ногой, а вдруг король решит, что она притворяется?

Но король все понял. Одной рукой он ухватился за кость, а другой крепко взял Алису за волосы и дернул.

Слезы брызнули из глаз Алисы, в ушах зазвенело, со страшным всхлипом гусиная нога вырвалась наружу, и король поднял ее вверх, как знамя.

— Повара!— закричал он.— Повара ко мне!

Изабелла достала кружевной платочек и вытерла Алисе слезы.

— Вот видишь,— сказала она.— Какие у нас трубы нравы.

— Где повар?— вопил король.

Все молчали. Вдруг из-под стола показался колпак шута.

— Не извольте гневаться, ваше величество, но повара только на той неделе казнили,— сказал он.

— А где его помощник?

— Он убежал в лодке в открытое море.

— Кто же тогда готовил гуся, которым мы чуть не загубили нашу именитую гостью?

— Ученики кулинарной школы, ваше величество.

— Пусть их всех казнят.

— Ой, не надо, ваше величество!— закричала Алиса.

— Принцесса права,— сказал шут.— Эти ученики наша последняя надежда. Если мы их казним, придется переходить на консервы.

— Ты так думаешь?— спросил король.— Ненавижу консервы. В последнем походе на мумизматов мы кон-

сервыми банками из катапульты стреляли. Триста убитых, остальные раненые. Полная победа!

Король метнул гусиной ногой в собаку, и она убежала, воя на весь зал.

— Подавайте компот! — велел король. — И перейдем к делам. А то до турнира не управимся. Камергер, какие у нас дела?

Грузный мужчина с маленькой головой подбежал к трону, вытирая рукавом губы.

— Государственных дел на сегодня нет, — сказал он.

— А жалобы есть?

— Жалобы есть.

— От кого и на кого?

— От знатных людей, — сказал камергер. — На неизвестного рыцаря.

— Ну, начинай.

Король взял чашку с компотом и откинулся на троне.

Глава

14

ЖАЛОБЫ НА РЫЦАРЯ

— У кого жалобы, поднимайте руки! — воскликнул камергер.

Над столом поднялось несколько рук.

Шут вылез из-под стола и втиснулся между Алисой и королем.

— Ты чего? — спросил король.

— Буду советы давать.

— Так ты ж дурак.

— Один дурак от такого отсоветует, чего десять умников насоветуют, — сказал шут.

— Ладно, посмотрим. Начинай жаловаться, маркиз Фаффакс.

Рыжий толстяк с красным носом встал в дальнем конце стола.

— Известный склочник, — сказала королева-мачеха.

— Ваше величество, — зашевелил рыжими усами толстяк, — приношу жалобу на ограбление, воровство, обиду и оскорбление.

— Кто посмел обидеть моего верного слугу?

— Рыцарь Красной стрелы.

— В чем его вина?

— Он увидел моих рабов, которых вели на продажу, разбил мечом их оковы и избил стражников.

— Серьезное преступление,— сказал король.— А куда он увел рабов?

— Маркиз думает, как бы получше сорвать,— сказал шут.— Рабов-то у него не уводили. Тот рыцарь просто пошутил. Разбил оковы и уехал дальше. А рабов маркиз потом поймал и все равно продал.

— Это правда?— спросил король.— Ненавижу, когда меня обманывают по мелочам. Неужели до сих пор не поняли?

— Но это же грабеж!— закричал маркиз.

— Баловство, а не грабеж. Каждый рыцарь имеет право испытывать свое оружие на неблагородных. А он даже никого не убил. Садись. Следующий.

Следующим поднялся мужчина в меховой шапке, которую он даже за столом не снял.

— Ваше величество, я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Что случилось, торговец Пузанелло?

— Он украл коня из моего табуна.

— Как так?

— Он встретил табун моих лошадей, вскочил на одного из коней и оставил пастухам расписку, что конь взят взаймы, потому что рыцарю нельзя появляться без коня на турнире.— Торговец помахал бумажкой.

— Ну-ка дай сюда,— приказал король.

Бумажку передали по рукам. Король повертел ее в руках и сказал:

— Почерк непонятный, неблагородный почерк. Если ты благородный, то пиши квадратными буквами. Я правильно говорю?

— Правильно!— закричали рыцари и вельможи.

— Разрешите, я прочту,— сказала Алиса.— Я этот почерк разбираю.

— Ты?— удивился король.— Видно, у вас в королевстве распустились, принцесс уже начали грамоте учить. Была бы ты моя дочь, я бы тебя выпорол, не посмотрел бы, что голубая кровь.

— Не обращай внимания. Это он для вельмож выступает, чтобы своих дочерей не учили,— прошептала королева-мачеха.— А то добьются равноправия — и погибнет рыцарство.

На листке, вырванном из блокнота, Пашкиной рукой было написано:

«Взят взаймы из табуна 1 конь (один). Верну его вечером со всеми трофеями, которые добуду на турнире. П. Гераскин, рыцарь Красной стрелы».

— Ай-ай-ай,— сказал король.— На трофеи рассчитывает.

— Ничего преступного,— вмешался шут.— Как же еще благородному рыцарю получить коня, если не взять взаймы? Вы же сами, ваше величество, когда в том году воевали, три миллиона у ростовщика взяли.

— А в самом деле!— закричал король.— Ну-ка плесните мне компота! Не может же рыцарь на турнир без коня приехать.

— А вдруг не вернет?— упорствовал торговец.

— А если не вернет?— спросил король у шута.

— Вернет,— сказала Алиса.— Я за него ручаюсь.

— А если не вернет,— прищурился шут,— то придется ему сделать с торговцем Пузанелло то же, что вы сделали с ростовщиками, когда они после войны попросили вас вернуть долг.

— А что я сделал?— спросил король.

— Вы же их всех утопили.

Король так расхохотался, что поперхнулся компотом. Пока шут с камергером били его по спине, торговец вскочил из-за стола и исчез.

— Ну, есть еще жалоба?— спросил король, откашлявшись.

— У меня жалоба, ваше величество,— поднялся со своего места рыцарь в золотых латах. У него был острый нос, острые глаза, острые уши, а изо рта на сантиметр вылезали клыки. На груди у него был нарисован герб — черный клыкастый волк.

— Говори, благородный рыцарь Черного волка.

— Я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Опять!— возмутился король.— Чего он еще натворил?

— Я стоял на улице и наводил порядок.

— Какой же ты порядок наводил?

— Я лупил палкой служанку, которая пережарила кашу.

— Правильно. И что же дальш?

— Мимо проезжал рыцарь Красной стрелы, он вырвал у меня палку и этой палкой меня ударил. Видите ли, женщин бить нельзя.

— Молодец,— сказала Алиса.

— Как так нельзя?— удивился король.— Ну, может, принцесс еще нельзя, но служанок обязательно надо бить!

— Как мудро! Какой государственный ум!— раздались возгласы в зале.

— Если каждый будет чужих служанок выручать да чужих рабов освобождать,— сказал камергер,— порядок погибнет.

— Разрешите дураку слово сказать!— закричал шут.

— Говори!

— Думаю, нам с вами, король, в это дело вмешиваться смешно. Если наши рыцари за себя постоять не смогут, кому они, такие, нужны? Не надо было спину подставлять.

— Так я же в одной пижаме был!— сказал рыцарь Черного волка.— А пока за мечом сбегал, его и след простыл.

— Все это похоже на склоку,— сказал король.— Сам ищи обидчика.

— Что-то мой пасынок сегодня добрый,— сказала Изабелла.— Повезло нам, не будут твоего Пашку наказывать. Обошлось.— И только она это произнесла, словно сглазила,— по другую сторону короля поднялся высокий, похожий на ворона человек в черной одежде с золотым поясом и в высокой красной шапке.

— Я тоже приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы,— сказал он.— Я надеюсь, что на этот раз никто его не сможет защитить.

— Слушай, епископ, мы утомились. Может, отложим на следующий раз?

— Нет, ваше величество. Он совершил страшное преступление.

— Ну, тогда говори, епископ.

— Мы хотели сжечь одну ведьму. Вдруг появился этот рыцарь, разогнал стражу, затоптал костер, освободил ведьму, посадил ее на коня и ускакал!

В зале наступило гробовое молчание. Алиса поняла, что этого преступления Пашке не простят.

— Он дьявол,— в полной тишине раздался голос камергера.

И все зашептали:

— Дьявол, дьявол...

— На плаху его!— рычал король, отбрасывая жбан с компотом.— На костер! Никакой пощады! Он мое государство хочет загубить!

— Плохо дело,— сказал шут.

— Разреши, я спрошу,— услышала Алиса тихий голос вдовствующей Изабеллы.— А где же тот рыцарь? Кого вы будете жечь и казнить?

— Да, кстати, где он?— спохватился король.— Почему его до сих пор не привели? Почему я его не знаю? И вообще, откуда он к нам явился?

— Вот видите,— сказала Изабелла.— У меня возникло подозрение, что это просто-напросто романтически настроенный юноша из другого королевства. Он еще не научился отличать настоящие рыцарские подвиги от баловства. А ведьма его, наверно, околдовала. Вы же знаете, как легко опытной ведьме околдовать юного рыцаря.

— Не слушайте, король,— сказал епископ.— Во-первых, это неопытная ведьма. Ей всего три года. А во-вторых, давно пора присмотреться к королеве Изабелле. Она ведь тоже из другого королевства.

— Да, надо разобраться...— растерялся король.

Но тут на помощь королеве-мачехе пришел шут:

— Осторожнее, ваше величество. Сегодня они съедят вашу мачеху, а завтра за вас примутся.

— Правильно!— закричал король.— Не сметь обижать мою любимую матушку. И вообще, разбор жалоб окончен. Поймаем рыцаря, тогда и займемся им.

Все начали вставать из-за стола.

— Созывайте рыцарей!— приказал король.— После третьего гонга чтобы все были на стадионе. Не терплю опозданий.

— Ох, отравил бы я вас,— сказал злобно епископ, проходя мимо Изабеллы.

— Не удастся,— ответила королева-мачеха с улыбкой.— Я сама себе готовлю.

Глава 15

НАЧИНАЕТСЯ ТУРНИР

Изабелла провела Алису через специальный вход «Для знатных лиц», но все равно по дороге у них несколько раз спрашивали, нет ли лишнего билетика.

В толпе, стекавшейся к стадиону, мелькали продавцы мороженого и пирожков, звенели кружками торговцы сладкой водой, зазывали покупателей хозяева пивных ларьков. Шум стоял невообразимый.

Густая толпа скопилась перед большой доской, на которой лесенкой были нарисованы фигуры рыцарей: выше всех тот, кто больше всех побеждал в прошедших турнирах. Его Алиса узнала — это был обиженный Пашкой рыцарь Черного волка в золотых латах. А где же толстый маркиз Фаифакс? Вот он, в середине таблицы.

— Слышал о новом рыцаре? — донеслись до Алисы слова какого-то болельщика.

— Кто такой?

— Рыцарь Красной стрелы. Выступает вне конкурса.

— Иностраник?

— Говорят, что приехал из-за границы.

— Его не допустят, — сказал торговец в меховой шапке, у которого Пашка занял коня. — Он неблагородный. Даже не рыцарь, а обыкновенный колдун и проходимец.

«Ой, Пашка! Ведь обязательно приедет на турнир, — подумала Алиса. — И тут его схватят. Правда, шут побежжал его искать, чтобы предупредить, но вдруг они разойдутся? Или Пашка шута не послушается?»

— Может, я подежурю у входа? — спросила Алиса.

— Нет, — ответила Изабелла. — Тебя узнают и вернут на стадион. Я думаю, что лучше быть поближе к королю. Если что случится, мы сможем на него воздействовать.

Лакей в красном камзоле провел их наверх, в ложу, где в креслах уже сидели вельможи и королевские родственники.

— Вам сюда, к барьеру, — сказал лакей.

— Знаю,— ответила Изабелла.— Не первый раз на турнире.

Они сели у самого барьера. Кресла по обе стороны пустовали. Слева — кресло для короля, справа — для епископа.

Зрители на трибунах узнали Изабеллу, и раздались аплодисменты.

— Меня любят в народе,— сказала вдовствующая королева-мачеха.— Во-первых, за красоту, во-вторых, за доброту, а в-третьих, потому, что меня епископ не любит.

Королевская ложа нависала козырьком над трибунами и даже над полем. Поле было ограждено деревянной стенкой. Оно было похоже на футбольное, только ворота на нем были деревянные и закрытые.

Трибуны шумели и волновались.

— Может, он уже вернулся домой, а я тут сижу,— подумала Алиса. Нечаянно мысль прозвучала вслух, и королева-мачеха ответила:

— Не похоже. Если у человека такой характер, он обязательно прискакет на стадион, чего бы это ему ни стоило.

— Но он на лошади плохо ездит.

— Неважно. Здесь же все — любители. Кроме того, пожилые. Да ты не расстраивайся. Выручим мы твоего Пашку. Вернешься с ним обратно.

— Вы не верите, что я принцесса?— спросила Алиса.

Вдовствующая мачеха убрала пышную прядь волос под корону и ответила без улыбки:

— Как же верить, если ты врать не умеешь? Я тебя за обедом спрашивала о родственниках, и ты призналась, что у твоего отца ноги нет, а брат с оборотнем дрался.

Алиса опустила голову.

— Так вот, отец принцессы, за которую ты себя выдаешь, самый миролюбивый король на нашей планете, уже десять лет не ездил на войну. Оборотней не бывает — это каждому разумному человеку известно. Да и как я могла тебя спутать с моей племянницей, если она курчавая и черноглазая, а ты — блондинка?

— А почему вы меня не выдали?

— Кому? Этим вельможам? За кого ты меня прини-

маешь? Мне шут обо всем рассказал. Мы с ним друзья. Встань, король идет.

Изабелла поднялась со своего кресла. Алиса тоже. Вошел король. Камергер с епископом шли по бокам и что-то нашептывали ему в оба уха. Король был мрачен.

— Объелся, теперь спать хочет,— шепнула Изабелла.

Весь стадион поднялся на ноги, оркестр заиграл гимн. Зрители и придворные запели. Король тоже подпевал, шевеля черной бородой. На середине второго куплета сн махнул рукой, сел и смыгнул веки. Оркестр умолк, стадион снова загудел.

— Король всегда так,— сказала Изабелла.— В первом куплете поется, какой он славный и великий. А во втором про его папу. Это ему не так интересно.

Из-под трибуны бежали судьи. Они были в черно-белых полосатых камзолах, черных чулках и круглых черных шляпах с черными и белыми страусовыми перьями. Главный судья держал в руках медный гонг и колотушку, а его помощники — крючья.

— Зачем это?— спросила Алиса.

— А как же растаскивать рыцарей, когда они перепутаются?

Судьи остановились в центре поля.

— Ваше величество,— подсказал камергер.— Давайте сигнал.

Величество перестал храпеть, протер глаза и махнул рукой, словно отгонял комара. Судья поклонился и ударил в гонг.

Тут же боковые ворота широко растворились, и на поле выехало десятка два рыцарей.

Зрелище было великолепное. Латы сверкали, перья раскачивались, плащи колыхались — и вообще-то рыцари были немного похожи на украшенные новогодние елки.

Даже король преснулся, извлек из кармана очки в золотой оправе и напялил их на нос.

Он подмигнул Алисе и сказал:

— Что, не видала? Это называется — очки. Новинка цивилизации.

— Представляем участников турнира! — закричал главный судья таким пронзительным голосом, что его, наверно, было слышно в открытом космосе.— Номер один — рыцарь Черного волка. Латы золотые, герб чер-

ный, выступает на жеребце Парашиоль от Парасковыи и Шульца.

Раздались аплодисменты и свист болельщиков.

Рыцарь выехал вперед, поднял копье и поклонился королю и зрителям.

— Маркиз Фафифакс! — закричал судья. — Латы сребряные. Герб розовый, изображающий заднюю половину свиньи. Выступает на кобыле Бругунде от Бруска и Ундины.

Аплодисменты на этот раз были пожиже, а свиста больше.

Судья начал представлять других рыцарей, а тем временем в ложе появился шут.

— Ты где пропадал, Фу-фу? — спросил король. — Мне же скучно.

— Я осла искал, — ответил шут. — Я тоже хочу сражаться.

— Да кто же на осле сражается? — захохотал король. — Ну, ты у нас дурак! Тебя же любой победит.

— А какая разница? — спросил шут. — Я буду дурак на осле, а они — ослы на конях!

— Ну, ты даешь! — хохотал король. — Ну, ты рискуешь! Это же благородное рыцарство, опора моего трона.

— Такие шутки могут стоить головы, — сказал епископ.

— На эту голову не замахивайся, — ответил король. — Мне без шута нельзя. Кто мне будет правду говорить? Не ты же?..

— Я никогда не лгу, ваше величество, — быстро ответил епископ и отвернулся к камергеру.

— Поединок первый. Рыцарь Черного волка и рыцарь Трехльвинного трилистника! — объявил главный судья. — Первый раунд.

Все рыцари, кроме двух, уехали с поля. Участники поединка разъехались в разные стороны.

Барабаны забили дробь.

Стадион умолк. По сигналу судьи рыцари пришпорили коней и помчались навстречу друг другу.

Слышался только топот и барабанный бой. Казалось, что два танка вот-вот столкнутся лбами.

Но рыцари промахнулись и помчались дальше, придерживая коней.

— Второй раунд! — закричал судья, пока рыцари разворачивались у борта.

Снова забили барабаны.

На этот раз кони пронеслись близко друг от друга, копья ударились в щиты и сломались с таким треском, словно какой-то великан сломал о колено вековой дуб. Черный волк удержался в седле, а вот рыцарь Трехльвинного трилистника вылетел из седла и грохнулся о землю.

Раздались бурные аплодисменты. Король топал ногами от восторга.

Пока уносили побежденного рыцаря, победитель, откинув забрало, проехал мимо трибун, и девушки бросали в него цветами.

— Алиса, — раздался рядом тихий голос.

Это был шут. Он подошел сзади и наклонился, чтобы никто не слышал.

— Что? Вы нашли Пашку?

— Нашел. И все погубил.

— Ну, что случилось? Говорите скорей!

— Тише. Я его нашел. Я знал, где искать. Его спрятали у себя дома родители ведьмы, которую он спас от костра.

— И вы его видели?

— Видел. Я сказал ему, что ты его ищешь и просишь скорей возвращаться.

— И он?..

— Он совсем уж было согласился, но дернул меня черт за язык рассказать, как мы его защищали на обеде от маркиза и Черного волка.

— И что же?

— Он как закричит: «Ах, они хотят со мной сразиться! Так они свое получат. Не могу я бежать от них, словно заяц. Это, говорит, юному биологу не к лицу».

— Так и сказал?

— Так и сказал. А кто такие биологи?

— Трудно объяснить. В общем, мы занимаемся животными и цветами.

— Садовники? Кучера? Ах нет... вы же благородные, — усмехнулся шут, — если не притворяешься...

— Ты же знаешь, что притворяются, — сказала королева-мачеха, у которой был замечательный слух.

— Кто притворяется? — спросил король, который услышал только последние слова.

— Я, ваше величество, — ответил шут. — Я всю жизнь притворяюсь, чтобы кто-нибудь не счел себя глупее, чем ваш любимый дурак.

На поле уже появилась другая пара рыцарей, и снова застучали барабаны и подковы.

— И что же теперь будет? — спросила Алиса.

— Он велел тебе передать, что, как только победит этих рыцарей, тут же возвратится с тобой в джунгли.

— Не нравится мне это, — сказала Алиса. — Они его в лепешку сотрут.

— Не исключено, — сказал шут Фу-фу. — Хотя помни, что многое здесь только кажется страшным.

— Мне это и Фуукс говорил, — сказала Алиса.

— Вот видишь... А кто такой Фуукс?

— Он далеко живет. Вы с ним не знакомы.

— Если далеко, то конечно...

Третий поединок закончился вничью. Рыцари раз пять съезжались, но все промахивались. Пришлось их под свист трибун снимать с соревнований.

В перерывах играл оркестр, зрители ели мороженое и пирожки, один рыцарь выехал с плакатом, на котором было написано: «Защищаю честь прекрасной дамы Вероники».

Все стали спрашивать, кто такая Вероника?

Даже король заинтересовался и спросил у камергера:

— Почему я с ней не знаком?

Тут судья объявил, что Вероника — бабушка рыцаря. Все успокоились.

Пашки все не было. Как бы не перехватили его на дороге.

Когда кончила бой последняя, десятая пара, на поле снова выехал рыцарь Черного волка.

Изабелла сказала:

— Вот теперь начинается самое интересное!

Пронзительный голос судьи возвестил:

— Рыцарь Черного волка вызывает на роковой поединок до первой крови любого рыцаря королевства!

Из оркестра поднялся музыкант и трижды протрубил в рог.

Наступила тишина.

Никто не отозвался.

Музыкант снова поднялся и снова протрубил в рог.
Никто не явился.

В третий раз музыкант поднес рог к губам, но прорубить не успел, потому что дальние ворота со скрежетом растворились и из них выехал рыцарь.

Алиса привстала. Неужели Пашка? Нет, для Пашки он слишком толст.

— Я, маркиз Фаффакс, готов сражаться с тобой, рыцарь Черного волка, до полной победы или первой крови! — воскликнул рыцарь.

— Победитель получает оружие, обмундирование и коня проигравшего, — заявил судья.

— Знаем! Знаем! — кричали на трибунах. — Пускай начинают.

Рыцари бок о бок подъехали к королевской ложе. Король обернулся к епископу:

— Надеюсь, кровь ненастоящая? Я этого не выношу.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Им выдано по пузырьку с красными чернилами. Черный волк победит маркиза в третьем заходе с небольшим преимуществом.

— Разрешаю вам поединок, мои дорогие смельчаки! — воскликнул король, поднимаясь со своего места. — Подавай сюда кубок, — обернулся он к камергеру, — все вам приходится напоминать.

Камергер раскрыл сундучок, стоявший у его ног, и вынул оттуда высокий хрустальный кубок.

Король поднял кубок в руке и произнес:

— Победитель получает этот приз! Вручит его наша гостья, заграничная принцесса Алиса.

Зрители захлопали, многие начали вставать, чтобы разглядеть неизвестную принцессу.

«Где же Пашка? — волновалась она между тем. — Куда он запропастился? Сидишь здесь, тратишь время попнапрасну, а вдруг его уже на костер ведут?»

— Приготовились! — крикнул судья.

Рыцари только опустили забрала, как ворота справа от Алисы распахнулись от сильного удара и на поле выехал третий рыцарь.

Он был в серебряных латах, на его щите была нарисована красная стрела.

Глава 16

РОКОВОЙ ПОЕДИНОК

Алиса чуть было не крикнула ему: «Пашка, скорей обратно!»

Но осеклась. Пашка ее не услышит, а если услышит, не послушается. Да и королю с епископом этого слышать не надо.

— Это он! — сказал епископ.

— Это он! — сказал камергер.

— Это он? — спросил король, роняя на колени мороженое.

Рыцари на стадионе оторопели от такой наглости. Они стояли и ждали.

Доспехи Пашке были велики — правда, этого никто, кроме Алисы, не заметил, потому что остальные Пашку без доспехов не видели. Наверно, подумала Алиса, он себя чувствует как зернышко в просторной ореховой скорлупе. Но даже в больших латах Пашка был раза в два меньше любого из своих врагов.

— Эй! — закричал он, не поднимая забрала. — Кто тут вызывал на поединок? Я готов к бою.

— Опоздал! — воспротивился главный судья. — Вызов уже принят. Это не по правилам.

— Да я его без правил на куски разорву! — завопил маркиз. — Он рабов освобождает!

И, тяжело развернувшись, он пустил своего коня навстречу Пашке.

— Нет! — крикнул Черный волк, цепляя копьем маркизова коня за попону. — Он — моя жертва. Я первый его вызывал! Я ему покажу, как защищать моих служанок!

Помощникам судьи пришлось захватить взбесившихся рыцарей крючьями и тащиться за ними по земле, как якоря за кораблем в бурю.

Король разозлился и стукнул кулаком по барьеру.

— Всех разгоню! — закричал он, перекрывая веселый гул стадиона. — Прекратите безобразие!

По знаку камергера из ворот выбежали стражники и окружили рыцарей. Минут через пять удалось установить на стадионе порядок. А вот в королевской ложе

порядка не было. Епископ наскакивал на короля, вот-вот заключает:

— Не разрешайте ему драться, ваше величество, отдайте его мне. Я его на костре сожгу.

— Он рыцарь! — возражал шут. — Он не хуже наших чугунных болванов!

— Никакой он не рыцарь! — возмущался камергер. — У него документы фальшивые.

— Самый настоящий рыцарь! — спорила королевамачеха. — Я с его родителями знакома. У них замок в живописной местности с прудом и лебедями.

Стражники подхватили под уздцы рыцарских коней и подвели их к королевской ложе.

— Я его знаю! — вмешалась в спор Алиса. — Он благородный рыцарь, но еще совсем мальчик. Его надо отпустить домой.

— Возраст не помеха, — отвечал епископ. — Мы и новорожденного скакать можем.

— Все ясно! — рявкнул король, когда ему надоело слушать эту перепалку. — Выношу свое решение.

Он встал во весь рост, поправил корону, стряхнул с колен лужу мороженого и заявил:

— Мы тут посоветовались с приближенными и решили...

Стадион замолк. Всем, разумеется, хотелось посмотреть бой — ведь за билеты деньги заплачены. Кроме того, у Пашки оказалось много болельщиков: слухи о его подвигах уже распространились по всему городу.

— Мы решили, — продолжал король, — дозволить бой.

— Уррра! — закричали на стадионе.

— Я протестую, — зашипел епископ. — Я буду жаловаться.

Но его никто не слушал.

— Золотой рыцарь Черного волка, — продолжал король, — будет биться с победителем пары маркиз — рыцарь Красной стрелы. Это справедливо. Кубок достанется окончательному победителю.

Под бурю аплодисментов король уселся в кресло.

— Я — справедливый человек, — сказал он. — Притом мудрый.

— Правильно, — улыбнулся камергер. — Вы самый справедливый и мудрый. А этот мальчишка никогда не

одолеет маркиза, не говоря уж о моем племяннике.

— Это я и имел в виду,— сказал король.— Кто-нибудь его обязательно ухлопает.

Алиса почувствовала, как слезы навертываются у нее на глаза. Изабелла протянула ей свой платочек и сказала:

— Видишь, как опасно приукрашивать древнюю романтику.

Рыцарь Черного волка и судьи освободили середину поля. Стражники выстроились вдоль ограды. Забили барабаны в оркестре.

Пашка и маркиз разъехались к воротам. Конь у Пашки был небольшой, худенький, видно, подобран по росту. А когда соперники поскакали навстречу друг другу, казалось, что маркиз раздавит Пашку, как слон зайца.

Но этого не произошло.

Копья противников со всего размаху врезались в щиты, и от этого удара Пашка, как более легкий, вылетел из седла, взвился высоко в воздухе и приземлился метрах в двадцати.

Тут бы поединок и кончился в пользу толстого маркиза.

Но помогло чудо: подпруга седла у маркиза лопнула и он вместе с седлом свалился с коня, шмякнулся оземь и замер.

От неожиданности стадион онемел.

Алиса схватилась за барьер, чтобы перепрыгнуть и бежать к Пашке на помощь. Изабелла вцепилась в нее. Алиса попыталась вырваться, но увидела, что Пашка медленно поднимается на ноги. Он пошатывался — видно, как следует ему досталось. Он поднял забрало и приложил к шишке на лбу железную перчатку, поморщился, соображая, что делать дальше, а потом под приветственные крики зрителей подошел к лежащему на земле маркизу, достал меч и приставил его к горлу своего противника.

«И где же он успел выучить правила?» — изумилась Алиса, у которой после всех волнений руки и ноги отнялись.

Постояв, Пашка спросил судью:

— А что мне делать дальше?

Судья растерялся: он не рассчитывал, что мальчишка победит могучего маркиза, и боялся присудить Пашке

победу. У маркиза были влиятельные друзья, и судье могло не поздоровиться.

Спас положение шут. Он громко сказал королю:

— Из одного чугунного болвана вылетел дух. Чего же мы с вами ждем? Пускай второй попробует!

Король был не очень доволен, но согласился:

— Пускай начинает поединок с Черным волком.

По его знаку стражники подхватили бесчувственного маркиза и поволокли к воротам.

К стражникам подбежал оруженосец Грико, чтобы им помочь. Алиса встретилась с ним взглядом, Грико подмигнул ей, и она тут подумала, что подпруга у маркиза лопнула не случайно.

Стражники взяли под уздцы маркизова коня, чтобы его увести, но Пашка закричал:

— Это не по правилам. Конь и доспехи достаются мне.

— Этого еще не хватало,— озлился камергер.— Он еще будет нас учить рыцарским правилам!

— И я,— продолжал Пашка,— прошу отдать трофеиного коня и сбрую тому торговцу, у которого я брал взаймы мою лошадь.

— Этого не будет!— закричал камергер.

— Это по правилам,— возразил шут.— Так надо. Если король разрешит разок нарушить правило на турнире, в следующий раз нашего любимого короля прирежут в постели.

— Ты с ума сошел,— возмутился король.— Ты чему их учишь?

— Так каково ваше решение?— спросил шут как ни в чем не бывало.

— Конь и доспехи маркиза принадлежат рыцарю Красной стрелы,— объявил король.— Мы строго следим за правилами.

Тут же на поле выскочил торговец, подхватил коня и был таков.

Рыцарь Черного волка уже ждал своего соперника. Золотые латы сверкали, над шлемом покачивались алые перья. Он проверил подпругу и дал своему коню кусок сахара.

Пашка отыскал глазами Алису на трибуне и помахал ей.

— Вы все-таки знакомы? — спросил король. — Не нравится нам это.

— Я этого не скрывала.

Пашка поднял руку, чтобы опустить забрало, — рыцарь Черного волка уже потянул поводья, посылая коня вперед.

— Обходи его, Пашка! — крикнула Алиса изо всех сил. — Вспомни, как на хоккее защитника обходил!

Хорошо бы Пашка услышал. Второй раз на землю грохнуться — недолго и ногу сломать.

— Подсказывать нельзя, — сказал камергер. — И тем более колдовские слова.

— Почему колдовские? — спросила Алиса.

— Хоккей — никому не известное слово. Наверно, колдовское. И вообще нам следует присмотреться к принцессе.

— Это не слово, — сказала Алиса. — Это имя одного рыцаря.

— Правильно, — пришла на выручку Изабелла, — я с ним знакома.

Алиса отыскала руку Изабеллы и пожала ее.

Изабелла чуть улыбнулась холодной и гордой улыбкой королевы-мачехи.

Пашка услышал подсказку. Он не спешил навстречу, а поджидал врага недалеко от своей стены, хотя зрители начали свистеть, решив, что рыцарь Красной стрелы струсил. А когда рыцарь Черного волка приблизился, Пашка сумел ловко отклониться в сторону и соперник пролетел мимо, как неуправляемая ракета, не успев придержать коня. И когда конь в последний момент отвернулся от стены, он вылетел из седла и, со всего хода, врезался в стену головой.

— О-ох! — стонал стадион, потому что все видели, как голова Черного волка ушла глубоко в плечи.

— Дьявол! — воскликнул епископ. — Он от меня не уйдет.

Все ждали, встанет рыцарь или нет.

Лишь король не беспокоился.

— Сейчас встанет, — сказал он. — У него только кости помялись, пустяки. Со мной так уже было — и ничего, царствую.

Алиса взглянула на короля и только теперь поняла, почему у него такое сплющенное лицо.

И в самом деле, не прошло и минуты, как Черный волк приподнялся на руках, потом встал на колени и принялся выволакивать из ножен длинный меч.

Пашка соскочил с коня и осторожно приближался к сопернику.

Когда он был шагах в десяти, рыцарь Черного волка уже встал на ноги, обнажил меч и был снова готов к бою.

Он надвигался на Пашку, как бульдозер. Зрелище было впечатляющее особенно потому, что над широкими плечами выдавалась только макушка шлема и остатки красных перьев.

— Ну, вот теперь твоему парню не поздоровится,— не без удовольствия сказал король.— Не надо было сердить моего рыцаря.

Пашка с трудом поднял обеими руками тяжелый меч, но Черный волк со страшным рычанием взмахнул своим и выбил меч из Пашкиных рук. Добро бы только выбил, но и перерубил его.

Пашка остался обезоруженным.

— Беги!— крикнула Алиса.

Она обернулась к Изабелле, чтобы та помогла спасти Пашку, но ее кресло пустовало. Надо же! В самый нужный момент королева куда-то ушла!

Черный волк снова занес меч, наверно, чтобы разрубить Пашку пополам, но Пашка увернулся и извлек из кармана свой знаменитый перочинный ножик, который был по сравнению с оружием его врага не больше чем булавкой.

Следующий удар Черного волка был так ужасен, что меч, просвистев по пустому воздуху, вонзился на полметра в землю.

Рыцарь страшно закряхтел, вытаскивая оружие из земли, а за это время Пашка успел, пользуясь свободной секундой, раскрыть свой перочинный ножик.

Рыцарь развернулся, снова рассек воздух мечом. На этот раз меч ушел в землю по самую рукоять.

— Нечестно!— кричали вельможи.— Убегать нельзя!

— Убей его!— вопил камергер.

— Держись, Красная стрела!— кричали с трибун.

Черный волк тужился, стараясь вытащить меч из земли. Судья подбежал к нему и стал помогать. Они тянули меч вдвоем, а Пашка тем временем спокойно подошел

к рыцарю и прошелся перочинным ножом по его латам.

Рыцарь бросил меч и, подняв громадный железный кулак, обернулся к Пашке.

И вот тогда все зрители на стадионе буквально легли от хохота.

Как известно, рыцарские доспехи скреплены кожаными завязками.

Эти-то завязки Пашка и перерезал своим знаменитым самозатачивающимся перочинным ножом.

И когда Черный волк поднял железный кулак, чтобы пригвоздить Пашку к земле, железные штаны упали вниз и стреножили его, как буйного коня.

Черный волк рванулся к Пашке, но потерял равновесие и, запутавшись в доспехах, рухнул на землю. Теперь уж окончательно.

Пашка не спеша подошел к поверженному врагу и поставил ему ногу на грудь.

Стадион буквально раскальвался от рукоплесканий.

— Добей его! — кричали зрители. — Он известный мерзавец и угнетатель. Не жалей!

Но уже подбежали судьи, а король взмахнул платком, измазанным в мороженом.

Стражники схватили Пашку и заломили ему руки назад.

— Немедленно прикажите казнить его! — требовал камергер. — Он нанес нам оскорбление, победив лучших рыцарей. Кто же теперь будет нас бояться?

— Сжечь его! — настаивал епископ. — Он победил дьявольской хитростью!

Но в то же время все зрители на стадионе, заглушая угрозы вельмож, скандировали:

— Мо-ло-дец!

И еще:

— Ку-бок по-бе-ди-те-лю!

Над дальней трибуной взвился плакат:

Вот какие молодцы
Побеждают в Жанглецы!

— Все правильно, — сказал король, котому нельзя было отказать в сообразительности. Он встал и взял в руки кубок. — Приведите ко мне победителя.

Судьи увидели жест короля и бросились поднимать рыцаря Черного волка.

— Ну и дурачье,— поморщился король.— Этак они накликают целое восстание. Ведите другого.

Торговец между тем выскочил на поле и увел оттуда обоих коней. Никто, кроме Алисы, этого не заметил.

Пашка, под охраной стражников и судей поднялся по боковой лестнице к королевской ложе. Под рукоплескания стадиона и кислые улыбки вельмож король вручил ему хрустальный кубок и пожал руку.

Глава

17

ПОБЕДИТЕЛЬ НЕ УЙДЕТ ОТ НАКАЗАНИЯ

— Ну, обошлось,— сказала Алиса с облегчением и отправилась было к Пашке, чтобы увести его домой.

— Не обольщайся,— услышала она голос шута. Алиса удивилась, какой у него печальный вид.

— Вы что, Фу-фу?— спросила она.

— Не верь улыбкам королей,— сказал шут.— Иначе быстренько без головы останешься.

— А что они могут сделать?

Краем глаза она наблюдала за Пашкой. Он снял шлем и не без удовольствия принимал поздравления от вельмож. Вельможи пожимали ему по очереди руку, вежливо осведомлялись: «Где вы учились рыцарскому искусству?», глаза у них были злые, а рыцарь Красной стрелы принимал все это за чистую монету.

— Что они могут сделать?— повторил шут в задумчивости. Как будто они могли сделать столько гадостей, что трудно решить, какую выбрать.— Главное, сбежать до обеда,— сказал он наконец.— За обедом они Пашку обязательно отравят. Даю слово.

— Но мы же сейчас уйдем. Хватит.

— Уйдешь, как бы не так.

— Вот и отлично,— сказал король, глядя на Пашку с нежностью.— Теперь попрошу на ужин. Мы славно повеселимся. Надеюсь, мы все останемся друзьями?

Последние слова относились к маркизу и рыцарю Черного волка, которые стояли сзади, мрачные, как

снеговые тучи. Рыцарь Черного волка стал до удивления похож на короля: глаза и губы выпучились, подбородок и нос высынулись вперед, а щеки ушли вглубь.

— Простите,— сказал Пашка, который все еще улыбался,— но мне надо срочно возвращаться домой.

Король взял его под руку.

— Слушай, рыцарь,— сказал он.— Нехорошо получается. Даже нечестно. Кубки ты получаешь, богатырей моих побеждаешь, а принять королевское гостеприимство не желаешь. Зазнался, что ли?

— Нет, что вы,— сказал Пашка.— Я не хотел вас обидеть.

— Вот и отлично,— сказал король.— Перерыв двадцать минут. Чтобы через полчаса все были в зале. Вот только руки вымою, и начнем.

Король пошел к выходу, остальные — за ним. Только тут Алисе удалось пробиться к Пашке. Пашка шествовал, как индюк, обняв одной рукой шлем с перьями, другой — хрустальный кубок.

— Тоже мне, рыцарь,— прошептала Алиса.— Спасай тебя теперь.

— Это меня спасать?— удивился Пашка.— Да я всех рыцарей одной рукой могу побороть.

— Что-то я этого не видела,— сказала Алиса.— Первый вылетел из седла, потому что ему кто-то подпруту подрезал, и я даже почти знаю, кто это сделал. А второго ты победил, потому что хитрее и хоккеем занимался. А по части силы ты им не соперник.

— Хотя бы и так,— ответил Пашка.— Но кубок-то я получил и король меня поздравлял. А ты — спасать...

— Погоди ты,— перебила его Алиса,— хвалиться будешь в кружке биологов. В средневековой жизни я лучше тебя разбираюсь. Главное, удрать до ужина.

— Почему? Поужинаем и поедем. Я жутко голодный. Эти поединки совершенно выматывают.

— На ужине тебя обязательно отравят,— сказала Алиса.— Или как-нибудь еще укокошат.

— Ты с ума сошла! За что?

— А мало ты им здесь крови попортил?

— Чепуха, несмотря на отсталость, они все-таки рыцари.

— Тогда оглянись, рыцарь,— раздался голос шута, который, оказывается, бесшумно шел рядом. В двух

шагах сзади, почти наступая на пятки, вышагивали два стражника с обнаженными мечами.

— Ты думаешь, это почетный караул? — спросил шут ехидно.

— А вы не вмешивайтесь в чужие разговоры, — грубо ответил шуту рыцарь Пашка. — Довольно того, что вы пытались меня отговорить от турнира, словно последнего труса.

— Ты зазнался, — заметила Алиса. — Это очень опасно. У тебя здесь мало друзей.

— Слишком мало, — согласился шут. — И убежать будет нелегко.

На улице их обогнали маркиз с Черным волком. Маркиз нарочно толкнул Пашку локтем так, что тот чуть не упал и уронил шлем. Черный волк наподдал шлем ногой, и оба рыцаря захочотали.

— Да я вам... — начал Пашка.

Но его противников и след простыл.

Шут наклонился к уху Алисы:

— Попытаемся убежать, когда дойдем до дверей. Там темно, ты знаешь. По моему знаку побежите. Грико уже запряг карету королевы Изабеллы, они нас ждут.

Алиса кивнула.

— А пока уговори своего рыцаря слушаться тебя.

Пока они шли ко дворцу, болельщики узнавали Пашку, махали ему и кричали:

— Поздравляем, Красная стрела! Ждем на следующем турнире!

Пашка улыбался, а потом сказал почти серьезно:

— Странно, что никто автографа не попросил.

— Да они же здесь поголовно неграмотные! — сказала Алиса. — Пашка, опомнись и постарайся меня слушаться. Если еще чего-нибудь выкинешь, считай, что на биологическую станцию вход тебе запрещен. Ни в какие джунгли ты с нами не поедешь.

— А я, может, вообще решил здесь остаться, — ответил Пашка. — Буду защищать бедных и слабых. А если станут меня притеснять, уйду в разбойники, буду совершать набеги на баронов, как Робин Гуд.

— Прелестная мысль, — заметил сзади шут. — Ты еще и из лука умеешь стрелять, как Робин Гуд?

— Научусь, — не смутился Пашка.

Алиса поняла, что придется прибегнуть к последнему средству.

— Кроме того,— сказала она,— обо всем станет известно твоей маме. Я даю тебе честное слово.

— Ну уж...— рыцарь Красной стрелы рухнул с высот на землю.— Можно обойтись и без таких угроз.

Они миновали двор и вошли в заднюю дверь дворца.

— Как скажу, побежишь,— шепнула Алиса и протянула руку, чтобы не потерять Пашку в темноте.

Они вошли в переднюю, за ней начиналась темная лестница наверх.

Но достичь темноты они не успели.

Глава

18

СУД ВО ДВОРЦЕ

Через всю комнату в ряд стояли стражники, а впереди них — камергер. Алиса почуяла неладное, дернула Пашку в сторону, а он со своими шлемом и кубком был неповоротлив, как бегемот.

Из боковых дверей тоже вышли стражники.

— Именем короля,— сказал камергер.— Рыцарь Красной стрелы, колдун и самозванец, арестован.

— Не было такого королевского приказа! — сказал шут.— Это ты сводишь счеты.

— А мы его прямо к королю отведем. И там разберемся, кто из нас врет, а кто и клевещет,— отбетил камергер.

Алису отшвырнули от Пашки. Ему заломили руки назад, кубок и шлем грохнулись на пол. Клубок стражников с Пашкой в середине покатился вверх по лестнице.

До Алисы донесся Пашкин слабый крик:

— Вы не имеете права, я вам не подчиняюсь!

— Право, право...— вздохнул шут, подбиравая брошенный кубок.— Говорил я ему.

— Скорей, надо освободить Пашку! — умоляла шута Алиса.

— Ох, уж эти дети! Как ты его освободишь? Пойшли к королю. Может, все-таки это недоразумение.

В обеденном зале было пусто. Только слуги суетились у столов, расставляя тарелки.

— Кто-нибудь видел короля? — спросил шут.

— Они в тронный зал побежали, — сказал слуга. — Очень спешили. Даже рук не помыли.

— Ну и ну, — покачал головой шут, и все бубенчики на колпаке запели. — Чтобы ужин отложить — такого даже не помню.

Король был в тронном зале. Там пахло пылью и между колонн, куда не доставали уборщики, висела занавесями паутина. Вдоль колонн толпились вельможи и рыцари, когда только успели сбежаться?

Алиса с шутом вошли через боковую дверь как раз в тот момент, когда король устраивался поудобнее на троне, говоря склонившемуся к нему епископу:

— Только попрошу поскорее. Я еще рук не мыл. Не могу же я садиться за обеденный стол с грязными руками.

— Ваша воля, король, — заметил епископ. — Но ваши отец и дед никогда не мыли рук. Это не мешало им быть великими правителями.

— Мой отец был великий обжора, — возразил король. — А дед — великий пьяница. А ты, епископ, враг прогресса. Введите обвиняемого.

В зале появился рой стражников. Они разошлись веером, и оказалось, что между ними стоит мальчишка в порванной грязной одежде. Пашка сильно уменьшился без лат и щита, и гонора у него поубавилось.

— На колени! — заявил камергер.

— И не подумаю, — огрызнулся Пашка.

В зале захихикали. Пашка не был опесен никому.

— Давай обвиняй.

— Мы обвиняем этого молодого человека, — епископ сделал шаг вперед, — в том, что он с помощью колдовской силы нарушил покой нашего государства. Он ограбил уважаемых людей, обманом победил наших лучших рыцарей и вытащил из огня ведьму. За это он заслуживает смерти.

— Смерть! — закричали вельможи. — Смерть!

— А сами кубок вручали, руку жали, — сказал с горечью Пашка.

— Ай-ай-ай. Ведь я в самом деле ему кубок вручал, — согласился король, — что же получается, меня обманули?

— Разумеется,— сказал епископ.

— А вот это неправда. Меня никто обмануть не может. Иначе бы я и не был королем. Я с самого начала обо всем догадался. Но не мог же я казнить его на стадионе. Это бы не понравилось народу, который не выносит моих драгоценных рыцарей и лично тебя, дорогой епископ. И наверно, за дело, потому что такого жестокого охотника за ведьмами в нашем королевстве еще не было. Но все равно для порядка мы должны примерно наказать смутьяна.

Епископу было противно слушать эту речь. Даже его клюв покернел от негодования. Но он взял себя в руки и, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Свидетели, подойдите сюда!

Камергер подтолкнул маркиза Фаифакса и Черного волка.

Рыцари поклонились королю.

— В честном ли бою победил вас этот мальчишка?— спросил епископ.

— Обманом!— прошипел Черный волк приплюснутыми губами.

— Колдовством!— сказал маркиз и плонул в Пашкину сторону.

— Больше свидетелей нет?— спросил епископ.— Вот видите...

Алиса выбежала из-за колонны.

— Я — свидетель,— сказала она.

— Вы иностранка!— сказал епископ.

— Пускай говорит,— усмехнулся король.— Мы же все равно решим, как нам будет удобнее.

— Да здравствует король!— закричали придворные.

— Все это нечестно,— сказала Алиса, стараясь не заплакать от злости.— На стадионе никакого колдовства не было. Все видели...

— Ну и что?— спросил король.— Значит, плохо глядели.

— Кроме того, он иностранец! рыцарь. Из моего королевства. Изабелла может подтвердить. И я очень прошу, отпустите его. Я прослежу, чтобы он больше сюда не возвращался.

— Не унижайся перед ними, Алиска,— сказал Пашка.

Шут забежал сбоку и начал уговаривать короля:

— И зачем нам с вами осложнения с соседями? Нам и внутренних бед хватает. Еще войной на нас пойдут...

— Молчи, шут,— ответил король.— Соседи далеко. Какое им дело до бродячего мальчишки? А вот мои собственные вельможи близко. Кто мне опаснее: мальчишка или епископ? Сегодня я епископу помогу, завтра и он меня не забудет. К примеру, намечаю я ремонтировать дворец, а денег в казне нет...

— Об этом стоит подумать,— заметил епископ.

— Вот видишь. А ты мне: соседи, соседи, иностранное мнение... Продолжай, епископ.

— Тут некоторые,— сказал епископ,— пугают нас иностранными державами. А кстати, кто может поклясться, что это настоящая принцесса?

— Ну, ты уж слишком, епископ,— прервал его король.— Она Изабеллина племянница с материнской стороны.

— Не уверен,— сказал епископ.— Но дело не в этом. Если вас, король, беспокоит законность, я сейчас такого свидетеля приведу, что пальчики оближешь. Никакая заграница не пикнет.

— Хорошо бы. Страсть не люблю международных осложнений. Веди свидетеля.

По знаку епископа двери отворились, и монах, подпоясанный веревкой, втащил на веревке маленькую девочку. Она была в разорванном платье, лицо ее было измазано и заревано.

— Сейчас же отпустите ее!— крикнул Пашка.

Эту девочку Алиса где-то видела.

— Ага, узнал?— обрадовался епископ.— Кто она такая?

— Это просто маленькая девочка,— сказал Пашка.— Перестаньте ее мучить.

По побеленному лицу шута скатилась большая слеза. Где же Изабелла?

— Теперь им ничем не помочь,— прошептал шут.

— А ты знаешь этого человека?— спросил епископ у девочки..

— Этот дядя меня из дров вынул и домой отвел,— сказала девочка.— Дядя, зачем они меня снова взяли?

Епископ торжествовал:

— Вот, король. С громадным трудом моим сотрудникам удалось снова обнаружить эту ведьму на чердаке,

где ее прятали родители. Никто не избежит нашего пра-
восудия. Хоть десять раз из костра ведьму вынимай, а
мы ее снова туда же!

— А в чем, кстати, ее вина? — спросил король. — Что-
то уж счень она мала для ведьмы.

— Для ведьм не существует возраста, — сказал епис-
коп, — бывают даже новорожденные ведьмы. Нам на нее
донесли соседи. Она рисовала на песке колдовские
фигуры.

— Я рисовала картинки, — сказала девочка, — а не
фигуры.

— И одна из фигур была похожа на ваше вели-
чество, — сказал епископ. — Вы знаете, что это значит?

— Чур, меня! Я мог от этого заболеть и даже уме-
реть! — перепугался король. — Это всем известно.

Вельможи роптали и старались не глядеть на кол-
дунью.

— Я доброго короля рисовала, — сказала девочка.

— Никакой пощады, — рявкнул король. — Все они од-
на компания.

— Включая принцессу и королеву Изабеллу, — поспе-
шил уточнить епископ.

Но король уже опомнился.

— Тебе бы всех арестовать, — сказал он, — хватит те-
бе рыцаря с ведьмой. Делай с ними что хочешь. А для на-
ших родственников твои руки коротки!

Епископ поклонился. Он-то добился своего.

— Можно зачитать ваш указ? — спросил он, не скры-
вая торжества.

— Уже заготовили? — совсем не удивился король.

— Ваш указ готов, — сказал камергер, разворачивая
свиток с подвешенной снизу печатью: — «Мы, король и
повелитель, приказываем колдуна и самозванца, из-
вестного под именем рыцаря Красной стрелы, а также
его подругу ведьму скечь на костре. Собственноручно
подписано. Король».

— Нет, так не пойдет! — сказал король.

У Алисы шевельнулась в сердце надежда. Но она тут
же исчезла, потому что король продолжал:

— Не годится рыцаря жечь. Отрубим им головы, и
дело с концом. О гуманизме не забывайте.

— Да здравствует наш добрый король! — закричали
придворные.

— Ну и ладушки,— сказал король.— Дай-ка подмакну. И ужинать. Ведь так и от голода помереть можно.

Он взял протянутое ему камергером орлиное перо, расписался под указом и сказал Пашке, поднимаясь с трона:

— Лично против тебя, рыцарь Красной стрелы, я ничего не имею и даже с удовольствием наблюдал за твоими поединками. Как порядочный человек я подтверждаю награждение кубком. Пусть этот кубок останется с тобой неразлучно до самой твоей смерти.

Раздались аплодисменты и крики: «Да здравствует король!»

И король быстро соскочил с трона и бросился в заднюю дверь, чтобы не потерять ни минуты. Ведь ему надо было вымыть руки, а ужин мог остывать.

Глава

19

ПАЛАЧ ПОДТВЕРЖДАЕТ

— Ваше величество,— бросилась за королем Алиса.— Это уже никуда не годится...

Короля она не догнала, а стражники по знаку камергера тут же схватили Алису за руки и заткнули ей рот. Это было сделано так ловко, что она растерялась и видела вокруг только высокие сапоги и кожаные животы стражников.

Она тыкалась в тумбы-ноги, как мышонок, окруженный слонами, а когда ноги разошлись, поняла, что стоит посреди опустевшего зала.

Никого нет. Только слуги гасят свечи.

Лишь на возвышении у трона пригорюнился шут Фуфу. Его набеленное лицо изборождено потеками слез, дурацкий колпак сполз на ухо... Алиса взяла себя в руки и громко сказала, хоть и сама не верила в то, что говорила:

— Хватит слезы лить! Сколько можно! Пошли к королю. Я не дам ему пожирать компот, пока он не перестанет безобразничать.

— Очень он тебя послушает!— воскликнул шут.— К тому же он боится, что епископ его отравит или камер-

гер зарежет. Это же сплошной скорпионник. Ну, кто про-
сил твоего Пашку приезжать сюда и устраивать пред-
ставление?

— Если вы не идете, я иду без вас.

— И сама голову потеряешь, и парню не помо-
жешь,— ответил шут, не двигаясь с места.— А без меня
короля не найдешь, заблудишься во дворце.

— Может, вам нужны деньги? Вы их любите? Я обе-
щаю, что, как только вернусь, пришлю вам, сколько
пожелаете. Мне помогут.

— Глупая. Раз в жизни я переживаю бескорыстно,
и то мне не верят!

В этот момент до них донесся звук трубы. Такой
тосклиwyй, словно волк заблудился в черных коридорах.

— Ну вот,— сказал шут.— Ну вот. Мы опоздали.

— Как опоздали?

— Начинается казнь.

Алиса схватила шута за полосатый рукав и так дер-
нула, что он потерял равновесие, скатился вниз, но тут
же вскочил на ноги и бросился к двери.

Алиса за ним.

Они бежали по черным переходам и лестницам, ка-
залось, что конца им не будет.

— А где Изабелла? — крикнула Алиса на бегу.

— Она побег вам готовила,— ответил шут.— Но все
зазря. Против них нужна, по крайней мере, дивизия с
пушками. Уговорами их не проймешь.

Неожиданно в глаза брызнул свет.

Они сбежали по лестнице к небольшой площади.
С одной стороны площадь ограничивал дворец, с трех
других стояли дома — серые, мрачные, высокие, с уз-
кими окнами.

Посреди площади возвышался деревянный помост.

На помосте — большая колода. Рядом с ней — Паш-
кин кубок.

По одну сторону колоды стояли Пашка и девочка-
ведьма. Пашка держал девочку за руку и успокаивал
ее. Девочка рыдала.

Еще бы, подумала Алиса, второй раз за день каз-
нят.

Пашка был бледный как полотно. И даже немного
дрожал. Но держался.

По другую сторону колоды переминался с ноги на

ногу огромного роста человек с длинной завитой бородой, в красной короткой накидке и черных штанах.

Как на костыль, он опирался на страшных размеров топор. Это был палач. Там же стоял епископ.

Помост был окружен цепью стражников.

За ними толпились вельможи и рыцари, торговцы и придворные, которых Алиса уже видела у короля на обеде и на стадионе.

Народ попроще глядел на это представление из окон домов и из переулков, вливавшихся на площадь.

— Вот видите,— сказал епископ, делая шаг к краю помоста.— Как велика милость нашего короля. Вместо того чтобы сжечь этих колдунов на костре, он подарил им гуманную кончину — от руки нашего уважаемого мастера.

Палач поклонился зрителям.

Затем епископ обернулся к осужденным и спросил:

— Раскаиваетесь ли вы в своих страшных преступлениях?

Девочка ответила:

— Не знаю.

А Пашка пожал плечами. Может, надеялся, что все это сон?

— Есть ли у тебя последнее желание или жалоба? — спросил епископ у ведьмочки.

— Я к маме хочу, — сказала она.

В толпе послышался недовольный ропот. Все здесь верили в ведьм, но все-таки некоторым стало жалко девочку.

— Она же только притворяется девочкой! — воскликнул епископ.

Люди замолчали. Ведь в самом деле, если веришь в ведьм, приходится верить, что они умеют притворяться девочками.

— Есть ли у тебя, колдун и самозванец, последнее желание? — спросил епископ у Пашки.

— Отпустите меня, — сказал Пашка. — И я уеду.

Вельможи и рыцари стали улюлюкать и кричать:

— Трус! Кончай его, палач! Позор!

Тогда Пашка покраснел, разозлился и закричал, перекрывая свист и крики:

— Ничего я не струсил! Вы сами трусы! Не надо мне вашей пощады...

— Может, это ему только кажется? — спросила Алиса у шута.

Шут покачал головой и сказал:

— Уже не кажется...

Епископ махнул рукой.

Барабанщики затараторили в барабаны.

Алиса понимала, что нужно бежать, прекратить это издевательство. Но, как в дурном сне, ноги не слушались ее, язык прилип к горлу, и она стояла словно восковая кукла, глядя, как палач не спеша протирает суконкой и без того блестящий топор, а его помощники ведут Пашку к колоде и заставляют опуститься на колени.

И в этот момент Алиса услышала, что сзади кто-то бежит к ней. Она не могла отвернуться от помоста, но чувствовала, как до ее плеча дотрагивается мягкая рука, и ей вдруг захотелось услышать мамин голос: «Ну, просыпайся же, Алиса, в школу опоздаешь».

Но голос принадлежал королеве-мачехе:

— Алиса, ты меня слышишь?

— Где вы были, королева? Почему вы опоздали?

— Нельзя падать духом. Еще не все потеряно. Я пришла, чтобы напомнить об одном древнем обычай.

— Скорей! О каком обычай? О каком?

Палач кончил вытираять свой любимый топор, вырвал волос у себя из бороды, подбросил его вверх и на лету разрубил под аплодисменты вельмож.

— Неужели не слышала? Если чистая, юная девушка объявит осужденного своим женихом...

— Вспомнила! — крикнула Алиса. — Стойте!

Но из-за грохота барабанов ее никто не услышал.

Она бросилась сквозь густую толпу вельмож и рыцарей, извиваясь как змея и пуская в ход острые локти и колени. Ее пытался остановить толстый маркиз, к ней тянулись лапы стражников и монахов, но вот она, придерживая белое платье, взлетела по шатучей лесенке на помост и встала рядом с палачом.

Палач уже занес топор над головой Пашки.

— Стойте! — закричала Алиса.

Барабаны продолжали бить.

Но рядом уже стояла королева-мачеха. Она властно подняла тонкую руку, и этому знаку барабанщики подчинились.

Епископ скривился, словно у него заболел зуб.

Наступила мертвая тишина, только слышно было, как быстро и громко бьется Пашкино сердце.

— Слушайте принцессу! — сказала Изабелла.

— Слушайте, — сказала Алиса. Она заговорила не-громко, но ее слова долетали до самых верхних этажей домов и проникали в переулки. — Есть старинный обычай. Юная девушка может взять осужденного в женихи, и тогда его должны отпустить.

— Правильно! — раздались голоса на площади. — Был такой обычай.

— Его давно отменили! — спохватился епископ. — Его уже нет!

— Кто его отменял? — строго спросила Изабелла. — Поднимись сюда, старый плут, и поклянись перед народом королевства, что этот обычай отменен.

— Не отменен! Не отменен! — кричали на площади.

— Отменен! — завопил маркиз.

И вдруг послышался тонкий, почти детский, но очень пронзительный голос. Это говорил громадный палач, который возвышался над всеми, как гора:

— Мне лучше знать про этот обычай! Я специалист. Никто этого обычая не отменял, только давно не находилось девушек, которые хотели взять в женихи осужденного, тем более колдуна. Мне этот обычай страшно невыгоден, но я — честный палач.

— Тогда я беру этого рыцаря себе в женихи, — сказала Алиса.

— Ура! — закричал шут, который уже развязывал Пашке руки и помогал ему подняться с колоды. И добавил: — Но тебе, Алиса, придется выходить за него замуж. Не завидую.

— Оркестр — свадебный марш! — приказала королева-мачеха.

Оркестр послушно заиграл торжественный марш, Алиса протянула Пашке руку и пошла с ним к лестнице, вниз с помоста. Палач махал им вслед топором.

— Скорей! — сказала Изабелла. — Сейчас они спохватятся. Лошади ждут в том переулке.

— Ты чего, Пашка? — крикнула Алиса.

Но Пашка рванулся назад.

— Ведьмочку! Ведьмочку я им не оставлю!

— Не думай об этом! Ты всех погубишь! — испугалася шут.

Но Пашка уже подхватил ведьмочку и метнулся вслед за остальными.

— Дорогу молодым! — закричал тонким голосом палач. — Да здравствует древний обычай! Кубок не забудьте!

Изабелла быстро шла первой, и вельможи, рыцари, стражники и монахи волей-неволей расступались перед ней.

Глава

20

БЕГСТВО ИЗ ГОРОДА

Они не успели добежать до переулка, как сзади до несся тонкий голос:

— А ведьму зачем взяли? Ведьмочку мне верните!

— Обман! — пришел в себя епископ. — Держи их!

До входа в переулок оставалось всего шагов двадцать. Навстречу уже бежали два стражника. Они выставили свои алебарды, но королева-мачеха сверкнула глазами и приказала не терпящим возражений королевским голосом:

— Назад! Как вы смеете!

Стражники остановились. Где уж им, беднягам, разобраться, кого слушать, а кого хватать?

У входа в переулок толпились зрители, которые сразу расступились и образовали коридор, в конце которого задом к площади стояла карета. Над ее крышей возвышалась лохматая голова оруженосца Грико, который сидел на козлах. Он поднял руку, торопя друзей.

За спинами беглецов люди сразу сомкнулись, и стражники, гнавшиеся за ними, волей-неволей задержались, расталкивая упрямых зрителей.

Первым в карету прыгнул Пашка с девочкой на руках, потом Алиса, потом шут с Пашкиным кубком, а когда карета уже тронулась, — королева-мачеха. Сейчас она меньше всего была похожа на королеву: пышные волосы растрепались, щеки раскраснелись, а корону она где-то потеряла.

Колеса кареты застучали по булыжной мостовой. Гул толпы и крики сразу затихли.

— Ну уж теперь-то все? — спросила Алиса.

— Вряд ли, — ответил шут, выглядывая в заднее окошко. — И не представляю, как из города вырваться. В любой момент они могут закрыть ворота.

— Эх, нет у меня коня и меча, — вздохнул Пашка, — я бы их задержал.

— Нет, вы только на него посмотрите, — засмеялась Изабелла, которая достала зеркальце и гребень. — Не успели убежать, как он снова расхабрился.

Пашка насупился. Обиделся.

— В самом деле, молчал бы, — не удержалась Алиса. — Сколько неприятностей из-за твоего легкомыслия.

Она поглядела в окно. Совсем близко из домов выглядывали удивленные лица: никому еще не приходилось видеть, чтобы карета с королевским гербом неслась по улицам как сумасшедшая. Королевским каретам положено ездить с достоинством.

— Мне так вас не хватало, — сказала Алиса Изабелле.

— Я надеялась, что Пашке удастся со стадиона спастись. Вот и побежала искать Грико. Мы с ним вывели мою карету из конюшни. А потом перегнали ее к площади казней. Чуть не опоздали.

Карета замедлила ход.

— Сейчас будут ворота, — сказал шут.

— Посторонись, Фу-фу, — сказала Изабелла. — Жалко, я где-то корону обронила.

Изабелла откинула окошко и выглянула наружу.

Карета встала.

— Ложитесь на дно, — прошептал шут своим спутникам.

Алиса услышала ленивый голос начальника караула ворот:

— Кто едет, по какому делу?

Ему ответил холодный голос королевы Изабеллы:

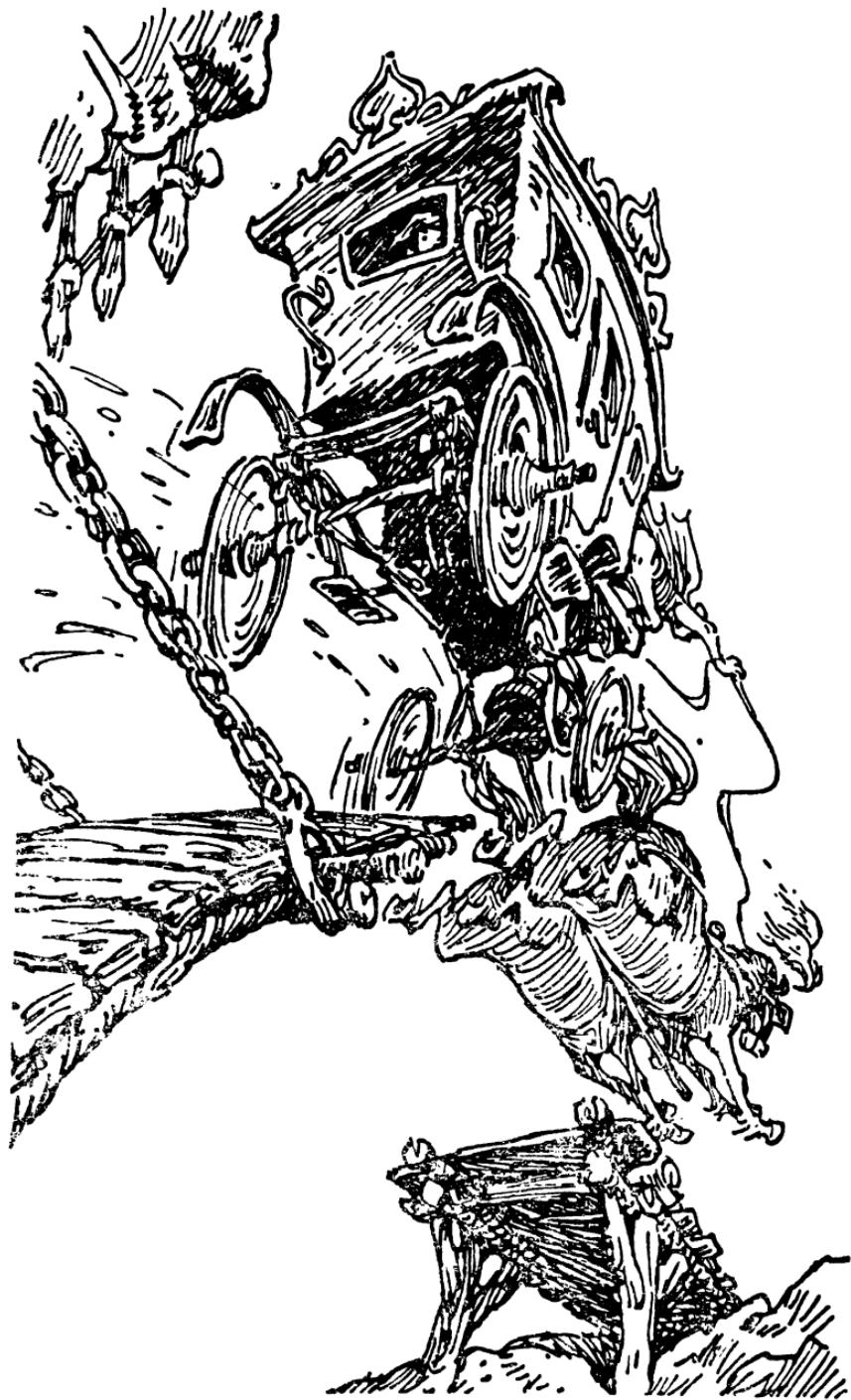
— Нахал, ты не узнаешь свою вдовствующую королеву-мачеху?

— Как же без короны узнаешь? Вы бы мне лучше документ показали.

— Ты где, болван, видел, чтобы королевы с собой документы возили?

— Я, конечно, не видел, но слыхал.

— Ужасно, решетка ворот опущена, — простонал шут.

— Ах так! — возмутилась Изабелла, распахивая дверь кареты и выпрыгивая на мостовую. — А теперь ты меня узнаёшь?

— Узнаю, ваше величество, по платью узнаю! — ответил стражник. — Поднимай решетку, опускай мост! Их величество изволят гневаться!

Завизжали железные цепи.

— Мне что, — разглагольствовал стражник. — Мне велено документы спрашивать и после обеда никого из города не выпускать. Конечно, бывают исключения... И в кареты заглядывать приказано. Мне их превосходительство камергер говорил: «Да будь, говорил, там твои родные мама-папа, все равно проверяй, чтобы не было контрабанды или беженцев. Если не проверять, у нас полгорода разбежится».

— Погоди, — сказала Изабелла. Послышалось шуршание материи и звон.

— Кошелек достала, — шепнул шут. — Правильно. Единственный способ. Ну что они там медлят?

Сзади послышался шум. Алисе показалось, что она различает крики и стук копыт. Как медленно поднимается решетка!

— Вот, держи, — сказала Изабелла. — Сдачи не надо.

— Тогда другое дело, — сказал стражник. — Что такое? Кто там скачет?

Тут же раздался голос Изабеллы:

— Грико, гони!

— А вы?

— Я их постараюсь задержать! Меня не тронут!

Карета рванула с места, все быстрей и быстрей. Загрохотали колеса, уж близко топот копыт... И сквозь шум слышны слова Изабеллы:

— Счастливого пути, принцесса Алиса!

Карета вдруг накренилась назад, словно взбиралась на гору.

— Эх, залетные! — закричал на лошадей Грико. — Не подкачайте!

Карета взлетела на подъемный мост, который еще не успели опустить, лошади прыгнули через широкую щель, карета пролетела, словно лыжник с трамплина, ударила передними колесами о дорогу, каким-то чудом осталась цела и покатила прочь от города.

Глава

21

ПРОЩАЙ, ШУТ!

— Все живы? — спросил шут.

— Я жива, — сказала ведьмочка. — Мы скоро приедем к маме?

— Я себе вторую шишку набил, — сообщил Пашка. — Как на турнире.

— Потерпи, — сказала Алиса. Она тоже ушибла коленку, но не стала жаловаться. Все равно не поможешь.

Шут встал коленями на сиденье и смотрел в заднее окошко.

— Ждут, пока мост опустят, не решаются прыгнуть, — сказал он. — Тоже мне, смельчаки.

— Они Изабеллу не убьют? — спросила Алиса.

— Сейчас не убьют, не посмеют. Но вообще-то говоря, ей отсюда надо уезжать. Обязательно отравят. Давно бы отравили, но Изабелла сама себе готовит. И меня тоже, если я вернусь. А может, зарежут. Не такая уж важная птица. А жалко...

— Давайте спрячемся где-нибудь и переждем, — сказал Пашка, — а потом вернемся в город и увезем Изабеллу. Опасно ее оставлять.

— Нет, вам пора возвращаться, — сказал шут. — Они сейчас все королевство на ноги поднимут. Как-нибудь без вас разберемся.

— Но вы-то с нами? — спросила Алиса.

— Нет, мне с вами нельзя. Я, можно сказать, из другой истории. Вот девчонку вам придется с собой взять. Может, воспитаете...

Карета подпрыгивала на ухабах — дорога была паршивая. Вот карета взбирается на холм, где Алиса встретилась с маркизом и Грико...

— Скорей! — крикнул шут. — Они выскочили из города!

— Я и так гоню из последних сил, — послышался голос Грико. — Одно колесо еле держится — вот-вот отвалится.

Шут приоткрыл дверцу кареты и высунулся наружу.

— Сворачивай на боковую дорожку. И гони до оврага. Знаешь, где?

— Знаю.

— В овраге остановись так, чтобы карета дорогу перегородила.

Карета покатила вниз.

И снова сквозь стук колес донесся топот коней.

Все ближе, ближе...

Шут подхватил девочку.

— Держитесь! — крикнул он ребятам.

Карета накренилась, разворачиваясь, и замерла.

Пассажиры попадали друг на друга. Дверь распахнулась. За дверью стоял Грико.

— Торопитесь, — сказал он, подхватывая девочку, которую ему передал шут.

Шут выскочил следом.

Когда Алиса спрыгнула на землю, она увидела, что карета стоит поперек дороги, которая с двух сторон стиснута крутыми заросшими откосами. Пашка покинул карету последним.

— Беги за шутом! — крикнул Грико.

В руке у него был меч.

Он подтолкнул Пашку с Алисой к кустам. Шут с девочкой на руках уже карабкался вверх.

— А ты? — спросила Алиса.

Рыцари были уже совсем рядом, по ту сторону кареты. Они придерживали коней, чтобы не врезаться в нее.

— Я их задержу! Прощай, Алиса.

— Я останусь с ним, — заявил Пашка. — Они его убьют!

Алиса схватила его за руку и дернула к кустам.

— Ничего они со мной не сделают, — крикнул Грико. — Недаром я учился на рыцаря. Я их задержу, а потом убегу и отправлюсь путешествовать. Или моряком стану.

— Держи их! — кричал маркиз, но с лошади не слезал.

— Хватай! — кричал рыцарь Черного волка, вертя сплющенной головой.

В последний раз Алиса увидела оруженосца с вершине склона. Лохматый Грико стоял на крыше кареты и отбивался мечом сразу от десяти рыцарей, которые страшно мешали друг другу на узкой дороге.

— Прощай, Алиса! — крикнул Грико. — Может, я еще приплыву в твое королевство.

— Скорей! — торопил ребят шут. — Они уже пусти-

ли по нашим следам стражников. Пашка, забирай свой кубок, а то мне тяжело.

— Вы его не забыли? Вот здорово! — обрадовался Пашка.

— В такую минуту заботиться о пустяках! — сказала Алиса и про себя подумала, что некоторые мальчишки до старости остаются детьми.

От стражников удалось убежать. Шут долго вел беглецов по лесу, путая следы, переходя вброд ручьи и пересекая каменные осыпи.

Алиса устала так, что готова была на все за минуту отдыха. Но терпела. Шуту было труднее. Он тащил на руках девочку.

И когда Алиса уже решила сесть на землю и умереть, лес расступился, беглецы оказались на краю поляны.

Посреди нее стоял небольшой ржавый космический корабль, на борту которого было написано: «Посетите магазин Фуукса!»

— Твоя карета? — спросил шут.

— А вы как догадались?

— Я все знаю, — ответил шут. — Иначе бы не выжить в этом государстве.

Он поставил девочку на ноги.

— Обещаете о ней позаботиться?

— Обещаем, — сказала Алиса.

— Тогда прощайте. Счастливого пути.

Пашка с Алисой, держа ведьмочку за руки, пошли к кораблю.

— Я тоже на нем прилетел, — сообщил Пашка.

— Знаю, — сказала Алиса. — Ты в нем значок потерял.

У корабля они оглянулись. Шут стоял на краю леса. Был он маленький и печальный. Он стянул с головы дурацкий колпак и помахал ребятам. Бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— Не хочется мне их здесь оставлять, — сказала Алиса.

Пашка помог ей и ведьмочке залезть внутрь корабля.

— Жалко будет, если их отравят, — сказал Пашка. — Они нам здорово помогли.

Он закрыл люк. Стало темно.

— Куда бы поставить кубок, чтобы не разбился? — спросил он.

— Держи в руках, — сказала Алиса. — Жених...

Ей было грустно.

Глава

22

СНОВА ФУУКС

Путешествие обратно было быстрым и незаметным. Правда, ведьмочка канючила и просила пить, а воды на корабле не нашлось.

Зажглась надпись:

«Планета Пенелопа.
Можно выходить».

Люк открылся со скрипом, словно городские ворота. Снаружи был вечер. Мимо пролетела стая светящихся птичек с длинными хвостами.

Было тепло, как всегда на планете Пенелопа, в славном городе Жангле-многоточие.

В траве сутились светлячки.

Дверь на кухню Фуукса была приоткрыта. Из щели лился желтый свет, и доносился детский смех.

— Ну вот,— сказала Алиса.— Вроде бы обошлось.

Она поглядела на Пашку, который спрыгнул из люка и стоял рядом.

Даже в сумерках было видно, какой он грязный и оборванный. Словно недели две непрерывно сражался с драконами.

Алиса опустила ведьмочку на землю. Ведьмочку тоже надо будет приодеть. Да и сама принцесса...

Ведьмочка вырвала руку и побежала к дому.

— Погоди,— сказала Алиса.— Ты их там перепугаешь.

— Ой, смешно!— ответила ведьмочка.

Она уверенно распахнула дверь на кухню, и в лицо путешественникам ударили сноп света. Черным силуэтом, как в театре теней, ведьмочка замерла на пороге.

— Памила!— раздался женский крик.— В каком ты виде! Сейчас же переодевайся и мой руки. Совершенно невозможно оставить вас с отцом!

Алиса с Пашкой по узкой тропинке подошли к двери и осторожно заглянули внутрь.

Незнакомая женщина решительно раздевала ведьмочку. Над тазом с горячей водой поднимался пар.

Чисто умытые мальчишки, сыновья Фуукса, прыгали рядом и кричали:

— Не пускай таких грязнуль
В славный город Жангленуль!

— Ничего не понимаю,— сказала Алиса.

Мальчишки оглянулись и увидели Алису с Пашкой.

— А эти еще грязнее,— удивился один из мальчишек.

— Прекратите, дети,— раздался голос от двери.

Там стоял Фуукс. Он был в халате, усеянном звездами. Черные очки и громадный нос придавали ему зловещий вид, который никак не соответствовал его веселому голосу.

— С возвращением, друзья!— воскликнул он.— Проходите, проходите прямо в магазин и подождите меня одну минуту.

Он схватил ребят за руки и потащил через кухню к двери в магазин.

Вслед им несся голос женщины:

— О других ты думаешь, а обо мне никогда. Я возвращаюсь домой с конференции по прерывной квантовой терминологии, а дома все вверх дном. Дети по пояс в варенье, дочки вообще не видно, а появляется она в виде какой-то нищенки, измазанная с головы до пят... Потом ты в своем маскарадном костюме с накладным носом, еще какие-то грязные дети... Клянусь, что заставлю тебя отказаться от этой дурацкой лавочки и заняться делом. Или мы с детьми покинем тебя...

Дверь за Пашкой и Алисой захлопнулась, и до них доносились лишь отдельные звуки, как две мелодии,— низкая и суровая — Фууксовой жены, и высокая прерывистая — самого Фуукса.

Сова все так же висела кверху ногами на суху.

На бочке лежали разноцветные бумажки.

На полу валялись осколки разбитой вазы.

Часы пробили семь раз, всего час назад Алиса была в этой комнате.

Хлопнув дверью, в магазин ворвался Фуукс.

— Еле вырвался. Вы довольны? — спросил он.— Приключения были? Документы пригодились?

— Бальтаз-уу-ур! — раздался из-за двери крик.— Немедленно снимай маскарад и накрывай на стол.

— Иду, кисочка! — крикнул Фуукс. — Ну ладно, увидимся, заходите, всегда рад... Может быть, куда-нибудь слетаем.

Фуукс помахал ручкой и бросился обратно, на ходу стаскивая нос с приклеенными к нему черными очками. Халат распахнулся на бегу, и из-под него показались тонкие ноги в штанах в обтяжку, одна штанина красная, другая — синяя, словно у средневекового шута.

Дверь захлопнулась и снова растворилась.

Оттуда высунулась Памила и подмигнула Пашке.

— А я ведьма! — сказала она басом...

...На Сувенирной улице все было по-прежнему. Светились витрины, гуляли туристы.

Самой бедной была витрина магазина Фуукса.

Керосиновая лампа освещала белый листок бумаги.

— Ты читал? — спросила Алиса.

— Еще бы, — сказал Пашка. — Все и началось, когда я прочел.

— И не жалеешь?

— Ты с ума сошла! Да я бы сейчас все повторил!

— Нет, ты безнадежен, — сказала Алиса.

Пашка покрепче обнял хрустальный кубок и сказал, словно ничего не случилось:

— Ну, ты идешь? Нас ведь ждут.

Глава

23

ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ГДЕ МЫ БЫЛИ!

Юные биологи стояли на площади перед гостиницей, ждали Алису и Пашку.

— Идут! — крикнул Джавад.

— С ума сойти! — ахнула Машенька Белая, увидев, как они подбегают к гостинице. — Что с вами случилось? Пашка, ты на помойке валялся? Алиса, что за платье на тебе?

Алиса только сейчас вспомнила, что забыла вернуть Фууксу платье принцессы.

— Откуда ты такую вазу приволок? — спросил Джавад.

— Ребята, вы себе не представляете... — начал Пашка.

— Еще как представляем,— ответил серьезный Аркаша.— Мы с ног сбились, вас разыскивая. Ну ладно еще Пашка, он романтик, но от тебя, Алиска, мы этого не ожидали.

— Где ты шишку такую заработал?— спросила Маша.— Ты дрался?

— Если б вы знали...— снова начал Пашка.

— Я знаю только, что на чужой планете вы убежали от нас неизвестно куда и ничего нам не сказали. Товарищи так не поступают.— Аркаша был неумолим.

— Не вините их слишком строго,— сказала, подойдя незаметно, вдовствующая королева-мачеха Изабелла.— Я уверена, что Алиса ни в чем не виновата. А что касается вашего друга Пашки, он не смог устоять перед искушением. А потом уже было поздно...

— Вы его не знаете...— начал было Аркаша, но посмотрел на Алисину физиономию и осекся. Алиса стояла, разинув рот, и глядела на королеву-мачеху, как на самое настоящее привидение. Королева сменила синее длинное платье с серебряными узорами на легкий серый комбинезон с зелено-желтой ветвью галактической биологической службы на груди. А в остальном...

— Давайте знакомиться, ребята,— сказала королева-мачеха.— Меня зовут Светланой. Я работаю на лесной станции Пенелопы. В ближайшие две недели вы будете моими гостями — вместе будем жить в джунглях, собирать коллекции, купаться и загорать.

— Вас зовут Светланой?— спросил Пашка.— Я не ослышался?

— Нет, мой дорогой рыцарь,— ответила королева-мачеха.

— И вас не отравил епископ?

— Как видишь, нет.

— И вы никогда не были в том королевстве?

— В каком?

— Пашка совсем зарапортовался,— сказала Машенька.— Видно, участие в драках не проходит бесследно.

— Вы нам потом все расскажете, ребята,— улыбнулась Светлана.— А сейчас быстро умываться, переодеваться — моя машина уже ждет. Нам надо до ночи добраться до лесной станции.

Алиса зашла к себе в комнату, сняла платье, включи-

ла душ, присела на секунду в кресло и поняла, что снова подняться она не в силах. Ноги отнялись от усталости.

Конечно, это могло быть миражем, иллюзией, шуткой... никакая это не рыцарская планета...

Но ссадина на Алисиной коленке была самой настоящей.

И кубок, который Пашка потащил к себе в комнату, прижимая, как мама любимого младенца, был настоящим.

В дверь постучали.

— Можно, Алиса? — В дверях стояла Светлана.

Она сразу увидела ссадину на распухшей коленке.

— Ты это где?

— В карете, — сказала Алиса. — Когда через ров прыгали.

— Ты ее как следует промой, я тебе пластырь принесу.

— Ничего, само заживет, — сказала Алиса. — Ой, как спать хочется!

— Потерпи еще немного, — сказала Светлана. — Через час будем на месте.

— Ладно, — Алиса заставила себя подняться с кресла, — потерплю. Скажите, Светлана, это все шутка для туристов? Аттракцион?

— Я, конечно, не знаю, что ты имеешь в виду, но думаю, ты ошибаешься.

— Но этого не было? В самом деле не было?

Светлана рассмеялась.

— Откуда мне знать? Я сегодня весь день провела в лаборатории. Почти никуда не выходила. Иди, иди, моясь. На тебя смотреть страшно.

Алиса открыла дверь в душ.

— Я тебе тут одну вещь на столик положу, — сказала Светлана. Что-то звякнуло. — А то Пашка хватится, с ума сойдет от горя. Как же ему, бедному, без оружия жить в настоящих джунглях?

Послышались легкие шаги. Щелкнула, закрываясь, дверь. Алиса выглянула в комнату.

На столике лежал Пашкин перочинный нож с множеством лезвий. Тот самый, которым рыцарь Красной стрелы разрезал завязки на латах Черного волка, о чем еще долго будут вспоминать в городе, где живет, если ее не отравили, королева-мачеха Изабелла.

Часть третья

КАНИКУЛЫ НА ПЕНЕЛОПЕ

Глава

1

ПОЛОВИНА РОГАТОЙ СОБАКИ

На планете Пенелопа, в диких, неожженых джунглях, над рекой, названия которой еще не придумали, стоят две палатки. В голубой живут Пашка Гераскин, Аркаша Сапожков и Джавад Рахимов. В белой — Алиса Селезнева и сестры-близнецы Маша и Наташа Белые. Юные биологи прилетели сюда на каникулы с Земли, потому что планета Пенелопа почти не исследована.

Чуть выше по склону, за деревьями, виден домик биостанции. В домике живет красивая женщина, биолог Светлана.

То утро начиналось так.

Сначала встала Маша Белая, сделала зарядку и принялась готовить завтрак. Никто не заставлял ее этим заниматься, но сегодня дежурит Пашка Гераскин, а если на него положиться, сядешь за стол не раньше полудня.

Вторым поднялся Аркаша Сапожков, схватил зубную щетку и полотенце, побежал к речке. Он спешил. Он любил повторять, что жизнь коротка, а надо так много успеть!

Пока он чистил зубы, с обрыва скатились Алиса с Наташой Белой.

Они с разбега нырнули в прохладную воду, обрызгав Аркашу с ног до головы, и наперегонки поплыли к тому берегу.

Наконец не спеша, солидно к реке спустился Джавад, подталкивая перед собой Пашку Гераскина, который сегодня вообще решил было не подниматься с постели. Джавад сразу понял, что в самом-то деле Пашке просто не хочется утруждать себя хозяйственными де-

лами. Поэтому он сдернул с Пашки одеяло и заставил его встать, применив грубую физическую силу. Пашка сопротивлялся и кричал, что у него страшный радикулит, он не может разогнуться и вскоре умрет, а виноват в этом будет жестокий толстяк Джавад.

Джаваду надоело слушать стенания Гераскина, он подтащил его к берегу и бросил в воду. Снова целый фонтан брызг обрушился на туалетные принадлежности аккуратного Аркаши. Теперь, прежде чем вытираться, ему пришлось бы выжимать полотенце.

Аркаша опечалился. Он с укором глядел на упливших к середине реки товарищей и вдруг увидел нечто невероятное!

По тому берегу медленно шел крупный пушистый зверь, похожий на собаку колли, но с рогами на лбу. У зверя не было задних ног и хвоста. Голова на месте, передние ноги на месте, грудь на месте, а больше ничего. Можно бы понять, если бы зверь умирал, истекал кровью оттого, что кто-то откусил ему заднюю часть. Ничего подобного: зверь совершенно не обращал внимания на недостачу, а с задумчивым видом разглядывал купающихся биологов.

— Маша! — закричал Аркадий, не сообразив, что может спугнуть зверя. — Скорей неси камеру! Такого мы еще не видели!

К сожалению, зверь услышал этот вопль. Он поглядел на Аркашу, покачал рогатой головой и, не теряя достоинства, скрылся в кустах.

Тут наверху обрыва показалась Маша и спросила:

— Ты что кричал?

— Эх! — с горечью сказал Аркаша. — Ты бы еще завтра пришла. Где камера?

— Зачем тебе камера?

— Сфотографировать половину собаки с рогами.

— Аркаша, — сказала Маша совершенно серьезно. — Ты пробыл на солнце всего десять минут. Когда же ты успел перегреться?

К берегу подплыл Пашка Гераскин, который уже забыл о том, что у него радикулит и он проведет весь день в постели.

— Ныряй! — крикнул он Аркаше, прыгая на одной ноге, чтобы вытрясти из уха воду. — Вода сказочная!

— Ну вот, — сказал Аркаша, который нашел нового

виновника своим бедам.— Распугали криками половину собаки.

Но Пашка не расслышал. Он спросил Машу:

— Завтрак готов?

— А кто сегодня дежурный?— спросила в ответ Маша.— Пускай он и займется.

— А кто?— спросил Пашка.

— Ты.

— Не может быть.

Пашка подумал две секунды и сказал:

— Есть предложение: если ты сегодня за меня подежуришь, я за тебя опишу всех твоих улиток и головастиков.

Маша только отмахнулась. Свои трофеи она никому не доверяла. И Пашка, разумеется, отлично об этом знал.

— Алиса,— сказал Аркаша, видя, что остальные тоже выходят из воды.— Ты видела на том берегу половину зверя?

— Чего?

— Переднюю половину собаки с рогами.

— А где она лежит?

— Она не лежит, она ушла,— сказал Аркаша. Он уже понял, что никто ему не поверит, поэтому даже не стал слушать насмешки, а подобрал мокрое полотенце, щетку, скользкое мыло и начал взбираться наверх.

— Маша, о чём это он?— спросила Алиса.

— Я только сняла яичницу,— сказала Маша,— как слышу его дикий вопль: неси камеру! Я сначала решила спросить, зачем она ему. А он отвечает, что видел половину собаки с рогами...

— Знаешь, что удивительно,— сказала Алиса, вытирая полотенцем короткие светлые волосы,— Аркаша совершенно не способен придумать такую шутку.

— Это точно,— подтвердил Пашка и посмотрел на тот берег.

И все поглядели туда же.

Берег был пуст.

А тем временем Аркаша поднялся наверх, подошел к палатке, чтобы повесить сушить полотенце, и увидел, как за палаткой медленно идет задняя половина неизвестного пушистого животного — пара ног, живот и длинный хвост.

— Ой!— сказал Аркаша.

Он уже никого не звал, не бежал за камерой, он просто смотрел.

Задняя половина на секунду приостановилась, помахала хвостом и исчезла в чаще.

Ребята, поднявшись с реки, увидели, что Аркаша замер у палатки с полотенцем в протянутой руке.

— Что случилось? — спросил Джавад. — Снова увидел рогатую собаку?

— Не знаю, — сказал Аркаша слабым голосом.

— Почему не знаешь?

— Потому, что это была задняя половина, и я не видел, есть ли у нее рога.

Глава

2

ДИКАРЬ ЛОВИТ РЫБУ

В тот же день, перед обедом, случилась неприятность. Утонул батискаф.

Батискаф привезла с собой Машенька Белая. Она — прирожденная подводница, родители еле отговорили ее вживить себе жабры, чтобы вообще переселиться под воду.

Батискаф у Машеньки особенный. Единственный в своем роде. Он надувной, чтобы всегда можно было положить в сумку и везти с собой куда хочешь.

Что такое надувной батискаф? Пузырь с воздухом. Глубоко ему не опуститься, сожмет давлением. Но в озерах, на мелководье ничего другого Машеньке не нужно.

Она садится в лодку, надувает двойную оболочку шара, привязывает к нему груз, чтобы не плавал на поверхности, складывает внутрь свои камеры, записные книжки, магнитофон, очиститель воздуха, прочее добро, забирается туда же, перекатывается через борт и уходит ко дну. Понемногу обитатели озера или речки привыкают к тому, что в их владениях поселился пузырь, и не обращают на него внимания. Это Машеньке и нужно.

Чтобы Маша не забыла, что нужно идти обедать или спать, к оранжевому поплавку, который плавает над батискафом, прикреплен шнурок, который тянется на берег и дальше, до самого лагеря. Если Маши долго

нет, дежурный дергает за шнурок и внутри пузыря-батискафа трещит звонок. Тогда Маша отцепляет груз, поднимается наверх и возвращается в лагерь.

В озере много живности, но нет крупных хищников, и никто на Машу не нападает. Вернее, не нападал до последнего дня.

В тот день Джавад, как всегда, вывез Машеньку в лодке на середину озера, а когда она погрузилась, поплыл обратно к лагерю.

Маша снимала, как рыбы строят песчаные замки, и записывала их голоса.

Вдруг она увидела, что сверху опускается большая сеть. Странно, подумала она, кто бы мог заниматься здесь рыбной ловлей?

Снизу хорошо было видно, как под сетью мечутся рыбы. Сеть потащила рыб наверх. Из динамика, который улавливал голоса рыб, доносились тонкие, почти неслышные крики — жители озера были страшно напуганы. Сеть пошла кверху, крики рыб стали затихать.

— Кто мог такое придумать? — вслух сказала Машенька. — Это похоже на Пашку с его причудами. Но он обязательно бы меня предупредил.

Машенька решила было отцепить груз, подняться и все выяснить. Все равно рыбы в озере так напуганы, что придут в себя не скоро.

И вдруг она увидела, как из глубины озера к сети несутся две огромные рыбины, каких Машенька ни разу здесь не видела, хоть опускалась в озеро уже десятый день подряд.

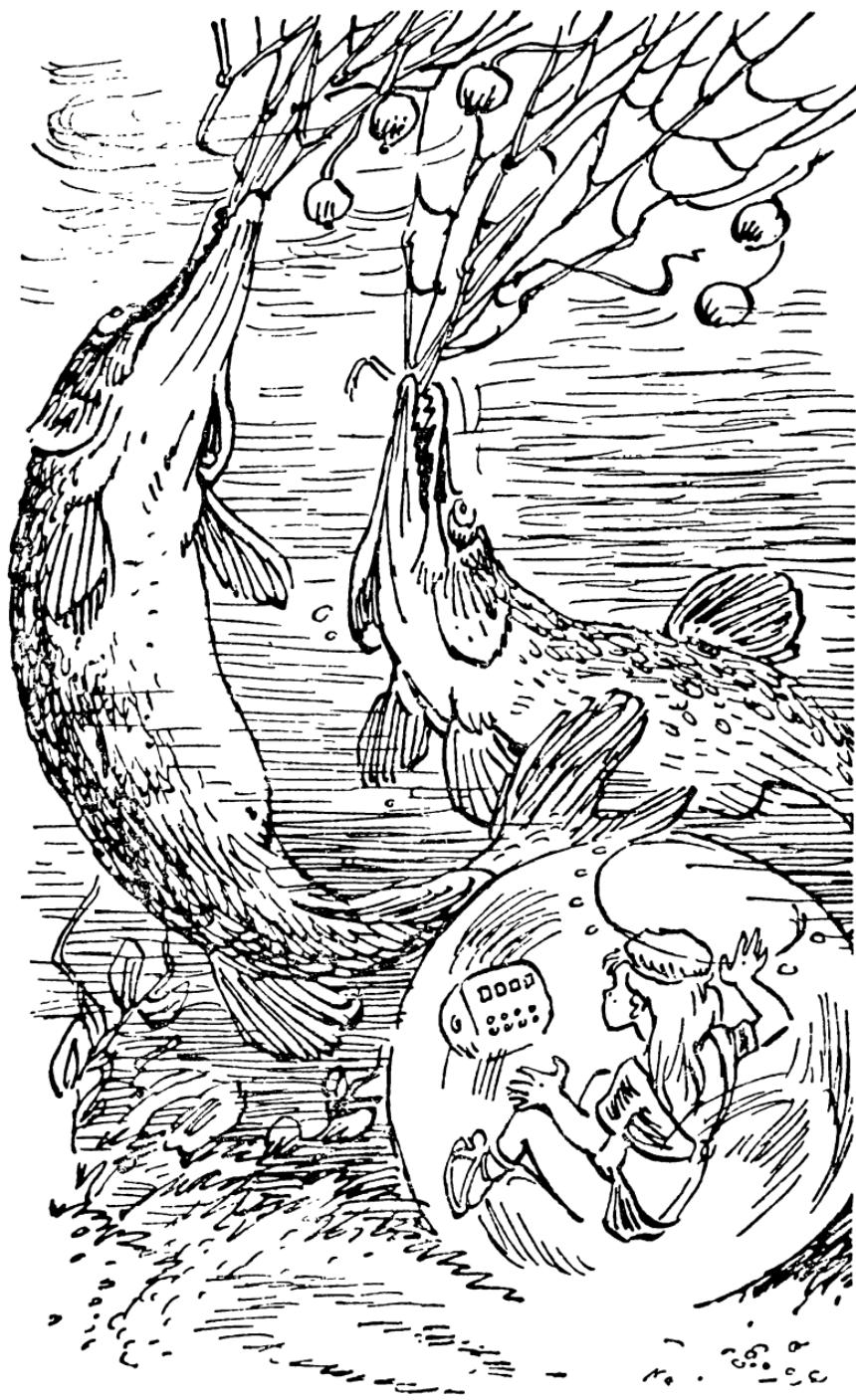
Они были похожи на щук: морды у них были сильно вытянуты вперед и усажены острыми, загнутыми назад зубами.

Рыбы догнали сеть и начали рвать ее зубами, но сеть оказалась крепкой, она лишь вытягивалась, но не рвалась.

Как же Машенька их раньше не заметила? В сети оказались еще две или три такие же зубастые хищницы. Они грызли сеть изнутри.

Все это заняло меньше минуты. Сеть между тем поднялась на поверхность, вода взбаламутилась и сомкнулась вновь.

Машенька быстро принялась отключать приборы и собирать записи, готовясь к подъему. Она была очень сер-

дита и в то же время озадачена. Благодаря этому печальному случаю ей удалось сделать открытие: найти первых на Пенелопе крупных хищников.

Но этого быть не могло! Еще на Земле Маша узнала наизусть рассказ о том, как была открыта планета Пенелопа, удивительное небесное тело, будто специально созданное для туристов...

Корабль «Малая Медведица» под командованием известного галактического капитана Полугуса Земфирского возвращался к своей родной планете Пилагея и вдруг у звезды Кассандра обнаружил планету, которую никто раньше не видел.

Планета была покрыта зелеными лесами, их омывали синие океаны, над ними возвышались снежные горы. Среди деревьев порхали бабочки и летали птицы, по деревьям скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики...

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел лишь в стороне от людей, а ветер бывал лишь слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных реках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тридцать килограммов, но не нашел там ни одного разумного существа, ни одного крупного хищника, ни одного комара, ни одной ядовитой змеи.

Не удивительно, что капитан с трудом собрал в лесах и полях свою команду и еле уговорил подчиненных вернуться домой. С печалью покидали космонавты удивительную планету.

— Жди нас, — твердили они, словно опасались, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея.

Они были очень начитанными людьми.

И планету назвали Пенелопой.

Вскоре на Пенелопу полетели специальные экспедиции. Рассказ Полугуса Земфирского подтвердился, и было решено сделать ее туристским заповедником для всей Галактики. Пусть отдыхают здесь жители всех планет, но при одном условии: леса, поля, океаны

Пенелопы должны сохраняться в совершенной неприкосновенности.

В тот момент, когда Машенька протянула руку, чтобы отцепить груз, обе хищницы, кипя гневом, набросились на пузырь и вцепились в него. А надувной батискаф, кстати, не рассчитан на то, чтобы его рвали зубами.

Через секунду его внешняя оболочка не выдержала, и воздух громадными пузырями устремился вверх. Но пузырь еще поднимался, потому что внутри камеры составлялся воздух.

Машенька сообразила, что, как только пузырь выскочит наверх, он съежится. Она схватила записную книжку и в тот момент, когда пузырь разрезал поверхность воды, открыла сверху люк и выпрыгнула наружу.

Пузырь выпустил воздух и медленно, словно тряпка, пошел ко дну.

Машенька быстро поплыла к берегу. Она запомнила, какие у этих «щук» зубы. И если они с такой злостью нападали на пузырь и сеть, уж ногу-то откусить им ничего не стоит.

Она махала руками, словно хотела поставить рекорд мира по плаванию вольным стилем, а когда наткнулась на что-то твердое, не сразу сообразила, что это крутоя берег.

Еще через две секунды она уже стояла на берегу и, откинув с лица мокрые волосы, старалась рассмотреть, кто же виновник всех ее приключений.

Озеро было довольно длинным и узким, метров сто.

На том берегу у сети, полной рыбы, стоял незнакомый Машеньке высокий молодой человек в плавках и короткой куртке из шкуры оленя. У него были длинные, до плеч, светлые волнистые волосы. На руке широкий блестящий браслет.

— Что вы наделали! — закричала Машенька.

— Здравствуй, — ответил молодой человек. — Ты меня перепугала. Я и не знал, что здесь водятся подводные девочки. Хорошо, что ты не попала мне в сеть.

— Мне не до шуток, — ответила Маша. — Вы утопили мой батискаф, а меня чуть не сожрали щуки.

— Чуть-чуть не считается, — ответил молодой человек. — Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Меня — Маша Белая. Но не в этом дело. Кто разрешил вам ловить рыбу в этом озере? Разве вы не знаете,

что на Пенелопе нельзя охотиться, рыбачить, жечь костры, рубить деревья?

— Не может быть! — удивился молодой человек. — Я, видишь ли, дикарь. Принципиальный дикарь. В отличие от вас, городских жителей, живу в полном согласии с природой. Живу, как ветер дует...

— Разве вы местный житель? — удивилась Машенька. — На Пенелопе местных жителей нет и никогда не было.

— Нет, — сказал молодой человек. — Я — вольный бродяга. Мой дом — вся Галактика. Я дикарь.

— А здесь вы что делаете?

— Я никому не задаю вопросов и никому не даю отчета. Считай, что мне тут нравится. Эта планета еще не загажена цивилизацией.

Им приходилось говорить громко, потому что между ними лежало озеро.

Правда, погода была тихая, безветренная, даже птицы примолкли и насекомые перестали стрекотать.

— Но раз вы приехали сюда, то должны уважать правила, которые установлены для всех, — упорствовала Маша.

— А я неграмотный, — засмеялся дикарь. — Я совершенно неграмотный.

Маша от удивления замолчала. Она и не подозревала, что могут существовать неграмотные люди. Может, этот дикарь шутит?

— Кроме того, я голоден, — сказал дикарь.

— Если вы голодный, приходите к нам, мы вас накормим.

— Спасибо на добром слове.

Дикарь взвалил на плечо тяжелую сеть с рыбой и пошел прочь. Кусты расступились и сомкнулись за ним. Словно и не было человека.

Маша долго глядела ему вслед. Может, ей все это почудилось?

Ничего себе почудилось, если батискаф лежит на дне, приборы погибли, камеры промокли, и еще неизвестно, как нырять в озеро и доставать пузырь, если там появились хищники...

Г л а в а

3

ДИКАРЬ ПЬЕТ ЧАЙ

Аркаша со Светланой с утра спорили, как описывать местные насекомоядные цветы. Было их вокруг немало — синих, красных, белых, каждый питался одним видом тли или мух — все другие мухи могли безбоязненно садиться на цветы.

Они так увлеклись, что не заметили, как подошла мрачная Машенька.

— Сидите и ничего не знаете, — сказала она.

— Что случилось? — спросила Светлана. — Что-нибудь с батискафом?

— Ничего особенного, — сказала Машенька, кладя на стол слипшуюся записную книжку. — Батискаф утонул, камеры и записи погибли, в озере водятся громадные хищники, какой-то дикарь ловит рыбу, а вообще-то ничего особенного.

Светлана ничем не показала, что удивлена или взволнована. Несмотря на свои горести, Машенька залюбовалась ею. Густые королевские черные волосы тяжелыми волнами опускались на узкие плечи, и даже удивительно было, как Светлана носит на голове такую тяжесть.

— Ну! — Светлана засмеялась теплыми синими глазами. — Расскажи сначала, и подробнее.

Когда Маша закончила рассказ, все отправились к озеру. К ним присоединился и Пашка, который захватил с собой большой крюк на тросе. С помощью этой удочки вытащили из воды батискаф, похожий на пустой мешок, разложили его на берегу и принялись вынимать из него промокшие вещи и приборы.

— Ума не приложу, — сказала Светлана, — откуда здесь мог появиться такой странный человек? Ты говоришь, он называл себя дикарем? Надо будет сегодня же позвонить в город. Зачем они пускают сюда туристов с рыболовными сетями?

— Смотрите! — крикнул Пашка.

Громадная рыбина с длинной зубастой мордой выскочила из воды и вновь скрылась. Только круги пошли.

— К сожалению, — сказала Светлана, — хищники тебе не почудились. Теперь в озеро путь заказан. А ведь

мы только в прошлом году изучали его фауну, ничего подобного здесь не было.

— А они выросли за год,— предположил Аркаша.

Вечером за ужином на веранде домика Светланы только и разговоров было, что о дикаре.

— Он в самом деле красивый?— спросила Наташа, близняшка Машеньки, но куда более легкомысленная.

— Может, и красивый,— ответила Машенька.— Только мне он не понравился.

И в этот момент раздался голос:

— Почему же не понравился? Обычно я нравлюсь женщинам и детям. Потому что я добрый и веселый.

Из синих сумеречных кустов, усыпанных разноцветными светлячками, вышел дикарь и поднялся на веранду.

— Я решил воспользоваться приглашением любезной девочки, с которой познакомился сегодня.

Дикарь вежливо поклонился Наташе, которая сидела к нему ближе всех, а Наташа широко открыла глаза и сказала невинно:

— Простите, я вас вижу первый раз в жизни.

Что было истинной правдой.

Дикарь был в той же оленьей куртке, синих кожаных штанах с бахромой сбоку, как у древних индейцев, и в сапогах со шпорами. Волосы он перехватил тонкой золотой ленточкой, на которую садились ночные бабочки, полагая, что это цветок. У дикаря были большие, светлые, добрые глаза в черных ресницах, короткий, чуть вздернутый нос и подбородок с ямочкой. Совершенно очаровательный дикарь, подумала Алиса, но вслух говорить этого не стала.

— Зачем же так меня обижать?— сказал дикарь сокрушенно.— Я же не нарочно вас утопил.

Тут он увидел Машеньку, понял, что ошибся, широко улыбнулся и сказал:

— Прошу прощения, я не подумал, что сюда привозят близнецов. Так вы меня не прогоните? У меня кончился чай, а без чая цивилизованному дикарю просто невыносимо. Кроме того, мне сегодня скучно.

И, не ожидая приглашения, дикарь уселся на свободный стул.

— Здравствуйте,— сказала Светлана.— Значит, это вы сегодня испортили день нашей Машеньке?

Может, такое начало разговора было не очень веж-

ливым, но Светлана, как известно, человек прямой.

— Ах! — воскликнул дикарь, глядя в упор на Светлану. — Сплошные чудеса! Я оказался гостем прекрасной женщины. А это всё ваши дети?!

— Это мои друзья, — сказала Светлана. — А кто вы? Дикарь улыбнулся, но ничего не ответил.

Алиса спросила:

— Вам покрепче?

— Как можно крепче, — сказал дикарь. — Обожаю все крепкое. Меня самой природа не обидела силой и ловкостью. Передайте сахар.

Дикарь подвинул к себе сахарницу и насыпал в чашку ложек пять сахара.

— Ну вот, — сказал он, отпив глоток и расплыввшись от счастья. — Лучше чая, чем здесь, я в жизни не пил. Клянусь Черной туманностью.

Вдруг Аркаша вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Я же говорил, а мне не верили!

Дрожащим пальцем он показывал на освещенную площадку перед верандой — там медленно шла задняя половина собаки с пушистым хвостом. Правда, остальные опоздали обернуться и увидели только, как чей-то хвост исчезает в кустах.

— Я клянусь, что у нее нет головы! — воскликнул Аркашка.

— Все ты придумываешь, — сказал Пашка. — Чем же она ест?

— Лучше здесь ничему не удивляться, — сказал дикарь. — Иначе окажешься в дураках. Я сегодня рыбу в озере ловил. Сварил — горькая, в рот не возьмешь. Представляете мое разочарование? Пришлось обедать консервами.

— Кстати, — Светлана проявила настойчивость, — вы так и не рассказали нам, как сюда попали.

— Как я сюда попал? — дикарь протянул Алисе чашку и попросил: — Пожалуйста, еще одну, покрепче. Как я сюда попал? Так же, как и вы, на космическом корабле. Я приехал сюда в поисках дикого уголка. Скоро в Галактике не останется места, чтобы любитель природы мог отдохнуть спокойно.

— А где вы живете? — спросила Светлана.

— В лесу. Мне ничего не нужно. Рюкзак, палатку, одеяло и надувную подушку. Вот и все. А не будет

одеяла, проживу и без него. Я иду по лесам и полям. Где мне нравится, останавливаюсь и живу, пока не надоест...

— Но разве вам не сказали, что здесь нельзя ловить рыбу и охотиться? Это же заповедник.

— Я не варвар,— сказал дикарь.— Я просто естественный человек. Я беру у природы лишь то, что нужно мне для пропитания. Я не граблю, а прошу природу поделиться со мной. Я — часть ее. Если бы я не поймал сегодня в озере этих несчастных рыб, их бы сожрали зубастые хищники.— И он обернулся к Машеньке:— Правильно?

— Правильно,— сказала Машенька.— Я сама видела.

— Так что я безопасен и хочу дружить с людьми и зверями. И пусть мне все платят взаимностью, хорошо?

Он оглядел сидящих за столом, доверчиво улыбаясь, как бы уговаривая их стать его друзьями. И неудобно было отказать такому человеку. Только Машенька отвела взгляд. Она вспомнила, что батискаф погублен и в озеро ей больше не опуститься. А дикарь, словно угадав ее мысли, добавил:

— А тебя я спас. Если бы не я, ты увидела бы этих чудовищ слишком поздно. И они разодрали бы тебя на кусочки. Вот так-то. Мы всех любим, а нас любят далеко не все. Это, к сожалению, закон природы.

Он допил чай, потянулся и сказал, поднимаясь:

— Большое спасибо. Теперь я жду вас к себе в гости. Моя палатка в лощине на том берегу. И не сердитесь на меня. Я никому не желаю зла.

С этими словами дикарь перемахнул через перила.

— Постойте!— закричала вслед Алиса.— Вы же не сказали, как вас зовут.

— Зовите меня Дикарем,— ответил он.— Я не обижаюсь на это прозвище. Просто Дикарем.

И он исчез, только суетились мотыльки и шуршали листья.

— Какой интересный парень,— сказал Пашка.— Настоящий дикарь.

— А ты уж готов пойти по его стопам,— возмутилась Машенька.

Пашка ничего не ответил, а Светлана сказала:

— Все-таки когда человеку хочется рыбы, он берет удочку. Зачем же загребать большой сетью?

— Может, у него не было удочки? — сказала добрая Наташа.

— Я ему дам крючок, у меня есть, — сказал Пашка.

“

Глава

4

ТАМ БЫЛ ГОРОД

Ночью прошел короткий, бурный ливень, словно специально для того, чтобы утро, когда Светлана с Пашкой и Алисой собирались в дальний поход, было свежим.

Путь их лежал вверх по реке, на плоскогорье, где еще никто не бывал. Там суще, чем в джунглях, и должны быть неизвестные растения и животные.

Алиса несла кинокамеру и передатчик, Аркаша — гербарную папку и блокнот, Светлана — рюкзак с пищей и сумку с приборами. Еще Светлана захватила парализующий пистолет. Правда, еще ни разу на Пенелопе не довелось пустить его в дело, хоть Пашка Гераскин давно смотрел на него с вожделением.

Аркаша проводил путешественников до реки. Он с ними пойти не мог, потому что занозил ногу. Его долго было видно: он стоял, поджав ногу, как журавль.

Шли не спеша, по плотному песку, по лугам, заросшим высокой травой, по редким, без подлеска рощам.

— Светлана, — спросила Алиса, — ты этому Дикарю поверила?

— Странный он какой-то, — сказала Светлана. — Я вчера ночью позвонила в инспекцию. Они никому не давали разрешения провозить на Пенелопу рыболовные сети.

— Но они о нем знают?

— Много туристов приезжает на Пенелопу со всех сторон Галактики. Некоторые живут в лесу. Но о нем никто не слышал.

Путь пересекал неширокий ручей. Потеплело, солнце поднялось выше.

— Осторожнее, — сказала Светлана. — Я пойду первой. А вдруг здесь водятся хищные рыбы?

Над ручьем синими лентами летали бабочки, словно держались друг дружке за хвосты. На том берегу прямо на земле лежало гнездо с пятнистыми яйцами. На него

спикировала большая черная птица с красным загнутым клювом. Птица строго поглядела на путешественников, но Алиса сказала ей:

— Не обращай на нас внимания.

Птица послушалась. Она примерилась и тюкнула клювом по ближайшему яйцу.

— Она же не хозяйка гнезда,— догадался Пашка.— Это воровка! Ее прогнать надо.

— Не надо,— сказала Светлана.— Пусть все идет своим чередом. Алиса, возьми кинокамеру.

Алисе не хотелось снимать такую варварскую сцену, но ученый есть ученый — не всегда будешь наблюдать то, что тебе нравится.

Птица деловито проклевывала яйца.

Разбив последнее яйцо, она отступила в сторону, словно любуясь результатами своего труда.

И вдруг в дырочке, пробитой в одном из яиц, показался маленький красный клювик. Клювик начал расширять отверстие, и птица тут же подпрыгнула к яйцу и принялась помогать тому, кто рвался из яйца наружу. Через минуту черный с желтым, мокрый и головастый птенец вылез на солнышко. А из других яиц уже выбирались его братья и сестры.

— Ну вот,— сказала Светлана, когда путешественники снова двинулись в путь.— Видите, как опасно судить по нашим меркам. Если птица клюет яйца — значит она разбойник. А она не разбойник, а заботливая мамаша.

— До свидания, мамаша,— сказал Пашка, глядя, как суетится птица: последний птенец никак не мог выбраться наружу.

Вскоре начался подъем на плоскогорье.

Речка стала уже, из нее высовывались обкатанные камни, и вода бурлила вокруг.

Затем деревья расступились, и впереди показалась широкая долина, на которой стояли большие корявые деревья, а между ними шумела под ветром высокая прямая трава.

— В прерии должны водиться бизоны! — воскликнул Пашка и, изображая краснокожего охотника, спрятался в траве.

Светлана с Алисой не спеша пошли по каменистой полосе в траве, внимательно глядя по сторонам, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного.

Вдруг Светлана остановилась и спросила:

— Алиса, тебя ничего не смущает?

Алиса в тот момент смотрела на двухголовую ящерицу, спящую на круглом камне.

— Нет,— сказала она.

— А ты погляди вперед.

— Ничего особенного.

— А под ноги.

— Ничего... не может быть!

Алиса поняла, что они идут по заросшей дороге, сложенной из каменных плит,

— Может, здесь какие-нибудь звери...— начала Алиса и замолчала, потому что никаких таких зверей на Пенелопе не было.

— Значит, когда-то на Пенелопе жили разумные существа, которые умели строить дороги,— сказала Светлана.— А это переворачивает все наши представления о планете.

Они остановились. Еще бы. Вот уже несколько лет, как Пенелопа открыта, здесь построен город, гостиницы, санатории, парк с развлечениями, работают ученые, и все глубоко убеждены в том, что никаких разумных существ на Пенелопе нет и никогда не было.

— Пошли дальше?— спросила Алиса.

— Сейчас. Пашка, беги сюда!

Пашка замешкался. Он что-то искал в траве.

— Скорее!

— Сейчас!

Пашка что-то нес в руке.

Он запыхался от бега.

— Глядите!

На его ладони лежал большой, совсем не заржавевший болт.

— Что вы на это скажете?

— А мы уже знаем,— сказала Алиса.

— А чего же вы молчали? Разве вы не понимаете...

Они пошли дальше по дороге. Трава подступала к ней вплотную, кое-где дорога вообще скрывалась под ней, наверное, поэтому дорогу не заметили, когда снимали планету с воздуха.

И тут, в тени громадного раскидистого дерева, они увидели развалины дома.

Развалины густо заросли лианами и кустарником —

и в десяти шагах не разглядишь. Остатки стен были изрезаны извилистыми трещинами. Вокруг в траве были разбросаны камни, словно какой-то гигант в гневе разломал дом на куски.

— Наверно, это было очень давно,— сказал Пашка.

— Не так давно,— ответила Светлана.— Разломы на камнях довольно свежие.

Еще один разрушенный дом скрывался под следующим деревом. Деревья стояли словно памятники, обозначая дома. Можно было даже подсчитать, что когда-то здесь стояло десятка три зданий, одинаково разрушенных неведомой силой.

— Какая загадка!— воскликнул Пашка.— Какая изумительная тайна. Наконец-то!

— Пошли, ребята, к дальним деревьям,— сказала Светлана.

Деревья впереди были вдвое крупнее своих собратьев.

Там скрывались самые большие здания города. Они были так же жестоко разрушены, как и остальные, но по остаткам стен и размеру глыб можно было догадаться, какими крепкими и обширными они когда-то были.

— Здесь было землетрясение,— задумчиво сказал Пашка, глядя на развалины.— И все погибли под руинами.

— Кто все?— спросила Алиса.

Светлана остановила ее жестом. В развалинах кто-то шевелился.

— Не бойтесь, женщины,— сказал Пашка.— Здесь не бывает крупных хищников.

— Но здесь не бывает и разрушенных городов,— попробовала возразить Алиса.

Но Пашка не слышал. Он подбежал к проему в обрушенной стене и крикнул:

— Эй! Кто здесь?

Шуршание прекратилось.

Светлана схватила Пашку за руку и оттащила назад, свободной рукой доставая из кобуры парализующий пистолет. Она не любила случайностей.

Из проема вылез встрепанный Дикарь в распахнутой оленьей куртке.

— Привет!— радостно воскликнул он.— Добро пожаловать!

Глава 5

ДИКАРЬ В ГОРОДЕ

— А вы что здесь делаете? — строго спросила Светлана. — Почему вы здесь?

— Не думайте, что я — виновник гибели города, — засмеялся Дикарь. — Клянусь вам, я не прикладывал рук к этому безобразию. И, оказавшись здесь случайно, удивился не меньше вас.

Дикарь легко спрыгнул с горы мусора и присел на камень.

— Кстати, — сказал он. — Раз уж вы пришли, не найдется ли куска хлеба? Понимаете, заблудился, проголодался, а домой возвращаться не хочется. Вам тоже, наверно, пора обедать.

— А в самом деле? — спросил Пашка.

Светлана улыбнулась, раскрыла рюкзак с продовольствием, Алиса расстелила на траве скатерть.

Дикарь сказал Алисе:

— Давай помогу тебе порезать хлеб и колбасу.

— Нет, — сказала Алиса, — у вас руки все в земле. Вымойтесь сначала.

— В природе нет грязи, — засмеялся Дикарь. — Это предрассудок.

Но тут он взглянул на Светлану и добавил:

— Бегу, бегу. Я могу еще спорить с девочкой, но когда такие прекрасные глаза смотрят на меня с осуждением, я тут же превращаюсь в послушного мальчика.

Дикарь громадными прыжками понесся к ручью, Пашка подхватил флягу — и за ним. Светлана подумала вслух:

— Чего это он оказался так далеко от дома?

— Вы думаете, он следит за нами?

— Нет, Алиса. Зачем ему следить? Но мне кажется, что он здесь не случайно.

— Почему?

— Погляди.

У пролома в стене лежала куча свежей земли.

— Давайте я загляну внутрь, — сказала Алиса. — И мы все узнаем.

— Нет.

Возвратились Дикарь с Пашкой. Дикарь рассказывал Пашке что-то веселое. Пашка слушал, раскрыв рот. Видно, у Дикаря была фантастически развита интуиция. Он словно почувствовал, о чем говорили Светлана с Алисой, потому что, подойдя поближе, сказал:

— Кстати, мы не первые, кто нашел этот город. Поглядите на кучу земли у входа. Кто-то здесь уже побывал. И знаете, что я думаю?

— Что?

— Наверно, там жил какой-то зверь. А потом его кто-нибудь съел. Вообще-то внутри ничего интересного. Обломки и мусор.

Они уселись обедать. Пашка насыпал в воду немногого ананасовой эссенции, хлеб был свежий и пышный, сыр с большими дырками, колбаса розовая, а холодное мясо нежное, словно крем. Дикарь проглотил, не разжевывая, целый бутерброд и сказал:

— Вы меня просто закормите. Я потеряю боевую форму. А вам будет трудно от меня отделаться.

— Нам колбасы не жалко,— сказала Светлана.

— Спасибо. Но вы уже, наверно, догадались, что я попадаюсь вам на пути вовсе не из-за обжорства.

— А из-за чего?— спросил Пашка.

— Я влюбился в Светлану. С первого взгляда, безнадежно и навсегда. А разве ты бы на моем месте не влюбился?

Пашка вдруг покраснел:

— Не знаю.

«Ну и дурак»,— подумала Алиса. Но вслух сказала:

— И я бы на вашем месте обязательно влюбилась. Но знайте, что множество смелых рыцарей погибло, сражаясь за право называть Светлану своей прекрасной дамой.

Светлана улыбнулась, а Дикарь обрадовался:

— И я бы рад,— сказал он.— Но, как назло, здесь нет ни одного рыцаря, который бы согласился выйти со мной на поединок. Давай договоримся, Алиса. Как только ты прослышишь о таком рыцаре, сразу зови меня.

— Перестаньте,— сказала Светлана, правда, без злости. Ведь трудно найти женщину, которая сердилась бы, когда говорят о ее красоте.— Лучше скажите, когда и почему погиб этот город?

— Очень просто,— сказал Дикарь, доедая третий бутерброд.— Его разрушили.

— Но кто мог это сделать?

— Здесь была война. Достаточно посмотреть на развалины, чтобы понять, что город обстреливали. Помимо...

Дикарь легко вскочил, подошел к обвалившейся стене и показал на дыру, кое-как заложенную камнями.

— Видите, сюда попал снаряд, но защитники дома успели кое-как залатать рану. И таких дыр я видел несколько. А это что? Неужели эта трещина появилась от старости? Нет, как меня ни убеждайте, я утверждаю: здесь бушевала война. Поверьте моему опыту.

— А что у вас за опыт?— спросила Алиса.

— Я видел войну и сам воевал,— сказал Дикарь.

— Где же была такая война?— удивилась Алиса.— В цивилизованной Галактике войн не бывает.

— Не обо всем ты знаешь, моя девочка. У меня была трудная молодость.

— Невероятно,— сказала Светлана, подходя к дыре в развалинах. Ей очень не хотелось соглашаться с Дикарем, но ничего другого она придумать не могла.

— Но если прекрасной Светлане приятней думать, что войны не было, а это просто причудливые скалы, я заранее согласен,— сказал Дикарь, кладя руку Светлане на плечо. Светлана повела плечом, сбросила руку и отошла.

— Наверно,— сказала она,— больше ничего интересного мы здесь не найдем. Кто за то, чтобы собираться в обратную дорогу?

— Как же так!— удивился Пашка.— Мы еще совершенно не обследовали плоскогорье!

Но Алиса пришла Светлане на помощь.

— Я устала,— сказала она,— становится жарко, и пока мы дойдем до лагеря, наступит вечер.

— А вы,— сказала Светлана Дикарю,— можете оставаться здесь. Мы найдем дорогу без вашей помощи.

— Ни в коем случае!— возразил Дикарь.— Я буду вас охранять. А вдруг на вас нападут дикие звери?

— Здесь нет диких зверей,— сказала Алиса.

— Ах, как мало мы еще знаем об этой планете,— сказал Дикарь.— Давай помогу, Алиса, собрать со стола и вымыть посуду. Я не люблю быть нахлебником.

Г л а в а

6

ТИГРЫ НА ДОРОГЕ К ДОМУ

Дикарь подобрал с земли тяжелую дубину и закинул ее на плечо.

— Похож я на Геркулеса? — спросил он. — Вот убью льва, буду ходить в его шкуре.

— Какое счастье, что львов здесь нет, — сказала Светлана.

— Нет — это слишком категорично, Светочка, — сказал Дикарь. — На любой уважающей себя планете водятся львы или драконы. Только надо их найти... чтобы убить... И снять шкуру. Пока они не успели снять шкуру с тебя.

— Откуда в вас столько кровожадности? — Светлана поморщилась. Ей не нравилось, когда малознакомые люди называли ее Светочкой.

— Я самый миролюбивый человек во всей Галактике, — сказал Дикарь. — Меня не тронь, и я не трону.

Пока шел этот разговор, Алиса собирала рюкзак, а Пашка достал свой знаменитый перочинный нож и принялся отпиливать сухой сук.

— Ты чего? — спросила Алиса.

— Да так, вооружиться решил, — сказал Пашка, словно шутил, хотя вовсе не шутил.

— Мне кажется, — сказала Алиса, — что на тебя начинает влиять наш новый знакомый.

Дикарь услышал.

— Ничего удивительного. Я — романтик. А в Пашке тоже живет романтик. Нет ничего опаснее для молодого духа, чем обыденность. Живешь, работаешь, скучаешь...

— Неправда, — сказала Алиса. — Нет ничего интереснее науки!

— Разумеется, — вежливо поклонившись, согласился Дикарь. — Нет ничего более увлекательного для горячего юноши, чем отыскать новый вид червя или подсчитать число чешуек на хвосте у какой-нибудь ящерицы...

Пашка не вмешивался в разговор. Сук с треском отломился, и Пашка принялся его обстругивать.

— Ну, ты готова, Алиса? — спросила Светлана. — Давай сюда рюкзак.

— Ни в коем случае,— возразил Дикарь.— Неужели я позволю прекрасной женщине, в которую я влюблён, нести этот рюкзак?

Он ловко перехватил рюкзак у Алисы, перекинул через плечо и подмигнул Пашке.

— Учись,— сказал он.— И помни. Мы рыцари. Мы боремся со львами и защищаем прекрасных дам.

Светлана пошла первой, не оборачиваясь. Она почему-то сердилась на Дикаря, но это его не смущало. Алиса подумала, что, если бы Светлана рассердилась на нее, она бы места себе не находила. А Дикарь хоть бы что...

Пашка шагал рядом с Дикарем, закинув на плечо дубинку и стараясь подражать его походке. Дикарь улыбнулся и тихо сказал, наклонившись к Пашке:

— Избрав себе кумира, мой друг, не подражай ему в мелочах.

Солнце припекало, путники немного устали и растянулись цепочкой вдоль реки. Светлана ушла довольно далеко вперед. Дикарь крикнул ей:

— Дорогая, нельзя так беспечно ходить по джунглям. Я не успею прийти к вам на помощь...

— Удивительная навязчивость,— сказала Светлана.— Особенно если учесть, что мне ничего не грозит.

И как бы в ответ на ее слова в кустах послышалось рычание.

— Ну вот,— сказал Дикарь, сбрасывая на землю рюкзак.— А вы настаивали. Я же...

Но он не успел закончить фразу.

Желтая тень промелькнула среди ветвей.

Поджарый, покрытый короткой желтой шерстью зверь одним прыжком вылетел на тропинку, перегородив путь.

Светлана замерла.

Зверь стоял неподвижно.

С белых, загнутых клыков капала на песок слюна.

Раздался громкий плеск. Это Пашка прыгнул в воду и поплыл от берега, держась за дубинку, как за спасательный круг.

Дикарь поднял свою дубинку и пошел навстречу хищнику.

— С дороги!— крикнул он зверю.— Кто смеет вставать на пути человека?

Зверь присел на задние лапы, его длинный голый хвост метался по земле, поднимая сор и пыль.

— Ну,— сказал Дикарь.— Уж не боитесь ли вы меня?

И тогда зверь, обозленный таким обращением, прыгнул прямо на Дикаря. Дикарь не рассчитал своих сил, дубинка вылетела у него из руки, а сам он покатился по тропинке.

Неизвестно, чем бы кончилось это приключение, если бы Светлана не вспомнила, что у нее на поясе висит парализующий пистолет.

Раздался негромкий хлопок.

Зверь, словно натолкнувшись на невидимую стену, упал на землю у самых ног Светланы. Его хвост раза два дернулся и замер.

Светлана села на землю, уронила пистолет и заплакала.

— Ну что вы,— бросилась к ней Алиса, которая даже перепугаться толком не успела.— Не переживайте так...

— Я не за себя,— попыталась улыбнуться Светлана.— Я за вас, дураки... Я как представила себе, что он до вас доберется... Ну как же я раньше о пистолете не догадалась? Ну какая же я дура...

— Кем-кем, а дурой бы я вас никогда не назвал,— сказал Дикарь, поднимаясь с земли и потирая ушибленный локоть.— Вы оказались героиней в этой маленькой стычке.

Он подобрал дубину, подошел к зверю и ткнул его носком башмака в оскаленную морду.

— Такой и льву не уступит...

Светлана смахнула тыльной стороной ладони слезы и поднялась.

— Ноги не держат,— созналась она,— ну и перетрусила же я.

— Пашка!— крикнула Алиса.— Ты чего это вздумал купаться в такое время? Плыви обратно.

Пашка уже возвращался.

— Не смейся над ним,— сказала Светлана Алисе.

— Я и не смеюсь,— сказала Алиса.

— По крайней мере,— сказал Дикарь,— Пашка поступил разумнее остальных. Он проявил хладнокровие.

Алиса широко раскрыла глаза. Ничего себе хладнокровие — бухнулся в речку.

— Он понял, что нет нужды подставлять себя под

удар неразумного хищника. Если бы этот зверь нас растерзал, Пашка добрался бы до лагеря и сообщил о нашей судьбе.

Дикарь говорил серьезно, и Пашка даже кивал головой, соглашаясь, потому что боялся, что его будут ругать или, что еще хуже, будут смеяться.

Впрочем, Алисе почудилась издевка в голое Дикаря.

Светлана сказала:

— Я была неправа. Здесь, оказывается, водятся тигры и львы.

— Хотя эта штука,— добавил Дикарь, перекидывая через плечо рюкзак (он снова улыбнулся, словно забыл о приключении),— больше похожа на крысу-переростка.

— Это тигрокрыс,— сказал Пашка.

Глава

7

ВЕСТИ ИЗ ГОРОДА

Поднялся ветер, откуда-то набежали сизые тучи, и пошел дождь.

— Ну, как назло,— сказала Алиса, смахивая с лица капли.— И хищники и дождь.

— Зато нашли таинственный город,— утешал ее Пашка. Он хотел, чтобы все поскорее забыли о его купании.

— Ничего в нем нет таинственного,— сказал Дикарь.— Я уже смотрел. Этим развалинам миллион лет, и когда жители уезжали отсюда, они забрали с собой все до последней нитки.

— Это решать не нам, а археологам,— сказала Светлана.— Наверно, сегодня вечером мне следует отправиться в город...

— Куда вам ехать на ночь глядя?— возразил Дикарь.— Завтра с утра я вас провожу.

— Нет, спасибо,— сказала Светлана.— Вы уже проявили себя достойным защитником женщин и детей...

— Вы заблуждаетесь, Светочка,— улыбнулся Дикарь.— Я мог свалить этого крысенка кулаком. Но не хотел вам мешать.

— Со мной ничего не случится. Сяду в машину, через час я уже в городе...

— А ребят оставляете на произвол судьбы? А вдруг какой-то тигрокrys...

— Ребята переносят в доме... Или поедут со мной.

— Ни в коем случае! — закричала Алиса. — Светлана, вы хотите загубить нам каникулы? Нас же отправят домой.

— Прямо не знаю, что делать...

— Сначала напоите меня чаем, — сказал Дикарь. — А потом вместе подумаем.

Светлана несла пистолет в руке, и он поблескивал под дождем.

Показалось серое, мутное от капель дождя озеро.

— Не хватало, чтобы кто-нибудь простудился, — сказала Светлана.

— В Москве климат хуже, но ничего с нами не случается, — сказал Пашка. — Я вообще специально под дождем хожу. Для закалки.

— Правильно, — сказал Дикарь. — Мой покойный папа всегда выпускал меня на снег босиком.

— А вы откуда родом? — спросила Светлана.

— Мой дом — вся Галактика.

Тропинка на обрыв была скользкой, и Дикарь протянул Светлане руку, чтобы помочь взобраться.

— Спрячьте пистолет, — сказал он с усмешкой. — Здесь тигров нет.

Тигров не было.

Но в лагере, у белой палатки, стоял взъерошенный, промокший, печальный Аркаша.

— Что еще случилось? — спросила издали Светлана, готовая к худшему.

— Ее убили, — сказал Аркаша.

— Кого?

— Рогатую собаку.

— Да не пугай ты нас, пожалуйста, — взмолилась Светлана.

— Я не пугаю. Посмотрите.

На земле под деревом лежала передняя половина мохнатой собаки с рогами во лбу. Собака была мертвой.

— Ну и чудеса, — сказал Дикарь. — А где ее вторая половина?

— Не знаю.

— Значит, — сказал Дикарь, — тигры добрались и до лагеря. Ты права, Светочка, давай отправим детей в город. Нельзя рисковать, если тигры пожирают собак

прямо в лагере. И что за манеры. Сожрал половину и убежал!

— Нет,— возразил Аркаша.— Вы не правы. Вы не знаете. Это совершенно отдельная половина собаки. Я видел, как она гуляет в таком виде. А ее задняя половина тоже встречается.

— И тоже живая?— засмеялся Дикарь. Он обернулся к Светлане.— Придется с археологией подождать. У детей не выдерживают нервы.

— А вы?— спросил Пашка.

— Со мной ничего не случится. Я постерегу ваше добро.

— Но ведь здесь тигрокрыс!

— Он меня не съест.

— Тогда,— сказал Пашка,— я остаюсь с вами. Я могу быть вам полезен. Между прочим, я не желаю прятаться в городе от каких-то крыс.

Аркашка хлопал ресницами, он-то ничего не знал о тиграх. Наконец ему удалось вставить слово:

— Я не знаю, о чем вы говорите, но клянусь, что эту собаку никто не ел. Поглядите, она же просто так кончается на половине.

И в самом деле, собака не была разорвана или разрезана, а просто кончалась, словно расплывалась в воздухе.

— Хватит,— сказала Светлана,— у меня голова раскалывается. Не слишком ли много для одного дня? Тигры, города, разрезанные собаки, а что еще будет?..

Откуда-то издалека донесся глухой, угрожающий рев, зашумели, откликаясь на него, деревья, порыв ветра срывал листья.

— Где остальные?— спросила Светлана.

— Джавад спит, а близнецы в домике,— сказал Аркаша.— Вы в самом деле видели тигра? Он похож на земного? А какая у него окраска?

В Аркаше проснулся исследователь.

Через полчаса все собрались на веранде. Путешественники привели себя в порядок, умылись и, если не считать Дикаря, переоделись.

Пока Машенька готовила чай, Светлана пыталась созвониться с городом. Но никто в инспекции не отвечал — наверно, ушли домой. Светлана позвонила в туристский центр. Но и там никто не подошел.

— Вспомнил! — сказал Дикарь, наблюдавший за Светланой. — Вспомнил! Сегодня в городе карнавал. Я позавчера ездил туда за консервами, и меня приглашали. Все они на карнавале. Давайте лучше пить чай.

Ребята были взбудоражены событиями, Светлана расстроена и встревожена, только Дикарь вел себя так, будто ничего не произошло.

Он вдруг начал рассказывать о приключении с тигром, осмеял самого себя и восхвалял находчивость Светланы. Все смеялись, Светлана покраснела, а Алиса подумала, что Дикарь не так уж плох.

— А завтра что вы делаете? — спросил Пашка, который был страшно благодарен Дикарю, что тот ни словом не обмолвился о его прыжке в реку.

— Завтра? Разве можно планировать жизнь на столько часов вперед? Представь себе, я пойду ночью обратно, меня сожрут хищники. И никто меня не пожалеет...

— Не говорите глупостей, — сказала Светлана. — Вы можете остаться у нас.

— Спасибо за приглашение...

И тут зазвонил видеофон. Так резко, что звон его разнесся по всему лесу.

Светлана чуть не опрокинула стул и бросилась в комнату. Все обернулись к открытой двери.

Дикарь подхватил стул, поставил его на место и сказал:

— Ну вот, они отгуляли на карнавале и теперь вспомнили, что забыли нас пригласить.

На большом экране видеофона появилось лицо пожилого человека с короткими усами.

— Светлана! — сказал он. — У вас все в порядке?

— Не совсем...

— Все здоровы?

— Все здоровы. Я старалась дозвониться к тебе в инспекцию, но никто не подходил.

— И не мог подойти. Ну хорошо, что хоть у вас все в порядке...

— А что случилось?

— Я говорю с резервного пульта на космодроме, — сказал старый инспектор. — Потому что моей конторы больше не существует.

— Как так?

— Вы ничего не слышали?

— Ничего.

— В Жанглетоне землетрясение. Часть города разрушена. Несколько человек ранено. Нарушена связь...

По изображению пошли полосы...

— Опять! — крикнул старик. — Я выключаю связь.

— Но что нам делать?

— Оставайтесь у себя. Когда все утихнет, я свяжусь с вами...

Экран замигал, и изображение исчезло. Лишь легкое шуршание доносилось из видеофона.

— Ну вот, — в общей тишине сказал Дикарь. — Я же говорил, что идеальных планет не бывает. У каждой из них в запасе для доверчивых людей есть землетрясения, извержения вулканов, бури, тигры и ядовитые змеи. Кстати, смотрите под ноги. Здесь водятся ядовитые змеи...

С этими словами Дикарь перепрыгнул через перила и быстро пошел к лесу.

— Куда вы? — закричала Алиса. — Возьмите хоть фонарь!

— Фонарь? — обернулся Дикарь. — Чтобы меня видели все, кому не лень? В ночном лесу, кишащем хищниками, человек должен быть таким же, как и они, незаметным, коварным и быстрым.

Что-то зашевелилось в кустах.

— Вернитесь! — закричала Светлана.

Дикарь отпрыгнул в сторону и выхватил из кармана небольшой пистолет. Подождал секунду и пошел дальше.

Он растворился в темноте и шуме дождя. Алиса посмотрела на Светлану.

— А у него есть...

— Я видела, — сказала Светлана.

Глава

8

ОНИ ЛЮБЯТ ДРУГ ДРУГА!

Поздно ночью старый инспектор смог улучить несколько минут и позвонил снова. Он выслушал новости, которые сообщила Светлана. Новости ему не понрави-

лись, он попросил всех быть осторожными, не уходить из лагеря. И еще сказал, что, вернее всего, туристов с Пенелопы вывезут. Вид у него был измученный, не выспавшийся, дела в городе были плохи.

Утром погода исправилась. Хоть дул холодный ветер и по небу бежали быстрые облака, дождь перестал и туман, окутавший к утру весь лес, рассеялся.

— Сегодня остаемся в лагере,— сказала Светлана.— Но ничего страшного. У нас накопилось множество дел, надо разбирать коллекции, приводить в порядок снимки и записи. Объявляю день камеральных работ.

За завтраком Пашка сказал:

— Как там наш Дикарь? Добрался ли?

— Думаю, ничего с ним не случилось,— сказала Светлана.— У него склонность к театральным эффектам.

— А если он наступил на ядовитую змею?— спросила добрая Наташа.— Или тигр на него напал...

— Надо бы сходить проведать его,— сказал Пашка.

— И не мечтай,— сказала Светлана.

— А-если он истекает кровью?..

— У него есть передатчик, я его спрашивала,— сказала Светлана.— Только он не захотел оставить своих позывных. Все. Кто дежурный? Ты, Джавад? Дежурный моет посуду, а остальные за работу!

Пашке работать не хотелось. Некоторое время он покрутился в лаборатории, потом сказал, что, наверно, простудился и хочет отдохнуть. Никто не возражал, и он отправился в палатку.

В палатке он пробыл недолго. Быстро натянул башмаки, накинул непромокаемую куртку, сунул в карман свой знаменитый перочинный нож, затягиватель ран и плитку шоколада, потом подошел к окошку палатки, чтобы убедиться, что никто не выглядывает из домика.

Пусто, тихо, лишь веет ветер.

Пригнувшись, Пашка выбрался из палатки, бегом пересек открытое пространство и скатился к реке. Прежде чем его отсутствие заметят, пройдет какое-то время. Он уже будет далеко.

Пашкой руководило не только беспокойство за судьбу Дикаря, но и любопытство. Могло же так случиться, что Дикарь встретился со стадом тигров и теперь лежит в палатке, не в силах добраться до передатчика и сообщить, что истекает кровью. Но в то же время

Пашка сильно рассчитывал на то, что Дикарь жив и можно поглядеть, как живет этот таинственный враг цивилизации.

...Хорошо, что его предупредила какая-то птица — громко и испуганно закричала над головой.

Впереди, метрах в трех, из травы поднималась трехугольная змеиная голова.

Этого еще не хватало! Опять Дикарь прав. Насколько он мудрее всех ученых, включая даже прекрасную Светлану, подумал Пашка, отступая на шаг и глядя под ноги,— вдруг там еще одна змея. Он прав: никому нельзя верить, ни одной планете. Планеты уважают только сильных, только борцов и героев.

— А ну, с дороги! — крикнул Пашка змее.— Я — человек! Я здесь господин!

Змея тем временем выползла на холмик. Она была невелика, с полметра, и, вернее всего, подумал Пашка, вовсе не ядовитая. Пашка вытащил нож и метнул его в змею, чтобы отрубить ей голову. Нечего делать змеям в двух шагах от лагеря.

Нож пронесся рядом с головой змеи и воткнулся в землю. Змея не уползла, а зашипела и раздула шею.

Надо подобрать нож. Но как это сделать? Пашка пошел вокруг, глядя под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь гада. Когда он снова поглядел на змею, то увидел, что змея, увеличившись до метра, успела отрастить вторую голову. И эта вторая голова тянулась к Пашке.

Пашка остановился. Придется взять еще правее. И главное, не бояться. Если убегать от каждой паршивой змеи...

Третья голова вытянулась так, что закрыла Пашке путь назад. Тут же возникла и четвертая. Она увеличивалась на глазах, пришлось отпрыгнуть вбок. Теперь на холмике сидело внушительное чудовище — четырех... нет, уже шестиголовое, отовсюду Пашке грозили разинутые пасти и ядовитые зубы.

Вот это страшно...

Пашка замер. Вдруг змее надоест преследовать или она примет его за сухое дерево...

Змея не унималась. Она словно издевалась над Пашкой.

Пашка не хотел, но закричал:

— На помощь!... Помогите!

Крик получился слабый, конечно, его не услышать в лагере. И никто его теперь не спасет...

Глаза змеи, пустые, словно стеклянные, блестели в метре от лица.

— Помогите!

Пашка зажмурился... «Ну зачем я только не послушался Светлану!...»

Эту, может последнюю, Пашкину мысль прервали сухие хлопки выстрелов. Пашка раскрыл глаза.

Трах! — одна из голов поникла. Трах! — вторая разлетелась на куски. Трах! — третья отлетела, отрезанная от шеи...

Змея собралась в клубок и с легким шуршанием умчалась в заросли.

И будто ее не было.

Как в страшном сне.

— Что, перепугался, мой отважный друг?

В нескольких метрах от Пашки, пряча пистолет за пояс, стоял Дикарь.

— Я бы тоже на твоем месте перепугался. И вообще — урок на будущее. Если не вооружен, лучше отступить перед незнакомой опасностью.

— И вы так всегда делаете?

— Всегда, — сказал Дикарь. — Отвага должна быть разумной. Ты куда идешь?

— К вам в гости, — сказал Пашка.

— И что ж тебя на это надоумило?

— Я боялся, а вдруг что-нибудь случилось...

— Ты беспокоился обо мне?

— Да.

Пашка старался не смотреть на Дикаря. Он понимал, какую чепуху несет, — он, мальчишка, беспокоился о настоящем супермене...

Но Дикарь не смеялся. Он взял твердыми длинными пальцами Пашку за подбородок, поднял его лицо. Глаза у него были такими печальными — вот-вот заплачет.

— Неужели на свете есть люди, которым не все равно, жив я или нет? И это ты, Пашка? Ты, мой маленький друг?

Дикарь обнял Пашку за плечи, и они не спеша, как самые близкие товарищи, пошли через заросли к палат-

ке Дикаря, которая одиноко стояла посреди небольшой полянки.

Когда до палатки оставалось несколько шагов, Дикарь нажал на драгоценный камень на своем браслете. Легкий щелчок донесся со стороны палатки, воздух заколыхался, будто пролетел порыв ветра.

— Что это? — спросил Пашка.

— Я снял защитное поле, — сказал Дикарь. — Я не люблю, когда в палатку забираются, если меня нет дома. Представляешь, какой-нибудь тигр порвёт мои любимые игрушки. Заходи, будь гостем.

Палатка была большой, круглой, как половинка шара. Пашка почему-то думал, что это будет хижина из толстых бревен с одним окошком — амбразурой, чтобы отстреливаться, если на тебя нападут...

Правда, внутри обстановка была куда более романтической. Там стояла походная койка, на которой были брошены грудой шкуры, у постели на полу валялся большой синий рог, оправленный в серебро, стояли высокие сапоги и походная фляга, обтянутая змеиной кожей.

Посреди палатки — белый кубик электропечки, на которой стоял котелок. В нем бурчала, пузырилась каша. А за печкой что-то большое, накрытое пластиком. С потолка свешивалась переносная лампа, сделанная из уха веронецкого дракона, а пол был покрыт ковром, сшитым из оранжевых шкур.

— Ну как? — спросил Дикарь. — Нравится? Хочешь чего-нибудь выпить? Джин, виски, водка, пурсанский круц, спирт, настоящий на яде, нага или что-нибудь покрепче?

— Спасибо, я не пью, — с достоинством ответил Пашка, который отлично понял, что Дикарь шутит.

— Ну и великолепно. Тогда отведай крельного сока — это с Фальмагусы. Я там как-то охотился на вертушаек, освободил от их гнета одну деревню, и старейшина подарил мне целую бочку этого сока. Кстати, за каждую его каплю на Сириусе дают по алмазу. Я мог бы сказочно разбогатеть. Но разве в этом счастье?

— Не в этом, — сказал Пашка, осторожно отхлебывая из маленького стаканчика. Сок был кисловатый, приятный, но, в общем, ничего особенного. Странные вкусы на Сириусе.

— Нравится? — спросил Дикарь.

— Угу.

— А мне нет,— сказал Дикарь.— Я рад, что ты не забыл обо мне.

— Можно с вами пойти на охоту?— спросил Пашка.

— А почему ты решил, что я иду на охоту? Может, я спешу в Жанглетон спасать людей, пострадавших от землетрясения...

— Тогда я тоже!

Пашка вскочил, хлопнул себя по боку и понял, что свой драгоценный нож он забыл на месте схватки с много-головой змеей.

— Ты ножик потерял?— догадался Дикарь.— Возьми мой. Мне для тебя, честно говоря, ничего не жалко.

И он протянул Пашке изумительный кинжал, рукоять которого была сделана из голубой кости.

— Ну, что вы,— смутился Пашка.— Я не могу...

— Все можно. Если тебе что-то предлагают, никогда не отказывайся. Кстати, его рукоять сделана из зуба акулоида-людоеда. Я за ним гнался четыре часа. Это было... Извини.

Дикарь поглядел на часы. Видно, ему пора уходить. Он сказал:

— Конечно, я мог бы взять тебя с собой.

— В Жанглетон?

— Нет, у меня другие дела. А к тебе есть личная просьба. Правда, я не знаю, умеешь ли ты хранить тайны?

— Умею,— сразу ответил Пашка.— Честное слово.

— Я другого ответа и не ждал. Тогда слушай: мы со Светланой полюбили друг друга...

— Не может быть!

— Ты еще мало знаешь женщин. Чаще всего они наиболее резки к тем, кого любят. Уж поверь моему опыту.

— Я вам верю,— сказал Пашка.

— Понимаешь,— продолжал грустно Дикарь,— как много препятствий на пути к нашему счастью...

— Вы так полюбили друг друга за три дня?— удивился Пашка.

— Нет. Мы любим друг друга уже четвертый год. И я здесь из-за любви к Светлане...

— Ну вот...— сказал Пашка разочарованно. Грустно, когда твой герой оказывается простым влюбленным. Ведь ни одна женщина не стоит того, чтобы из-за нее лететь

на другую планету и терпеть лишения, когда на свете есть столько интересных дел и приключений.

— Ты во мне разочаровался? — спросил Дикарь со свойственной ему проницательностью.

— Нет, что вы! — сказал Пашка. — Это ваше дело.

— Теперь слушай: ты вчера видел по видеофону старика?

— Да.

— Это главный инспектор заповедников планеты. Он жестокий и злой старик. Он никогда не простит Светлане, если она соединится со мной. Поверь, если он узнает, что Светлана меня любит, он найдет способ ее погубить.

Пашка застыл. Перед ним раскрывались страшные тайны. Трудно представить, что такое может существовать на мирной Пенелопе.

— Ты понимаешь, — продолжал Дикарь, — почему мы должны таиться? Поэтому Светочка так строга со мной, хотя, поверь, ее сердце обливается кровью. Сколько еще можно притворяться? Ответь мне, есть ли предел ее страданиям?

— Нет.

— Поэтому я должен Светлану украдь. Понятно?

— Да.

— И ты должен нам со Светланой помочь.

— А как?

— За разрушенным городом у меня спрятан небольшой космический корабль. На нем мы улетим. Сейчас ты вернешься в лагерь и до вечера неотлучно будешь при Светлане. Но ни слова — она не простит мне, что я доверился мальчишке. Она не понимает, что ты уже настоящий мужчина.

Пашка только кивнул.

— Вечером, как стемнеет, ты позовешь Светлану на берег озера. Найдешь предлог. Я буду вас ждать. Как только мы со Светланой уйдем, ты поднимешь тревогу. Только не сразу, дашь нам уйти подальше. И когда тебя будут спрашивать — стой на своем: ты видел, как Светлану украл неизвестный дикарь, а она сопротивлялась.

— Ясно.

— Твоя задача: от Светланы ни на шаг. Охраняй ее. Инспектор что-то подозревает. Я на тебя надеюсь.

— Я сделаю все, что могу,— сказал торжественно Пашка.

— А теперь беги. Встретишь змею — брось в нее мой нож. Он самонаводящийся.

— Я пошел,— сказал Пашка.

Дикарь вышел с ним из палатки. Стало совсем холодно. Снова собирался дождь.

— Погоди минутку,— сказал Дикарь.

Он вынес из палатки шапку, сделанную из хвоста какого-то зверя. Хвост был длинный — его хватило на то, чтобы обернуть вокруг головы, а сзади он свисал на спину. Пашка сразу стал похож на охотника из романа Фенимора Купера.

— Беги. Я на тебя надеюсь.

Палатка Дикаря давно скрылась за деревьями. У Пашки сжалось сердце: в его руках — счастье двух людей.

Он подумал, что лицо инспектора ему сразу не понравилось. Это было неправдой, но Пашка умел себя убеждать.

Глава

9

ГДЕ ЖИВЕТ СОБАКА?

Пашка вышел на открытый берег озера и тут увидел, что навстречу ему кто-то спешит.

Светлана!

Неужели она так неразумна, что сама, без свидетелей идет к своему возлюбленному? Но ведь Дикаря сейчас уже, наверно, нет дома.

— Стойте! — закричал Пашка — Стойте, Светлана! Его нет дома.

Светлана подбежала ближе.

— Ты куда делся? — спросила она. — Я чуть с ума не сошла, когда ты пропал.

Пашка только отмахнулся.

— Я был у него, — сказал он. — Там все в порядке. Можете не беспокоиться.

— За кого я должна беспокоиться? — притворилась удивленной Светлана. — Как тебе не стыдно. Ты что, маленький, что ли? В такой тревожный день убежать и никому ни слова!

Пашка вздохнул. Светлана вела себя правильно. Ведь она думает, что Пашка не в курсе ее дел. А открыться нельзя, хотя, честно говоря, Пашке смертельно хотелось намекнуть ей, что у нее есть верный союзник — Павел Гераскин.

Светлана хотела пойти напрямик к лагерю, через луг, но Пашка остановил ее:

— Не надо, там многоголовые змеи. Дикарь еле справился с ними, когда они меня окружили.

— Ты опять выдумываешь?

Пашка только развел руками. Разве можно спорить с женщиной?

— Ладно, пошли напрямик, — сказал он. — Дикарь подарил мне самонаводящийся нож.

Но тут Светлана, конечно, передумала, и они пошли дальшим путем, у самой кромки воды. Светлана молчала, сердилась. Пашка тоже решил помолчать.

Наверху, у палаток, стоял Джавад, держа парализующий пистолет.

Пашку кольнула ревность. Светлана никому не доверяла свой пистолет. Хоть Пашка и просил ее об этом. А вот Джаваду дала.

— Нашелся? — сказал Джавад. — Я так и думал, что он к своему Дикарю побежжал.

— Никто не звонил? — спросила Светлана.

— Звонил инспектор из города. Сказал, что постарается сегодня приехать.

— Хорошо бы, — сказала Светлана.

И не глядя больше на Пашку, она быстро прошла в свой домик.

— Ну и дурак же ты, — сказал Джавад. — Что у тебя за сооружение на голове?

— Шапку Дикарь подарил, — сказал Пашка небрежно. — Кстати, мне пришлось сразиться с многоголовой коброй.

— И до сих пор жив? — спросил Джавад не без ехидства.

С веранды сбежал Аркаша с ведром в руке.

— Джавад, — сказал он, — Светлана просила проводить меня к реке, за водой.

— Пошли, — сказал Джавад, взвешивая пистолет в руке.

«Нет,— подумал Пашка,— здесь меня никто не понимает...»

— Ой!— воскликнул Аркаша.— Откуда у тебя это? Аркаша показывал тонким пальцем на шапку.

— Подарили,— коротко ответил Пашка.

— Кто подарил? Говори сейчас же!

— Дикарь ему подарил. У них дружба,— сказал Джавад. Пашка понял, что Джавад ему завидует. Ну и пусть.

— Он разбойник!— закричал Аркаша тонким голосом.— Его нужно немедленно выгнать с планеты!

— Что еще такое?— спросил Пашка.— Кого выгнать?

— Твоего Дикаря. Вот кто убил рогатую собаку! Это ее хвост.

— А ты откуда знаешь?— спросил Пашка.

— Я видел. Я, честное слово, видел заднюю половину с хвостом, когда она здесь гуляла. Я бы никогда не спутал...

— Ничего удивительного,— сказал Пашка. Надо было защитить честь друга.— Он мне сам рассказывал. Он нашел заднюю половину, уже мертвую. Вот и сделал из хвоста шапку. И мне отдал.

— Я тебе не верю!

Светлана вышла на шум.

— Что здесь еще происходит?

— Пашкина шапка сделана из рогатой собаки,— сказал Джавад.— Аркашка узнал.

— Дикарь ее случайно нашел,— упорствовал Пашка.

— Когда же?— спросил Джавад.

— Сегодня утром.

— И сразу сшил шапку?

— И сразу сшил.

— И ты этому поверил?

— Дай сюда шапку,— сказала Светлана.— Я покажу ее инспектору.

— С удовольствием,— сказал Пашка, снимая шапку.— Светлане отдам. Хотя инспектору я бы ее показывать не стал.

Он подмигнул Светлане, чтобы она поняла, как опасно давать в руки инспектору такое оружие против ее возлюбленного.

Но Светлана или не поняла, или хитрила.

Пашка надеялся, что она сообразит, как себя вести.

Ребята ушли наконец за водой. Пашка с облегчением вздохнул. Не жалко ему было шапки, и не в собаке дело. Наверняка Дикарь ни в чем не виноват. Хотя Пашка в глубине души допускал, что Дикарь мог и застрелить собаку, не задумываясь над такими пустяками. Нельзя сказать, что Пашка одобрил бы такой поступок. Но он, по крайней мере, понимал романтическую душу Дикаря. Дикарь был влюблен. И этим многое объяснялось.

Пашка собрался было пойти в дом, поглядеть, что делает Светлана — обещал же глаз с нее не спускать. Но в этот момент из-за дома, где кончалась дорога из города, выскочил маленький мобиль на воздушной подушке, в котором сидел старик с неприятным лицом — инспектор. А снизу от реки показались Джавад с Аркашем. Аркаша что-то возмущенно кричал, а Джавад шел на шаг сзади, нес в одной руке пистолет, в другой — ведро.

Пашка оказался точно в центре, к которому стремились старик и ребята. Старик вылез из мобиля и с интересом слушал, как Аркаша набросился на Пашку:

— Это все ты со своим Дикарем!

— Что еще случилось? — спросил Пашка.

— Там еще одна мертвая половина собаки, — возмущался Аркаша. — Джавад тоже видел. Теперь ему не отвертеться. Он перебил всех собак. Это же преступление!

— Ну-ка, объясните, молодой человек, — сказал инспектор. — Кто здесь убивает собак?

— Дикарь. У Светланы есть шапка. Он шапку Пашке подарил. Я когда первый раз увидел, то страшно удивился, а потом заднюю половину увидел. Вы себе не представляете, какое это зрелище... — Аркаша вдруг замер с открытым ртом. Рот медленно-медленно закрылся. Аркаша сказал: — Эврика! Я догадался!

Светлана стояла на веранде.

— Кром, как хорошо, что ты приехал!

— Здравствуй, девочка, — сказал Кром. — Сначала я хочу узнать, что здесь происходит с половинами собак. Что это еще за загадка?

— Я ее решил, — сказал Аркаша. — Но перед тем как все рассказать, я должен отыскать переднюю половину, только живую, а потом засесть в засаду.

— Боюсь, что это исключается, — сказал инспектор,

поднимаясь на веранду.— Мы решили свезти все туристские группы на космодром и, как только прибудут корабли, вызванные с ближайших систем, всех эвакуировать. Планета закрывается.

— Но мы же не туристы!— воскликнул Пашка. Надо было любой ценой задержать инспектора. Ужасно представить, какое разочарование постигнет возлюбленных, если инспектору удастся увезти Светлану!

Аркаша с Джавадом побежали в дом, чтобы послушать, о чем там будет идти разговор.

О Пашке забыли.

Но он уже знал, что делать.

Он со всех ног бросился к навесу за домом, где стоял большой мобиль Светланы, на котором приехали биологи. Недаром Пашка занимался в техническом кружке, даже конструировал гоночные мобили. Он знал, что сделать, чтобы мобиль не мог двинуться с места. Он не стремился к собственной выгоде. Он должен был защитить хрупкое счастье своего друга.

Когда Пашка вошел в комнату, все слушали рассказ инспектора о событиях в городе. Светлана вопросительно подняла брови, а Пашка кивнул ей: не беспокойся, я сделал все как надо. Светлана пожала плечами.

— А теперь,— сказал инспектор.— Расскажите мне о таинственной собаке.

— Боюсь, что вы мне не поверите,— сказал Аркаша,— потому что такого не бывает.

— Все на свете сначала не было, а потом началось,— задумчиво сказал инспектор. Он был маленький, лысый, и даже удивительно, как он мог угрожать Светлане.

— Я думаю,— сказал Аркаша ученым тоном,— что мы столкнулись на этой планете с принципиально новым типом животных. Что мы видели? Сначала одну половину, потом другую, которые гуляют раздельно. Значит, это для них естественно?

— Ну и что же?— сказала Наташа Белая.

— Не перебивай. Я считаю, что рогатые собаки живут не только в пространстве, но и во времени. Передняя половина собаки уже гуляет по сегодняшнему дню, а задняя пока что остается во вчерашнем.

— Ой,— сказала Наташа.— Ты, Аркашка, гений.

— Боюсь, это слишком смело, чтобы сразу пове-

рить,— сказал инспектор, но Аркаше эти слова пришлись по душе.

— Конечно,— сказал он,— слишком смело. Но все на свете сначала не было, а потом началось.

Инспектор улыбнулся.

— Знаете, как Дикарь на них охотится?— сказал Аркаша.— Он высекивает совершенно беспомощную заднюю половину собаки и отрезает у нее хвост. А передняя половина гибнет от боли. Светлана, покажите шапку.

Инспектор мельком взглянул на шапку и отложил ее.

— Это очень интересно, но сейчас,— он взглянул на часы,— важнее другое. Я обещал в городе, что через час привезу вас обратно. Сами понимаете, свободных машин в городе нет и ваш мобиль тоже нужен.

— А Дикарь?— спросил Аркаша.— Неужели вы оставите его здесь?

— Этого не случится,— сказал инспектор. В его словах Пашке послышалась угроза.— Как только мы перевезем вас на космодром, я вернусь за ним.

Пашка взглянул на Светлану. Ему показалось, что она побледнела. Еще бы, такое крушение планов!

— Может, Светлана останется здесь?— спросил Пашка.— Чего ей с нами в город мотаться?

Светлана сделала вид, что удивилась.

— Нет уж,— сказала сна.— Во-первых, я по второй специальности медик и могу пригодиться в городе, а во-вторых, я боюсь тигров и змей.

— Пашка,— сказала Алиса, глядя на друга с подозрением.— Ты говоришь такие странные вещи, что я начинаю сомневаться...

Она не договорила, в чем сомневается, потому что Машенька сказала:

— Надо быстро собираться. Ведь у нас все материалы, коллекции разбросаны.

— Может, оставим их здесь?— спросил инспектор, но все так зашумели, что он махнул рукой и сказал:— Тогда я помогу вам грузить добро в мобиль.

Пашка спокойно пошел со всеми. Генератор тяготения был надежно спрятан в кустах. Мобиль никуда не поедет.

— Ты чего не собираешься?— спросил инспектор.

— А мне нечего собирать... все уже в рюкзаке,— соврал Пашка.

Ветер дул все сильнее. Пашка пожалел, что отдал шапку Светлане. Может, пойти в дом и взять ее? Все-таки подарок.

Он помог Аркаше перетащить громадную стопу гербарных листов, потом поднялся на веранду. Шапка лежала на стуле. Светлана звенела какими-то склянками. Каково ей, несчастной, подумал с грустью Пашка. Не хотел бы он оказаться на ее месте. Он надел шапку.

— Светлана,— послышался голос инспектора.— Что-то случилось с твоим мобилем. Ты на нем давно ездила?

«Начинается»,— подумал Пашка и отошел в угол веранды, откуда было все видно.

Инспектор сидел в кабине мобиля, нажимал на кнопки. Машина жужжала, но, разумеется, не приподнималась ни на миллиметр.

«Давайте пробуйте,— не без злорадства подумал Пашка.— Наша фирма работает как часы».

Минут через десять инспектор вылез наружу. Джавад и Машенька, которые старались помочь ему, стояли рядом.

— Мертвое дело,— сказал инспектор.— Как всегда, беда одна не приходит. Что же делать?

Темная туча опустилась над лагерем. Вот-вот должен был хлынуть ливень.

— Не отчайвайтесь,— сказал инспектор.— Я слетаю в город на своей блохе. Через час буду здесь с большим мобилем и привезу механика.

Через минуту его машина исчезла за деревьями. Алиса подошла к Пашке и тихо спросила:

— Ты ничего не делал с мобилем?

Пашка удивился.

— Зачем мне это?

— Как зачем? Чтобы остаться здесь. С тебя станет...

— Алиска, да ты подумай, что говоришь!— постаралась возмутиться Пашка. Только это получилось не очень убедительно.

Алиса отошла.

А Пашка подумал, что он получил отсрочку. Но на долго ли?

До вечера еще далеко. Через час вернется инспектор с механиком. Всех увезут. И Светлану, разумеется. И все погибло. Как же он не догадался, что инспектор не откажется от мысли их увезти отсюда?

В его распоряжении всего час. Один час.

Пашка стоял под деревом.

Туча навалилась на поляну, придавила вершины деревьев.

И вдруг, словно открылись краны, с неба рухнули толстые, упругие струи воды.

Г л а в а

10

В ПОИСКАХ ДИКАРЯ

Пашка несся через поляну. Может, повезет? Может, Дикарь уже вернулся. Только бы он был дома...

Дождь хлестал так, что дышать нечем.

Пашка не думал о тиграх или змеях — в такую погоду ни одна тварь не высунет носа наружу. Раз Пашка грохнулся, проехал животом по луже. Но если ты уже насквозь промок, это не играет роли.

Вот и лужайка. Мокрая, исхлестанная ливнем палатка.

Страаясь перекрыть рев падающей воды, Пашка крикнул:

— Дикарь!

Дверь в палатку была застегнута на молнию.

— Дикарь! — кричал Пашка, тряся упругую дверь. Палатка пружинила, раскачивалась. Никто не отзывался.

Пашка нащупал застежку и потянул ее вверх. Дверь отогнулась, и Пашка быстро, чтобы не залило дождем, пролез в палатку и затянул вход.

В палатке было почти темно.

— Дикарь, — позвал Пашка без всякой надежды.

Никто, конечно, не откликнулся.

В палатке почти ничего не изменилось. Только пластик в дальнем конце был откинут. Видно, Дикарь, спешил, отбирая нужные ему вещи.

То, что осталось, никак не вязалось с хозяином палатки.

Там были свалены какие-то инструменты, буры, приборы, скафандр средней защиты, поблескивал мощный космический передатчик. Несколько собачьих пушистых хвостов валялось между приборами, а сверху поблескивал боевой бластер, точно такой же Пашка видел как-то в

музее на Марсе, но совершенно новый, зловещий.

Пашка взял его в руки. Бластер был тяжелый. Пашка положил его обратно. Он думал, зачем Дикарю все эти штуки? Ведь он же...

Но когда человек хочет верить своему другу, он всегда найдет оправдание. Конечно же, решил Пашка, ведь Дикарь — космический разведчик-следопыт. И этот бластер у него не для развлечения. На неисследованных планетах надо быть готовым к любым неожиданностям.

Но где же может быть Дикарь? Наверно, он волнуется, ждет того момента, когда они со Светланой смогут убежать с этой проклятой Пенелопы. А если опоздаешь, все погибло.

Дикарь говорил, что у него здесь космический корабль. На нем они должны убежать. Но где же?

Пашка стукнул себя по лбу. Так, в суматохе, свое имя забудешь, сказано же: у разрушенного города. За час туда не успеть.

Но не возвращаться же в лагерь, не ждать же, пока всех увезут в город.

Больше Пашка не раздумывал ни секунды.

Если бежать напрямик, то можно срезать половину пути.

Но вскоре Пашка пожалел, что побежал напрямик. Лес стал гуще, лианы и колючки тянулись к нему со всех сторон, словно хотели остановить. Стало темно, не было видно, как корни ставят подножки одинокому человеку, бегущему через лес. Кто-то страшно ухал над головой, словно подгоняя Пашку. Листья смыкалась черным потолком, и оттуда срывались капли размером с яблоко.

Конца лесу не было. Пашка мечтал лечь и передохнуть, но не смел остановиться, потому что понимал, что этот лес — живой. Он ждет, когда человек свалится, и тогда опутает его корнями и лианами, чтобы высосать, как паук муху.

И вдруг впереди свет. Поляна.

Поляна поросла высокой, по пояс, травой. Волны ветра и дождя пригибали стебли травы, и Пашка увидел, что по поляне бежит стая передних половинок собак.

«Когда же эти половины соединяются?» — подумал Пашка. Он верил, что Аркадий, который когда-нибудь станет великим ученым, правильно разгадал их тай-

ну. Наверно, их половинки соединяются в полночь.

Пашка устало брел по траве, как по воде, разогревая стебли руками. Трава нехотя расступалась перед ним и сразу смыкалась сзади.

Впереди снова вставали стеной деревья. Может, он сбился с пути?

И тут впереди и чуть правее раздался гулкий и длинный удар. Словно кто-то стукнул палкой по стальной двери.

И сразу все стихло. Даже дождь измельчал и осторожно постукивал по травинкам маленькими каплями.

Может, это Дикарь проверяет двигатели своего корабля? Может, что-то с ним случилось?

Пашка забыл об усталости.

Он побежал, забирая вправо, туда, где в стене леса виднелась прогалина.

Глава

11

ПАШКА ИСЧЕЗ

Прошло, наверно, минут десять с тех пор, как инспектор уехал за помощью. Все вещи, хоть в спешке, кое-как, но уложены в машину, палатки оставили стоять — может, пригодятся. Тем более что они мокрые.

Аркаша сидел в машине, осторожно раскладывая гербарные папки. Он был расстроен больше всех, потому что был уже на пороге важных открытий. Маша с Наташей помогали Светлане собирать приборы на биостанции. Джавад гулял с пистолетом по веранде, охранял лагерь.

А вот Пашки нигде не было.

«Умеет же человек пропадать,— подумала Алиса.— Куда же он опять запропастился?»

Алиса решила не поднимать шума. Она накинула куртку и спустилась с веранды.

— Ты куда? — спросил Джавад голосом сурового часового.

— В палатку, — сказала Алиса, — поглядеть, не забыли ли чего.

— Иди, — сказал Джавад. — В случае чего я тебя прикрою.

— Спасибо,— сказала Алиса, стараясь попасть ему в тон. Мужчины любят, чтобы их принимали всерьез.

Подойдя к палатке мальчиков, Алиса обернулась. Веранда почти скрылась за стеной дождя. Темный силуэт Джавада маячил на веранде.

Она заглянула в палатку. Хорошо бы, Пашка там спал. Она даже представила себе, как он спит,— на боку, рука под щекой, и посапывает.

Кровать Пашки была пуста. На полу валялись какие-то бумажки, один башмак, объектив от аппарата. Всетаки они свиньи, мальчишки, подумала Алиса. Ну кто будет за ними убирать? Она знала, что у девочек Машенька уходила последней, и уж она не оставит за собой беспорядка.

Пашкино поведение в последние дни смущало Алису. С того момента, как появился этот Дикарь с его романтическими наклонностями, Пашка как обезумел. Он даже стал ходить, как Дикарь, ступая сначала на носок, а потом на пятку,— сам-то он, конечно, не замечал, что подражает.

И сегодня он бегал к Дикарю, а когда вернулся, на его физиономии было написано: «Ах, что я знаю, но вам, простые смертные, не скажу». Почему-то он глаз не сводил со Светланы и даже ей подмигивал. Что еще они с Дикарем задумали?

И тут Алиса поняла, что Пашка решил здесь остаться. Все уедут, а он, герой, останется.

Но для того чтобы привести свой план в исполнение, Пашке надо где-то надежно спрятаться — не в палатке и не в соседних кустах. А что, если Дикарь обещал Пашке помочь? Сказал, что они останутся в джунглях вдвоем — два дикаря, два настоящих бродяги!

Ну конечно же, Пашка скрывается в палатке у Дикаря.

Алиса взглянула на часы. Прошло минут пятнадцать с тех пор, как уехал инспектор. Позвать Джавада, чтобы он проводил ее до Дикаря? Нет, пускай уж он охраняет лагерь... Алиса вышла из палатки.

— Джавад! — крикнула она, перекрывая шум дождя.

— Чего? — донесся его голос.

— Я посплю в палатке, что-то устала. Когда будете уезжать, не забудьте меня.

Эта мысль показалась Джаваду очень забавной.

— Обязательно забудем! — закричал он. Смех его сливался с журчанием воды и шумом деревьев.

Через несколько минут Алиса уже стояла на поляне, где жил Дикарь.

— Павел, — сказала она строго, подойдя к двери, — Выходи сейчас же. Твои жалкие попытки оставаться в джунглях, разоблачены следопытами.

Палатка загадочно молчала.

— Есть здесь кто-нибудь живой? — спросила Алиса. Молчание.

— Дикарь, — сказала Алиса. — Можно войти?

Молчание.

— Что еще за детские шутки! — рассердилась Алиса. — Двое мужчин прячутся от одной девочки.

Она нашла застежку, открыла молнию и вошла в теплый и сырой полумрак палатки.

— Ну, где вы прячетесь?

Она вынула из кармана фонарик, с которым никогда не расставалась.

Кровать из звериных шкур, печка с кастрюлей каши на ней, лампа, груда оборудования... Луч фонаря упал на пол. Мокрые следы вели через палатку. Пашка был здесь. И совсем недавно — следы не успели высохнуть.

Пашка не застал своего нового друга. Покрутился, покрутился и побежал куда-то дальше. Может, он вернулся и они разминулись? Нет, надо знать Пашку с его упрямством, он никогда не вернется, если уж задумал здесь остаться. Значит, он знает, где искать Дикаря. Но где? Алиса этого не знала.

Она остановилась перед грудой приборов, рассматривая передатчик, тяжелый бластер, разбросанные, словно забытые в спешке, хвосты половинчатых собак... Дикарь тоже куда-то спешил. Он — совсем не тот, за кого себя выдает. Никакой он не дикарь, только изображает из себя веселого простака. Но зачем?

В палатке делать нечего. Алиса подумала, что похожа сейчас на последнюю жену Синей Бороды, которая забралась в тайную комнату и трепещет: вдруг кто-то войдет и застанет ее здесь.

Она вышла на дождь. Уж полчаса прошло с тех пор, как Пашка сбежал. Плохо дело, придется возвращаться и рассказывать обо всем Светлане. Мало ей других неприятностей.

И тут до Алисы донесся далекий глухой удар.
Взрыв.

Что в той стороне? Разрушенный город? В разрушенном городе они встретили Дикаря.

Дождь сразу утих, словно взрывом разметало облака. Может, рискнуть — пройти в ту сторону, к разрушеному городу? Ведь там кто-то есть. А кому там быть, кроме Дикаря и Пашки?

Алиса еще несколько секунд колебалась — идти ей или все-таки вернуться, но в конце концов она решила, что лучше найти Пашку самой.

Правда, до города далеко. Придется спешить.

Алиса сбежала к реке и побежала по берегу, поближе к воде, где был песок и потому не так скользко.

Г л а в а

12

ГОВОРЯЩИЙ ТИГРОКРЫС

Второй взрыв, куда ближе, Алиса услышала, когда пробегала мимо кустов, где в прошлый раз они встретили тигрокрыса. Теперь уже никаких сомнений не было: кто-то есть в разрушенном городе. Наверно, с городом связана какая-то важная тайна.

Дождь почти перестал, иногда в просветах облаков мелькало солнце, и тогда сразу начинало парить.

Ни одна птица, ни одна бабочка так и не показались — видно, все еще прятались в своих гнездах и норах.

В воздухе была какая-то тревога, что-то должно было случиться...

И в этот момент земля дрогнула. Качнулись вершины деревьев, взвыл ветер, под ногами застонало, словно кто-то громоздкий стремился выбраться наружу.

Алиса не удержалась на ножах и полетела на песок, ушибив локоть. Когда она попыталась встать, новый толчок снова бросил ее на песок. Ей показалось, что на висший над ней обрыв начал осыпаться: вот-вот погребет ее. Но ничего поделать она не могла, потому что лежала, вцепившись в какие-то травинки, а земля, такая надежная, оказалась зыбкой и коварной.

Постепенно дрожание и грохот утихли. Алиса смогла

поднять голову — часть обрыва съехала к реке и глыбы земли остановились всего в метре от Алисы.

Алиса медленно поднялась и стала отряхивать с себя песок и грязь. Больше всего ей хотелось броситься обратно в лагерь... Она даже попыталась утешить себя тем, что Пашка, наверно, давно уже возвратился. Но, уговаривая себя вернуться, Алиса уж сделала первый шаг вперед, к разрушенному городу. Хуже нет, чем возвращаться с полпути. А землетрясения на открытом месте, на берегу совсем не страшны. Кто боится землетрясений?

— Ну, кто боится землетрясений? — спросила Алиса вслух.

— Ты, — ответил низкий, хриплый голос.

В десяти шагах от Алисы, широко расставив когтистые лапы, вытянув вперед голову, стоял громадный, выше ее, тигрокрыс.

Алиса даже не пыталась убежать. Она отлично поняла, что этот зверь настигнет ее одним прыжком. Может, нырнуть в реку, как Пашка, переплыть ее?..

— Не убегай, — сказал тигрокрыс.

Он говорил! Ей не показалось!

И все-таки Алиса постаралась заглянуть за спину зверю. Тигрокрыс показался примитивным хищником.

— Это я говорю, не удивляйся, — сказал тигрокрыс. Пасть его открывалась и внутри шевелился розовый язык.

— Если хищник разговаривает, мелькнула мысль, значит он не намерен на тебя нападать. Значит, с ним можно договориться. Это ведь только в сказках волки говорят: «Я тебя съем, Красная Шапочка». В жизни хищники никогда не беседуют со своими жертвами — так можно с голоду помереть.

— Я и не убегаю, — сказала Алиса. — Просто уж очень много событий. И ливень, и землетрясение, и вот вы...

— Чтобы с тобой разговаривать, мне нужно произносить звуки. А чтобы произносить звуки, мне нужен рот, язык и зубы, — сказал тигрокрыс.

— Но у вас есть рот, язык и зубы, — сказала Алиса:

— Вот именно. Поэтому я с тобой и разговариваю.

Наступила пауза. Довольно неловкая, потому что Алиса ничего не поняла, а тигрокрыс понял, что Алиса ничего не поняла. Почему-то Алиса подумала: «Вот я стою, а

там, может, Пашка ждет меня. Он ждет, а я тут со зверями разговариваю». И тут до нее дошло: вот кто, оказывается, хозяин планеты. А Дикарь на него с дубинкой бросался, Светлана стреляла из пистолета; хорошо еще, что только усыпила. Впрочем, и он хорош, пугает прохожих... А что, если он не нападал, а только хотел поговорить? Ведь была бы сейчас у Алисы с собой какая-нибудь пушка, могла с перепугу и убить тигрокрыса.

— Простите,— сказала Алиса.— Вчера мы вас приняли за хищника...

— Ничего. Это входило в наши замыслы. Мы за вами внимательно следили. Очень внимательно. Сначала не возражали, а теперь говорим: уезжайте отсюда. Вам ясно?

— А почему мы должны уезжать отсюда?

— Вы оказались, такими же, как и те. И чем скорее вы уедете, тем лучше. Даю вам три дня срока.

Тигрокрыс повернулся и скрылся в кустах.

— Да постойте же!— крикнула Алиса.

Она бросилась вслед за ним, зажмурившись, потому что мокрые ветки хлестали по лицу, и не заметила, как врезалась в теплый, шерстистый бок тигрокрыса.

— Ой,— сказала она.— Вы меня испугали...

— Я не пугал,— сказал тигрокрыс.— Я жду вопроса. Ты бежала за мной, потому что хотела что-то спросить.

— Вы, наверное, сердитесь, что Светлана в вас выстрелила?— спросила Алиса.— Но ведь вам никакого вреда от этого не было. А Светлана защищала нас.

— Человек,— сказал тигрокрыс скучным голосом,— при чем тут одинокий выстрел? Я о нем готов забыть. Мы недовольны людьми. Уходите.

— А почему вы это говорите мне? Ведь есть же взрослые люди в городе...

— Я не хожу в город,— рассудительно ответил тигрокрыс.

Он был прав. Алиса представила себе, как такое чудовище придет в Жанглетон и попытается поговорить с туристом.

— Пришли бы в лагерь.

— Там есть пистолет,— сказал тигрокрыс.— В меня станут стрелять.

— Но ведь это только усыпляющий...

— Когда я усыплен,— сказал тигрокрыс со свой-

ственной ему логикой,— я не могу говорить. Ты тратишь время. Скажи людям, чтобы ушли.

— Но мне же не поверят.

— Почему? Разве не все равно, с кем говорить? Ты можешь говорить здесь с любым существом. Почему тебе не поверят?

— Ну, представьте себе, я возвращаюсь обратно и говорю, что встретила чудовище, которое мне велело передать, чтобы все люди улетали с планеты...

— Теперь я ничего не понимаю.

К удивлению Алисы, чудовище уселось на камень, подперло когтистой лапой морду и задумалось.

— Значит, один человек может говорить другому то, чего в самом деле нет?— спросил наконец тигрокрыс.

— К сожалению, бывает и так,— вздохнула Алиса.

— Значит, один человек может делать то, о чем не знают другие люди? И чего они бы не одобрили?

— Так бывает,— осторожно сказала Алиса.— Вернее, так бывало раньше, а теперь так почти не бывает...

Тигрокрыс тяжело поднялся с камня и сказал загадочно:

— Никогда нельзя принимать решений, не посоветовавшись с виновной стороной.

Пока Алиса обдумывала эту фразу, тигрокрыс ушел.

Алиса вернулась на берег реки. Несмотря на разговор с тигрокрысом, она все-таки решила сначала отыскать Пашку. Плоскогорье уже близко...

Странное животное. Совершенно не похож на разумное существо... Но ведет себя как хозяин планеты. Может, в разрушенном городе раньше жили тигрокрысы?

Подъем на плоскогорье показался коротким, и вот она уже стоит на краю равнины, над которой поднимаются могучие деревья.

Никого не видно.

По заброшенной дороге Алиса пошла к развалинам.

Впереди, где в прошлый раз они встретили Дикаря, что-то чернело. Когда Алиса подошла поближе, оказалось, что это вывернутое с корнями громадное дерево. Комки земли были разбросаны метров на сто вокруг. За деревом виднелась широкая воронка — все, что осталось от развалин большого дома.

Алиса стояла на краю воронки и оглядывалась по сторонам, стараясь понять, куда же могли деваться

люди. Вдруг услышала знакомый уже глухой голос:

— Ты не знала о том, что здесь случилось?

Алиса оглянулась. Никого вблизи. Голос доносился сверху. Где же прячется тигрокрыс?

На торчащем высоко в небе корне вывороченного дерева сидела большая темно-зеленая птица. Это она говорила голосом тигрокрыса.

— Как же я могла знать? — удивилась Алиса. — Я же была далеко.

Птица широко разевала клюв, старательно выговаривала слова.

— А он тебе не сказал?

— Кто?

— Тот, кто сделал два взрыва.

— Я даже не знаю, кто это сделал. Хотя подозреваю, что Дикарь.

— Вы его называли Дикарем. Вы с ним ели и пили коричневую воду.

— Чай, — сказала Алиса. — Эта вода называется чай.

— И он не сказал?

— Ничего он мне не сказал. Вообще он странный человек.

— Это непостижимо, — сказала птица.

Для Алисы было непостижимо, куда делся Пашка.

— Скажите, — спросила она. — А этот Дикарь был здесь один?

— Сначала он был один. Потом к нему пришел маленький человек, — сказала птица.

— А где они теперь?

— Они ушли, — сказала птица. — Он сделал мне больно. Мне давно не делали так больно, как этот Дикарь.

— Может, я могу вам помочь? — спросила Алиса у птицы.

— Нет, — коротко ответила птица. — Ты мне не поможешь.

Птица расправила крылья. Изнутри они оказались голубыми. Она быстро поднялась в небо и полетела к дальнему лесу.

Пашка с Дикарем куда-то ушли. Где же их искать?

Алиса вскарабкалась на торчащие к небу корни, чтобы с высоты оглядеть окрестность.

Вдали что-то блестело. Космический корабль?

Глава 13

ДИКАРЬ СОБРАЛСЯ УЛЕТАТЬ

Пашка прибежал на плоскогорье за полчаса до Алисы. Дерево, которое Алиса увидела вывороченным с корнями, тогда стояло накренившись — первый взрыв не смог его свалить. У дерева сидел на корточках Дикарь, подготавливая новый взрыв.

Пашка обрадовался, увидев друга.

— Дикарь, — закричал он, — Дикарь!

Дикарь вскочил и побежал к нему навстречу.

— Ложись! — крикнул он страшным голосом.

Он сбил Пашку с ног, и тут же раздался оглушительный взрыв. Вокруг летели обломки камней, комья земли. Когда все утихло, Дикарь поднялся на ноги и сердито сказал:

— Носятся здесь самоубийцы.

— Я же не знал, что вы взрываете, — сказал Пашка. — Можно было человеческими словами объяснить...

Дикарь только отмахнулся и пошел к сваленному дереву. Пашка бежал сзади и говорил:

— Я же не так просто прибежал. Надо спешить...

— Я и спешу, — сказал Дикарь.

— Но вы всего не знаете...

В этот момент началось землетрясение, которое свалило с ног Пашку и Дикаря.

Пашка подполз к своему другу и прижался к нему. Земля перестала содрогаться...

Дикарь оттолкнул Пашку, поднялся и сказал:

— Задержка, задержка, а каждая минута на счету.

— Я к вам так спешил... — сказал Пашка.

Пашка был как гонец, израненный, умирающий, который добегает до царского шатра, чтобы сообщить, что приближаются враги. А царь занят другими делами.

— Зачем спешил? — спросил Дикарь, поднимаясь на кромку воронки.

— Он приехал.

— Кто он?

— Ваш враг, инспектор.

— Куда приехал? — спросил Дикарь, оглядывая воронку сверху.

— В лагерь приехал. Понимаете?

— Ну и что?

Дикарь начал осторожно спускаться внутрь воронки.

— Он хочет увезти нас со Светланой.

— Ну и что?

Дикарь начал разгребать руками землю.

Пашка в полном отчаянии пытался растолковать Дикарю, что случилось.

— Он хотел всех посадить в машину и увезти в город...

— Так чего же не увез?

— Я им помешал. Я же знал, что тогда вы не сможете соединиться со Светланой.

— С какой еще Светланой?

Дикарь злился, он не находил того, что искал.

— Вы же сказали, чтобы я не спускал глаз со Светланы.

— Ну и не спускал бы.

— Вот я и сломал машину, чтобы они не смогли уехать.

— Сломал?

— Но инспектор уехал в город за новой машиной. Прошло больше часа, он, наверно, уже вернулся...

— Ах ты, какая неудача,— сказал Дикарь.— Нет хуже услужливого дурака. Уехали бы в город. А теперь тебя хватятся, будут разыскивать. Еще сюда прибегут.

— Зато Светлана спасена.

— На что мне твоя Светлана...— Дикарь не договорил. Из-под земли показался угол черного ящика. Дикарь сел на корточки, разгребая землю. Через несколько секунд ящик оказался в руках Дикаря.

И тут Пашка увидел, как земля с краев воронки начала осыпаться — все быстрее и быстрее... Комья застучали по спине и затылку Дикаря, который ничего не замечал.

— Дикарь! — закричал Пашка. — Вас засыпляет!

Дикарь все мешкал. И опоздал. Земля покрыла его с головой. Пашка с ужасом смотрел, как его друг исчез.

Раздумывать было некогда. Пашка прыгнул внутрь воронки и стал быстро разгребать землю руками, словно щенок, который откапывает любимую кость. Земля была рыхлая, с краев воронки сыпались новые комья. Но, к счастью, и Дикарь не сдавался — вот уже показалась его голова.

— Я думал, не вылезу! — крутил головой Дикарь. — Там лопата. Скорей же!

Пашка бросился за лопатой. Дикарь торопил его, ругался, а когда ему удалось освободить руки, передал Пашке тяжелый черный ящик, а сам, опираясь на лопату, выбрался следом.

Пашка поставил ящик на край воронки и понял, что обижен на Дикаря. Хотя бы спасибо сказал.

Дикарь никак не мог вылезти наверх. Земля осыпалась под ним, тянула обратно. Он протянул Пашке лопату и приказал:

— Тяни!

Пашка тянул из последних сил. Вот-вот и его самого затянет внутрь. Но все кончилось благополучно. И вот они стоят рядом на краю воронки.

— Проклятие! — сказал Дикарь, пытаясь вытащить комья земли из когда-то золотых волос. — Все это подстроено. Точно тебе говорю, подстроено. Я еще с ними рассчитываюсь.

— С кем? — спросил Пашка.

— Со мной лучше не шутить. Ну ладно, пошли.

— Куда?

— Чем меньше будешь задавать вопросов, тем дольше проживешь, — ответил Дикарь, поднимая ящик. Он спустился к дереву. Пашка увидел в траве два туга набитых мешка.

— Бери один, — сказал Пашке Дикарь.

Мешок оказался легким, словно был набит мехом.

— Что в нем? — спросил Пашка, закидывая мешок на плечо.

Дикарь взял другой мешок.

— Собачьи хвосты, — сказал Дикарь. — Целое состояние. На Паталипутре модницы за них отдаут что угодно.

— Это вы столько собак убили? — удивился Пашка.

— А что их оставлять, что ли? Это же уроды!

— Нет, — сказал Пашка. — Они не уроды. Они просто живут во времени. Передняя половина сего дня, а задняя — вчера.

— Вот умора, — захохотал Дикарь. — А я думал, чего они такие. Значит, она смотрит, а хвоста еще нет.

— Не смейтесь, — сказал Пашка; он был огорчен, что Дикарь так вел себя на планете. — Они же умирают. Они обязательно умирают, если отрезать хвост.

— Еще смешнее,— хохотал Дикарь,— нет хвоста, и разрыв сердца. Я умру от смеха. Когда я расскажу об этом, все погибнут...

Впереди показался небольшой космический корабль. Настроение у Пашки было гадкое. Как будто он сам в чем-то виноват.

— Это ваш корабль? — спросил он.

— Мой.

— Так вы не возьмете Светлану?

— Я передумал.

— Я не понимаю,— сказал Пашка,— я так старался...

— Забудь об этом,— сказал Дикарь.— Мы с тобой вольные бродяги...

— Но ведь вы же говорили...

— Мало ли что я говорил. Полетишь со мной. Я из тебя воспитаю отличного волчонка. Мы с тобой будем желанными гостями в Сером облаке. С этим ящиком...

— Нет,— сказал Пашка.— Меня ждут.

— Неужели ты не романтик? — удивился Дикарь. Корабль был уже близко.

— Романтик, но, наверно, другой...

— Романтик должен быть авантюристом,— сказал Дикарь.— Ни одна душа в Сером облаке не верила, что я смогу достать черный ящик с сокровищами Кандоры, который потеряли лигмейцы, когда бежали с этой планеты. А я достал. Видишь, как просто!

— Кто бежал с этой планеты?

— Те, кто нарушил мой покой,— сказала змея, поднимая голову из травы.

Это была большая зеленая змея.

В мгновение ока Дикарь бросил мешок, выхватил пистолет и ударил по змее смертоносным лучом.

— Но она говорила...— ахнул Пашка.

— Теперь больше не заговорит.

Дикарь подхватил мешок и, подбежав к кораблю, открыл люк и кинул его внутрь.

— Давай свой мешок,— сказал он Пашке.

Пашка передал мешок. Трудно переносить такое разочарование.

— И Светлану вы совсем не любили? — спросил он, хотя можно было бы и не спрашивать — и так ясно.

— Кого? Эту девочку? Ты не представляешь, какие красотки ждут меня в Сером облаке... Неужели ты не понял, что мне нужно было от тебя отделаться? А ты, мой друг, перестарался.

Ослепительно улыбаясь, Дикарь поставил на край люка черный ящик.

— Так ты летишь со мной?

В голове у Пашки проносились быстрые мысли. Он уже все понял. Дикарь — космический разбойник.

Пашка отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь...

— Пашка! — раздался далекий крик.

По полю бежала Алиса.

— Еще чего не хватало! — сказал Дикарь и выхватил пистолет.

— Не смей! — закричал Пашка.

И бросился к нему.

Дикарь спрятал пистолет. Он все еще улыбался.

— Ты мне пригодишься, — сказал он, схватил Пашку за пояс и забросил, как мешок, в люк корабля. — Они не посмеют стрелять, если ты будешь со мной.

Он прыгнул в люк и задраил его.

Алиса все это видела. Она уже была совсем близко. Но опоздала.

Корабль приподнялся над землей, трава полегла от удара разгонных двигателей.

С легким шипением корабль поднялся над долиной и пошел вверх.

Г л а в а

14

«СЧИТАЮ ДО ДЕСЯТИ...»

Алиса смотрела, как поднимается, уменьшаясь, корабль, а по ее щекам катились слезы.

Она не заметила, как сзади опустился мобиль и из него выскоцил старый инспектор.

— Он похитил парня? — спросил инспектор.

— Да, — сказала Алиса. — Пашка не хотел улетать...

— Все будет хорошо.

Он включил связь.

— Прием, — сказал он. — Прием.

Загорелся экран видеофона. На нем возникло лицо молодого человека в форме космического патруля.

— Капитан Симон,— сказал старик.— Ты меня принимаешь?

— Отличная связь.

— Дикарь две минуты назад стартовал с плоскогорья. Ты его сейчас можешь засечь на локаторе. Объяви тревогу среди спасательных кораблей, которые летят к Пенелопе. Особо опасный преступник.

— Там Пашка,— сказала Алиса.

— Учи,— продолжал старик.— На борту корабля похищенный мальчик. Требуется предельная осторожность. Корабль может быть вооружен.

— Не беспокойтесь, инспектор,— сказал молодой капитан.— Мы его не упустим.

Экран погас.

— Не расстраивайся, Алиса,— сказал старик.

— Я клянусь, Пашка не подозревал, что Дикарь — преступник.

— Мы тоже не догадались. Только сейчас поняли, что под видом дикаря скрывается один из последних космических пиратов Серого облака. Это мы виноваты.

— Так вы в самом деле не знали? — раздался уже знакомый Алисе глухой голос.— Только не стреляйте. Он только что меня убил. Это очень больно.

Говорила змея. Большая зеленая змея.

— Ничего мы не знали,— сказала Алиса,— сколько раз вам нужно повторять одно и то же.

— И о взрыве не знали?

— Нет.

— И когда он ловил рыбу в озере, вы тоже в этом не участвовали?

— Нет.

— И не охотились с ним?

— Нет.

— Кто вы? — спросил инспектор.

— Это странно,— сказала Алиса.— Сначала со мной разговаривал тигрокрыс, потом птица, а теперь змея, но все одним голосом. Как будто один и тот же человек переодевается.

— Девочка права,— сказала змея.— Это говорю я, планета Пенелопа.

— Понятно,— сказал старик.— Мы давно чувствова-

ли неладное. Эта планета слишком правильно организована.

— Я организована так, как мне удобнее,— сказала змея.

— Вы хотите нас изгнать? — спросил старик.

— Много лет назад ко мне уже прилетали подобные вам. Они построили город, как раз на этом плоскогорье. Они начали бурить меня, они рубили деревья, они убивали животных, которых я вырастила. Я предупреждала их. Я хотела показать им, что все здесь, до последней мошки, это я. Одна я. Я создала хищных животных. Они не послушались. Они рыли во мне ямы, разыскивая металлы. Я наслала на них дожди и бури. Они не послушались. Я пыталась говорить с ними — они стреляли в моих посланцев. Тогда я разрушила их город. И те, кто остались живы, убежали.

— Но мы же старались вас не тревожить.

— Поэтому я терпела. Мне было интересно. Но потом все началось снова... Тот человек, который улетел...

— Он не человек. Он давно изгнан из общества.

— Я не знала, что люди могут враждовать между собой. Я думала, что вы все такие же...

— Так, значит, это вы сделали тигрокрысов, хищных рыб и змей? — спросила Алиса.

— Да,— сказала змея.— Я хотела, чтобы вы ушли. Экран приемника загорелся.

— Мы вышли с ним на связь,— сказал патрульный капитан.— Слушайте.

На экране была видна рубка патрульного корабля.

Алиса подошла поближе.

Что-то холодное коснулось руки.

Она невольно убрала руку: громадная зеленая змея тоже смотрела в экран.

Патрульный капитан говорил:

— Дикарь, Дикарь, вы обнаружены. Мы предлагаем вам немедленно пристать к искусственному спутнику.

— Черта с два,— раздался голос Дикаря.— Прежде чем сдаться вам, я взорву десяток таких, как ты.

— Но в конце концов погибнете сами,— сказал капитан.

— Вы не посмеете,— сказал Дикарь.— У меня на борту ваш мальчишка.

— Вы сейчас в центре силового поля. Через пять минут оно сомкнется. Сдайтесь добровольно...

— Не успеете, — засмеялся Дикарь. — Я уже за пределами атмосферы Пенелопы. Здесь свободная Галактика. Меня ждет корабль моих друзей.

— Корабль ваших друзей сдался нам два часа назад.

— Не верю!

— Придется поверить. Я соединяю вас со спутником.

Сиплый голос произнес:

— Он прав, Дикарь, нас схватили. Ты узнаешь меня, неустрашимого бродягу?

— Черт возьми, это подстроено...

— Считаю до десяти... — сказал молодой капитан. ...До лагеря ехали мобилем.

Инспектор сказал, что Пашка вернется только к вечеру.

Змея, не спросив разрешения, забралась с ними в мобиль и оказалась очень разговорчивой. До самого лагеря она не переставая задавала вопросы. Алиса с инспектором устали на них отвечать.

А когда мобиль затормозил у веранды и Светлана с ребятами выбежали их встречать, змея, забыв, что не все с ней знакомы, вышла из машины вместе с Алисой, обмотав ее плечи, положив голову ей на плечо, чтобы не прерывать беседу.

Можно представить, что подумала Светлана, когда она увидела, что Алиса, измазанная в земле, мокрая и расстрапанная, выходит из мобиля, подобно статуе древнегреческого героя Лаокоона, а змея при этом довольно громко, глухим басом рассуждает:

— Меня, надо признаться, растрогало то, что вы отменили воздушные полеты надо мной, чтобы не беспокоить птиц и насекомых. Поэтому тем более горьким было разочарование...

Алиса покорно кивала головой.

При виде Алисы Светлана не выдержала: уж очень переволновалась за день, и грохнулась в обморок. Джавад с Аркашой еле успели подхватить ее.

А змея не обратила на это внимания — она, видно, решила, что Светлана легла спать. Она поглядела на Аркашу и сказала:

— И еще мне хотелось бы поближе познакомиться с Аркадием Сапожковым, который догадался, что мои драгоценные рогатые собаки живут во времени...

Часть четвертая

ШКАТУЛКА ПИРАТСКОЙ МАМАШИ

Глава

1

ПРИЕЗЖАЙ НА БРАСТАК ОТВЕДАТЬ СКРРУЛЕЙ

Вот и подошли к концу каникулы на планете Пенелопа. Пора возвращаться.

Лагерь в джунглях собран, коллекции погружены в мобиль, палатки свернуты и спрятаны в домике биостанции, батискаф Машеньки Белой запакован в рюкзак, коллекцию бабочек Джавад бережно держит на коленях...

Из леса медленно вышел зверь тигрокрыс и копает передней ногой землю, печалится, расставаясь с друзьями. За ним появилась стая собак. Хвосты гуляют отдельно, головы — сами по себе.

— Ничего не забыли? — спросила Светлана.

— Аркашу Сапожкова забыли, — сказала Наташа Белая. — Только что тут был.

— Он оставил в лаборатории шесть самых драгоценных гербарных папок, — сказал Пашка Гераскин.

— Не мудрено, — сказала Алиса Селезнева, — их у него восемьсот двадцать, вчера до самой ночи пересчитывал.

— И все самые драгоценные, — добавил Джавад.

— И я схожу попрощаюсь с тигрокрысом, — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — возразил Пашка. — Он тебя заговорит.

— Постой-ка, — вспомнила Светлана. — Я вчера в городе взяла для тебя письмо, сунула его в карман и забыла. Прости.

Светлана протянула письмо Алисе.

— Ой, какая марка! — воскликнул Пашка. — У меня такой в коллекции нет.

— Еще бы,— Алиса посмотрела на обратный адрес.— Это из Брастака.— На марке был изображен объемный черно-зеленый котенок с одним голубым глазом посреди лба.

— Какой миленький,— сказала Наташа Белая.— Почему их к нам на Землю не привозят?

— Может, они ростом с трехэтажный дом,— сказал Джавад.

— Их не могут завозить,— сказала Алиса.— Они сами иногда приезжают. На научные конференции или на переговоры.

— Они разумные? — удивилась Наташа.

— Разумнее нас с тобой. Только планета Брастак маленькая, лежит в стороне от основных путей, а брастаки — домоседы.

— Они с трехэтажный дом? — спросил Джавад.

— Нет,— сказала Алиса,— котята как котята.

Наташа засмеялась, а Алиса поняла, что не совсем правильно выразилась, поэтому добавила:

— То есть они похожи на котят. Но у них нет хвостов. Кстати, на марке нарисован их великий путешественник. Кк-ррр.

— Ты умеешь читать на их языке?

— Немножко. Как-то я была в археологической экспедиции, там подружилась с одним археологом с Брастака. Его зовут Рррр. Это от него письмо.

— Слушай, Алиса,— сказал Пашка.— Ты ведь марок не собираешь?

— Собираю. Флору и фауну.

— Но ведь великий путешественник — это не фауна. Отдай его мне.

— Бери с конвертом.

От дома бежал Аркаша Сапожков, сгибаясь под грудой гербарных папок.

— Поехали? — спросила Светлана.— Надеюсь, больше ничего не забыли?

— Там все чисто, я проверил,— сказал Аркаша.

МобиЛЬ приподнялся над землей и заскользил по дороге к городу. Передние половинки собак горестно завыли, а тигрокрыс помчался громадными прыжками за мобилем, добежал до поворота дороги, остановился, подняв длинный, тонкий полосатый хвост, и опустил голову. Прощайте, друзья!

— Ну и что он тебе пишет? — спросил Пашка, любуясь маркой.

— Светлана, — обернулась Алиса к биологине. — Сколько от Пенелопы лететь до Брастака?

— Никогда не летала, — сказала Светлана. — Придется тебе в городе спросить.

— Ты собираешься в Брастак? — удивился Пашка. — А как же школа?

— Рррр приглашает меня на великий праздник, который бывает раз в три года. На этом празднике все едят скрррулей. Он меня давно обещал пригласить.

— А что такое скрррули? — спросил Аркаша. — Если это живые существа, то есть их — варварство.

— Честное слово, не знаю, — ответила Алиса. — Только он мне говорил: отведаешь скрррулей, на всю жизнь запомнишь.

— А как же твои родители? Они ведь ждут тебя? — сказала строго Машенька Белая.

— Я лучше прочту письмо.

«...Я написал на Землю, что хотел бы видеть тебя, мой старый друг, на празднике скрррулей, но твой уважаемый отец сказал, что ты улетела на Пенелопу. О, решил я, мне повезло. От Пенелопы до Брастака рукой подать. Я тут же сообщил твоему уважаемому отцу, что ты можешь побывать у нас на празднике и успеть домой к началу учебного года. Двадцать первого августа на Пенелопе останавливается лайнер, идущий на Абрадабру с остановкой на Брастаке, а двадцать шестого от Брастака стартует к Солнечной системе «Аристотель». Так что ты отведаешь скрррулей и успеешь в школу. Твой уважаемый отец провел совет с твоей уважаемой мамой, и они выразили согласие с моим скромным планом. Билет тебе заказан. С нетерпением жду тебя на космодроме. Твой уважающий профессор космической археологии, почетный член восемнадцати академий и научных обществ. Рррр».

— Вежливые у тебя друзья, — сказал Джавад.

— Ты не представляешь, какой он замечательный!

— Повезло человеку, — сказал Пашка. — Скрррулей отведаешь.

— Я тебе привезу, — сказала Алиса.

— Если бы их можно было перевозить, давно бы привезли на Землю, — сказал Аркаша. — Наверно, их можно есть только свежими.

— Сегодня двадцатое,— сказала Светлана.— Значит, тебе придется улететь раньше, чем остальным. А мы хотели съездить на Синие озера.

— Ничего, в следующий раз съезжу,— сказала Алиса. Понятно было, что человеку интересней загадочные скрррули, чем пенелопские Синие озера.

Глава 2

«ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ!»

На следующий день с утра все поехали на Синие озера. Вернее, не все. У Пашки вдруг заболел живот, и он остался в гостинице.

Алиса сама принесла ему завтрак из ресторана, но Пашка грустно поглядел на фрукты и чай с молоком и сказал:

— Уж лучше я сегодня не буду есть. Какая досада. Если меня не взяли на Брастак, хоть бы съездил на Синие озера.

— Пойми, Пашка,— сказала Алиса.— Я бы тебя с удовольствием взяла куда угодно, потому что ты мой друг. Но я не могу предупредить Рррр, что приеду не одна. Кроме того, на корабле может не быть мест. И что скажут твои родители, если ты не вернешься со всеми?

— Все это так,— сказал Пашка.— Но можно написать моим родителям, что я остаюсь с тобой. Ты же знаешь, как моя мама тебя уважает. Она совершенно не будет беспокоиться.

— Нет, Пашка, исключено,— сказала Алиса и оставила его в грустном одиночестве. А сама поехала на космодром, чтобы узнать, когда прилетает лайнер на Абрадабру.

Небольшой космодром Пенелопы, у города Жанглениготочие, кишел туристами. Только что опустился специальный рейс с Пилагеи. Пилагейские туристы в диких, с точки зрения землянина, одеждах — юбках до земли и широких шляпах — с букетами искусственных цветов, с пустыми корзинками в руках и с маленькими магнитофонами на запястьях шли сплошным потоком.

Алиса отыскала справочного робота, у которого, как

назло, сломался блок ответственности. Вместо того чтобы сообщить Алисе, когда прибывает корабль на Абрадабру, он пригласил ее гулять в парк аттракционов. Пришлось разыскивать дежурного, вместе с ним ловить робота. Время шло, так что, когда Алиса вернулась в гостиницу, до прилета корабля оставалось полчаса. Когда она собрала свою сумку, осталось двадцать минут, переоделась — пятнадцать, побежала к Пашке, чтобы попрощаться, — двенадцать, когда обнаружила, что Пашка куда-то смылся, — десять. Завтрак был начисто съеден, видно, не так уж Пашка был болен. Притворялся, специально остался, чтобы уговорить Алису.

Алиса примчалась на космодром, когда посадка на корабль заканчивалась. Длинная вереница туристов с Пилагей — что за планета такая, куда ни прилетишь, всюду пилагейцы в шляпах и с магнитофонами — как раз покидала зал.

Хорошо еще, что с билетами не вышло недоразумений. Алиса Селезнева была в списке пассажиров. Подхватив сумку, она побежала через поле и успела к кораблю как раз в тот момент, когда последняя пилагейская туристка поднималась по трапу.

В переходнике пассажирского лайнера было пусто, лишь последняя туристка наседала на робота-стюардессу, говоря на ломаном галактическом языке — космоЛингве:

— Мой запасной шляпа есть драгоценный цветок, но отсутствует и непонятно.

— Найдется ваша шляпа, обязательно найдется, — успокаивала туристку стюардесса. — Может быть, вы ее сдали в багаж?

— Мой шляпа нельзя в багаж, ибо есть цветы ломались и гибли. Вы ясно? — У пилагейки были черные очки в пол-лица.

— Тебе, девочка, в какую каюту? — спросила стюардесса.

— В восемнадцатую.

— Направо, четвертая дверь, — сказала стюардесса. — Ты одна летишь?

— Конечно, одна.

— А раньше ты летала?

— Много раз, — сказала Алиса.

— Перед стартом я все равно к тебе загляну — погляжу, знаешь ли ты правила.

— Пожалуйста, заглядывайте, — сказала Алиса, сделав вид, что не обиделась.

— Мой запасной шляпа, — сказала туристка с Пенелопы, — суть редкий цветок.

Алиса сказала:

— Но у вас же осталась хорошая шляпа, на голове.

— Девочка, суть не вмешивайся. Есть взрослый беседа. Не исключено, что потеря мой запасной шляпа связана с тобой характер. Соблазнение суть велико. Как великий сувенир.

— Как вам не стыдно так думать! — возмутилась Алиса.

— Слушай, девочка, — сказала замороченная стюардесса, которая уже не чаяла, как избавиться от туристки. — Иди в свою каюту, а то скоро старт.

Алиса пожала плечами: не хотите, чтобы я вам помогла, не надо. Чужих шляп мне не нужно. А что касается сувениров, то у меня такие есть, о которых вы и не мечтали!

Продолжая мысленно разговор с пилагейкой, Алиса дошла до своей каюты. Она вынула из сумки зубную щетку и другие нужные в путешествии вещи, положила их на полку над умывальником. Откинула койку. По правилам положено во время старта лежать. Хоть в современных лайнерах перегрузки почти не чувствуются, но старое правило никто не отменял. Сейчас придет стюардесса и обязательно проверит. Плохо быть такой молодой. Всегда к тебе недоверие.

В дверь постучали. Вот и стюардесса.

— Войдите, — сказала Алиса.

В дверь боком влезла пилагейская туристка.

— Вы есть здесь обитаешь? — спросила она, сверкая черными очками. — Ты здесь прятает мой запасной шляпа?

— Простите, — сказала Алиса, — но сейчас будет старт и вам надо быть в вашей каюте. А то стюардесса вас хватится, старт отложат, и все будут недовольны.

— Сначала я есть найду свой запасной шляпа, — упрямо сказала туристка. — Она есть под твоя кровать.

— Я же вам сказала!

Туристка одним длинным шагом пересекла каюту.

— Я сейчас позову стюардессу,— сказала Алиса и протянула руку к звонку. Но туристка хлопнула ее по руке маленькой корзинкой.

— И не мечтай, Алиса,— сказала она.— Ты меня погубишь.

Туристка сорвала с себя очки. У нее было лицо Пашки Гераскина. Алиса ничего и сказать не успела, как он подобрал длинное платье, под которым обнаружились ходули, упал на колени и быстро заполз под койку.

В дверь снова постучали.

— Попробуй только меня выдать,— прошипел Пашка.— Я тебя буду всю жизнь презирать. И других заставлю.

В каюту заглянула стюардесса.

— Девочка,— сказала она,— через пять минут старт. Я так и думала, что ты никогда раньше не летала на кораблях. Сейчас же ложись и пристегни себя ремнями.

Алиса, ругая про себя последними словами Пашку Гераскина, послушно прыгнула в кровать, и стюардесса пристегнула ее ремнями. Тут Алиса поняла, что стюардесса вот-вот услышит, как быстро и громко дышит под кроватью этот дурак Пашка, и на всякий случай громко и надрывно закашлялась.

— Что с тобой? Ты простужена? — спросила стюардесса.

Ну хоть бы поскорее ушла!

— Нет, крошка в дыхательное горло попала.

— Я после старта к тебе загляну — погляжу, как ты себя чувствуешь. Или врача пришлю.

— Ни в коем случае,— сказала Алиса.— Я себя уже хорошо чувствую.

— Странная девочка,— сказала стюардесса и, взглянув на часы — до старта оставалось две минуты,— поспешила к двери.

— Пашка, я тебя презираю,— сказала Алиса, когда за стюардессой закрылась дверь.— Я же тебе все объяснила, а ты применил такой низкий способ, чтобы проникнуть на корабль.

— Во-первых, не низкий,— ответил Пашка из-под кровати.— Если ты думаешь, что я ограбил какую-нибудь пилагейку, ты глубоко ошибаешься. Я честно-благородно обменял мою коллекцию значков на запасную одежду од-

ной туристки, которая только что прилетела на Пенелопу. Клянусь тебе, она выиграла от этого обмена.

— Ты променял все значки, которые собрал на Пенелопе?

— Зато я отведаю скрррулей, а это что-нибудь да значит!

— Все равно я на тебя зла...

В этот момент зазвенел звонок — старт.

Алиса вытащила из-под головы подушку и сунула ее под кровать.

— Возьми, низменный авантюрист, подложи под голову, а то еще расшибешь макушку.

— Ты не представляешь, какая у меня крепкая макушка, — ответил из-под кровати «низменный авантюрист». — Но пойми же, я бы никогда не смог проникнуть на корабль иначе. Мне надо памятник поставить за изобретательность.

— На планете обманщиков.

— На планете великих обманщиков. Только пилагейские туристы всегда ходят организованными группами, их даже никто не считает. Если уж пилагеец идет на корабль, значит, у него не только билет, но и путеводитель и магнитофон, и сумка для сувениров — все как полагается.

Алису легонько прижало к кровати. Корабль начал подъем.

— Слушай, а как же твои? Они с ума сойдут, куда ты дедся.

— Я оставил в комнате у Джавада письмо, в котором написал, что у тебя случайно оказался второй билет на корабль.

— Мне стыдно, что ты мой друг.

— Зато, — не сдавался Пашка, — я отведаю скрррулей.

Г л а в а 3

ИХ НИКТО НЕ ВСТРЕТИЛ

В первый день Алиса с Пашкой почти не разговаривала, злилась на него, но сколько можно злиться? Разве уж она его не выдала стюардессе, надо мириться со спутником. К тому же вдвоем лететь веселее, все-таки почти три дня в дороге, быстрее корабли пока не летают. Плохо только, что голодно, одна порция на двоих.

Как известно, на Брастаке нет космодрома, который принимал бы галактические лайнеры. Поэтому корабль выходит на орбиту и с него спускают планетарный катер-автомат. Он высаживает пассажиров и почту и возвращается.

Когда по внутренней связи объявили, что корабль подходит к Брастаку и пассажиры, покидающие его, должны собраться в нижнем эллинге, Алиса с Пашкой уже были готовы.

Алиса подошла к катеру первой, делая вид, что не знакома с пилагейской туристкой, которая ковыляла сзади.

— Ну как, девочка, довольна путешествием? — спросила стюардесса.

— Да, спасибо.

— Питание тебе понравилось? Полюбила ли ты пирожки с заварным кремом, гордость нашего повара?

Алиса ничего не ответила, потому что пирожков ей не досталось. Все сожрал Пашка, не смог удержаться.

За Алису ответила пилагейская туристка:

— Ваш заварной пирожки есть весьма вкусно.

— Что? — удивилась стюардесса. — С каких пор пилагейцы стали есть пирожки? Ведь у вас совершенно другая кухня. Одного пирожка для пилагейца достаточно, чтобы получить расстройство желудка.

— Мой желудок есть синтетический, — поспешила с ответом пилагейка. — Есть настоящий потерян в страшный катастрофа. Теперь могу есть даже железный винт.

Пилагейка оттолкнула Алису и направилась к катеру.

— А вы куда? — еще больше удивилась стюардесса. — Ведь вся группа пилагейцев летит до Абрадабры.

— Я есть думал иначе, — сообщил Пашка, стараясь

влезть в люк катера, что нелегко, если ты на ходулях.— Я буду глядеть на пейзаж Брастак, очень хвалят. И покупай новый шляпа. Мне есть стыдно возвращайся домой с одна шляпа. Вам не понять.

Наконец Пашке удалось проникнуть в люк, и он исчез внутри.

— Ничего не понимаю,— сказала стюардесса.— Все пилагейцы летят до Абрадабры, а поодиночке они никогда не летают. Надо сообщить капитану.

— Не надо,— сказала Алиса.— Ну что плохого в том, что пилагейке хочется посмотреть на Брастак? В случае чего я за ней присмотрю.

«Внимание! — сказал голос в динамике.— Катер на Брастак отправляется. Прошу срочно занять свои места».

— Еще раз спасибо за все,— сказала Алиса.— Заварной крем был очень вкусный.

Она прыгнула в катер, и стюардесса закрыла за ней люк.

— Ой, Пашка,— сказала Алиса, усаживаясь рядом с ним в кресло.— Кто тебя тянул за языки?

— Но ты ведь не представляешь, какие были вкусные пирожки. Жалко, что мало. И учти, я ничего не могу поделать — одна ложь тянет за собой другую.

— Знаешь, что я тебе посоветую,— сказала Алиса.— Ты лучше сними с себя весь этот камуфляж. Теперь он тебе не нужен. Меня встречают, может, с цветами, а ты в таком виде...

— Ни в коем случае! Шутить так шутить! Вся планета будет хохотать, когда узнает, что под обличием пилагейки скрывается великий шутник Павел Гераскин.

Кроме них, в катере никого не было. Туристы сюда попадают редко, Брастак — планета без достопримечательностей, да и удобств для туристов мало. На всю планету одна гостиница для гостей. В местном доме человеку не уместиться — уж очень велика разница в росте.

Катер опустился на космодроме.

— Пошли,— сказала Алиса.

— Пошли,— сказал Пашка,— с трудом поднимаясь на ходули и надевая черные очки.

Люк раскрылся.

Впереди, до низкого здания вокзала, расстипалось поле космодрома, выложенное квадратными желтыми и голубыми плитками.

И не было на нем ни единого человека, ни одного брас-така и даже ни одного робота.

Автоматический катер закрыл люк, зажужжал гравитонными двигателями, поднялся чуть-чуть над полем, замер на секунду и понесся вверх.

Земная девочка и пилагейская туристка стояли в полном одиночестве посреди поля. Дул холодный ветер, вот-вот начнется дождь.

— Ну что? — спросила пилагейка. — Где ваши встречающие? Где есть многочисленные букеты цветов? Может, это не Брастак? И даже спросить не есть у кого.

— Перестань кривляться, Пашка. Здесь какая-то ошибка.

— Тогда нечего стоять посреди поля. Еще подхватишь насморк, единственную неизлечимую болезнь двадцать первого века. Пошли навстречу своей судьбе и скрррулям.

Глава 4

ПЛАНЕТА В КАРАНТИНЕ

В низком обширном зале космического вокзала с обычной круглой стойкой дежурного диспетчера, приемными камерами багажа, креслами возле буфета все было как на любой другой планете, за исключением одного — ни единой живой души.

— Неужели праздник уже начался и они доедают скрррулей, не дождавшись нас? — спросил Пашка. — Я этого не переживу.

— Погоди ты, — ответила Алиса. — Кому приятно, если тебя пригласили в гости, а встретить забыли? Но космодромы не бывают пустыми. Это невероятно.

Алиса подбежала к справочному бюро и нажала кнопку. Экран не включился.

— Эй! — крикнул Пашка на космолингве. — Кто там гуляет по верхней галерее? Откликнитесь, встретьте космических путешественников.

Алиса подняла голову — никого.

— Кто там был?

— Какой-то человек прошел. Поглядел вниз и исчез.

— Человек?

— В черном комбинезоне и в черном шлеме.

— У тебя уже галлюцинация, Пашка,— сказала Алиса.

— Не веришь — не надо. Может, отдохнем немного?

Мне надоело гулять на ходулях. Это очень утомительно.

Из маленькой двери в зал выбежал темно-зеленый котенок без хвоста с оранжевым глазом посреди лба.

— Рррр! — закричала Алиса.— А мы уж думали, что-то случилось.

— Я не Рррр,— ответил брастак, останавливаясь в десяти шагах.— Я — Мммм. Прошу вас немедленно покинуть планету.

— Как так — покинуть? — удивилась Алиса.— Мы же к вам в гости приехали, нас приглашали.

— Скrrрулей есть,— добавил Пашка.

— Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу,— ответил Мммм,— попрошу вас покинуть нашу планету.

— Но как?

— На чем прилетели, на том и улетайте.

— Но мы прилетели на автоматическом катере. Он тут же улетел обратно.

— Минутку, надо посоветоваться,— сказал Мммм.— А вы стойте. Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Чудак какой-то,— сказал Пашка.— Сам же выгоняет, сам же не велит двигаться.

— Что-то здесь случилось,— сказала Алиса.

— Тебе нельзя отказать в наблюдательности,— ответил Пашка.— Даже слепой догадается, что здесь что-то случилось. Они не очень любят гостей.

— Неправда,— вступилась за брастаков Алиса.— Они очень гостеприимны.

Мммм уже бежал к ним снова.

— Зачем вы прилетели? — спросил он.— Откуда и куда? Надолго ли?

— Нас пригласили,— сказала Алиса.

— Отведать скrrрулей,— добавил Пашка.

— В этом году скrrрулей не будет,— сказал Мммм.— Откуда вы приехали?

— Я с Земли,— сказала Алиса.

— А я — пилагейка, это каждому понятно.

— Меня пригласил Рррр,— сказала Алиса.

— Какой Рррр?

— Профессор археологии. Его здесь все знают.

— Минутку, — сказал Мммм. — Я посоветуюсь и вернусь. Ни шагу в сторону.

— Знаем, — сказал Пашка. — Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Здесь что-то неладно, — сказала Алиса. — Вряд ли принято говорить гостям, куда им можно шагать, а куда нет.

Вернулся Мммм.

— На планете эпидемия, — сказал он. — Заразная эпидемия. Все лежат.

— Но еще две недели назад, — сказала Алиса, — о ней и речи не было.

— Эпидемия началась десять дней назад, — сказал Мммм. — Вся планета в карантине.

— И Рррр болен?

— Я же сказал — все больны.

— Что же делать? Нам не на чем улететь обратно.

— Мы посоветовались и решили, что вам надо будет подождать следующего корабля в гостинице для почетных гостей. Никаких контактов с больными. Ваша жизнь в опасности. Шаг в сторону...

— Знаем, знаем, — сказал Пашка. — Вот тебе и отведал скрррулей.

— Следуйте за мной, — сказал Мммм и поспешил к выходу.

Они оказались на пустой площади. Шел дождь. Перед дверью стояла низкая длинная машина с решеткой сзади.

— Сюда, — сказал Мммм.

Он обежал машину сзади, встал на задние лапы, открыл замок и раздвинул решетку.

— Это такси? — спросил Пашка, осторожно спускаясь на ходулях по мокрым от дождя ступенькам.

Мммм ничего не ответил. И так ясно, что это не такси.

Пашка все-таки поскользнулся и грохнулся у самой машины. Шляпа с цветами отлетела в сторону, длинное платье задралось, и обнаружились деревянные ходули.

— У вас протезы? — спросил Мммм.

— Нет, — сказал Пашка, стараясь подняться. — У нас есть такой мода, понимает? Называется высокий каблук.

Алиса помогла Пашке подняться и взобраться в машину.

Ммм со скрипом задвинул решетку и повернул ключик. Потом опустил металлическую штору.

В машине стало темно, как в подземелье. И тесно — потолок в метре от пола. Пришлось сесть на пол.

— Да сними ты свои протезы! — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Пашка. — У нас на Пилагее только так и ходят. Я уже начинаю привыкать.

Машина рывком тронулась с места и поехала неизвестно куда.

— Эх, разве так встречают гостей! — сказал Пашка.

— Но у людей несчастье, эпидемия, карантин.

— Я и говорю, разве гостей встречают эпидемиями?

Г л а в а 5

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ

Машина резко затормозила и замерла. Слышно было, как Ммм хлопнул дверцей, обошел машину. Заскрипела штора. Глаза отвыкли от света, и Алиса зажмурилась.

— Выходите, — сказал Ммм. — Только ко мне не приближаться, я в карантине.

Алиса спрыгнула на асфальт. За ней, громыхая ходулями и поддерживая одновременно шляпу, платье, корзиночку и сумку, выбрался Пашка.

Машина стояла в пустом дворе, с трех сторон окруженном трехэтажным зданием. Окна были закрыты, и никто не подошел к ним, чтобы поглядеть, кто же это приехал. Часть двора была завалена пустыми ящиками, бочками, там же стояли небольшие, словно из детского сада, машины.

Ммм взбежал по маленьким ступенькам к низкой двери, открыл ее.

— Сюда, по одному.

— Не хочу! — вдруг взвился Пашка. — Это куда вы нас привезли?

— В гостиницу для почетных гостей.

— А почему с заднего хода?

— Парадный закрыт по случаю карантина, — сказал Ммм.

— Пошли, — сказала Алиса. — Не стоять же нам под дождем.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и оказались в обыкновенном по размерам коридоре. Ммм сразу показался маленьким и, видно, чувствовал себя неуютно.

Он поспешил к одной из дверей и остановился перед нею.

Тут Алиса заметила, как эта дверь устроена. У нее были две ручки, две замочные скважины, одна — в полуметре от пола, вторая, как полагается, на уровне пояса. Алиса сообразила, почему это так: ведь гостиница построена специально для приезжих, для высоких землян, пилагейцев и других галактических жителей, похожих на людей. Значит, им нужно открывать дверь верхней ручкой и вкладывать ключ в верхнюю замочную скважину. Но в гостинице есть дежурные, уборщицы, официанты, ростом по колено человеку. Для них и сделана вторая ручка и вторая замочная скважина.

Ммм открыл ключом нижний замок, потом протянул лапку кверху:

— Открывайте!

И отскочил в сторону.

Алиса нажала на ручку, дверь отворилась. Она оказалась в самом обычном гостиничном номере, не таком, правда, большом и удобном, как на Земле или на планете Пенелопа, но вполне привычном для человека, которому приходится немало летать по Галактике. Главное, все предметы здесь были нормального размера. Номер двойной, кровати застелены...

— Вы две женщины, — сказал Ммм, — вам будет тут удобно.

И с этими словами он улизнул из комнаты.

Щелкнул замок.

Алиса повернулась к двери и нажала ручку.

Ручка повернулась, но дверь не открылась.

Алиса присела на корточки, повернула нижнюю ручку — то же самое. Гостей заперли.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса. — Как же мы выйдем отсюда?

— А вам не нужно выходить, — ответил приглушенный голос из-за двери. — Дверь в туалет справа. Как только придет какой-нибудь корабль, мы вас выпустим и отпра-

вим домой. Мы же бережем вас от заразы. Карантин у нас, карантин.

Мммм захихикал.

И все смолкло.

— Вот тебе, бабушка, и отведали скрррулей,— сказал Пашка, садясь на кровать и отвязывая ходули. Когда здесь будет корабль?

— Двадцать шестого,— сказала Алиса.

— Через два дня. Никогда еще не сидел в тюрьме.

Путаясь в длинном платье, которое волочилось за ним, как шлейф, Пашка подошел к Алисе и прошептал ей на ухо:

— Нас могут подслушивать. Говори шепотом. Давай готовиться к побегу.

— Но если у них в самом деле эпидемия?

— Ты в это веришь?

— Сама не знаю.

— А я не верю. Обманывает нас этот Ммммыма. Клянусь тебе. Сам-то он здоровый. Почему те, с кем он советовался на космодроме, не вышли к нам?

— Может, они больны?

— Лежат на кроватках в диспетчерской?

Алиса пожала плечами. Наверно, Пашка прав. Но мало ли что бывает? Может, и в самом деле — карантин.

За окном, затянутым упругим пластиком, была улица. На другой стороне стояли в ряд несколько многоэтажных домов. В отличие от гостиницы, рассчитаны они были не на людей. Как раз на уровне со вторым этажом гостиницы был восьмой этаж небоскреба. А улица была пуста. Кто же ухаживает за больными, кто их лечит, кормит?

— Я уже немного проголодался,— сказал Пашка.

— Нажми кнопку. Здесь есть пищедоставка.

Но Пашка не успел отойти, как Алиса крикнула:

— Скорей, смотри!

По улице, бок о бок, шли два человека в черной облегающей одежде и в шлемах, плотно обхвативших голову. Один из них держал в руке тяжелый боевой бластер. У второго оружие висело на ремне через плечо.

Люди шли медленно, поглядывая по сторонам.

— Я видел такого на космодроме, а ты мне не поверила,— прошептал Пашка.

— Но что они здесь делают? Может, это медики...—

Алиса не договорила, потому что сообразила, как нелепо медикам гулять по улице с бластерами.

Улица снова опустела.

— Ладно,— сказал Пашка.— Чем голову ломать, давай позавтракаем.

Он подошел к стандартной нише, внутри которой в ряд тянулись кнопки с маленькими рисунками над ними и прикрытое заслонкой окошко выдачи.

— Чего будешь? — спросил Пашка.

— А что здесь есть?

— Кефир, молоко, яичница...

— Не знаю, из чего здесь молоко делают. Возьми мне гренки с вареньем и чай.

— Исполняем,— сказал Пашка, нажимая кнопки.— А мне сосиски и кофе. Где они здесь вилки и ложки прячут?

— Сбоку погляди.

Алиса все еще стояла у окна, ждала, не появится ли еще кто-нибудь на улице. Пашка возился у ниши, звенел ложками, укладывая их на столе.

— Ну, как твои сосиски? — спросила Алиса.

— Сейчас. Что-то запаздывают.

— Подозреваю, что ты и сосисок не дождешься.

— Почему?

— Если карантин, то некому на кухне работать.

— Работы не болеют,— отмахнулся Пашка, но права оказалась Алиса. Пищедоставка работала, зеленый огонек горел, а заслонка не открывалась, и стол был пуст.

— Я с ума сойду,— сказал Пашка.— Мне без пищи совершенно невозможно.

— Попробуй что-нибудь другое,— сказала Алиса.— Например, печенье или вафли.

Пашка принялся нажимать все кнопки подряд.

Никакого результата.

Алиса подошла к нему и нажала крайнюю красную кнопку — вызов дежурного.

Дежурный не ответил, но заслонка вдруг медленно поднялась, и вместо сосисок и чая на стол вылетела записка.

Г л а в а 6

БЕГЛЕЦ

— Уже что-то,— сказал Пашка.— Тише. Читай шепотом.

— «Карантина нет,— прочла Алиса.— Вас обманули. Планета завоевана космическими пиратами. Не верьте им. Сообщите в галактический центр. Записку уничтожьте».

— Ну вот,— сказал Пашка,— а я что тебе говорил?

— Что же делать? — Алиса порвала записку в мелкие клочки.

— Я им покажу! — сказал Пашка.— Пусть только попробуют сюда сунуться. И кормить не хотят, и в плену держат, и еще планету завоевали.

— Но кто же?

— Эти, черные, разве непонятно?

Пашка, уже привычным жестом подобрав свой шлейф, смело направился к двери.

— Стой! — остановила его Алиса.— Всё погубишь!

— Может быть, я погибну в борьбе за справедливость, но никого не погублю. Ты — девочка, ты оставайся здесь. Тебя никто не тронет.

— Остановись, неразумный, и послушай меня,— сказала Алиса.— Я старше.

— Ты? Старше?

— Да. На пять месяцев. Но не в этом дело. У меня опыта больше. Я уже раз десять в космосе путешествовала, бывала в таких приключениях, о которых тебе и во сне не снилось, и, кстати, уже встречалась с космическими пиратами. Казалось, их уже совсем разогнали, но где-то они скрывались. И пока еще есть в Галактике отсталые планеты, от них окончательно не избавиться.

— Кажется, мне повезло,— сказал Пашка.

— Еще чего не хватало. Ты сидишь в тюрьме, рискуешь опоздать к началу учебного года, а говоришь, что повезло.

— Если опоздаю, то мне вдвое повезло. Ведь по уважительной причине.

— Ничего себе уважительная причина — переоделся в пилагейку и зайцем забрался на космический лайнер!

— Ничего ты не понимаешь, Алиса. Но ведь я спасу от пиратов целую планету. Мне за это, по справедливости, можно полгода и школу пропустить.

— И это говорит мой друг!

— Друзей не выбирают,— сказал Пашка.— Друзья сами находятся. Где бы достать оружие? Могли бы с запиской переслать и какой-нибудь пистолетик. Без оружия мне будет нелегко.

— Никуда ты не пойдешь,— сказала Алиса.— Мы должны делать вид, что мы — глупые туристы, которые ровным счетом ничего не поняли и страшно боятся разразы. Мечтают об одном — чтобы их отправили домой. Ясно?

— Ничего не ясно. Я — человек действия.

— Вот и действуй. Только молчи. Нам с тобой доверили тайну целой планеты... А если тебя схватят, кто тогда сообщит на Землю?

— Испугалась?

— Не испугалась...

Они не успели доспорить, потому что за окном послышались выстрелы.

Пашка с Алисой осторожно выглянули наружу.

По улице бежал зигзагами пушистый брастак. За ним — два черных человека, которые палили из бластеров. Смертоносные белые лучи метались по улице, плавя камни домов, оставляя в асфальте глубокие желоба, разнося стекла.

Поравнявшись с гостиницей, котенок метнулся к ее стене и исчез. Алиса прижалась носом к стеклу, но не увидела, куда он делся.

Черные люди тоже остановились под самым окном и принялись лупить из бластеров куда-то вниз.

— Эй, вы! — крикнул Пашка.— Немедленно прекратите!

— Молчи,— Алиса оттягивала его от окна.— Ты все погубишь.

— А что же делать?

— Думать надо. Думать надо уметь.

— Значит, притворяться?

— Да, притворяться. И советую тебе нацепить свои ходули и привести в порядок парик. Может, даже лучше, что ты туристка из Пилагеи. И пускай ты будешь не простая туристка...

— А кто? — спросил Пашка, доставая из-под кровати ходули и со вздохом прикрепляя их к башмакам.

— Ты — двоюродная дочка хранителя государственной корзинки.

— Это ты сейчас придумала?

— Нет, я где-то читала о государственной корзинке. Что в ней носят, не знаю.

— А почему двоюродная дочка?

— Потому, что у пилагейцев очень сложная система родства. Бывают двоюродные и троюродные дети, сводные мужья и близнецы-погодки.

— Обязательно надо слетать на Пилагею, — сказал Пашка.

Он поднялся во весь рост, нахлобучил шляпу, поправил у пояса корзинку.

— Я есть возражаю против заточений в ваш карантин...

Послышался шорох.

Алиса обернулась. Шорох доносился со стороны доставки. Там что-то блеснуло.

— Тишше, Пашка.

— Что?

— Смотри.

— Там кто-то есть. Кто там?

Из-за открытой заслонки раздался тихий стон.

Алиса осторожно заглянула внутрь.

Там, на пустом подносе, где ребята недавно нашли записку, лежал пухистый брастак.

— Вы кто такой? — спросила Алиса.

— Помогите... — прошептал котенок, — я ничего не вижу... это ты, Алиса?

— Ой, Рррр!

— Они гнались за мной... меня ранили...

— Пашка, — приказала Алиса. — Сейчас же к двери. Закрой на задвижку. Никого не впускай. Ты не обидишься, Рррр, если я выну тебя вместе с подносом?

— Спрячь меня... Вы получили записку? Мы боялись, что ее перехватили.

У профессора археологии Рррр было рассечено зарядом бластера ухо и обожжен бок.

Алиса осторожно перенесла поднос с брастаком на кровать, отыскала в сумке целебный пластырь, спасающий от ожогов и затягивающий раны.

— Потерпи,— приговаривала она, осторожно прикладывая пластырь к голове друга.— Конечно, надо бы сначала тебя обрить...

Рррр, чтобы не стонать, прикусил острыми клыками нижнюю губу.

В дверь громко постучали.

Г л а в а 7

«ГДЕ ВЫ ЕГО СПРЯТАЛИ!»

— Пашка,— прошептала Алиса.— Задержи их.

— Будет сделано,— кивнул Пашка.

— Откройте! — раздался голос за дверью.

Алиса схватила поднос и бросилась к доставке.

— Я тебя спрячу здесь, они не догадаются, я заслонку закрою.

— Нет. Они меня высledили. Они догадаются.

— Откройте, а то я вышибу дверь! — требовали снаружи.

— Это есть безобразие,— ответил Пашка.— Бедный женщина не кончил скромный туалет, а незнакомый мужчина рвется в дверь. Я буду жаловаться свой двоюродный папа, хранитель государственная корзина на планете Пилагея.

— Плевал я на твои корзинки! — сердился голос.— Немедленно открывай.

Алиса все еще стояла посреди комнаты: не могла сообразить, где бы спрятать Рррр. Под кроватью нельзя — они туда наверняка залезут, и в туалет тоже...

— Быстрее, ко мне в корзинку,— сказал Пашка.

— А вдруг?..

— Некогда думать.

Алиса осторожно переложила раненого брастака в корзинку, и Пашка, сорвав со шляпы букет искусственных цветов, прикрыл ими археолога.

Дверь дрожала от ударов.

— Отходи от двери! — прогремел голос.— Стреляю!

— Не стреляйте,— крикнула Алиса.— Мы открываем.

Она схватила поднос, забросила его обратно в пищедоставку. Пашка уже шел к двери.

— Стой,— сказала она.— Еще секунду.

На подносе были пятна крови. Она выхватила платок и вытерла кровь, а потом приложила платок к носу, словно кровь шла из носа.

Пашка открыл дверь. Оттолкнув его в сторону, внутрь ворвался здоровенный усач в черном пластиковом мундире и в таком же черном, облегающем голову шлеме. На шлеме были нарисованы скрещенные космические ракеты, а над ними белый череп.

— Где вы его прячете? — спросил пират.

Пашка изобразил перепуганную и возмущенную туристку с независимой и благополучной планеты Пилагея.

— Не сметь врывааться в мой квартира! — кричал он, перекрывая крик пирата. При этом он размахнулся корзинкой, норовя стукнуть ею пирата, и тот несколько опешил и даже отступил.

В комнату вбежал Мммм, сверкая оранжевым глазом, и остановился на пороге.

— Мой друг,— сказал он,— очень взволнован, прошу его извинить. Он беспокоится о вашем здоровье.

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Прискорбное происшествие. Из карантина сбежал один опасный и заразный больной. Представьте себе, что случится, если он вас заразит и вы распространите заразу по всей Вселенной...

— Да, да,— сказал усатый пират.— Карантин, конечно, карантин. Пусть он только мне попадется, я покажу ему, как бегать из карантина.

— Но к нам никто не приходил,— сказала Алиса.— Вы же сами дверь заперли.

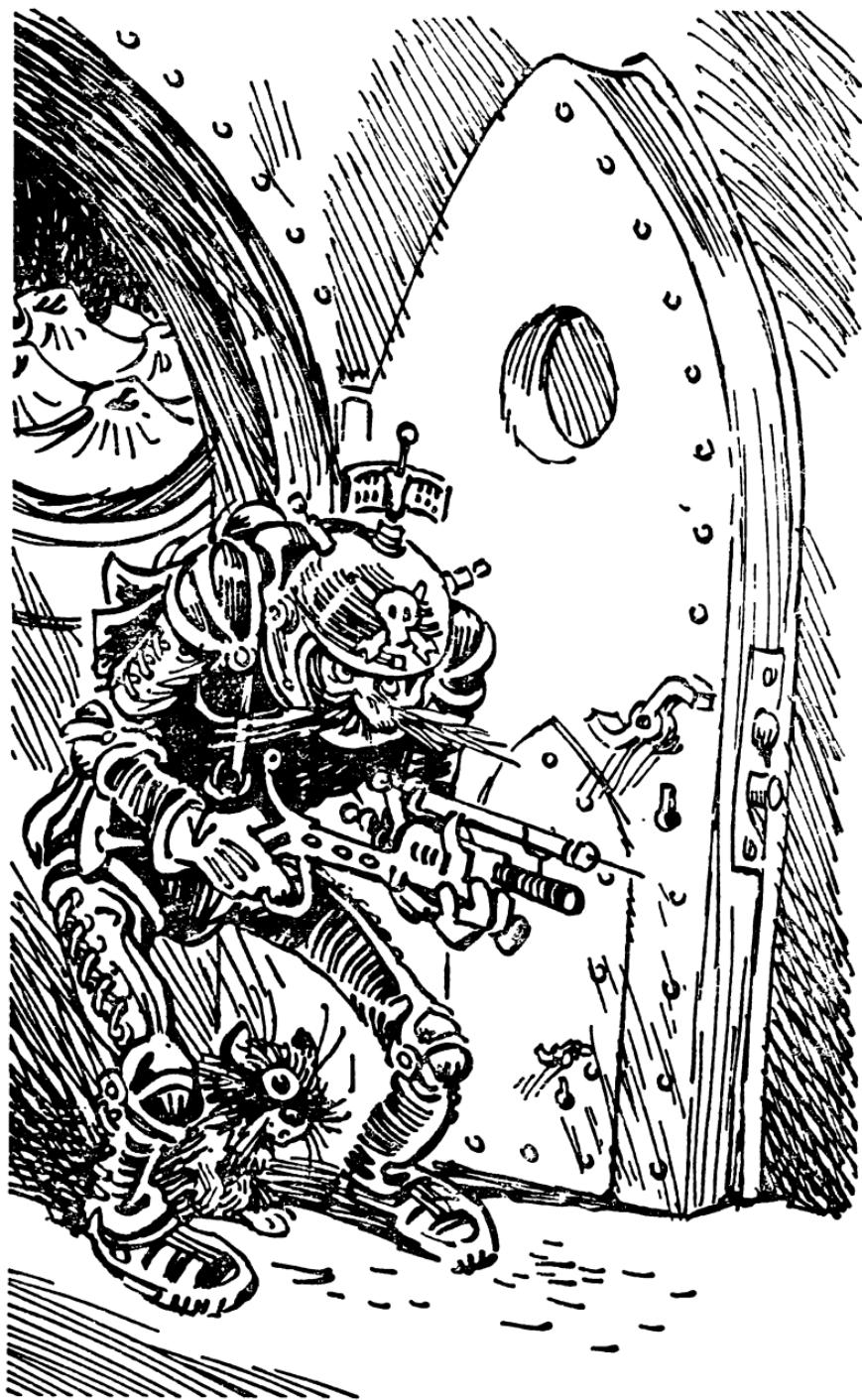
— И мы тоже заперли своя сторона, чтобы инфекция не ходил в наш комнату. Можете уйти к дьяволу,— сказала пилагейская туристка, сверкая черными очками.— Вы, может, сам заразный!

— Вы, дамочка, помолчите,— сказал пират, наморщив низкий лоб, и его маленькие глаза скрылись в глубоких глазницах.— Он где-то здесь прячется.

— Не позволю! — сказал Пашка.

— Лучше не спорьте,— сказал Мммм своим тоненьким вежливым голосом.— Господин Дуч — главный городской врач.

Дуч двумя шагами пересек комнату, распахнул дверь

в туалет, велел Мммм залезть под ванну, под кровать, сам заглянул в пищедоставку, провел пальцем по подносу...

— Ну и порядки у вас,— сказала Алиса.— Какое-то варварство. И почему у вас такая странная для врачей одежда?

— Молчать! — рявкнул пират, оборачиваясь к гардеробу и вытаскивая Алисину сумку.

— Куда же вы его спрятали? — ворчал пират, вывалив все из сумки на пол.— Больше ему некуда было деться. Через пищедоставку пробрался.

— Кстати,— сказала Алиса.— У вас доставка не работает. Мы что, должны три дня голодными сидеть?

— Не беспокойтесь, госпожа,— сказал Мммм,— не беспокойтесь.— Он очень суетился: ему хотелось, чтобы туристки ничего не заподозрили.— Я прикажу принести пищу специально для вас. Не беспокойтесь. Все будет в порядке...

Пират крутил головой, раздумывая, где еще поискать?

— Вы нам не доверяете,— возмущенно сказал Пашка.— Это есть оскорбление.

— А ну-ка,— сказал пират,— приподними юбку.

— Что? — удивилась пилагейская туристка.

— Не беспокойтесь, господин Дуч,— поспешил вмешаться Мммм,— я сам загляну.

И он скользнул по полу к юбке туристки.

— Аайй! — завопила пилагейка на всю гостиницу.

Никогда бы Алиса не подумала, что у Пашки может быть такой пронзительный и отвратительный голос. Задрожали стекла. В шкафу оборвалась вешалка, а в туалете сама по себе хлынула вода.

— Не смейте! — кричала туристка, прижимая юбку.— Я мышай боюсь!

Пират что-то кричал, но, разумеется, его не было слышно.

В коридоре грохотали шаги, другие пираты появились в открытой двери и, раскрыв рты, смотрели, как по комнате бегает высокая неуклюжая ковыляка в большой шляпе, с корзинкой, полной цветов, а за ней носится брастак.

— Пошли отсюда! — крикнул пират, воспользовавшись короткой паузой.— Черт с ними.

Мммм рад был подчиниться.

— Там наверняка ничего нет.

Пираты гоготали во все горло. Им эта сцена понравилась.

— А вы еще в шляпе поглядите, в корзиночке моей поглядите,— наступал на него Пашка. Усатый пират Дуч уже добрался до двери. Пашка сорвал с себя шляпу и ловко запустил ее в лицо пирата. Тот не успел закрыться, и жесткий край шляпы сильно ударил его по щеке.

Пират попытался спрятаться за своих хохочущих друзей.

А Пашка метнулся к туалетному столику, схватил фланкон одеколона с распылителем и пустил в пиратов струю, крича при этом:

— Дезинфекция! Дезинфекция! Карантин!

Дверь хлопнула, и в наступившей тишине слышно было только, как Мммм возится с ключами, запирая дверь.

Алиса подошла к двери, закрыла ее на задвижку и сказала:

— Ну, дорогая двоюродная дочка, тебе надо выступать в театре. Какая актриса пропадает!

Глава

8

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

Алиса тщательно обработала раны еле живого Рррр — ему сильно досталось в корзинке, потому что Пашка забыл о нем, размахивая корзинкой, как гранатой.

Пашка снял ходули и уселся в кресло, страшно довольный собой.

— Тебе больно, Рррр? — спросила Алиса, когда кончила перевязку.

— Ничего, терпеть можно,— сказал археолог.— Главное, что мы встретились.

Раздалось жужжание, потом что-то звякнуло в доставке.

— Еще кто-то идет? — вскочил Пашка.

На подносе стояла тарелка с лепешками и кувшин с водой.

— Вспомнил-таки,— сказал Пашка.— Боится международного скандала.

Он взял кусок хлеба.

— Сухой, как камень. Пожалел свежего. Для своих господ оставил.

Но все-таки принялся грызть, запивая водой. Алиса тоже взяла сухарь. Рррр отказался.

— Так что же у вас случилось? — спросила Алиса.

— Если бы мы понимали! — Рррр зажмурился от боли. — Ты, Алиса, и вы, самоотвержённая дама, которая спасла меня от гибели...

— Он не дама, — сказала Алиса, грызя сухарь. — Он Пашка Гераскин, мой друг. Он узнал, что я лечу сюда отведать скрррулей, и решил обязательно полететь со мной. А когда я отказалась его взять, переоделся пилагейской туристкой и полетел самостоятельно.

— А когда прилетели, — добавил Пашка, — я не стал переодеваться, потому что вам смешно было бы узнать, до чего мне хотелось скрррулей.

— Эх, — сказал Рррр, — не скоро теперь мы отведаем скрррулей... Я согласен, что вы, Пашка, талантливый актер, и я вам благодарен. Но когда в следующий раз будете класть меня в корзинку, пожалуйста, не машите ею так сильно.

— Обещаю, — сказал Пашка. — Простите, я увлекся.

— Так вот, — сказал Рррр. — Пираты появились на нашей планете неожиданно. Мы готовились к празднику, и вдруг на улицах наших городов появились люди в черной одежде с черепами на шлемах. Они в несколько минут захватили наши радиостанции и учреждения, электростанции и аэродромы. Мы и опомниться не успели, как оказались рабами.

— Но откуда же они появились?

— Клянусь вам, не представляю. И никто не представляет.

— Так просто и появились?

— Да. Так просто и появились. Всем жителям нашей планеты было приказано оставаться в домах и не выходить, а пираты принялись грабить наши сокровищницы, музеи, склады, дворцы.

— И вы не сопротивлялись?

— Это случилось десять дней назад. Сначала мы так растерялись, что никакого сопротивления пиратам не оказывали. Но на третий день мы поняли, что так продолжаться не может. Мы договорились, что через два

дня начнем восстание и выгоним пиратов. Ведь они не знали наших подземных ходов, они не могли проникнуть в щели и отверстия, которые для нас кажутся широкими дверями, они были обречены.

— Ну и что случилось?

— Предательство.

— Как так?

— Понимаете, ребята, когда приходит завоеватель, почти всегда находятся такие, которые думают, что им выгоднее быть на стороне сильного.

— Мы знаем... Мы читали в истории,— сказала Алиса.

— А у нас это случилось сейчас. Надо сказать, что мы, брастаки, различаемся цветом глаз.

— Мы, на Земле, тоже.

— Но на Земле это ничего не значит, а вот на Брастаке — очень много. Какой у тебя цвет глаза, такой и характер. Бывает даже, что брастак рождается с голубым глазом, но из-за плохого воспитания или по другой причине его характер портится. И тогда его глаз желтеет. У очень плохих брастаков они становятся оранжевыми...

— У Мммм оранжевый глаз.

— Ничего удивительного, он оказался одним из первых предателей. Еще неделю назад у него глаз был умеренного желто-зеленого цвета.

— А у честных брастаков какие глаза?

— Серые, голубые... Бывает, что брастак родился желтоглазым, но с возрастом его глаз голубеет.

Пашка незаметно взглянул на их гостя. У него был голубой глаз.

— Как у вас просто! — сказала Алиса.— Поглядел на глаз — и сразу ясно, с кем имеешь дело.

— Конечно,— согласился Рррр.— Если преступник попадает в тюрьму, его выпускают, только когда глаз у него становится серым или хотя бы зеленым,— значит, он исправился.

— Надо было давно всех желтоглазых послать в какое-нибудь отдельное место,— сказал Пашка, сторонник решительных мер.— Пускай исправляются в одиночестве и другим жить не мешают.

— Не думаю, что это разумно,— ответил Рррр.— Наверно, и на Земле не все люди хорошие.

— Встречаются и не очень хорошие,— согласился Пашка.— Я, например, иногда бываю просто невыносим.

У меня в эти моменты глаза становятся совершенно желтыми. В переносном смысле.

— Ну вот, ты и сам ответил. Не будете же вы на Земле высыпал людь в какое-то место, потому что вам не нравится их характер.

— Все равно у вас жить проще,— повторила Алиса.

— Да, нам проще,— согласился Рррр,— зато и пиратам было проще. В первый же день к ним прибежали несколько предателей и предложили свои услуги. Пираты собрали всех желтоглазых и сказали, что разделят с ними власть на планете. Некоторые согласились. Они выдали нас. Теперь выгодно ходить с оранжевым глазом. Это как бы опознавательный знак: стоит пирату увидеть оранжевый глаз, и он понимает, что это свой.

— И что случилось потом?

— Они жестоко расправились с нами. Они загнали нас в лагеря, где томятся сотни тысяч брастаков. Остальным приказано не выходить из домов. Мы голодаем, умираем от болезней, и единственная наша надежда — вы. Если вы не сможете сообщить в Галактический совет...

— Но мы сами в тюрьме,— сказала Алиса.

— Через два дня придет корабль. Вы должны обязательно на него попасть.

— Все ясно,— сказал Пашка.— Не беспокойтесь. По крайней мере, на меня можете положиться.

— А я бы не положилась,— сказала Алиса.— Хватит ли тебя на то, чтобы два дня притворяться и терпеть?

— Хватит,— сказал Пашка,— не беспокойтесь.

Вечером, под отдаленный шум нестройных песен, которые распевали напившиеся брастакского портвейна пираты, Рррр, исполосованный пластырями, попрощался с ребятами и, осторожно приподняв заслонку, скользнул в доставку.

— Простите,— сказал он на прощание.— Придется вам приехать на скрррули в следующий раз.

— Что касается меня,— ответил Пашка,— то я даже доволен. Лучше приключения, чем скрррули.

— Для тебя это приключения,— сказал Рррр,— а для нас беда.— Заслонка опустилась.

— Эх, Пашка,— сказала Алиса.— Опять ты не то сказал.

— Главное, чтобы правильно действовал. Язык мой —

враг мой, это еще моя мама говорила, когда я самое первое слово произнес.

— Почему?

— Потому что все дети говорят сначала «дай» или «мама», а я сказал «ура».

— Ну, что мне с тобой делать? — вздохнула Алиса. — Иди спать.

— Иду-иду, только я все равно голодный, и ноги от ходулей болят.

Глава

9

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХЕОЛОГА

Алиса проснулась рано, за окном чуть рассвело. Проснулась она от голода. Очень хотелось встать, нажать все кнопки подряд и посмотреть: вдруг доставка уже работает? Потом она стала думать о Рррр, добрался ли он до своих? Его могли подстеречь пираты или какой-нибудь желтоглазый предатель.

Соседняя кровать скрипнула. Алиса покосилась в ту сторону. Пашка осторожно сел на кровати, спустил босые ноги на пол и на цыпочках прошел к доставке. Алиса даже улыбнулась. Оказывается, людям могут приходить одни и те же мысли. Пашка начал нажимать по очереди все кнопки. Доставка молчала.

Алиса не выдержала и хихикнула.

Пашка обернулся.

— Ты не спишь?

— Нет, я от голода проснулась. И даже подумала, вдруг доставка заработала. А тут ты встаешь, словно мои мысли угадал.

Но гордость не позволяла Пашке сознаться, что он, как голодная обезьяна, нажимал кнопки у неработающей машины.

— Ничего подобного, — сказал он. — Я думал, а вдруг там записка есть от Рррр.

— Тогда открой заслонку и посмотри. Для этого не надо кнопок нажимать.

— Что я и собираюсь сделать, — сказал Пашка и приподнял заслонку. Там ничего не было. — Что-то спать хо-

чется,— сказал Пашка, подходя к окну.— А на улице дождь идет.

— Еще сутки нам терпеть,— сказала Алиса.— Если не умрем от голода, то завтра уже будем на борту нашего корабля.

— Умрем.

— Не ходи по полу босиком, простудишься,— сказала Алиса.

— Где-то со вчерашнего дня сухарь оставался,— сказал Пашка.— Неужели я его нечаянно съел?

— Вчера еще,— сказала Алиса.— Давай вставать, что ли!

Когда она чистила зубы, то услышала, как гремят ходули и шуршат бумажные цветы — Пашка со вздохами превращался в пилагейку.

— И когда только кончатся мои мучения? — ворчал он.

— Знаешь что,— сказала Алиса.— Я думаю, нам пора поднять скандал. Ни одна пилагейская туристка не допустила бы, чтобы ее кормили сухарями, даже в карантине.

— Я как раз собирался это сделать,— сказал Пашка.

И тут же раздался стук ходулей — Пашка шел к двери. Он выбил по двери барабанную дробь. Потом повторил ее погромче. Никакого ответа.

— Эй! — закричал Пашка.— Мы есть умрем от голода, и вы виноват!

— Слушай,— заметила Алиса, возвращаясь в комнату.— Может, обойдешься без коверканья космолингвы?

— Ничего подобного. Мне так больше нравится.

— Эй-эй,— он снова принялся молотить в дверь.— Давай мне кусок мяса!

Неожиданно дверь растворилась, и Пашка чуть не вылетел в коридор. За дверью стоял Мммм.

— Не беспокойтесь,— сказал он.— Меры приняты. Доброе утро.

— Желаю питать себя,— сказала пилагейка.

Усатый пират Дуч вошел в комнату с подносом в руках. Ему непривычно было носить подносы — бластер мешал, к тому же он зацепился мечом за дверь.

— Давайте,— сказал он не очень любезно.— Питайтесь.

Он бросил поднос на стол.

Кофейник подпрыгнул, крышка с него слетела, и всю комнату наполнил вкусный аромат горячего кофе. В миске дымилась каша, а рядом грудой лежали свежие лепешки — маленькие, на один зуб, зато их было много.

— Давно бы так, — сказал Пашка.

— Ах, что поделаешь, — развел лапками Мммм, — у нас карантин, некому готовить, я сам живу всухомятку. Ну ладно, не буду мешать, кушайте, отдыхайте, я потом к вам зайду, у меня для вас есть сюрприз.

— Интересно, что он придумал? — сказал Пашка, наливая в чашку кофе.

— Узнаем, — сказала Алиса. — Ничего хорошего.

Не успели они кончить завтрак, как дверь снова отворилась и на пороге появился Мммм.

— Вы готовы принять гостя? — спросил он.

— Смотря какого, — сказал Пашка.

— Вашего лучшего друга.

В дверях стоял черный брастак с голубым глазом посреди лба.

— Ах, не надо загадок, — сказал он. — Для моей подруги Алисы все брастаки на одно лицо. Добро пожаловать, моя подруга. Как поживает твой уважаемый папа, твоя уважаемая мама, твоя уважаемая бабушка?

— Я не узнаю вас, — сказала Алиса.

— Неужели? Как обидно. Я профессор археологии Рррр, который пригласил тебя сюда отведать скрррулей. Но, к сожалению, я не смог тебя встретить, потому что вчера лежал в кровати с высокой температурой.

— Какой же вы Рррр? — неосторожно сказал Пашка.

— А что? — обернулся к нему котенок. — Вы разве меня раньше встречали? Что-то не помню.

— Здравствуй, Рррр! — воскликнула Алиса. — Прости, что я тебя сразу не узнала. Как я рада тебя видеть!

У Пашки глаза на лоб вылезли. Ведь только вчера вечером Рррр убежал, весь оклеенный пластырем.

— Ну вот и отлично, — сказал Рррр, вскакивая на кресло. — Значит, у тебя дома все в порядке?

— Все в порядке, — сказала Алиса. — А как твои дела?

— Мои дети уже подросли. Они лежат в карантине. Как долетела?

— Ничего, долетела, — сказала Алиса. — Правда, пришлось лететь не прямо с Земли, а сделать пересадку на Абрадабре. Не было прямого корабля.

«Ну и чепуху она несет,— подумал Пашка.— Какая еще Абрадабра? — И тут же он сообразил: — Какой я дурак! Она же его испытывает. Это не настоящий Рррр!»
— Значит, ты давно уже вылетела из дома? — спросил лже-Рррр.

— Пять дней назад.

— И какая была погода?

— Погода была отличная,— сказала Алиса.— Шел дождь с грибами. Помнишь, как мы с тобой встретились на Паталипутре?

— Конечно,— обрадовался лже-Рррр,— как же не помнить?

— И катались там со снежных гор.

— Замечательно катались! — воскликнул лже-Рррр.

«Разумеется,— сказал про себя Пашка,— мы еще в школе учили, что на Паталипутре тропический климат, даже на полюсах».

— И какие у тебя дальнейшие планы, мой друг Рррр? — спросила Алиса.

— У меня очень скромные планы,— сказал тот.— Я хочу тебя порадовать. Я решил составить тебе компанию и полететь с тобой на Землю.

— Как хорошо! А зачем же ты полетишь на Землю?

— На научный конгресс по археологии.

— Разумеется, там будет конгресс. Кстати, скажи мне, мой друг, какие у тебя последние открытия?

— Замечательные открытия,— сказал лже-Рррр.

— Что, новые архары и архаровцы? — серьезно спросила Алиса.

— Кто? — удивился лже-Рррр.

— Ведь археология занимается арх-арами и архаровцами?

— Ах да, конечно,— сказал Рррр. У него появились какие-то сомнения. Пашка подумал, что Алиса увлеклась и переигрывает.— Я нашел много этих... археоаровцев.

Мммм кашлянул, как бы предупреждая своего спутника, чтобы тот был осторожнее.

— А что, Алиса,— спросил лже-Рррр,— не кажется ли тебе, что я немного изменился?

— Что ты,— начала было Алиса, но тут все услышали, что в доставке что-то зашуршало.

— Ты тот же самый, мой любимый, мой драгоценный спутник Рррр! — громко сказала Алиса.

— Что там? — спросил Мммм, глядя на доставку.

— Ничего, — сказала Алиса, — наверно, проверяют систему.

— Некому проверять, — вмешался лже-Рррр. — А ну-ка, Мммм, взгляни! Живо!

— Какой есть странный профессор на археология, — сказал Пашка. — Командует, как генерал.

— Ничего удивительного, — ответил Мммм. — Мы все уважаем профессора археологии.

Алиса не успела задержать его, как он приоткрыл заслонку и выхватил оттуда записку.

— Отдайте! — крикнула Алиса. — Это мне.

Мммм соскочил на пол и в два прыжка оказался у двери.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он. — И даже могу прочесть ее вслух. Здесь написано:

«Дорогая Алиса! Все в порядке. Добрался до своих. Чувствую себя лучше. Жди вестей. Твой Рррр».

Наступила тишина. В полуоткрытую дверь заглянул пират с бластером в руке.

— Значит, комедию разыгрывала! — сказал лже-Рррр. — Издевалась над археологом? Притворялась? Презренная землянка!

— Я не есть понимай! — воскликнул Пашка. — Зачем вы обвиняй мой соседка?

— А вы бы, госпожа, помолчали. По недомыслию или по злому умыслу вы не донесли, что ваша соседка встречается здесь с врагами...

— То есть с заразными элементами, — поправил его Мммм.

— Неважно, как называть. Главное, встречается. И укрывает. Учтите, это вам даром не пройдет.

— Я не видел никакой элемент, — сказал Пашка.

Лже-Рррр повернулся и быстро побежал к двери. За ним Мммм с запиской в лапке.

Дверь захлопнулась.

— Ну, попались, — сказал Пашка. — И надо было тебе над ним издеваться? Сама всегда меня ругаешь...

— Я должна была проверить, настоящий он или поддельный.

— Ну, проверила, и хватит.

— Потом я увлеклась, — созналась Алиса.

— Что же теперь делать?

— Погоди,— сказала Алиса.

Она на цыпочках подбежала к двери, приложила ухо к замочной скважине. Потом поманила Пашку.

Слышно было, как в коридоре разговаривают:

— Значит, вы считаете, господин Крыс, что землянку надо убрать?

— Да, спрячьте ее как следует. Она опасна. Я думаю, что она обо всем догадалась.

— А что делать со второй?

— Вторая — наша надежда. Она так глупа, что до сих пор ничего не подозревает. Когда землянку уберут, мы постараемся ее обработать... Я предлагаю следующий план...

Они отошли от двери, и больше ничего не было слышно.

— Пашка, ты понял? — быстро сказала Алиса.— Сейчас они меня заберут и спрячут.

— Я им не позволю. Лучше погибну, чем отдашь тебя врагам.

— Сейчас некогда говорить красивые слова. Они думают, что ты — глупая туристка. Не разубеждай их. Все зависит от твоего актерского таланта. Помни, ты — пилагейка, двоюродная дочка хранителя государственной корзинки. Как только вернешься на корабль, организуешь спасение.

Алиса протянула ему руку. И вовремя.

Не успела она отойти, как дверь распахнулась и в комнату вошли два черных пирата.

— Девчонка, следуй за нами,— сказал один из них.

— Как так? — сказал Пашка.— А я?

— А насчет тебя указаний не было. Сиди и жди.

Пашка с трудом сдержался, чтобы не броситься Алисе на выручку, но Алиса успела так посмотреть на него, что он спохватился. Дверь закрылась, и Пашка остался один. Один против всех пиратов Галактики.

Глава 10

ТУРИСТКА ЛЮБИТ ДРАГОЦЕННОСТИ

Пашка с удивлением подумал, что настроение у него сносное. Казалось бы, куда хуже: планета захвачена пиратами, Алиса в тюрьме, сам он заперт в комнате, но ведь борьба не окончена, основные сражения впереди. А у какого рыцаря портится настроение перед боем?

Сначала он собрал Алисину сумку. Нельзя ничего оставлять врагам. Теперь бы неплохо вооружиться, но вооружиться нечем, только зубная щетка. Он поудобнее прикрепил ходули, надел на них резиновые наконечники, снятые с ножек кроватей. Потом положил в доставку такую записку: «Меня увозят в тюрьму. Пилагейская туристка осталась одна. Алиса».

Только он успел закрыть заслонку, как пришел Мммм. Пашка был ко всему готов. Но Мммм его удивил.

— Я принес вам небольшой подарок,— промурлыкал он.— Вы позволите?

Мммм вынул из-за спины лапку, в которой он держал небольшую коробочку.

— Это вам на память о нашей планете.

— Спасибо,— сказал Пашка,— положите на стол. А какова есть судьба моей соседки Алисы? Она скоро вернется сюда?

— Алиса уехала к своему другу, археологу Рррр,— сказал Мммм.— Не беспокойтесь, мадам. Неужели вам не хочется заглянуть в коробочку?

— Потом,— сказала гордая пилагейская туристка.— Дома погляжу.

— Нет-нет.— Мммм подбежал к столику, вскочил на него, открыл коробочку сам. Там лежал синий сверкающий камень.

— Нравится?

«Чего ждет этот Мммм? Вернее всего, думает, что я должен обрадоваться и вцепиться в камень. Нет, мы тебя обманем». Пашка подошел к столику, небрежно взял камень, покрутил его в руках, потом положил обратно и сказал:

— У моей двоюродный папа, хранитель государственная корзинка, есть такой камень тысяча штук.

И Пашка отвернулся к окну, словно этот камень его не интересовал.

— Вам этот подарок не нравится?

— Я буду его дарить стюардессе на лайнер,— ответил Пашка не оборачиваясь, чтобы Ммм не видел, как он улыбается.

Ммм закрыл коробочку, спрыгнул на пол и пошел к двери.

Как только дверь за ним закрылась, Пашка тут же бросился к ней и приложил ухо к замочной скважине.

— Она не хочет,— услышал он голос Ммм.— Говорит, что у нее таких тысяча.

— Я слышал. А ну-ка, дай сюда коробочку.

— Вы же сами мне ее дали, господин Крыс.

— Не возражать!

Какая-то возня за дверью, писк, потом голос Крыса:

— Так я и знал. Когда успел подменить камень на стекляшку?

— Я не подменял. Это само так получилось.

— Ax, самол! Вот тебе за самол! Вот тебе за воровство!

А теперь отдавай настоящий сапфир.

— Нету... не бейте меня, господин Крыс.

— А что у тебя за щекой? У вас у всех защечные карманы есть. Не кусайся! Голову отверчу! Ну вот, а ты говорил.

— Я нечаянно.

— Правильно, никто не ворует нарочно. Все нечаянно.

Когда меня мама в детстве била за воровство, я тоже кричал, что я нечаянно. Подсунул стекло и думаешь, если она знатная дама, то и дура. Ты мне хочешь государственное дело загубить? Заруби на носу, предатель, что мы-то отсюда уйдем, даже если большого корабля не захватим. А если ты останешься, твои земляки спросят, что ты делал при пиратах?

— Не губите меня, господин Крыс, клянусь, что это в самом деле нечаянно. Не мог же я подумать, что туристка разбирается в драгоценных камнях.

— Глупые в драгоценностях разбираются лучше всех,— сказал Крыс.— А умные книжки читают. Ты это учти на будущее.

— А вы, господин Крыс, книжки, конечно, читаете?

— Нет, на меня и умники и дураки работают. Теперь

давай, быстро. Мама ждет, как пройдет операция. Стучи в дверь.

Мммм боком втиснулся в комнату и замер у порога. Вид у него был встрепанный.

«Ну и славно же тебя взгрел твой пиратский друг»,— подумал Пашка, а вслух сказал:

— Вы научились стучать дверь. Что еще вы мне притащили?

— Произошла ошибка,— заговорил Мммм, глядя снизу вверх.— Я нечаянно перепутал коробочки.

— Не нужны мне ваши стекляшки,— сказал Пашка.

— Это была ошибка, заверяю вас! Виновные уже понесли строгое наказание. Извольте взглянуть на настоящий сапфир.

Мммм вспрыгнул на стол и раскрыл коробочку.

Конечно, настоящий сапфир сверкал ярче стеклянного. Но большой разницы Пашка не усмотрел.

— Оу! — сказал он, осторожно держа камень в пальцах.— Если не ошибаюсь, это хороший сапфир.

— Да, разумеется, настоящий сапфир. Очень редкий. Возьмите, а?

Пашка задумался, потом закрыл коробочку и сказал:

— Нет, у меня такие есть.

— Умоляю! Мне не сносить головы!

— Кого не сносить?

— Моя голова — чик-чик...— И Мммм печально взмахнул лапкой.

— Ладно,— сжался Пашка.— Я беру подарок. Как одолжение, чтобы вам не чик-чик.

— Вы любите драгоценности?

— О, я коллекционер драгоценностей,— сказал Пашка.— Я есть ценитель. Теперь уходи, маленький жулик.

Мммм задом попятился к двери, нащупал нижнюю ручку, открыл ее и исчез в коридоре.

Пашка сразу приник к двери.

— Взяла,— прошипел Мммм.

— Я все слышал. Вроде бы клюнуло...

— Она собирает драгоценности.

— Посторонись, дай-ка я превращусь в кого-нибудь...

— Меня потрясает, господин Крыс,— сказал Мммм,— ваше умение превращаться. Как это вам удается?

— Это у меня от папы. Большой был негодяй.

— А что с ним случилось?

— Он как-то решил подшутить над моей мамашей, превратился в цыпленка. Моя мамаша, женщина серьезная, открутила ему головку.

— Какая ужасная смерть! Я представляю себе горевшей уважаемой мамы!

— Ничего ты не представляешь. Она сказала: цыпленку — цыплячья смерть. И пошла на кухню готовить глинтвейн крепостью в сто тридцать градусов. Моя мамаша выпить любит.

— Преклоняюсь перед ее железным характером.

— Ладно, я пошел. А ты жди здесь.

Пашка кинулся к креслу и сделал вид, что дремлет.

— Уважаемая госпожа пилагейка,— услышал он голос и открыл глаза. Вот уж не ожидал увидеть добродушного краснощекого мальчишку в коротких штанишках! Да, великий мастер маскировки этот Крыс! Никогда бы не догадаться!

— Кто вы? — спросил Пашка.

— Я — сын местной королевы,— сказал мальчик.— Моя мама узнала, что вы приехали к нам, и ждет вас в гости.

— Зачем? — удивился Пашка.

— Моя мама коллекционирует драгоценности, и ей очень хотелось познакомиться с настоящей ценительницей. Мамочке скучно, не откажите ей...

— Драгоценности! — воскликнул Пашка.— Обожаю драгоценности! Идем к вашей маме.

Крыс даже сощурился от радости. Все получилось, как он хотел.

Глава

11

ПИРАТСКАЯ МАМАША

На этот раз Пашку везли в большой открытой машине, а по сторонам, спереди и сзади ехали на велосипедах черные пираты и время от времени палили из бластеров по окнам домов.

На заднем сиденье машины, которую раньше использовали для почетных гостей с других планет, устроились Пашка и Крыс. В ногах у них свернулся Мммм.

Кавалькада стрелой пронеслась по улицам, пролетела сквозь парк, засаженный карликовыми деревьями, и замерла перед дворцом. Дворец был трехэтажный, с мраморными колоннами и статуей какого-то браста в короне перед главным входом.

— Здесь раньше жили короли, — сказал Мммм. — Потом открыли музей, а теперь его заняли наши новые господа.

— Господа или карантинные врачи? — спросил Пашка.

— Карантин — это шутка, — сказал мальчик Крыс.

— Не понимаю таких шуток, — удивился Пашка. — Зачем такая шутка?

— Потому что мы коллекционеры драгоценностей.

Шофер распахнул дверцу, и Пашка, подобрав длинную юбку, чтобы не упасть, торжественно вышел из машины.

По сторонам широкой лестницы с очень маленькими ступеньками были навалены груды камней, кирпича, штукатурки со следами росписей, клочья ковров и гобеленов.

— Наши господа, — сказал Мммм, — такие крупные, что ради их удобства пришлось вынести из дворца все лишнее.

— Правильно, — сказал мальчик Крыс. — Всю музейную требуху выкинули. Народу это не нужно.

— Совсем не нужно, — захихикал Мммм, но Пашке показалось, что смех у него невеселый.

Войдя во дворец, Пашка понял, что пираты превратили трехэтажный дворец в одноэтажный — сломали перекрытия, перегородки, а заодно и все украшения.

Ну и варвары, подумал Пашка, сколько придется потрудиться реставраторам!

Они миновали первый, когда-то трехэтажный, зал. У следующей двери сидели кружком пираты и резались в карты.

— Вы куда? — спросил один из них.

— Мы к мамаше, — сказал Крыс.

— Что-то я тебя не знаю, младенец, — сказал один из пиратов.

— А вот сейчас узнаешь, — ответил Крыс и в одно мгновенье превратился в невысокого, худого человека с очень белым лицом.

— Одну минутку, господин Крыс, — сказал пират и,

сунув голову в дверь, сказал: — Мамаша, к тебе сынок с компанией.

— Пусть войдет, — послышался нежный голос.

Во второй половине дворца ободранные стены были кое-как прикрыты коврами. Посреди зала стояло штурманское кресло, на котором сидела молодая розовощекая женщина в длинном белом платье и в небольшой золотой, в изумрудах, короне.

За спиной женщины стояли два черных пирата с альбардами, а перед троном — десятка два брастаков.

Когда Крыс и Пашка вошли в зал, брастаки, как один, обернулись, и их глаза загорелись желтыми и оранжевыми искрами.

Увидев Крыса, женщина что-то спросила у него на непонятном языке. Крыс коротко ответил. Желтоглазые брастаки расступились, чтобы не попасть под ноги пирату.

Крыс обернулся к Пашке и сказал:

— Подойдите к трону. Госпожа мамаша пиратов, королева Брастака и повелительница Серой туманности, готова вас принять.

Пашка стоял в нерешительности. Мамаша должна была быть совсем не такой. Какой? Ну, с повязкой через глаз, в красном платке, кожаной куртке, цыганской юбке или кожаных штанах с пистолетами за поясом. Конечно, все это было пустое воображение. Разве в двадцать первом веке пираты такие же, как в шестнадцатом? Пашка сделал шаг вперед. Кланяться, что ли, надо? Кланяться он не мог — ходули не позволяли.

— Подходите, мы здесь без церемоний, — сказала мамаша приятным голосом. — Крыс, подай-ка гостье стульчик. А вы, остальные, брысь отсюда!

Желтоглазые брастаки опрометью кинулись во все стороны.

— Ну вот, — сказала мамаша, — остались только свои. Можно говорить без притворства. Вы не представляете, как мне надоели эти придворные фигли-мигли. Но приходится — политика.

— Да, вы есть совершенно правы, — сказал Пашка.

Крыс принес два стула, на один сел сам, другой подставил пилагейской туристке.

— А вы, говорят, тоже из хорошей семьи? — спросила мамаша.

Пашка залюбовался ее гладкой нежной кожей, длинными ресницами, фарфоровым высоким лбом. Даже удивительно, что у нее такой взрослый сын.

— Я есть двоюродная дочь хранителя государственной корзинки,— сказал Пашка.— Вы с ним незнакомы?

— Еще не приходилось встречаться. И как его драгоценное здоровье?

— Спасибо, не жалуется. А ваше как?

— Некогда думать о здоровье,— улыбнулась мамаша,— разве тут отвлечешься? Сразу всю планету растащат. Правда, сынок?

— Ничего не поделаешь, встречаются еще кое-где иногда недостаточно морально чистоплотные типы в наших рядах,— вздохнул Крыс.— Но в ближайшем будущем, я надеюсь...

— Всех перевешаю,— сообщила пиратская мамаша.— Дай только с делами разобраться.

Пашка потянул вниз юбку, чтобы женский глаз мамаши не увидел ходуль с резиновыми наконечниками. Ее-то не обманешь.

— Скажите мне, если это, конечно, не секрет, что вы носите в государственной корзинке?

— Вообще-то это секрет...— начал Пашка.

— Ну, между нами, государственными деятелями...

— Понимаете, когда-то, в свое время...

— Ты мне скажи, что сейчас.

— Сейчас папа в корзинке завтрак носит. Два яйца всмятку и термос с кофе.

— Так я и думала! — обрадовалась пиратка.— Везде обман, везде надувают простой народ. Ну, ты меня порадовала! Теперь за дело. Ты, говорят, драгоценности уважаешь?

— Я их коллекционирую,— сказал Пашка.

— Правильная коллекция. Я вот деньги коллекционировала. И ненавижу, когда их отменяют. На какой планете отменят — я сразу ее в черный список заншу. А теперь поумнела. Черт с ними, с деньгами, ты мне камушки давай. Правильно я рассуждаю?

— Разумеется.

— А ну-ка, сынок, принеси мне из сейфа сундук с камнями. Поглядим.

Крыс встал и вышел из зала. Пиратка тут же обернулась к одному из своих телохранителей и сказала:

— Бесноватый, голубчик, будь другом, проследи за моим сынком, чтобы он чего себе в карман не положил.

Телохранитель без единого слова поспешил следом за Крысом.

— Вы даже сыну не доверяете? — удивился Пашка.

— Никому не доверяй — вот наш пиратский принцип. У меня все подозреваемые. Кроме тех, кого я уже обвинила.

— И я?

— И ты. Я тебя черт знает в чем подозреваю. Может, ты и не пилагейка, а, допустим, парень и мой враг.

Пашка весь сжался. Неужели она догадалась? Нет, это была королевская шутка. Мамаша тут же расхохоталась, словно серебряные колокольчики зазвенели в зале. У Пашки даже мурашки по спине побежали от наслаждения. Он чувствовал, что влюбляется в мамашу, несмотря на разницу в возрасте.

— Какая вы красивая и обаятельная, — вырвалось у него.

— Мне многие это говорят, — сказала пиратша. — Что есть, то есть! Этого у меня не отнимешь. Но я и не дура.

Вошел, прижимая к животу тяжелый сундучок, мрачный как туча Крыс.

— Ну, мамаша, — сказал он, — не ожидал! Даже родного сына...

— Много он успел спереть? — спросила королева у Бесноватого, который шел следом.

Тот без слов разжал горсть и показал — там лежало три больших сверкающих алмаза.

— Передай сюда сундук, — сказала королева. — Ну что ты с ним будешь делать? Мальчишка еще. Не вешать же мне его. А может, повесить?

— Мамаша, — возмутился Крыс. — У нас гости.

— Сиди, сиди, я скорей вот этой пилагейке свой сундук доверю, чем тебе, паршивец. Давай сюда ключ от сейфа. Отпечаток снять не успел? Ну ничего, я сегодня вечером новый замок врежу. Так на чем мы остановились?..

Сангельской улыбкой она обернулась к Пашке.

— Вы хотели показать мне свои сокровища.

— Да, да, фамильные драгоценности, все время с собой вожу. От моей бабушки остались.

«Так я тебе и поверил!» — подумал Пашка, стараясь сбросить с себя наваждение. Уж очень доброй казалась красавица.

В сундуке было несколько шкатулок. Одна была доверху полна бриллиантов, вторая — изумрудов, третья — жемчуга, четвертая — голубых с красными искрами тритонитов, пятая — небесных сапфиров, шестая — малиновых альвейсов, седьмая — алых рубинов, восьмая — огненных краков, а дальше Пашка и счет потерял всем этим камням, серьгам, кольцам и брошкам. Пиратка словно впала в транс: не могла остановиться — раскрывала шкатулку за шкатулкой, доставала бриллиантовые ожерелья и приговаривала тихим голосом:

— Музейные вещи, уникумы, мы плохого не держим...

— Мамаша, — сказал наконец Крыс. — Время не терпит. Надо решать.

— А чего решать? — с трудом оторвалась от своих драгоценностей королева. — Красиво?

— Очень! — сказал Пашка. — За такие камни и душу продать не жалко.

— Хочешь, поделюсь? Вряд ли на своей Пилагее найдешь такой сундучок.

— Ах, разве можно сравнивать!

— Правильно, ты умная женщина. Okажешь мне небольшую услугу — поделюсь.

— Да за такие камни я готова двоюродную папу променять! — сказал Пашка. И тут ему стало стыдно перед населением планеты Пилагеи, которое он такими словами оклеветал, притом несправедливо. Нелегка доля шпиона.

Пираты переглянулись. Мамаша подмигнула сыну. Именно этого они ждали от пилагейки, так как люди часто судят о других по себе. И пираты, готовые на все ради грабежа, надеялись, что пилагейка не лучше их. И угадали.

— Я буду с тобой откровенна, — сказала мамаша. — У нас корабль сломался, а моему сыну надо срочно слетать на Землю.

— Ну и что? Пускай летит.

— У него нет билета, — сказала пиратка.

— Отдать ему мой?

— Ни в коем случае. Вы вместе полетите. Ты и он — под видом Алисы.

— Под видом Алисы?

— Конечно, у нее билет есть.

— А Алиса?

— Она останется. Забудь о ней. С тобой полетит Крыс. Под видом Алисы. А ты получишь камни.

— Не понимаю...

— Твое дело маленькое. Иди на корабль, как будто ты с Алисой лучшая подруга, и держи язык за зубами. О карантине ни слова! Ясно?

— Всего-то?

— А нам от тебя много не нужно. Крыс, принеси-ка маленькую шкатулку, у меня на туалетном столике стоит, понял?

— Мигом, мамаша,— сказал Крыс.

— А мы с тобой по маленькой,— сказала мамаша.— Употребляешь? Вообще-то я азотную кислоту предпочитаю, но за компанию могу и обыкновенного спирта принять.

Она хлопнула в ладоши, и тут же подошел пират с подносом, на котором стояла большая бутыль и два высоких бокала.

— Вы уж простите,— сказал находчивый Пашка,— но у нас на Пилаге другое пьют. Спирт нас не берет.

— Чего же такое вы пьете?

— Воду.

— Неужели? А я даже и притронуться к воде не могу — мутит. Так на вашей планете можно сесть на берегу речки и пьяный будешь?

— Нет, мамаша,— сказал фамильярно Пашка.— У нас с водой туго. У нас реки спиртовые. А воду в бутылках раздают.

— Как же я раньше не знала? Я бы на вас разбогатела. Возила бы к вам воду.— Она обернулась к Бесноватому: — Чего стоишь как истукан? Принеси-ка моей гостье стаканчик чистой воды, да покрепче.

— Мне рюмочки хватит,— сказал Пашка.

Они чокнулись — мамаша бокалом со спиртом, Пашка — с водой. Мамаша широко открыла рот и влила туда весь бокал, крякнула и заела грибком. Пашка осилил воду в два глотка, поморщился и сказал:

— Крепкая у вас водица!

— Чего же не закусываешь? — удивилась пиратка.

— Ничего, я завтра закушу. У нас такой обычай.

— Вот, мамаша,— сказал Крыс, входя с маленькой шкатулкой в руках.— Все как вы сказали.

— Молодец. Для нашей дорогой соратницы ничего не жалко.

Она забрала из первой шкатулки горсть бриллиантов, хотела пересыпать в маленькую шкатулку, которую привнес ей сын. Но потом отсыпала большую часть обратно, а что осталось, кинула с сожалением в шкатулку. Алмазы застучали о дно, как горох.

— Мамаша, не скучитесь,— сказал Крыс.

— Молчи,— возмутилась фарфоровая красавица,— не ты их зарабатывал, тебе легко чужим добром распоряжаться. Я зато побольше жемчуга насыплю. Жемчуг красивее.

Жемчуга она тоже пожалела, смогла рассстаться только с одним сапфиром: пришлось, чтобы заполнить шкатулку доверху, подарить Пашке носовой платок, подушечку для иголок, расшитую бисером, позолоченную брошку и нитку стеклянных бус. Пашка не спорил, старался не улыбаться, хотя раньше ему такой жадности видеть не приходилось.

— Вот держи,— сказала она наконец.— Сегодня я добрая. Бери, не стесняйся.

— Очень вам благодарна,— сказал Пашка.

— Но если ты на корабле пикнешь, мои люди тебя под землей найдут. Ясно?

— Ясно.

— Ну, ладно, пойду всхрапну. Еще вопросы есть?

— Я беспокоюсь за моя соседка Алиса. Желаю, чтобы она была здорова.

— Не беспокойтесь,— сказал Крыс.— Алиса довольна и счастлива. Следующим же кораблем она полетит домой. Слово пирата.

— А вам можно верить? — спросил Пашка.

— Как же не верить,— сказала мамаша.— Покажи ей Алису.

— Она в парке резвится.

— Покажи ее нам.

Крыс быстро ушел из зала.

Королева достала из-под трона небольшую подзорную трубу.

— Эй, Бесноватый,— сказала она,— раздвинь шторы. Пускай пилагейка на свою соседку поглядит.

Бесноватый раскрыл шторы.

За окном на лужайке была какая-то девочка.

— Ты смотри, смотри,— сказала королева, протягивая Пашке подзорную трубу.

Наклоняясь, чтобы сорвать цветок, и весело танцуя, реввилась Алиса в розовом платьице и с венком из ромашек на голове.

— Удовлетворена? — спросила королева.

— Да,— сказал Пашка.— Я пойду?

— Сейчас мой Крыс вернется — и пойдешь.

Бесноватый задернул шторы.

Ну что ж, подумал Пашка, Алису этот Крыс изображает довольно убедительно. Только забыл, что у нее розового платья и в помине нет. И уж тем более в такой момент она не будет скакать по лужайке.

Пашка вежливо пожал руку пиратской королеве.

— До встречи,— сказал он.

— Аре-вуар, как говорят французы,— улыбнулась королева и залилась серебряным смехом.— Шкатулку тебе доставят в гостиницу.

Г л а в а

12

МАЛЕНЬКАЯ ТЮРЬМА

Алиса сидела в тюрьме. Тюрьма была чистая, теплая, без клопов и тараканов, только пахло дезинфекцией и было невероятно тесно.

Поместили Алису в тюремной столовой. Из-за нее остальные заключенные остались без еды. Но даже по столовой Алиса могла передвигаться только на четвереньках, и то головой упиралась в потолок.

Тем более несладко было приставленному к ней стражу — усатому пирату Дучу, который улегся в тюремном коридоре, перекрыв путь к туалету, умывальнику и тюремному двору. Так что остальным заключенным пришлось отказаться от мытья и от прогулок.

Дуч лежал на холодном жестком полу и громко ворчал:

— И чего тебя сюда принесло? Ну, завоевали мы эту планету, потешились немножко, улетим, и дело с концом,

а из-за тебя мне самому пришлось стать заключенным. Представляешь, если сейчас мои соратники какой-нибудь музей чистят?

— Ну, они с вами поделятся,— отвечала Алиса через дверь.

А сама думала, как там Пашка, сумеет ли перехитрить пиратов? Если провалится, тогда все, планета Брастак погибла. И Алиса, конечно, погибла.

— Жди, поделятся! Это же не люди, а обезьяны. Дикари, варвары.

— Как вы плохо отзываетесь о своих товарищах!

— Пират пирату не товарищ. Да я к ним случайно пристал. По собственной слабости. Я — интеллигентный человек.

— Неужели?

Пират повернулся на другой бок, отпихнул ногой желтоглазого тюремщика, который хотел было прорваться мимо него по коридору, и продолжал:

— Летел я как-то мимо Серой туманности, и что-то в моем корабле сломалось. Опустился я на планете Дум-Дум, стал корабль чинить, высакивают из кустов какие-то дикари, тащат в пещеру, разжигают костер и собираются меня сварить.

— Не может быть! — воскликнула Алиса.

— Может, собственными глазами видел,— сказал пират.— Слушай, пленница, протяни руку на кухню, дай мне оттуда ведерко с водой. Спасибо. Может, прикрыть дверь, а то сбежишь, мне потом отвечать придется?

— Продолжайте, продолжайте,— сказала Алиса.— Очень интересно.

— Причиной такому безобразию,— сказал Дуч,— страшная удаленность той планеты от культурных центров Галактики. Там люди недавно произошли от обезьян и еще не имели никаких моральных устоев. Для них своего ближнего съесть даже не стыдно.

— И как же вы спаслись?

— Только меня стали в котел окунать, как входит в пещеру сказочной красоты дама.

— Красивая?

— Ослепительно. Она только что прилетела с другой планеты. Что-то не поладила со своим народом, пришлось ей с отрядом искать счастья — вот и наткнулась на диковину

планету, перестреляла вождей, запугала колдунов и стала править.

— А дальше?

— Меня в котел кладут, а я смотрю на королеву и любуюсь ее сказочной красотой. Увидела она выражение моих глаз, засмеялась серебряным смехом и говорит: «А ну-ка, отпустите этого несчастного. Мне нужны преданные и интеллигентные солдаты». Вот я и стал служить королеве.

— И стали пиратом?

— Не сразу, девочка, не сразу. Жизнь там была несладкая, суровая и неприхотливая. Что награбил у дикарей, тем и живешь. Иногда съездишь в соседний район, подавиши какое-нибудь восстание или пристрелишь бунтовщика, а так жизнь без культурных развлечений, карты, выпивка, драки...

— Так зачем же вы этим занимались? — удивилась Алиса. — Если были интеллигентом?

— Был. Работал в библиотеке, играл в теннис. Но какой у меня был выбор? Не будешь подавлять и убивать, отдадут тебя людоедам, они тебя сварят и съедят. Уж лучше я буду других варить...

— И есть?

— Ни в коем случае. Я, кстати, убежденный вегетарианец. Знаете, что это такое?

— Знаю. Овощами и фруктами питаетесь.

— Правильно. Овощами и фруктами. Редко-редко позволишь себе баранью отбивную, только в качестве закуски. Так что считайте, что я жертва несчастной и неразделенной любви к пиратской королеве.

— Какая уж тут любовь, — возмутилась Алиса. — Говорили бы, что струсили. Сами же объяснили — лучше быть палачом, чем жертвой.

— Эх, молодая ты, ничего в жизни не понимаешь, даже разговаривать с тобой неинтересно, — сказал пират Дуч, — скорей бы смена пришла, все бока отлежал, вот заработка из-за тебя радикулит...

Некоторое время они молчали.

Нет, думала Алиса, Пашке одному не справиться. Надо что-то делать. Не одна она в этой тюрьме сидит...

Алиса тихонько постучала в стенку.

Тут же послышался ответный стук.

— Ты чего там? — спросил пират. — Не стучи, а то

я тебе по голове постучу, с меня спрос маленький, я рядовой солдат.

— Бывший библиотечный работник,— поправила его Алиса.

— Что было, то прошло. Кстати, чем меньше думаешь, тем здоровее становишься. Наверно, я долго проживу.

— А как же вы на Брастак попали? — спросила Алиса. В то же время она старалась придумать, как объяснить соседям, кто она такая. Ведь она не знает их азбуки.

— Проще простого,— сказал Дуч,— у нашей королевы сынок есть по имени Крыс, известный бандит в галактическом масштабе.

— Знаю его,— сказала Алиса.

— Ну вот, почему-то они с мамашей не сжились, разошлись их разбойничьи дорожки. Но когда плохо пришлось Крысу, добрался он до нашей дикой планеты и сказал мамаше: «Чего ты проводишь свои лучшие годы в безделье и мелком разбое? Вся Галактика лежит у наших ног, только надо как следует за это дело взяться». Показал он мамаше некоторые свои трофеи и уговорил ее ограбить какую-нибудь мирную планету. Его план всем нам понравился. Сели мы на корабль Крыса, рванули сюда — и все вышло по-нашему. Вот только без меня сейчас грабеж идет.

— Так идите грабьте,— сказала Алиса.— Я все равно отсюда не выберусь. Заперто же.

— Не уговаривай, мамаша мне этого не простит...

— А как же вам удалось так неожиданно планету захватить? — спросила Алиса.— Говорят, что никто и опомниться не успел.

— Это наш Крыс придумал,— сказал пират.— Он же умеет в кого угодно превращаться...

— Но ему одному бы не справиться...

— Ни в коем случае...— вдруг пират осекся и сказал сердито: — Ты что, хочешь меня на виселицу взгромоздить? Зачем государственные секреты выведываешь? Ах ты, недаром тебя сюда притащили! Еще минута — и я бы попался!

— А я и не спрашивала,— сказала Алиса.— Я же разговаривала с вами как с бывшим интеллигентным человеком, а теперь принципиальным негодяем.

— Ну уж, какие там принципы,— сказал пират.— Обстоятельства, а не принципы.

— А чего вы отсюда не улетаете? Ну, награбили, набедокурили, пора бы и домой.

— Тут никакой тайны нет,— сказал Дуч.— Дело в том, что у нас всего один небольшой корабль, а награбили мы столько, что на двадцать лайнеров хватит. И как нам прикажешь отсюда улетать?

— Лучше всего вернуть награбленное, извиниться и уйти.

— Вот и видно, что нет в тебе романтики. Кто же это по доброй воле отказывается от награбленного? Мы не учли, что в их корабли нам не уместиться. Вот нам и нужно какой-нибудь другой корабль захватить. Завтра сюда подойдет лайнер, который к Земле летит, мы его и захватим. Сейчас мамаша твою соседку в шляпе с цветами обрабатывает, драгоценности ей сулит, чтобы она помогла нам на корабль пробраться... А тебя изолировали. Ясно?

— Куда как ясно,— сказала Алиса и подумала: «Только бы Пашку не разоблачили. А то подойдет завтра к планете ничего не подозревающий лайнер...» — А если команда будет сопротивляться?

— У нас закон строгий, кто не с нами, тот против нас — и сразу к стенке. Ну, ладно, посплю часок.

Алиса поняла, что должна любой ценой отсюда выбраться. Любой ценой. Корабль в опасности! А Пашка об этом не знает!

Пират в коридоре засопел, видно, задремал.

— Кто здесь? — прошептал тихий голос.

— Это я, Алиса. Я с Земли, меня захватили пираты.

— Алиса? Вот встречал я — Рррр. Меня сегодня утром поймали. А завтра нас всех хотят расстрелять.

Голос Рррр доносился из-под потолка, где была вентиляционная решетка. Алиса подползла поближе.

— Вы слышали,— спросила она,— что говорил пират?

— Да. Надо предупредить корабль.

— На свободе остался мой друг, но он один не может справиться с пиратами. Мне надо обязательно бежать.

— Потерпи,— сказал Рррр,— до ночи мы обязательно что-нибудь придумаем.

Глава 13

БЕГСТВО

Время в камере тянулось медленно. Алисе казалось, что она сидит там уже несколько суток. Наконец за единственным, решетчатым окошком стемнело. Алисе слышно было, как в коридоре гремят посудой,— это желтоглазые тюремщики притащили Дучу поесть. Алису покормить забыли, да она и не стала у них просить, хоть страшно была голодна. Дуч все ворчал, страдал, что его не подменяют, а потом стал считать награбленные драгоценные камни и перекладывать их из кармана в карман.

За окошком вышла луна. Алиса опасалась разговаривать со своими соседями по тюрьме, чтобы Дуч не услышал.

Наконец-то из коридора послышался храп. Дуч заснул.

— Все в порядке,— услышала Алиса голос Рррр,— нам удалось подсыпать ему в ужин снотворного. Его до утра пушкой не разбудишь. Тюремщики тоже спят. Держи ключ от главной двери.

Через решетку пролетел маленький ключик, меньше ногтя. Алиса осторожно подхватила его.

— Ползи направо, доберешься до конца коридора...

— А вы?

— Наша камера закрыта снаружи на засов, нам не выйти.

— Неужели я вам не могу помочь?

— Не думай о нас — в твоих руках судьба всей планеты. Спеши, скоро смена караула, тебя хватятся.

— Нет,— сказала Алиса,— так не годится. Я убегу, а вас казнят. Скажите, где дверь вашей камеры?

— Ты рискуешь.

— Скорее.

— Выход из столовой, в которой ты сидишь, в один коридор, а из нашей камеры в другой.

— Скорее!

— По коридору налево, потом еще раз налево и еще раз налево. Нет, тебе не успеть...

Дальше Алиса не слушала. Она отворила пошире дверь столовой. Дуч хрюпал, улегшись во всю длину ко-

ридора. Нелегко было отодвинуть тяжелого пирата к той стенке, он во сне сопротивлялся, бормотал сквозь зубы о не сданных вовремя книгах и грозился принять меры. Наверно, во сне он возвращался в старые добрые времена, когда работал в библиотеке.

За поворотом коридор был еще уже, два котенка еле бы там разошлись, да притом он был коротким — ноги Алисы были еще в большом коридоре, а голова уткнулась в стенку другого. Ей даже показалось, что она застяла. Навсегда. Она сосчитала до десяти, чтобы не волноваться. Нет, застrevать в коридоре брастакской тюрьмы никуда не годится. Скоро ночь кончится, вот-вот смена придет...

Алиса так разозлилась на себя и на эту дурацкую тюрьму-недомерок, что даже не заметила, как изогнулась и оказалась за углом. Вот и дверь, закрытая на засов.

— Рррр,— прошептала Алиса.— Ты меня слышишь?
За дверью раздался мягкий топоток.

— Ты уже здесь, Алиса?

— Сейчас открою засов.

Как бы теперь руку освободить — локоть застял. Наконец-то! Засов поддался не сразу. Дверь отворилась, а оттуда вывалилось сразу десять брастаков. Алисе показалось, что она сейчас задохнется, брастаки пытались протолкнуться между ней и стеной, карабкались на плечи, щекотали лицо...

— Опомнитесь! Возьмите себя в руки! — крикнул Рррр.— Алиса, как ты себя чувствуешь? Сможешь ползти задом наперед?

— Попробую,— сказала Алиса, отталкиваясь локтями, чтобы двинуться назад. Но ничего из этого не вышло. Брастаки взволнованно перешептывались.

— Тroe, забирайтесь за поворот,— приказал Рррр,— будете тащить Алису за ноги. Остальные вместе со мной толкают Алису отсюда. Понятно? Начали!

Ощущение было не из приятных — брастаки облепили ее, как лилипуты Гулливера, исцарапали лицо, чуть не вырвали волосы, изодрали в кровь щиколотки, но еще больше заклинили Алису. К тому же Алиса поняла, что где-то поселяла ключ от тюремных ворот.

— Стойте,— сказала она,— так дело не пойдет. Сначала надо ключ найти, возьмите его и бегите. Может,

кто-нибудь из вас сумеет предупредить корабль...

— А ты?

— Мне придется дожидаться пиратов, чтобы они меня выволокли.

— Ни за что,— сказал Рррр.— Мы тебя не бросим.

— Ну что мне с вами делать! — рассердилась Алиса.— Неужели вы не понимаете, что главное сейчас — спасти планету...

— Мы это понимаем,— сказал Рррр.— Но не можем бросить тебя в беде.

— Я с вами с ума сойду,— сказала Алиса.

Где же этот ключик? Она изо всех сил старалась встать на четвереньки, уперлась спиной в потолок, да так сильно, что потолок вдруг поддался, пошел вверх с таким скрипом и скрежетом, что, наверно, перебудил весь город.

Какое удивительно приятное чувство, когда ты можешь наконец разогнуться. Алиса поднялась во весь рост, и крыша тюрьмы свалилась с ее спины прямо в тюремный двор.

Ночь была темная, лунная, у горизонта, за морем маленьких домов, появилась уже розовая полоска зари. Алиса взглянула себе под ноги, спасенные ею брастаки съежились на полу, потрясенные страшной катастрофой.

— Ну вот,— сказала Алиса.— Теперь нам ключ не нужен.

Часть тюрьмы, с которой слетела крыша, казалась сверху кукольным домом. В двух метрах от Алисы в открытом сверху коридоре, словно в ящике, лежал, похрапывая, пират Дуч.

— Брастаки,— сказала Алиса,— побежали! Вам помочь?

— Мы сами,— сказал Рррр,— мы умеем прыгать.

Через три минуты все они были уже на свободе. Полделя сделано.

— Дальше куда? — спросила Алиса.— Где космодром?

— Отсюда далеко,— ответил Рррр.— Я пойду с тобой. Остальные скроются у друзей и родственников.

— До свидания,— сказала Алиса брастакам, окружившим ее.

— Успеха тебе, Алиса,— ответили нестройным хором брастаки и по знаку Рррр бросились во все стороны, прижимаясь к стенам домов.

Тюрьма была выше Алисы, так что закрывала вид на ту сторону. Зато с другой стороны перед глазами были бесконечные крыши. Здесь на окраине города дома были невысокими, через некоторые Алиса без труда могла бы перешагнуть.

— Надо скорее выбраться из города,— сказал Рррр.— Мы дождемся утра в лесу.

Алиса поспешила за брастаком. Она забыла, что если видит далеко вокруг, то и ее видно. Сзади донесся крик.

— Пригнись! — сказал Рррр.

Алиса обернулась.

Совсем недалеко, возвышаясь по пояс над окраинными домишками, стоял пират и глядел на нее.

Алиса пригнулась и бросилась вперед.

Впереди уже были видны первые деревья.

Луч бластера пронзил синий рассветный воздух.

— Держи ее! — закричал пират.

Алиса всей спиной ощущала, как он снова целился в нее. Она не выдержала и присела на корточки. Но выстрел не последовал — вместо этого донеслись страшные проклятия.

Вскочив снова на ноги, Алиса кинула взгляд назад. Оказалось, что пират в спешке не посмотрел под ноги и, споткнувшись о дом, рухнул во двор — только ноги в черных сапогах торчат кверху.

А еще через десять минут Алиса с Рррр, перебравшись через небольшой ручей и скрывшись в густой чаще, свалились в мягкий высокий мох и долго не могли отдохнуться.

— Теперь можно часа три-четыре поспать,— сказал Рррр.— Здесь нас никто не найдет. Не бойся, Алиса, я тебя разбужу.

— А далеко отсюда до космодрома?

— За час дойдем.

Глава 14

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА КОСМОДРОМЕ

— Ваше дамское превосходительство,— разбудил Пашку голос Мммм,— пора вставать, скоро прибывает катер. Корабль «Аристотель» уже вышел на орбиту нашей планеты.

Первым порывом Пашки было вскочить — но, к счастью, он успел сообразить, что спит без парика и черных очков, ходули лежат под кроватью... Он натянул одеяло на голову и возмущенно закричал в узкую щель:

— Это есть возмутительно! Я, чужестранная женщина, не есть одета, отыхаю с обнаженная голова, а мужчина ходит по мой квартира. Вон отсюда!

— Простите.— Пашке видно было, как Мммм пятится к двери.— Но я стучал, а вы не откликнулись...

— Закройте за собой дверь, плебей! — закончил Пашка свой монолог.— Чтоб я вас больше не видела.

А из-за двери донесся дрожащий голос:

— А вставать все-таки придется, придется. Вы уж простите, госпожа.

— Ладно, встаю. Вы лучше бы о завтраке побеспокоились.

Пашка быстро умылся, привел себя в порядок. Потом разрешил брастаку принести завтрак.

— Как остальные, готовы? — спросил он, пока Мммм, стоя на задних лапах, расставлял на столике чашки и тарелки.

— Все в порядке, благородная госпожа,— сказал Мммм.— Я очень польщен, что вас выделила своим вниманием сама госпожа королева пиратов. Она приказала доставить вам шкатулку с драгоценностями. Шкатулку я поставил на столик у кровати.

— Ах да, шкатулка! — Пашка бросил на нее взгляд, но открывать не стал, а вместо этого спросил: — Как там моя соседка поживает? Надеюсь, ничего с ней не случилось. Мне было бы жалко ее, такая милая девочка.

— Ничего в ней милого нет,— сказал Мммм.— Гигантское шумное существо, притом служит чужому делу.

— С ней все в порядке?

— А что? Вам что-нибудь известно?

— Что мне может быть известно, если я спала?

— Ну, тогда и не думайте об этом,— раздался голос Крыса.

Пиратский сын вошел в комнату, поскрипывая кожей мундира, отбросил сапогом с дороги Мммм, присел в кресло.

— Кончай скорее, пилагейка,— сказал он, улыбнувшись тонкими, нитяными губами.— Помнишь наш вчерашний уговор?

— Помню, помню,— сказал Пашка, давясь лепешкой,— вы мне, я — вам.

— И не вздумай шутить. Земляне на корабле у тебя в случае чего все драгоценности отнимут. А что касается нас, дорогая, то руки у космических пиратов длинные. Я лично явлюсь к тебе, чтобы придушить. Я непобедим, потому что я — зло. Добро без зла существовать не может, а то не с чем сравнивать.

— Ну зачем угрозы? — сказал Пашка.— Неужели нельзя договориться по-дружески?

— По-дружески нельзя. Совершенно исключено. Друзей в нашей профессии не бывает. Пошли.

Пашка подхватил свою сумку, в другую взял Алисину.

Крыс внимательно наблюдал за ним, прищурив белые глаза без ресниц.

— Ты чего чужое хватаешь? — спросил он тихо.— Думаешь с ней еще раз встретиться? Не выйдет. Мы ее все равно поймаем.

У Пашки все внутри пустилось в пляс — поймаем! Значит, Алиса убежала!

— Я не чужое,— сказал он, стараясь скрыть улыбку.— Я в надежде...

— На что?

— На то, что вы ее поймаете. Зачем ей тогда сумка? А мне она пригодится. Понятно, пират?

— Не шутишь?

— Хватай, что плохо лежит,— сказал Пашка.— Никому не доверяй, обходись без друзей. Вот мой принцип.

— Вот баба! — обрадовался Крыс.— Ну, не ожидал. От простой туристки не ожидал. Хотя, впрочем, у моей мамаши был солдат Дуч, усатый такой, ты его видела. Он раньше библиотекарем работал. Мирная профессия. А у нас считался первым головорезом.

— А почему «был»?

— Он Алису стерег. И не устерег.

— И что?

— А ничего, не задавай лишних вопросов, а то скоро состаришься и потеряешь свою неземную красоту.

Пашка с сумками в руках заковылял к двери.

— Постой, совсем рехнулась. За копейкой гонишься, а тонну золота теряешь. Оглянись, ничего не забыла?

— Нет, все со мной,— сказал Пашка.

— Смущаешь ты меня,— сказал Крыс.— А шкатулку с драгоценностями я за тобой таскать должен?

— Ах, склероз, склероз,— спохватился Пашка,— самое главное чуть не забыла!

Он вернулся, положил шкатулку с драгоценностями, подарок пиратской мамаши, к себе в сумку. Ну и ругал же он себя — всегда разведчики на мелочах попадаются.

Пашку отвезли на космодром в государственном рывдане. Крыс сидел рядом, хмурился и ворчал:

— Эх, эти мамины причуды. Вышли бы в космос, взяли бы лайнер на абордаж без этих тонкостей. Чего не выношу — это тонкостей.

— А вдруг лайнер вооружен? — спросил быстро Пашка.— На нем должны быть лазеры и метеоритные пушки.

— Да ты не слушай, я так рассуждаю. Все равно мамаша мне корабля нашего не доверит, хоть он и мой по праву. Боится, что смоюсь на нем со всеми драгоценностями. И до чего она у меня подозрительная, ты и не представляешь!

— Представляю,— сказал Пашка.— Еще как представляю. Сама такая.

Машина остановилась на краю поля, у здания космовокзала. Там в тени скрывалось несколько пиратов.

— А ну, прячьтесь! — прикрикнул на них Крыс.— Не демаскируй!

— Да еще нет никого, господин принц.

— Когда увидят, поздно будет. Они могут сверху наблюдать.

Пираты, огрызаясь, ушли в здание. И вовремя. Над полем медленно снижался автоматический катер.

Пашка взглянул на Крыса. И опять не уловил того момента, когда пират исчез. Вместо него рядом стояла Алиса в розовом платьице, с цветочком в руке.

— А ну-ка, дай сюда мою сумку,— сказала Алиса.
— Она не твоя, а настоящей Алисы.
— Ты у меня поговори!

Пашка не стал спорить. Пускай несет. Он не спускал глаз с катера. Хоть бы кто-нибудь прилетел на нем.

— Пошли,— сказал Крыс и первым вышел на залитое солнцем поле. За ним — Пашка.

Люк катера открылся. Из люка кто-то вышел.

— Серая туманность! — воскликнул Крыс.— Еще чего не хватало. Нам ведь сообщили, что ни одного пассажира на Брастак нет.

Пашке бы помолчать, но язык — его враг.

— Это же робот,— сказал он.— Робот-стюардесса. Неужели не отличи...

Он осекся, но было поздно.

— Ах, робот! — сказал Крыс.— Ну и замечательно. Люблю роботов.

Стюардесса улыбнулась пассажирам.

— Добро пожаловать,— сказала она,— на корабль «Аристотель». Но кто из вас Алиса Селезнева?

— Я,— сказал Крыс, выходя вперед,— я возвращаюсь на Землю к папе и маме.

— Проходи, девочка,— сказала стюардесса.— Ты есть в списках пассажиров.

Пашка только тут сообразил, что у него нет билета. А вдруг его не пустят в катер? Этого нельзя допустить.

— Я есть пилагейская туристка,— сказал он,— я отстала от своей группы.

— Первый раз вижу одинокую пилагейскую туристку,— сказала стюардесса,— представляю, каково вам пришлось! Но ведь наш корабль летит на Землю. Не лучше ли вам подождать следующего?

— О нет! — воскликнул Пашка,— я не терплю одиночества.

Стюардесса отступила на шаг в сторону, чтобы пропустить пассажиров в катер, но тут послышался приближающийся треск мотора и длинный гудок. К катеру неслась низкая брастакская машина, на крыше которой, уцепившись за края открытых окошек, лежала Алиса. Машина резко притормозила у катера, Алиса спрыгнула, и машина умчалась дальше. Вслед ей от здания вокзала

потянулись раскаленные лучи бластеров — это опомнились пираты.

Крыс, который уже вошел было в катер, оглянулся и замер. Стюардесса крутила головой, стараясь понять, что произошло. Один Пашка не растерялся. Он наклонился вперед и кинулся на Алису в розовом платье, чтобы она не успела превратиться в Крыса. Крыс потерял равновесие и влетел в катер, Пашка за ним. И тут же в катер вбежала настоящая Алиса. Пока Пашка старался подняться на ноги, проклиная неуклюжие ходули, Крыс успел отпрыгнуть к стене, превратиться в пирата и выхватить бластер.

— Считаю до трех,— сказал он Алисе.— Или ты выметаешься из катера, или я выбрасываю твой труп. Раз... Два...

— Господин Крыс! — закричал Пашка.— Это не есть цивилизованно! Я буду жаловаться!..

— Ты у меня тоже вылетишь из катера,— сказал Крыс.

А настоящая Алиса стояла спиной к пульту управления катером.

— Ну, пошевеливайся! Второй раз от нас не уйдешь!

Алиса начала продвигаться к выходу. Догадается ли она нажать на кнопку тревоги, думал Пашка.

У двери стояла стюардесса. Ее розовое искусственное лицо улыбалось — стюардессы всегда улыбаются.

— Прошу занять свои места,— сказала стюардесса, словно командовала самым обычным полетом.

— С дороги! — крикнул Крыс роботу.— Эта девчонка с нами не летит.

— Невозможно,— улыбнулась стюардесса,— у нее есть билет. Это — Алиса Селезнева.

— Я тебя расстреляю! — закричал Крыс.— С дороги!

— Меня нельзя расстрелять,— сказала стюардесса.— Меня нельзя уничтожить бластером, пушкой, лазером, мазером и прямым попаданием метеорита. Советую вам занять места.

— Долой! — Пират начал стрелять в стюардессу, но улыбка так и не пропала с ее лица. В кабине стало жарко.

— Прекратите,— сказала стюардесса.— Вы можете повредить стены кабины, а так как мы уже находимся в высших слоях атмосферы...

— Где? — у Крыса даже рука опустилась.

— Это есть автоматический катер. Он уже приближается к кораблю.

Крыс стоял неподвижно.

— Давайте сюда оружие,— сказал Пашка,— а то и в самом деле стены кабинны повредите.

— Нет,— сказал Крыс.— Игра еще не кончена.

Он положил бластер на стол и снова превратился в Алису.

Но Пашка, который внимательно следил за пиратом, увидел, что бластер оставлен без присмотра, кинулся к нему и успел схватить раньше, чем ложная Алиса протянула к нему руку.

— Отдай сейчас же, пилагейская дура. Все равно у тебя все драгоценности отнимут.

Он прыгнул на Пашку, они покатились по полу, а бластер отлетел в сторону. Алиса бросилась к Пашке на помощь, и неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, но стюардесса ласковым голосом, словно привыкла к таким дракам в своем маленьком катере, сообщила:

— Катер прибыл к кораблю «Аристотель». Прошу пассажиров перейти на корабль.

Люк отлетел в сторону, словно кто-то рванул его с той стороны. В проеме люка стоял космонавт в форме капитана Глубокого космоса.

— Прекратить драку! — сказал он тихо.— Дети!

Пашка поднялся на ноги. Конечно, в глазах капитана это все выглядело детской дракой. Две одинаковые девочки и странное существо в платье пилагейки, но без парика, а со стриженою мальчишеской головой.

Капитан наклонился и поднял бластер.

— Откуда вы добыли оружие? — спросил он.

За его спиной стояли еще два космонавта.

— Мы не дети,— сказал Пашка.— Вот эта девочка — известный космический пират Крыс.

— Какая? — поморщился капитан.

Пашка и Алиса показали на Крыса, а Крыс — на Алису.

— Кто из вас нажал на кнопку тревоги? — спросил капитан.

— Я,— сказала Алиса.— Но без Пашки я бы не спряталась.

— Пашка? — спросил Крыс.— Какой еще Пашка?

Пашка приподнял подол юбки, и все увидели, что он стоит на ходулях.

— Никакая я не пилагейская туристка.

— Предатель! — закричал Крыс.— Какую змею мы пригрели с мамой!

— Теперь вы верите? — спросила Алиса у капитана.

Вторая Алиса, что в розовом платье, сказала:

— Я сдаюсь. Я — космический пират Крыс, и запираться нет смысла. Я проиграл. Где здесь у вас тюрьма?

— Предупреждаю, — сказал Пашка, подхватывая с пола свою сумку, — он может превратиться в кого угодно, даже в вас, капитан. Посадите его в такую каюту, где даже маленькой щели нет.

— Это правильно, — сказала девочка в розовом платье, — меня нужно тщательно сторожить.

Глава

15

ВРОДЕ БЫ ВСЕ УДАЛОСЬ...

Наверно, полчаса пришлось все объяснять капитану, а тем временем судовой доктор, задумчивый, похожий на садовую лейку, перевязал Алисины ссадины и царапины. Капитану не легко было во все поверить, — за двадцать лет, которые он водил космические корабли на дальних трассах, ему не приходилось сталкиваться с такой дикой историей: шайка пиратов захватила целую планету и еще собирается взять в плен мирный лайнер.

Надо было принимать решение. Капитан приказал радиstu передать срочную гравиограмму — через час ее получат на Земле, еще через час — в Галактическом совете. Пока суд да дело, корабль продолжал кружить на орбите вокруг планеты.

В ожидании указаний из Галактического совета капитан приказал привести к нему пирата.

Крыс смирно встал у двери. Он все еще изображал Алису в розовом платьице.

— Пускай Крыс перестанет притворяться, — сказала Алиса. — Мне неприятно, что он похож на меня.

— Разумеется, — быстро ответил Крыс Алисным голосом. — Но ведь все кого-то изображают. Твой друг

Пашка не только пилагейскую туристку изображал, но и готов был всех предать.

— Я и не думал предавать,— улыбнулся Пашка, который сидел в своем обычном мальчишеском виде.— Вы о военной хитрости когда-нибудь слышали?

— Я обо всем уже слышал,— ответил пират.— И уверен, что, если бы мы победили, ты бы остался пилагейкой и присоединился бы к нам, как бывший библиотекарь.

— Эх,— махнул рукой Пашка,— он ничего не понимает в дружбе.

— Дружбы не бывает,— сказал Крыс,— кто сильнее, тот и друг. Это же и червяку ясно.

— Хватит,— сказал капитан.— Психология у вас, прямо скажу, отвратительная, и прошу вас вернуться в свой облик.

— Пожалуйста,— сказал Крыс и превратился в профессора Рррр.— Пожалуйста, сколько угодно.

— Опять не то,— сказала Алиса.

— А кто знает, какой у меня обычный вид? — спросил Крыс.— Я так далекошел на пути порока и преступлений, что уже все забыл. И это не удивительно. Наверно, я сам бы испугался, увидев себя в естественном виде. Не все ли равно, на кого я похож. Главное, я сдался и готов отвечать на любой вопрос. Никого не пожалею.

— Даже собственную маму? — спросила Алиса.

— А уж ее тем более,— сказал Крыс,— нет более отвратительного существа на свете, чем моя мамаша. Это она дала мне в детстве порочное воспитание. Я мог бы стать космонавтом, инженером, садовником, но воспитание не оставило мне выбора — я стал преступником. И поздно раскаиваться.

Все увидели, как из единственного голубого глаза лже-Рррр выкатилась большая зеленоватая слеза.

— Не обращайте внимания,— сказал он и закрылся лапкой.— Глаз у меня чужой, но слезы мои настоящие.

— Куда вы намеревались лететь? — спросил капитан.

— Домой. Но уверяю вас, мы бы по дороге обязательно передрались. Так у нас всегда бывает. Мне, можно сказать, повезло, что я к вам в плен попал. Все-таки живым останусь. И еще со временем перевоспитаюсь. Как вы думаете, капитан, для меня еще не все потеряно? Могу ли я искупить свою вину честным трудом?

— Не верьте ему, капитан,— сказала Алиса.

— Но ведь каждый может перевоспитаться, если он захочет,— сказал добрый доктор, похожий на лейку.— Я знаю несколько таких случаев...

— Капитан,— в дверь заглянул радиост.— Получен ответ из Галактического совета.

— Покажи,— сказал капитан.

Радист протянул ему гравиограмму. Капитан прочел ее и сказал:

— Нам предписывают оставаться на орбите до прилета патрульного крейсера.

— Почему? — спросил доктор.— Чтобы передать им пленных?

— Пираты могут удрать с планеты на своем малом корабле, бросив добычу. Если они это сделают, мы должны узнать, куда они направляются...

— Но у нас на борту пассажиры...— сказал доктор.

— Корпус нашего «Аристотеля»,— сказал капитан,— сделан из суперсплава. Нам пиратские пушки не страшны.

— А когда прилетит патрульный крейсер? — спросил Крыс.

— Это вас не касается,— сказал капитан.— Не верю я вашему раскаянию.

— Вы ошибаетесь, капитан,— сказал печально Крыс, вытирая слезы.— Я искренне раскаялся.

Крыса увели...

Алиса с Пашкой пошли обедать в кают-компанию. За соседним столом сидела компания пилагейских туристок. При виде их Пашка шепнул Алисе:

— Если бы они знали...

— Еще не поздно,— сказала Алиса.— Может быть, тебе стоит переехать на Пилагею. Сойдешь там за своего.

— Я подумаю,— сказал Пашка.— Расскажи мне теперь, как ты из тюрьмы убежала.

Когда Алиса кончила свой рассказ, она сказала:

— Скорей бы крейсер прилетал. Ты не представляешь, как я беспокоюсь за брастаков.

— Это зависит от того, в каком он сейчас секторе. Капитан сказал мне, что ожидает его завтра.

— Страшно представить, как пираты злобствуют. Они, наверно, уже догадались, что Крыс попался. Как ты без меня жил?

— Познакомился с красавицей.

— С какой еще красавицей?

— С пиратской мамашей,— сказал Пашка.

Пилагейские туристки вдруг затараторили. Показывали пальцем на пол. Там бежал большой черный таракан.

— Гадость какая,— сказал Пашка.

— Насекомое как насекомое,— сказала Алиса.— Конечно, на корабле ему не место. Надо доктору сказать — на кухне, наверно, завелся. Ну, продолжай.

Таракан на мгновение задержался, глядя на Алису, потом быстро побежал дальше, к каютам.

Пашка продолжал:

— Пиратская мамаша решила меня подкупить — ей надо было, чтобы я не выдал Крыса. Она даже поделилась со мной награбленными драгоценностями.

— Какими еще драгоценностями?

— Алмазами, жемчугом. Компот допьешь, покажу. Целую шкатулку мне подарила. Только я подозреваю, что потом она все камни подменила на стекла. Иначе зачем она мне ее сразу не отдала, а только потом прислала?

— Смотри, не забудь отдать камни брастакам.

— На что мне чужие драгоценности?

Алиса быстро допила компот.

— Пошли.

Пашка выплюнул косточку и тоже встал.

Но они не успели дойти до дверей кают-компании. В дверях стоял пират. С бластером в руке.

— Ни с места,— сказал он,— всем оставаться на своих местах. Корабль захвачен.

Глава

16

ПОЛНАЯ ШКАТУЛКА ПИРАТОВ

Отодвинув пирата в сторону, в кают-компанию вошла женщина изумительной красоты, с плеткой в руке. Лицо ее казалось фарфоровым, курчавые черные волосы спадали на плечи. Фарфоровые голубые глаза отыскали Пашку.

— Подойди сюда, мальчик,— сказала она нежно и засмеялась, словно зазвенели серебряные колокольчики.

Пашка подошел. Он ничего еще не понимал.

Пиратская мамаша медленно подняла руку, и хлыст взвизгнул в воздухе. Пашка схватился за щеку рукой, но не закричал. Стиснул зубы. Снова свистнул хлыст — красная полоса протянулась через руку Пашки.

— Я тебя научу, мерзавец,— сказала мамаша,— как обманывать королеву. Вот какая ты туристка!

— Мамаша,— сказал Крыс, входя в кают-компанию и отбрасывая кулаком Алису, которая кинулась на помощь Пашке.— Мамаша, зачем такие жестокости, не принятые в цивилизованном мире? Мы должны благодарить этого наивного мальчика, а ты его наказываешь.

— Поблагодарить я его всегда успею, а вот обмана не терплю, ты же знаешь.

Снова свистнул хлыст. Пашка от боли упал на колени.

— Успеете, всему свое время. Каждая минута на счету. Пока перегрузим добро да улетим, полдня пройдет, а патрульный крейсер уже в пути.

Пилагейские туристы тараторили на своем языке, никак не могли понять, что к чему. Пираты загоняли в кают-компанию других пассажиров и членов экипажа. Последним ввели капитана. Он был связан и жестоко избит.

Доктор-лейка увидел, что Пашка весь в крови, и нагнулся над ним.

— Как не стыдно,— сказал он,— взрослая женщина...

— А тебе я ноги отломаю,— сказала королева пиратов.

— Мамаша, он доктор, он нам пригодится.

— Я нового себе куплю.

— А твой радикулит?

— Ладно, пускай живет. Мы его с собой возьмем. Где шкатулка? А то все камушки растищат.

— Здесь, госпожа,— сказал пират Бесноватый,— протягивая королеве шкатулку, которую она подарила Пацке.

— Может, кто-нибудь интересуется, как мы сюда попали? — спросила королева и усмехнулась.— Проще простого. Благодарите этого гадкого мальчишку. Он свою роль играл, а мы — свою. Мы понимали, что Крысу вряд ли удастся захватить целый корабль, и решили: пускай его захватят в плен. Непонятно? А ну-ка, Бесноватый, подойди сюда.

Королева поставила шкатулку на стол, открыла ее, выгребла оттуда камни, высыпала себе за корсет белого платья и откинула дно шкатулки.

Дно оказалось двойным.

— Эта шкатулочка досталась мне по наследству от дедушки, а он ее выкрал из склада Космических скитальцев, которые уже миллион лет назад улетели в соседнюю Галактику. Бесноватый, на стол!

Бесноватый взобрался на стол.

— Покажи им, миленький!

Бесноватый поставил в шкатулку ногу, и все увидели, как его нога уменьшилась и исчезла, и вскоре он весь скрылся в шкатулке.

— Теперь он стал размером в ноготь,— сказала королева.— И ждет своего часа. Как мы все ждали. Так что ваш Пашка нас собственными руками на корабль пронес.

— А когда меня в каюту посадили,— сказал Крыс,— я в таракана превратился, в щелку выскочил, у всех на глазах прошел к Пашке, достал шкатулку, открыл и выпустил наружу тридцать пиратов во главе с моей мамашей. Оп-ля-ля!

— Представление окончено,— сказала мамаша, подняла шкатулку, опрокинула ее, и оттуда вывалился на пол Бесноватый.

— Можно бы и поосторожнее,— проворчал он.

— Я пошел на мостик,— сказал Крыс,— сейчас подойдет наш кораблик. Мы начнем перегружать добро на «Аристотель». Все пассажиры останутся на Брастаке, так что собирайте вещички. Команда тоже. С собой мы возьмем только мальчишку. У нас с ним особые счеты.

— И доктора,— сказала мамаша.— Меня радикулит замучил. Все время в походах, в набегах — сквозняки и ветры...

Только тогда Алиса вдруг догадалась:

— Так вот, значит, как вы планету Брастак завоевали!

— Молодец, девочка, умница,— сказала королева.— Крыс со шкатулкой под видом брастака всю планету обхеял и всюду наших людей оставлял. Потом по моему сигналу пираты вышли из своих укрытий.

— Королева,— сказал доктор, похожий на лейку,— я как врач говорю вам, что этот молодой человек нуждается в медицинской помощи. У него кровоточащие раны. Я намерен его перевязать.

— Ничего, до свадьбы заживет, а мы ему еще добавим,— усмехнулась королева.

— Я настаиваю,— сказал доктор.— В ином случае я отказываюсь лечить ваш радикулит.

— А я тебя заставлю.

— Нет уж, не заставите,— сказал доктор.— Не получится. Меня пиратами не запугаешь.

— А если разрешу, вылечишь?

— Разумеется.

— Бесноватый, проводи их до амбулатории и приглядди за ними.

Глава

17

СРЕДСТВО ОТ ПИРАТОВ

— Это безобразие,— возмущался доктор, пока Бесноватый вел пленников к амбулатории.— Это варварство, и я буду жаловаться.

— Не скоро тебе, кастрюля, придется жаловаться,— сказал Бесноватый. Он успел отнять у какой-то пилагейской туристки шляпу с цветами и надел ее набекрень.

— Молодой человек,— сказал доктор Бесноватому.— Попрошу вас внутрь амбулатории не входить.

— Это еще почему? — удивился Бесноватый.

— А потому что вы можете занести микробы. Всю Галактику исколесили, а руки, как я погляжу, не моете.

— Вчера мыл,— обиделся пират.

— И без мыла.

— Откуда у меня мыло? — сказал пират.— Нет у меня мыла. Алмазы есть.

— Вот и можете в любой момент заболеть,— сказал доктор.— Задумайтесь над этим.

Он открыл дверь, пропустил Пашку вперед и захлопнул ее перед носом пирата.

— Как она тебя отдала! — сказал доктор, покачав квадратной головой.— Больно?

— Больно.

— Терпи.

— А я терплю,— сказал Пашка сквозь зубы.

Доктор возился в стеклянном шкафу, вынимая какие-то бутылки, шприцы и инструменты.

— Может, обойдемся без уколов? — спросил Пашка.— У меня не очень болит.

— Нет уж, неизвестно, что она этим хлыстом делает,

может, своих пиратов стегает. Ты же сам слышал — мыла нет, алмазы есть...

— Но что нам делать, доктор? — спросил Пашка. — Так горько сознавать, что я во всем виноват.

— Не вини себя, юноша. Что делать, если они оказались хитрее?

— Сейчас мы с вами — единственные люди на корабле, кто хоть немножко на свободе. Скоро причалит их корабль, начнут выгружать ценности, и всех, кроме нас, отправят на Брастак.

— Ах, мальчик, не расстраивай меня... А ну-ка, повернись этой щекой. Наверно, шрам останется.

— Это даже красиво. Вы что-нибудь придумали? Ой, больно!

— Разумеется, у меня много мыслей. Например, есть у меня снотворное. Но его надо съесть...

Дверь приоткрылась, и возникла физиономия пирата Бесноватого в шляпе с цветами.

— Ну, скоро вы там?

— Сейчас, уйдите, не мешайте.

Дверь за пиратом закрылась.

— Да, обедать они не собираются, — сказал Пашка. — Неужели мы сдадимся, доктор?

Доктор подошел к стеклянному шкафу и задумался...

— Эврика! — сказал он, вынимая из шкафа небольшой флакон с распылителем.

— Что?

— Эврика, как сказал Архимед, когда догадался, что тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода.

— Знаю, учили в школе, но при чем тут Архимед?

— Когда мы уходили в рейс, мне дали этот флакон для испытания на диких животных.

— А как он действует?

— Он еще не испытан. И то, что годится для животных...

Вошел Бесноватый.

— Королева велела вести вас в кают-компанию. Через пятнадцать минут начнем погрузку.

Пашку буквально раздирало от желания узнать, что же придумал доктор.

— И вы думаете... — спросил он осторожно, когда онишли по коридору.

— Ничего я не думаю,— ответил доктор.— Не мешайте мне. Ах, как рискованно...

— Что рискованно? — спросил Бесноватый.

— Я думаю о новом средстве лечения радикулита вашей королевы...

— А вы не думайте, доктор,— ухмыльнулся пират.— Если ее скрючит, ничего страшного. Обойдемся без нее. Может, меня в короли выберут. Не исключено...

Они вошли в кают-компанию. Королева сидела на круглом табурете от рояля, который вывинтили до самого верха, да еще прикрыли подушкой, чтобы пиратка была выше всех. Ее поддерживали телохранители, чтобы она не свалилась.

— Ай, как я тебя отделала! — сказала она весело, увидев, что Пашка заклеен пластырями.— Ты у меня будешь мальчиком для битья. Как плохое настроение или кто меня разозлит, буду вымешивать гнев на тебе.

— Это вам даром не пройдет,— сказал капитан. Он лежал связанным на полу.

— Молчать,— сказала королева.— Кто сильнее, тот и командует.

Вошел Крыс.

— Все готово,— сказал он.— Наш корабль с первой партией драгоценностей пристал к борту. Можно готовить пленных.

Пашка краем глаза увидел, что доктор осторожно полез в карман. Вот он достает флакон и выходит вперед.

— Что там у тебя? — подозрительно спросила королева.— Смотри, не умори нас.

— Каждый врач,— сказал доктор,— дает торжественную клятву не причинять вреда здоровью людей. Я тоже давал такую клятву. Не беспокойтесь. Что-то воздух здесь нечистый, надо освежить.

— А ну спрячь свою дезинфекцию! — крикнул Крыс.— Сейчас же.

Но доктор, как ни в чем не бывало, не спеша опрыскивал из распылителя кают-компанию.

Ничего не случилось.

Пираты смотрели на него во все глаза. В воздухе запахло ландышами.

— Бог с ним,— сказала королева,— помогите мне сойти с трона!

Доктор прошел рядом с Пашкой, Пашка вдохнул

странный и свежий запах. «Приятный запах», — подумал он. Он нашел пустое кресло и уютно устроился в нем. «И охота была мне, — подумал он, — суетиться?»

Доктор прошел совсем близко от пиратской королевы.

Никто больше не обращал на него внимания. Пираты начали было сгонять пленников к двери, но потом один из них почему-то раздумал, отошел в сторону, улыбнулся и махнул рукой.

— Гони их сам, — сказал он своему соседу.

— Нет уж, — ответил тот, — пускай сама королева этим занимается.

Раздался грохот. Оказывается, телохранители, которые поддерживали королеву, отошли от нее и она, не удержавшись на вертящемся стуле, упала на пол.

— Что за безобразие! — сказала она. — Я же могла ушибиться!

— Обойдешься, — сказал телохранитель.

В дверь заглянул пират и сказал:

— Все готово к приему пленных.

Принюхался к приятному запаху и добавил:

— Кто желает, может их туда отогнать. Что касается меня, то я устал на этой службе...

— Сынок, помоги мне подняться, — сказала королева, лежа на полу.

— Сейчас, — сказал Крыс, подошел к ней и сел рядом.

— У тебя, мамаша, закурить не найдется? — спросил он.

— Сам достань из сумочки, — сказала королева, — мне лень шевелиться.

— Обойдусь без курева, — ответил Крыс, вытянулся во весь рост на полу и задремал.

Доктор, продолжая нажимать на кнопку распылителя, выбежал из кают-компании. Когда он через минуту вернулся, то первым делом подбежал к капитану, отбросил в сторону пустой пузырек и сказал:

— Все в порядке. Они обезврежены.

Он наклонился над капитаном и начал развязывать пуги.

— Эй, — сказала лениво королева, — ты не прав, доктор. Нельзя его распугивать, он в плену.

— Молчите уж, — сказал доктор.

Алиса стояла посреди кают-компании и ничего не

могла понять. Пираты потеряли всякий интерес к тому, что происходит вокруг. Пилагейские туристы сели в кругожок на пол и тихонько запели какую-то песню, Пашка, обклеенный пластирем, дремал в кресле. Что случилось? Алиса хотела было подойти к доктору и спросить, но лень было двигаться. Она стояла и смотрела, как капитан поднимается и растирает затекшие руки.

— Чем это вы их? — спросил капитан у доктора.

— А помните, нам перед отлетом выдали новое средство от хищников? — спросил он. — Я вам показывал.

— А как оно действует?

— Оно совершенно безвредно, но вызывает необузданный приступ лени. Да вы сами посмотрите!

Алиса лениво проследила взглядом за пальцем доктора-лайки. И увидела, что пальма, стоявшая в кадке в углу кают-компании, бессильно опустила листья.

— Даже растения не могут бороться с ленью.

— Великолепно, — сказал капитан. — А как вы?

— А вы? — ответил вопросом на вопрос доктор.

— Я? — Капитан пожал плечами. — Я — капитан корабля и отвечаю за все, что здесь происходит. Как же я могу лениться?

— Вот вы и ответили на вопрос, — сказал доктор. — А я — врач. Лень — это атавизм, то есть отмирающее свойство человека. Человек будущего забудет об этом чувстве.

«Ой, какой ужас, — подумала Алиса. — Неужели я — человек прошлого?» Она хотела крикнуть капитану, что тоже владеет собой, но ничего не получилось. Просто-напросто рот не открылся.

— И долго это средство действует? — спросил капитан.

— Я думаю, до завтра они будут отдыхать.

— Придется их оставить здесь. Боюсь, что мало сейчас на корабле людей, которые могли бы нам помочь.

— Я пойду в радиорубку, ладно? — раздался голос.

Алиса увидела, что к капитану подходит радист.

— Да, — сказал капитан, склонив голову набок и внимательно глядя на радиста. — Приятно убедиться... — сказал он, махнул рукой и совсем другим, командирским голосом продолжал: — Немедленно свяжитесь с патрульным крейсером и скажите, чтобы они прибавили ходу. Если возможно. Сообщите вкратце, что здесь произошло.

— Ой, что-то душно,— сказала королева пиратов и лениво сняла с себя розовую, словно фарфоровую, маску.

Алиса быстро отвернулась, увидев, какое в самом деле у королевы лицо. Это жуткое зрелище помогло ей совладать с собой. Ну, уговаривала она себя, еще один шаг, еще шаг... Неужели придется так вот бороться с собой до завтрашнего дня?

— Подождите,— сказала она капитану, который уже собирался запереть дверь в кают-компанию.— Я с вами.

— А я? — спросил Пашка.

— Скорей, девочка,— сказал капитан.

Алиса подошла к Пашке и помогла ему подняться.

— Неужели нет какого-нибудь противоядия от лени? — спросила Алиса, пока доктор запирал дверь.

— Еще не придумали,— сказал доктор.— Спасает только работа.

И Алиса потащила Пашку в каюту, чтобы он немного поспал.

* * *

Когда Пашка с Алисой спускались на поле Московского космодрома, он вдруг остановился.

— Погоди,— сказал он.— Мне надо обязательно один вопрос задать. А то я забываю.

Пашка подбежал к шумной группе пилагейских туристов.

— Простите,— сказал он.— Зачем вам корзинки?

— Ах! — закудахтали туристки, размахивая своими корзинками.

— А если мы снесем яйцо, куда его положить?

— Вы несете яйца?

— А разве это позорно?

— Нет, простите, я не привык к этому.

— Нельзя же бросать детей на произвол судьбы.

— А что же тогда в государственной корзинке?

— В государственной корзинке! О! Государственное яйцо!

— Как сложно,— вздохнул Пашка.— Сколько планет, столько и обычай. И скрррулей мы так и не отведали...

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Фантастическая повесть

Глава 1

ДИПЛОМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Здравствуйте, дорогие дипломники,— сказала Светлана, входя в класс.

Десять семиклассников Биологической школы окружили ее.

— Садитесь,— сказала Светлана.— Столы и кресла вам уже малы. Почему вы так быстро растете?

— Вы еще посмотрите, как мы за лето вырастем,— сказал Джавад, который и без того был выше Светланы.

— Все пришли? Никто не заболел? Никто не улетел на денек на Луну? Никто не купается на Гавайских островах? — спросила Светлана, усаживаясь в учительское кресло.

— Если вы меня имеете в виду,— сказал Пашка Гераскин,— то я пришел сегодня раньше всех.

— Этого не может быть!

— Мне тоже свойственно ошибаться,— признался Пашка.— Я становлюсь рассеянным.

— Он хочет сказать, что становится великим,— пояснил Аркаша Сапожков.

— Мне очень приятно,— сказала Светлана,— что в нашем классе будет великий выпускник. Но пока займемся делом. Итак, вы должны мне сегодня сказать, какие путешествия вы себе придумали.

Наступила тишина. Никто не хотел говорить первым. Диплом, который надо защитить после седьмого класса, называется «Необыкновенное путешествие». За месяц надо путешествие совершить, а потом написать о нем необыкновенный отчет. Задача сложная.

— Хорошо было сто лет назад,— сказала Маша Белая.

— Еще бы,— подхватила ее близняшка — Наташа Белая.— Любое путешествие было необыкновенным. Даже на Луну семиклассники еще не летали.

— А еще лучше было тысячу лет назад,— сказал Илюша Чашков.— Тогда еще паровоз не изобрели.

— Надо ли ваши слова понимать так, что вы ничего интересного не придумали? — спросила Светлана.

— Я придумал,— сказал Джавад.— Я уже начал делать воздушный шар, чтобы совершить на нем беспосадочный полет вокруг света.

— Уже летали! — сказал Пашка.

— А я полечу быстрее,— сказал Джавад.

— Очень хорошо,— согласилась Светлана.— Необыкновенным может стать даже обычное на первый взгляд путешествие.

— Конечно! — воскликнула Маша Белая.— Мы с Наташой договорились с дельфинами, что они нас перевезут через Средиземное море.

— И если будет хорошая погода, мы поплыvем к Азорским островам,— сказала Наташа.

— Верхом на дельфинах? — удивился Аркаша.— Но ведь это опасно.

— Неужели дельфины дадут нам утонуть? — обиделась Маша.

— Ну а ты, Аркаша? — спросила Светлана.— Ты, наверное, придумал что-то необыкновенное.

— Я совершу путешествие вокруг нашей дачи.

— Как так?

— Я обойду всю дачу и буду наблюдать, как живут насекомые, как растут цветы.

— Теперь я понял, почему он испугался за близняшек! — сказал Пашка.— Сам-то выбрал самое безопасное путешествие на свете. Но если увидишь незнакомую собаку, сразу зови бабушку на помощь.

— Я постараюсь,— улыбнулся Аркаша.— Только она не услышит. Потому что я сначала уменьшусь в сто раз.

— Молодец,— сказала Алиса.— Жалко, что ты меня обогнал.

— Ты тоже хотела путешествовать вокруг дома? Тогда пошли вместе.

— У меня была другая идея,— сказала Алиса.—

Я тоже хотела воспользоваться открытием куньминского физика Ли Чуси, который научился уменьшать живые существа. Я собралась повторить путешествие Нильса на диких гусях. В Африку.

— Одно другому не мешает,— сказала Светлана.— Это два различных путешествия.

— Я подумаю,— ответила Алиса. Она была огорчена. Какая же она наивная! Решила, что никто кроме нее не подумает об уменьшении.

И пока другие ребята рассказывали о своих планах, Алиса размышляла, может быть в самом деле отправиться в путешествие вместе с Аркашой? Или все-таки полететь на гусях?

— Гераскин,— услышала она голос Светланы.— Что же ты молчишь? Опять рассеянность подвела?

— Не надо иронизировать, Светлана,— серьезно ответил Пашка.— К великим людям нужен особый подход, деликатный. Мы очень ранимы.

— Извините,— сказала Светлана.— Но учти, хоть ты и очень великий, дипломную работу я с тебя спрошу. Иначе в восьмой класс не перейдешь.

— Есть у меня одна мысль...— сказал Пашка.— В общем, я решил совершить путешествие к центру Земли.

— Ого! — сказал Илюша Чашков.— Ради такого путешествия я согласен отказаться от моей идеи.

А идея у Илюши была интересная — он хотел проплыть подземной рекой, что течет под Сахарой.

— Это невозможно,— сказал Аркаша.— Даже взрослые еще не были в центре Земли. Это невероятно трудная задача. Ты забыл, какое там давление?

— Я ничего никогда не забываю,— сказал Пашка.

— Подземный корабль еще только проектируется! — воскликнул Джавад.

— Корабль может и проектируется, но подземная лодка уже существует,— отрезал Пашка.

— Хорошо,— улыбнулась Светлана.— А теперь каждый из вас по очереди подходит ко мне и сообщает все детали путешествия, чтобы я убедилась, что оно безопасно. Кто первый? Ты, Илюша? Тогда оставайся в классе, а остальные свободны. Вы сами договоритесь, кто пойдет ко мне следующий.

В школьном саду Пашка отозвал Алису в сторону.

— Слушай, мой юный друг,— сказал он.— Чует мое

сердце, что ты расстроена от того, что узурпатор Сапожков украл у тебя идею.

— То-то и обидно, что он не крал,— сказала Алиса.— По крайней мере, с точки зрения науки его путешествие более интересное.

— Лилипут бегает в траве от кузнечика! Тоже мне путешествие! Алиска, предлагаю: присоединяйся ко мне.

— Зачем?

— Мне нужен верный напарник. Моя идея уникальная, но одному, пожалуй, не справиться.

— Тогда расскажи, в чем дело.

— Потом. Сейчас ты дашь мне согласие, я расскажу обо всем Светлане, сообщу, что мы едем вместе.

— Пашка, а я знаю, зачем тебе это нужно.

— Зачем?

— Ты боишься, что Светлана тебя одного не отпустит. Признавайся немедленно! Или я с тобой не поеду.

— Значит, поедешь! Жди меня здесь. Я побежал к Светлане.

Вышел он от Светланы минут через десять. И тут же, поманив Алису за собой, побежал к стоянке флаеров.

— Что она тебе сказала? — спросила Алиса.

— Разве это так важно? Главное — мы с тобой вдвоем отправляемся в невероятное и удивительное путешествие к центру Земли.

Глава

2

КУЗНЕЦ СЕМЕН ИВАНОВИЧ

— Сейчас ты увидишь гения,— сказал Пашка Гераскин, направляя флаер вниз, к тихой извилистой речке, отороченной ивами. Речку пересекала запруда, у которой стояла старая седая мельница. Водяное колесо медленно вращалось, с него, сверкая под солнцем, стекали струи прозрачной воды.

За мельницей была видна крыша еще одного дома — тоже старого, бревенчатого, под тесовой крышей. Из трубы поднимался дым.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

Ничего не ответив, Пашка посадил флаер на площадке перед мельницей. Слышно было, как из дальнего домика раздаются гулкие короткие удары.

— Пошли! — Пашка первым направился туда. Широкая дверь была распахнута. Над ней прибита вывеска:

КУЗНИЦА
КУЗНЕЦ СЕМЕН
КАК СЛОН СИЛЕН
ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯЩИЙ КУЗНЕЦ В ГАЛАКТИКЕ

— Семен Иванович! — сказал Пашка, заглядывая внутрь. — Можно к вам?

— Заходи, коль не шутишь, — раздался в ответ сиплый голос. И снова послышались быстрые удары.

Они вошли внутрь кузницы. Она была невелика и заставлена, завалена железными предметами так тесно, что посреди нее только-только оставалось место для горна и наковальни, возле которой стоял сам кузнец и небольшим молотом стучал по раскаленной докрасна стариинной алебарде.

Кузница была удивительной. В первое же мгновение Алиса увидела в ней множество вещей, которые встречаются только в музеях. Там лежала груда лошадиных подков, наконечников копий, алебард, стояли прислоненные к стене решетки и спинки железных кроватей, на гвоздях, вбитых в стены, висели амбарные замки и стремена...

Но удивительнее всего был сам кузнец.

Он был не очень высок ростом, но казался великанином, которого так стукнули по голове молотом, что он вдвое уменьшился, раздаввшись во все стороны. Математик бы сказал, что этот человек точно вписывается в куб. Алиса подумала, что этот человек похож на ста-ринный сундук.

— Ну что, решился? — спросил кузнец у Пашки.

— Я ни минуты не сомневался.

— Тогда погоди, — сказал кузнец. — Я еще обед себе не заработал, а уже умираю от голода.

Руки его не переставали работать. Левая быстро и точно двигала раскаленную алебарду, а правая ловко постукивала по ней молотом.

— Павел, — приказал кузнец. — Шурой!

Пашка, видно, был здесь не в первый раз. Он кинулся

к мехам и начал работать ими. Кузнец прикрикнул на Пашку:

— Смелей, немощь городская!

Пашка не обиделся.

— Помочь тебе? — спросила Алиса.

— А ты, девочка, иди, собирай цветочки! — сказал кузнец, и этим Алисе сразу не понравился.

Но сам он сразу же забыл об Алисе, потому что снова принялся молотить по железу.

— Все! — закричал он торжествующе и сунул але-барду в бочку с водой.

Поднялось облако пара. Пашка распрямился, потер руки, ему было приятно чувствовать себя помощником кузнеца.

— Ну и как? — спросил он. — Получилось у нас?

Кузнец ничего не ответил. Срывая на ходу фартук, он побежал к мельнице.

— Пошли за ним, — сказал Пашка.

— Но он не звал.

— Он никогда не зовет.

Они вошли в старую мельницу. Внутри обнаружилась обширная кухня. На стеллажах вдоль стен бескочечными рядами стояли банки и бутылки с приправами, специями, вареньями, соленьями, маринадами и соками. С потолка свисали длинные связки лука и чеснока, сушеной мяты и укропа. А вдоль стены тянулся длинный широкий стол, на котором стояли кастрюли, миски, чайники, котлы и сковородки. Еще больше их было на старинной плите с шестью комфорками.

— Зажигай! — приказал кузнец, кидаясь к столу и начиная быстро разделять карпов, которых вытаскивал из ведра.

Пашка наклонился к сложенным у плиты полешкам, ловко наколол лучины, заложил в плиту и разжег ее.

Алиса глазам своим не верила. Она, честно говоря, впервые в жизни видела, как разжигают плиту, только в сказках об этом читала. И было непонятно, зачем же жечь дрова, если еду тебе приготовит электровакуумный комбайн?

Кузнец, который все еще чистил рыбу, словно угадал ее мысли.

— Чепуха! — зарычал он. — Ты эти современные штучки-дрючки брось. Это, прости, не продукт полу-

чается, а самоубийство. Может, для вас, людышек умственного труда, роботы-шроботы и нужны, а нам это без надобности! Больше огня, Пашка!

— Слушаюсь, капитан! — ответил Пашка, подбрасывая поленья в плиту.

— Девчушка, как тебя кличут? — спросил кузнец.

— Алиса Селезнева.

— Алиска, хватай ведро, беги к колодцу, одна нога там, другая здесь.

— А где колодец?

— Найдешь, не слепая!

Кузнец весело улыбался. Он был совсем не такой страшный, как в кузнице. Голова его казалась полуширием, вросшим в покатый холм плеч. Короткопалые руки были подобны слоновьим ногам. И вообще он был больше всего похож на слона, вставшего на задние ноги, только вместо хобота торчал красный носик, по сторонам которого яростно горели круглые голубые глазки.

Алиса взяла ведро и вышла из мельницы.

Колодец она увидела сразу, он был шагах в двадцати, под большой липой. Над колодцем была двухскатная крыша, под ней отполированное руками бревно с намотанной на него цепью. Алиса прикрепила ведро к цепи, и бревно принялось крутиться, позякивая. Потом ведро плеснуло, ударившись о воду.

Только сейчас Алиса поняла, как здесь тихо и ласково. Только и звуков, что монотонное жужжание стрекоз, кузнечиков, мух и других насекомых; да отдаленное поскрипывание мельничного колеса. Как будто Алиса попала в сказочный, давно ушедший, древний мир, в котором никто и не подозревает, что где-то есть флаеры, космические корабли, роботы и марсиане.

Алиса принялась тянуть ведро из колодца. Железная рукоять поворачивалась с трудом, ведро было тяжелым, и Алиса представила себе, как ведро появится сейчас над срубом колодца, а в нем медленно плавает щука, которая спросит:

— Чего тебе надобно, старче?

Она так поверила своей выдумке, что брала ведро осторожно, как бы щука ее не укусила. Никакой щуки, конечно, в ведре не было, но вода в ведре оказалась газированной, она бурлила от пузырьков, что поднимались к поверхности. Алисе даже почудилось, что нести

это ведро было очень легко — вода все время стремилась наверх.

Когда она вернулась с ведром, в мельнице работала полным ходом. Жарко и весело трещали дрова в плите, скворчала на сковородке рыба, закипала в кастрюле картошка, кузнец взбивал мутовкой клубничный мусс, Пашка резал хлеб. Он отколупнул кусок корки и сказал:

— Лучше чем пирожное.

— Еще бы,— согласился кузнец Семен,— я сам муку мелю и хлеб пеку. Ко мне за хлебом из Австралии прилетают.

И тут он побледнел, даже пошатнулся от ужаса.

— Соус! — закричал он.— Соус перестоялся!

Он схватил с плиты кастрюльку и принялся бегать с ней по комнате, чтобы остудить.

— А почему у вас вода газированная? — спросила Алиса.

— Это не вода! Это нарзан, лучший в мире нарзан. Наливай в чайник, ставь на плиту, потом бери скатерть и приборы в буфете и быстренько накрывай на стол. Поняла, Алиса-киса?

От кузнеца Семена исходил такой шум, грохот, веулье, столько в нем было жизни, что хотелось смеяться.

— Еще минута и я помру от голода! — закричал он.— Пашка, сливай картошку, волоки на стол, мечи из подпола сметану, соленые огурцы и не забудь квас. Мой квас на нарзане — лучший в мире, за ним из Австралии приезжают.

Наконец, через пять минут все было готово и они уселись за стол.

— Начинай! — зарычал кузнец. Он наколол на вилку целого карпа, высыпал из кастрюли десяток крупных, как дыни, картофелин, отломил половину буханки, и в мгновение ока все это исчезло в его пасти.

— Вы Гаргантюа и Пантагрюэль сразу,— сказала Алиса.— Это были такие...

— Не надо объяснений. Я все читал,— ответил кузнец.— Не отвлекай меня, а то аппетит пропадет.

И с этими словами он кинул в рот еще одного целого карпа.

Но больше Алиса на хозяина не смотрела, потому что сама принялась за еду, которая оказалась такой вкусной, что остановиться было невозможно.

Клубничный мусс кузнец есть не стал, подвинул миски с ним гостям, а сам вздохнул, сказал:

— Ох, надо мне себя ограничить. С понедельника обязательно сяду на диету.

С этими словами он взял со стола еще одну буханку хлеба и не спеша затолкнул себе в рот.

— А почему у вас в колодце нарзан? — спросила Алиса. — Ведь нарзан в средней полосе не бывает.

— Мой колодец — сверхглубокий, — ответил кузнец. — Я его сделал во время последних испытаний. Нарзан поступает с глубины три километра.

И только тут Алиса вспомнила, зачем они приехали к кузнецу.

Она хотела было спросить про подземную лодку, но кузнец поднял толстый палец и произнес:

— Никаких деловых разговоров. Сейчас все спать, спать, спать. Пища не выносит легкомысленного отношения.

Он с трудом поднялся из-за стола и побрел наружу, где в саду, под яблоней, Алиса увидела помост, заваленный сеном. Там все они и заснули.

Разбудил Алису шмель. Он летал над самым ухом и занудно жаловался на жизнь. Солнце уже стояло низко, тени стали длинными. Слышно было, как поскрипывает мельничное колесо. Пашка спал на сене, раскинув руки и ноги, как парашютист в свободном падении. Кузнеца Семена не было видно. От сена пахло сладко и сонно. Может, еще подремать? Пять минуток?

И тут от мельницы донесся громовой голос кузнеца:

— Вставать, вставать, чай готов!

— Я не хочу чаю, — ответил Пашка, не просыпаясь.

Алиса вскочила. Ей было неловко. Приехали к одному мужчине и улеглись спать, а он вынужден заниматься хозяйством.

Кузнец уже сидел за столом. Он сам все приготовил. Притащил самовар литров на сто, сверкающий как раскаленная лава, расставил чашки, разлил по вазочкам варенье и, главное, испек такую гору пирожков, что над ней поднималась только блестящая макушка кузнеца.

— А мужик твой спит? — спросил кузнец, наклоняясь в сторону, чтобы увидеть Алису.

— Я думаю, он скоро придет, — сказала Алиса. —

Он любит все делать сам, не выносит, когда ему приказывают.

— Понял,— сказал кузнец и усмехнулся. И тут же закричал на всю округу:

— Павел! Не ходи пить чай! Спи немедленно!

Но его приказ запоздал.

Пашка уже стоял на пороге.

— Ясное дело,— сказал он.— Если дрова пилить, то где Гераскин? А если чай с пирогом, то о Гераскине забыли.

— Представляю тебя занудным стариком,— сказал кузнец.— Ты же всех своих внуков перепилишь.

Пашка стоял в неуверенности — то ли смертельно обидеться, то ли счесть слова кузнеца шуткой. Но кузнец сам решил за него эту задачу.

— Есть выход,— сказал он.— Давай есть пирожки на перегонки. Ты берешь, я беру. Кто последний взял, проиграл.

— Ой,— сказала Алиса. Она уж не знала, когда кузнец шутит, а когда говорит серьезно.

— Давайте,— сказал Пашка, усаживаясь за стол.

Кузнец начал соревнование всерьез. Он глотал пирожки словно горошины, а Пашка тем временем спокойно жевал, запивая чаем, не спешил, только спросил:

— А кто выиграет, что получит?

— Любое желание,— ответил серьезно кузнец.

— Ты же проиграешь! — шепнула Алиса.

— Проиграю, значит проиграю,— сказал Пашка, продолжая не спеша жевать пирожок.— Хорошие сегодня пирожки у вас получились. Мне сейчас с капустой попались.

— А ты правее возьми, вот там, с брусникой. Сказка!

И не дожидаясь, пока Пашка возьмет пирожок справа, кузнец схватил оттуда пригоршню пирожков. Гора уменьшалась на глазах. Это уже была не гора, а пологий холм, над которым ритмично двигались ручища кузнеца, словно ковши экскаватора.

И тут Пашка подобрался, словно изготовился прыгнуть.

Пальцы кузнеца скользнули по блюду, подбиравая последние пирожки. Пашка мгновенно вытянул руку, схватил предпоследний пирожок и крикнул:

— Я выиграл, Семен Иваныч!

Ручища кузнеца замерла над последним пирожком.

Он поднял глаза на Пашку, хлопнул белыми ресницами и сказал с уважением:

— На вид маленький, а жуешь как великан. Придется тебе с понедельника садиться на диету, вместе со мной.

— Мне это еще не грозит,— сказал Пашка.

— Желание сейчас будешь заказывать или потом?

— Потом,— сказал Пашка.

— Правильно. Тогда часок передохнем и пойдем смотреть машину.

— У меня желание,— сказал Пашка.

— Понял,— ответил кузнец, улыбаясь,— пошли смотреть машину сейчас.

Г л а в а

3

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Кузнец Семен Иванович с трудом поднялся из-за стола и пошел впереди. Хоть ножищи у него были толстыми, все равно Алиса удивлялась, как они выдерживают вес такого тела.

Они миновали колодец, прошли сквозь заросли орешника, и тут Алиса увидела покосившийся сарай. Двери его были заперты на замок. Семен Иванович начал искать по карманам ключ, не нашел, рассердился, рванул замок, дужка отлетела, и он сказал:

— Ничего, завтра починю.

И они оказались в сарае.

Кузнец рванул за большой железный рычаг у двери, и деревянный пол в сарае разъехался у самых Алисных ног. Образовалась большая продолговатая яма. На дне ямы лежало веретено метров в десять длиной с широкой винтовой нарезкой, отчего Алисе оно показалось похожим на длинный батон с заостренными концами.

— Вот она, моя подземная лодочка,— сказал кузнец Семен. Он включил свет, и яркие лампы, спрятанные под стропилами сарая, залили все белым светом.

Кузнец первым спустился по лесенке к подземной лодке.

Он обошел ее, похлопывая, словно лошадь.

— Ну как, красавица? — спросил он.

— У меня желание есть,— сказал Пашка.

— Но ты его уже заказал.

— То было не желание, а пожелание,— сказал Пашка.

— Не вижу разницы.

— А я вижу,— сказал Пашка.— Как честный человек, вы должны выполнять условия.

Тут кузнец расхохотался, принял хлопать себя руками по бокам и повторять:

— Ну, хитрец, ну, Пашка, хитрец! Ну перехитрил! Ну перехитрил старика!

Отсмеявшись, кузнец подошел к люку, что был врезан в борт подводной лодки, и начал его отвинчивать. Он, видно, почувствовал, что Алиса смотрит на него с удивлением, поэтому, не обворачиваясь, сказал:

— Ты не думай, Алиска-барбариска. Изнутри все на автоматике. А вот чтобы снаружи открыть, нужна моя сила.

Внутри подземной лодки было темно. Кузнец просунул в люк ручищу, пошарил там, нашел выключатель, и в лодке загорелся свет.

— Влезайте,— сказал он,— поглядите, как там. Может, не понравится.

Пашка в мгновение ока нырнул в корабль. Кузнец подсадил Алису, и она буквально свалилась на Пашку. Там, в лодке, было страшно тесно, они умещались, лишь прижавшись друг к другу. Даже ноги некуда было вытянуть, потому что они упирались в пульт управления.

— Ну как, устроились? — раздался голос снаружи.

— Замечательно,— сказал Пашка.— Можно попробуем?

— Как ты попробуешь, если не учился? — спросил кузнец.— Ты мне машину сломаешь.

— Вы же мне показывали,— возразил Пашка.

Пульт был выкован из железа, узорчатый, витиеватый, вместо кнопок на нем были изогнуты рукоятки, а рядом торчали ажурные головки ключей.

Пашка повернул рычажок, над пультом загорелась лампочка, спрятанная в выкованную сеточку, словно в корзинку.

— Эй ты, неслух! — послышался голос кузнеца.— Ты хоть люк закрыть не забудь.

— Я ничего никогда не забываю,— ответил Пашка и повернул другой рычажок. Сбоку послышался удар —

захлопнулся люк, затем — страшный визг. Алиса вздрогнула.

— Что это? — крикнула она, стараясь перекричать визг.

— Понятное дело, — ответил Пашка. — Люк завинчивается.

Пашка взялся за два больших рычага, что торчали в узких прорезях пульта, и одновременно двинул их вперед.

— Теперь держись!

Дрожание лодки усилилось, и тут Алиса почувствовала, что сползает с железного кресла на пульт — нос лодки начал крениться вниз.

— Совсем забыл, — сказал Пашка. — Привяжись.

Он вытянул со своей стороны конец широкого брезентового ремня, перекинул через Алису, та нашупала со своей стороны крепление, защелкнула ремень. Теперь они были привязаны одним ремнем к креслу, но все равно было очень неудобно, потому что приходилось руками упираться в край пульта, чтобы не стукнуться об него головой.

— И так будет всегда? — спросила Алиса.

— Настоящий исследователь не имеет права надеяться на легкую прогулку, — строго сказал Пашка. — Если не нравится, останешься дома и будешь путешествовать вокруг дома вместе с Аркашой. Но если вас сожрет какой-нибудь необразованный паук, я не отвечаю.

— Мы уже под землей? — спросила Алиса, чтобы переменить тему разговора.

— Разумеется. Где включается экран, ты не помнишь?

Вопрос был риторическим. Пашка принялся поворачивать ключики. В кабине зажегся яркий свет, потом погас, включился вентилятор, из крана, похожего на кран самовара, который высунулся из стены как раз над Алисным ухом, полилась вода...

— Не то, — бормотал Пашка, — не то...

Вдруг над пультом зажегся экран. На нем появилась цифра 6. Она поехала вправо, а от левого края экрана двинулась к центру цифра 7.

— Вот видишь, — сказал Пашка. — Я же говорил. Мы на глубине семь метров. Теперь можно перейти на горизонтальный ход.

Пашка потянул на себя два рычага, и лодка приняла горизонтальное положение. Алиса с облегчением откинулась на спинку кресла.

— А как она работает? — спросила Алиса. — Снаружи непонятно.

— Как все гениальное — просто, — сказал Пашка. — У этой лодки два корпуса. Как орех в скорлупе. Внешний керамический, жаростойкий, с резьбой. Он ввинчивается в породу, как бур. А внутреннее ядро, в котором мы с тобой сидим, остается неподвижным, как бы плавает внутри бура. Этой лодке никакие породы, никакая температура не страшны. Мы можем с тобой сквозь вулкан пройти, и хоть бы что.

— И это он сам сделал?

— Собственными руками. Что мог — выковал в кузнице, — Пашка показал на приборы на пульте. — А что не смог, заказал, ему сделали по его чертежам. Простой скромный гений.

— А почему он тебе эту лодку дал? Разве он ее не для себя делал?

— Нам с тобой повезло, — ответил Пашка. — Пока он ее изобретал и строил, он так растолстел, что ему в люк не влезть. А кому-то надо под землю идти. Вот и повезло кузнецу.

— Повезло?

— Конечно повезло, что он меня встретил. Он за меня теперь двумя руками держится.

— Что-то ты, Пашка, темнишь, — сказала Алиса.

— Я не темню. Сейчас вылезем на поверхность, он сам тебе все расскажет.

На экране цифра семь уезжала обратно и снова появилась шестерка.

— Постепенно поднимаемся, — сказал Пашка. — Видишь, какое простое управление.

— Вижу, — сказала Алиса. — Любой ребенок сможет.

— Ну не любой, — ответил Пашка серьезно. — А очень талантливый. Важно не только управлять, но и маневрировать. Нужна интуиция. И точность. И не мешай мне. Мы поднимаемся наверх. Река поздзи.

Алиса следила, как на экране сменяли друг другу цифры: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

— Приехали, — сказал Пашка. — Пора вылезать. А то Семен Иванович проголодается, уйдет ужинать.

Снова раздался страшный визг — это отвинчивался люк.

И в этот момент лодка качнулась, нырнула носом вниз, на экране снова поехали цифры — только в обратном порядке: 0, 1, 2, 3...

Лодка замерла.

— Это что такое? — удивилась Алиса.

Послышался грохот — открылся люк.

И в ту же секунду в кабину хлынул поток воды.

— Мы в речке!.. — успела крикнуть Алиса, но тут же вода ударила ее, кинула на Пашку, дышать было нечем, со всех сторон стенки — не выберешься, никуда не деться... Алиса пыталась задержать дыхание и отыскать в темноте люк, но подземная лодка, видно, повернулась, погружаясь в воду, и руки никак не могли нащупать выхода. Воздуха не хватало — Алиса инстинктивно рванулась вверх и выскочила из воды — оказывается под потолком кабинки остался пузырь воздуха.

Но где Пашка?

И стало страшно... страшно до смерти.

Алиса выплюнула воду и позвала:

— Пашка!

Голос ее не слушался, звук его заглох в узком темном пространстве.

Алиса решила нырнуть, чтобы отыскать друга, но тут же натолкнулась на него. Он бултыхался совсем рядом и, видно не сообразив, вцепился в Алису и чуть не утащил ее под воду.

— Погоди, Пашка! — крикнула Алиса.

И в этот момент подземная лодка накренилась, дернулась, вода хлынула наверх, Алиса еле успела набрать воздуха, как оказалась снова под водой. И непонятно было, то ли лодка поплыла сама по себе, то ли ее крутит водой.

Тут, видно, Алиса потеряла сознание, потому что ей вдруг показалось, что она бежит по солнечной поляне, светит солнце... Она ударила о жесткую спинку железного кресла, свалилась в узкое пространство за ним, больно ударилась и пришла в себя.

...Лодка покачивалась, будто попала в шторм, но воды в ней не было.

Удар. Лодка замерла.

Алиса стала карабкаться из-за кресла.

Из люка в кабину протянулся луч света. Пашка лежал в кресле, закрыв глаза.

Что-то темное закрыло люк, послышался глухой голос:

— Вы живые или нет?

— Живые,— с трудом ответила Алиса.

— Тогда вылезайте, мне за вами не залезть.

Алиса сообразила, что голос принадлежал кузнецу. Она подхватила Пашку подмышки и потянула к люку.

Пашка начал кашлять. Он отбивался, но вяло, будто сам не соображал, что делает. Могучие ручищи кузнеца встретили Алису у люка, рывком вытащили ее наружу, затем выволокли Пашку.

Алиса упала на траву. Хотелось только одного — лежать, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Но она заставила себя открыть глаза и сесть. Кузнец сидел рядом с ней, перед ним лежал на траве Пашка и кузнец делал ему искусственное дыхание.

Пашка махал руками и все еще кашлял.

— Посадите его,— сказала Алиса.— Только не бейте его по спине, позвоночник сломаете.

— Еще чего не хватало, позвоночники ломать,— обиделся кузнец.

Пашка открыл глаза и сказал между приступами кашля:

— Я сам, со мной все в порядке. А где Алиска?

— Я здесь.

— А лодка? Лодка утонула?

— Лодку я вынул,— сказал кузнец.— Я как увидел в речке пузыри — сразу понял, что ты не там выскочил, да еще сдуру люк раскрыл.

— А откуда мне знать...

— Молчи, путешественник! Пришлось мне в речку лезть и лодку на берег тащить. Хорошо еще, что я сильный, в лодке четыре тонны веса. Чуть не надорвался, пока на берег вытянул.

— Спасибо,— сказала Алиса.— А мы чуть не захлебнулись.

— Так чего же вы на приборы не смотрели,— сказал кузнец укоризненно.— Там же есть указатель, где лодка — в земле, на воздухе или в воде.

— Я забыл,— сказал Пашка,— я думал, что мы сна-

ружи. Я на указатель глубины посмотрел, он на нуле, вот я люк и открыл.

— Нет,— сказал Семен Иванович.— Лодку я вам не доверю. Мне нельзя на душу такой грех принимать. Ты же не только себя загубил, ты невинную девочку погубить решил, разбойник.

Пашка ничего не ответил. Он снова закашлялся, но Алиса не была уверена, что ему хотелось кашлять. Кашель был дипломатическим. Пашке очень хотелось, чтобы его пожалели, но никто его жалеть не собирался.

— Подводим итог,— сказал кузнец.— Испытания провалились. Команда к походу не готова. Пошли одежду сушить. Заодно перекусим.

Глава

4

СТАРШИЙ БРАТ ГАРОЛЬД

За ужином Семен Иванович был печален, ел он мало: три жареные курицы, пирог с капустой, мешок пряников и ведро чая. Пашка сначала оправдывался — он не терпит признаваться в своих ошибках.

— Жаль, очень жаль,— сказал Семен Иванович, допивая последнюю, семнадцатую чашку чая.— Я так надеялся... это был мой последний шанс.

— Еще не все потеряно,— сказал Пашка.— Я постараюсь оправдать ваше доверие. Будем считать, что произошла случайность... больше она не повторится.

— А если так случится под землей, на глубине ста километров? Тогда как я вас вытащу? И что мне скажут ваши родители? Нет, и не мечтай.

Кузнец так расстроился, что смахнул со щеки слезинку, тяжело поднялся из-за стола и побрел на улицу.

— Ну вот,— сказал Пашка,— видишь, что ты наделала!

Алиса только улыбнулась. Она понимала — кто-то должен быть во всем виноват. Только не Пашка.

Она осталась убирать со стола. Потом вымыла посуду. За всей этой историей скрывалась непонятная трагедия, в которую Алису не посвятили.

Когда Алиса, наконец, вышла на поляну, она увидела,

что кузнец сидит на большом пне, а вокруг него, заложив руки за спину, ходит Пашка и что-то доказывает. Алиса подошла к ним.

— Я вам не помешала? — спросила она.

— Нет, — ответил кузнец. — Пашка твой меня уговаривает. А я не поддаюсь.

— Алиска, подтверди, что на меня можно положиться! — воскликнул Пашка.

— Когда как, — честно ответила Алиса.

— Да? А кто черного рыцаря победил? А кто пиратскую мамашу разоблачил? А кто, наконец, до лесного города, долетел? Ты?

— Я и говорю — когда как, — повторила Алиса.

— Жаль, — сказал кузнец. — Я так надеялся...

Было тихо. Тонкие, легкие облака плыли по вечернему небу. Солнце уже опустилось низко, и тень от колодца пролегла через всю поляну.

— Мой бедный брат, — произнес кузнец. — Сколько еще тебе ждать спасения?

— Ваш брат? — не поняла Алиса.

— Она ничего не знает, — сказал Пашка.

— Мой брат Гарольд, — сказал кузнец. — Гарольд Иванович. Ведущий талант в систематике пещерных сколопендр, рыцарь науки, святой человек... мой учитель во всем, в большом и малом, мой славный братишка!

Голос кузнеца дрогнул.

— Я не могу...

Кузнец тяжело поднялся с пня и сказал:

— Подождите, я сейчас. Мне надо успокоиться.

Он вернулся в мельницу.

— Что случилось с его братом? — не выдержала Алиса.

— Его брат Гарольд пропал без вести в какой-то очень глубокой пещере.

— Ой, как страшно! И давно это случилось?

— Давно, — отозвался Семен Иванович, подходя. Он держал в руке жареный свиной окорок и обкусывал его как куриную ножку. — Это случилось двадцать лет назад. Поиски ни к чему не привели. Я — единственный человек в мире, который не поверил в смерть Гарольда. Остальные... только посмеиваются надо мной.

— Поэтому вы и построили подземную лодку? — спросила Алиса.

— Пошли ко мне,— сказал кузнец.— Я расскажу все по порядку.

Жил Семен Иванович в мельнице, на втором этаже. Посреди комнаты стояла низкая железная кровать, спинки которой были выкованы из множества виноградных листьев. Рядом с кроватью был низкий столик с лампой, на котором лежали справочники по металлургии и ваза с леденцами, а белые стены были завешаны фотографиями.

Семен Иванович уселся на кровать, гости рядом с ним и, глядя на стену, кузнец принялся рассказывать, в нужных местах показывая пальцем на ту или иную фотографию.

— Вот это мои бабушка и дедушка,— говорил он,— я их почти не помню. Мой дед был энтомологом, он стыкал на Марсе пустынных паучков и этим прославился.

— Мы проходили это в школе,— сказала Алиса.— Его фамилия Бордаев.

— Это наша общая фамилия,— сказал Семен Иванович.— Молодец, Алиса, киса, ты меня радуешь. Ты, наверное, хорошо учишься.

— Прилично,— сказала Алиса.

— Она почти отличница,— честно сказал Пашка.

— Чего о тебе сказать нельзя.

— У меня бывают срывы,— сказал Пашка.— Настоящий талант не может быть отличником.

— Неубедительно,— сказал Семен Иванович.— А вот это мои папа и мама. В день свадьбы. Мой папа тоже хотел стать энтомологом, но моя мама страшно боялась пауков и ему пришлось заняться кулинарией. Он изобрел торт «Двойной сюрприз». Не слышали?

— Нет,— сказала Алиса.

— После смерти папы никто не смог его изготовить. Этот торт состоит только из начинки. Но начинка сделана из десяти сортов ягод и плодов, сливок и кефира. Она совершенно жидккая и даже частично газообразная. Для того, чтобы этот торт не расплылся, папа придумал специальное силовое поле. А вот и мы с Гарольдиком.

На следующей фотографии была изображена вся семья. В креслах сидели бабушка и дедушка, они держали на коленях двух мальчиков. Сзади стояли папа и мама. Мальчики были очень разные. Тот, что постарше,

был худеньким, серьезным и грустным. Младший был веселым крепким бутузом.

— С детства мы были очень разными. Гарольдик отлично учился и никогда не баловался. А из меня получился большой шалун.

Кузнец тяжело вздохнул и продолжал:

— Вы не представляете, сколько пришлось из-за меня пережить моим родителям и брату! И не только в раннем детстве. Именно я стал причиной трагической гибели наших родителей. Да, я! Как сейчас помню этот страшный момент. Мне было четыре года и мне захотелось попробовать новый папин торт, над которым он работал второй год. Это был суперторт, которым можно было накормить всю планету. Достаточно было положить на тарелку затравку, сделанную из крема, как этот крем начинал расти.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Он забирал из воздуха атомы и сам строил из них свои молекулы. Ты положил на тарелку чайную ложку крема, а через час получалась целая цистерна прекрасного крема. Папа хранил крем в специальном контейнере, потому что не изобрел еще способа, как остановить крем, если он начинал расти. Но я подглядел, куда он клал ключ от контейнера, и однажды, когда все легли спать, я открыл контейнер, положил затравку на тарелку и начал ждать, пока она увеличится. Как сейчас помню, в доме тихо, все спят, я сижу возле тарелки и смотрю, как на глазах увеличивается комок крема. А как трудно мне удержаться, чтобы не попробовать, но я терплю, а крем все растет, растет как снежный ком...

Кузнец замолчал, рассеянно запустил пальцы в вазу с конфетами исыпал их себе в рот. Проглотил, не заметив, что они были в фантиках, и продолжал:

— Когда крем начал расплзаться с тарелки, я взял ложку, ведь я был воспитанным мальчиком, и принялся его есть. Крем был такой вкусный, что я забыл обо всем. Помню только, как мне пришлось отступить, когда крем сполз со стола, помню, как я ел его на улице, а он выполз из окон и расплывался по газону... Помню какие-то крики, шум. Мои родители утонули в креме, стараясь остановить его, но Гарольдика они успели выбросить в окошко. Я не сразу узнал, что стал сиротой, потому что меня увезли в больницу и с трудом спасли. Беда была

не только в том, что я съел слишком много крема. Беда была в том, что он и во мне продолжал расти. Лучшие медики и химики мира не спали несколько суток, пока придумали способ остановить крем. К тому времени, говорят, он затопил мой родной город Кинешму. Меня спасли... но на всю жизнь я остался калекой.

— Калекой?

— Как мне объяснили доктора, мой организм для того, чтобы спасти себя, перестроился и научился переваривать пищу в сто раз быстрее, чем нормальный. Вы видели, какой я обжора. Это не распущенность. Это безнадежная болезнь. Мой брат Гарольдик, который после смерти родителей стал меня воспитывать, возил меня ко всем врачам-диетологам, я проводил месяцы в санаториях, но кончалось все печально: меня приходилось выписывать, потому что я пожирал все, что лежало вокруг, я воровал пищу с соседних столиков, грабил кухни и склады.

А от того, что я так много и быстро ел, во мне бушевала энергия. В двадцать лет я уже был чемпионом мира по толканию ядра, только ядро у меня было в десять раз тяжелее, чем у остальных — иначе со мной никто не желал соревноваться. А с соревнований по поднятию штанги меня выгнали...

Кузнец показал на фотографию молодого атлета, который держал одной рукой штангу весом килограммов в пятьсот.

— Только представьте себе эту трагедию, — продолжал кузнец. — Всю жизнь Гарольд мечтал пойти по дороге нашего дедушки и открыть новый вид пещерной сколопендры. Он так любил порядок, тишину, систематику! А ему достался я... Вместо библиотек он посещал мою школу и выслушивал жалобы учителей на мое поведение. Он не выносил обжорства, а вынужден был кормить меня с утра до вечера. Он ценил тишину, а я ее всегда нарушал. Я дрался, целовался с девочками, прогуливал уроки, а Гарольдик терпел. И только когда с грехом пополам я кончил школу, Гарольд договорился, чтобы мне отдали эту мельницу, где я устроил пекарню. Правда, пользы от этой пекарни мало — я пожирал свежие булочки быстрее, чем их пек. Но, по крайней мере, Гарольд мог больше обо мне не беспокоиться. А в один прекрасный день двадцать лет назад он сказал мне: «Все, Семен.

Я выполнил свой долг. Остаток жизни я посвяжу науке. Я наведу порядок в энтомологии».

— Это наука о насекомых,— пояснил Пашка, хотя все знали, что это такое.

— Я испек мешок булочек для Гарольда, он взял с собой длинную веревку и фонарь и спустился в глубокую неисследованную пещеру, что начинается как раз за мельницей. Он сказал, что вернется, как только отыщет своего сколопендру. Но не вернулся... Вот и все.

— Нет, не все,— сказал Пашка.— Вы о себе не рассказали.

— Обо мне? Что можно сказать обо мне? Я понял, что мой долг спасти моего брата. И я решил посвятить остаток моей жизни поискам Гарольда.

— А разве его не искали? — спросила Алиса.

— Его искали. Его искали с помощью современных приборов. Целый месяц экспедиция спелеологов исследовала пещеру. И никакого следа...

— Может, он погиб? — спросил Пашка.— Провалился в трещину и погиб?

— Тогда бы его нашли. Нашли бы его тело. Но раз его не нашли, значит он ушел так глубоко, что спелеологи были бессильны. Нет, мой брат жив!

— Значит, подземную лодку вы построили, чтобы отыскать его?

— Разумеется,— сказал кузнец.

— И вы ее сделали сами? Собственными руками?

— Я изобрел ее и построил всю, до последнего винтика!

— Но кто вам рассказал, как ее делать?

— Мне подсказали мое горе, любовь к брату и чувство вины.

— Это удивительно,— сказала Алиса.— Ни один институт еще не изобрел такую лодку, а вы изобрели.

— А моя наследственность? А мой папа? Мой дедушка? Они наградили меня талантами, которые раньше пропадали в туне. Первым делом я построил кузницу у своей мельницы, потому что лодка должна была быть очень крепкой. Я проводил в кузнице дни и ночи, пока не стал лучшим кузнецом в мире. Ко мне прилетают даже из Австралии, чтобы выковывать то, что никто не может выковать. В музее народного искусства вы можете увидеть мои учебные работы: железную веточку ландыша в на-

туральную величину, паутину с пауком и три подкованные блохи. Но это все шутки...

— Шутки гения,— сказал Пашка.

— Нет,— серьезно ответил Семен Иванович.— Это шутки огорченного человека. Это лишь первый шаг к спасению Гарольда. Потом я перечитал всю литературу по металлургии и теплостойким сплавам, выучил все, что касается бурения. И потратил десять лет, пока создал такую лодку, которая может достичь центра Земли. И тут случилось новое горе!

— Какое? — спросила Алиса.

— Я вырос.

— Выросли?

— Да, я несколько растолстел. Я много работал, я махал молотом с утра до вечера, но мой организм все время требовал пищи. И я сам не заметил, как немного располнел. Изготовление внешнего корпуса потребовало двух лет упорного труда. И когда лодка была готова, и я хотел испытать ее, оказалось, что влезть в люк я не могу. Я готов был себя убить!

— Надо было сесть на диету,— сказал Пашка.

— Не говори глупостей, Павел,— ответил кузнец.— Я не только сел на диету. Я целый день не ел, я потерял сознание от голода, но похудел только на один килограмм. А если во мне лишних сто двадцать?

— А сколько не лишних? — спросил Пашка.

— Триста сорок,— ответил кузнец.

Наступила тишина. Кузнец нагнулся, достал из-под кровати мешок с конфетами, высыпал в вазу и немного подкрепился.

— Я готов был себя убить. Но потом понял, что моя смерть не спасет Гарольда. Я должен найти человека, который согласен подхватить эстафету, выпавшую из моей растолстевшей руки.

— И это был я,— без лишней скромности сказал Пашка.

Но Алиса не поверила своему другу.

— А почему вы не обратились к ученым, к испытателям, к спелеологам? — спросила она.

— Я обращался,— сказал толстяк.— Но меня, к сожалению, подняли на смех. Неужели, сказали они, какой-то кузнец-самоучка может построить подземную лодку, которую до сих пор не изобрел наш институт? Разве

они могли понять, что мною двигали высокие чувства, а ими только научные планы? Однажды сюда приехал доктор Воляпук. Он осмотрел мой корабль и сказал, что моя лодка никогда не сможет проникнуть в глубь Земли, потому что я самоучка.

— А вы? — спросила Алиса.

— Я выкинул доктора на тот берег речки. И больше ко мне никто не приезжал.

— Кроме меня, — сказал Пашка.

— А как же вы встретились? — спросила Алиса.

— Мы встретились в музее народных талантов, — сказал Пашка. — Мне так понравилась кованая паутина, что я решил научиться кузнечному делу. Ты же меня знаешь!

Алиса кивнула. Она знала, какой Пашка увлекающийся человек.

— Я сюда прилетел, и мы подружились.

— Пашка — хороший парень, — сказал кузнец. — Но одного я его под землю не отпущу. Надежности в нем мало. Я ему так и сказал — найдешь солидного спутника — бери корабль, отправляйся к центру Земли.

— Вот я и привез сюда Алису.

— Ну, хитрец! — сказала Алиса. — А сам сделал вид, что все произошло случайно.

— Но теперь я сомневаюсь, — сказал кузнец. — Ведь путешествие нешуточное, а сегодня Пашка чуть вас не утопил.

— Больше это не повторится.

— Под землей меня не будет... Нет, не возьму такого греха на душу.

— Алиса, ну скажи! — взмолился Пашка. — Скажи, что ты будешь за мной следить!

— За тобой нелегко следить.

— Но ты подумай о брате Семена Ивановича. Он уже много лет сидит под землей, он мечтает увидеть солнце. Он ждет спасения! Неужели в тебе нет сердца?

Пашка может уговорить даже чугунную тумбу. А Алису уговорить легче. С ее-то любовью к приключениям!

— Но как мы его найдем? — спросила Алиса, и Пашка вздохнул с облегчением. Если она спрашивает, значит уже колеблется. — Ведь прошло...

— Двадцать лет, — сказал кузнец.

Алиса подумала, что двадцать лет никто под землей

не проживет, и видно Семен Иванович угадал ее мысли, потому что сказал:

— Гарольдик жив. Я получил от него записку. В прошлом году.

Кузнец расстегнул рубашку, вытащил висевший на груди золотой медальон, раскрыл его, достал изнутри свернутый в трубочку золотой листочек и расправил его на столе.

— Смотрите,— сказал он.— Это я нашел у моей двери в прошлом году.

На листочеке чем-то острый были выдавлены маленькие буквы:

«У меня все в порядке. Вынужден задержаться. Нашел три вида неизвестных науке насекомых. Надеюсь, ты ведешь себя достойно. Гарольд».

— В прошлом году? — спросила Алиса.

— А это значит, что он находится где-то там,— кузнец показал под ноги.— И не может вырваться. Видите, он написал «вынужден задержаться».

— Значит под землей есть жизнь,— сказал Пашка.— И мы стоим на пороге открытия.

— И эта жизнь не отпускает ко мне Гарольдика!

И кузнец не выдержал. Он зарыдал. Страшно было смотреть, как рыдает такой громоздкий мужчина.

Алиса поняла, что обязательно отправится в глубь Земли, чтобы воссоединить Семена с братом Гарольдом.

— А долго надо будет путешествовать? — спросила она.

— День, два, не больше! — радостно откликнулся Пашка.— Лодка ведь быстроходная.

— Пашка прав,— сказал сквозь слезы Семен.— Ведь не в раскаленном же центре Земли запрятан мой брат!

— Мы найдем его, даю слово,— сказал Пашка.— Завтра в путь.

— Нет,— сказал кузнец.— К путешествию надо подготовиться. И я хочу, чтобы Алиса научилась управлять лодкой. Пускай она будет главной.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Пашка.— Я же мужчина!

— Ты легкомысленный мужчина,— сказал кузнец.— Или Алиса, или никто.

— Ладно, взял себя в руки Пашка.— Я сдаюсь.

Ему очень хотелось отправиться в недра Земли. Он жаждал великих приключений и открытий.

Семен Иванович проводил их до флаера. Уже стемне-ло, жужжали комары. Громко плеснула рыба у плотины.

— Завтра с утра испытания,— сказал кузнец.

Он поднял руку, прощаясь со своими юными друзьями, и побрел в мельницу, чтобы чего-нибудь перекусить.

Глава

5

В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ

Три дня продолжались тренировки экипажа и испытания подземной лодки. Алиса быстро привыкла к тесной каюте, сама сшила две подушки, чтобы не так жестко сидеть на железе, а Семен Иванович усовершенствовал привязные ремни. Теперь они надежно подхватывали терранавтов и не давали уткнуться носом в пульт. Слово «терранавты» придумал Пашка. От латинского слова *terra* — Земля. Слово всем понравилось, и даже подземной лодке дали название «Терранавт». Правда, написать это слово на борту было нельзя — лодка сотрет его о грунт в две секунды. Зато Алиса написала его большими буквами на обложке судового журнала. Ведь не бывает корабля без судового журнала. За спиной водителя кресла укрепили контейнеры для воды и еды. Места там было достаточно. И хоть договорились, что путешествие продлится только два дня, Семен Иванович набил эти контейнеры продуктами так, словно сам собирался в далекое путешествие.

— Ничего,— сказал он Алисе, когда она начала было спорить,— ведь Гарольдик так изголодался, он будет рад домашним продуктам.

За дни испытаний «Терранавт» пробуравил поляну так, будто на ней резвились громадные кроты. Алиса уговорила кузнеца после путешествия передать чертежи лодки ее знакомому сантехнику — ведь нет лучшего способа, чем делать подземные коммуникации, чем проходить их на «Терранавте». Тем более, что его внешняя оболочка могла разогреваться до трех тысяч градусов,

и тогда стенки туннеля, который лодка прокладывала в земле, становились твердыми и гладкими, как фарфоровые.

Наступил четвертый день. Семен Иванович вызывал из Москвы трейлер, погрузил на него лодку, отвез ко входу в пещеру. Там он и поджидал путешественников. Когда прощались, он вручил им выкованные им за ночь острые ножи и каски, блестящие, легкие и крепкие. Спереди — фонари, которые не требуют подзарядки тысячу часов и светят ярче любого прожектора.

— Если встретится подземная опасность, — сказал Семен Иванович, — сразу включайте фонари — подземные жители не терпят яркого света.

— Подземная опасность, — прошептал Пашка с надеждой. Он мечтал встретить подземную опасность.

На прощанье Семен Иванович нежно обнял друзей и передал им письмо для брата и фотографию Гарольда. На ней был изображен худенький молодой человек в очках, с бородкой. Человек был очень серьезен.

— Наверно, мой брат изменился, — сказал Семен. — Но вы его узнаете. Он добрый.

Кузнец был взволнован. Он вытащил из-за пазухи буханку и принял ее жевать.

Алиса с Пашкой залезли в лодку.

— Поехали! — сказал Пашка.

Алиса включила механизм, который закрывал люк, потом проверила, как работают приборы. Пашка с трудом терпел, когда же начнется путешествие. Но молчал, потому что дал слово Алисе, что капитаном корабля будет она. И слово свое держал.

Все приборы работали нормально. Алиса включила двигатель и толкнула вперед две большие рукояти. Лодка задрожала, ввинчиваясь в землю.

Над пультом в изящной кованой рамочке появилась цифра 1.

Алиса включила экран. Он тоже был обрамлен рамкой из железных листочков. По экрану бежали цифры, которые показывали плотность породы.

— Земля, — сказал Пашка.

На третьем метре порода стала плотнее. Алиса посмотрела на спидометр — «Терранавт» ввинчивался в землю со скоростью метр в минуту. Конечно, это был не

предел скорости, но Семен Иванович просил не торопиться.

— Один недостаток у нашей лодочки,— сказал Пашка.— Дрожит.

— Привыкнем,— сказала Алиса.

Она с удивлением посмотрела на экран, который показывал плотность породы — цифры на нем внезапно побежали назад, к нулю. Алиса хотела было сказать Пашке, что прибор испортился, но в тот момент они почувствовали, что лодка падает. Если бы не ремни, терранавты вылетели бы из кресел.

— Держись! — крикнула Алиса, не отрывая глаз от глубиномера.

Цифры на нем выскакивали как сумасшедшие.

Лодка ударила в что-то, свалилась набок, выпрямилась и снова полетела в глубину.

— Это пещера! — крикнул Пашка.

Еще удар! Лодка замерла. Алиса перевела дух и выключила двигатель.

Стало очень тихо. Только слышно было, как часто дышит Пашка.

Глубиномер показывал 67 метров.

— Конечно, пещера,— согласилась Алиса.

— А крепкий у нас кораблик,— сказал Пашка, который как раз пришел в себя.— Грохнулся с высоты двадцатиэтажного дома и хоть бы что.

— Да, кораблик хороший,— согласилась Алиса.— Только я очень испугалась.

— А я, честно говоря, даже не успел.

— Может, выберемся, посмотрим, что вокруг? — предложила Алиса.

Пашка согласился. Они надели шлемы и открыли люк.

— Далеко не отходим,— сказала Алиса.

— Что ж я, не понимаю, что ли? — сказал Пашка.— Здесь все равно ничего интересного.

«Терранавт» лежал, заклинившись в расщелине. Если посветить наверх, то увидишь, как она расширяется.

— Здесь проходил спелеолог Гарольд,— сказал Пашка.

Гулкое пещерное эхо отозвалось перекатами шума.

Когда эхо смолкло, под землей стало тихо. Даже в ушах звенело от тишины. Только где-то далеко капала вода...

— Поехали, — сказала Алиса.

Они снова забрались в лодку. На этот раз управлял ею Пашка.

Лодка врезалась в стену расщелины и начала снова пробиваться в глубь Земли.

Целый час они двигались без приключений. Лишь на счетчике выскакивали новые цифры да показатель плотности утверждал, что порода за бортом становится все плотнее и немного теплей, словно горячее дыхание центра Земли добиралось до ее коры.

Висеть на ремнях было неудобно. Поэтому Алиса предложила идти вниз под углом в сорок градусов. Пускай скорость будет не та, зато меньше устаешь.

— Но тогда мы сильно отклонимся от той пещеры, сквозь которую спускался Гарольд, — сказал Пашка.

Сказав так, он тут же перевел «Терранавта» на плавнирующий спуск, потому что тоже устал висеть на ремнях.

Еще через полчаса они выпрямили лодку и перекусили.

— Знаешь что, — сказал Пашка, — давай еще на полкилометра спустимся, а потом обратно.

— Почему? — удивилась Алиса, — мы же всего-навсего на сто пятьдесят метров спустились.

— Скучно!

— Ну вот, — удивилась Алиса, — ты же сам хотел пробраться к центру Земли.

— До центра нам целый год добираться.

— Ну пускай не до центра. Хотя бы до того места, откуда пришло письмо на золотом листке.

— А ты уверена, что оно настояще? — спросил Пашка. — А вдруг его Семен Иванович сам написал?

— Зачем?

— Чтобы мы согласились в этой лодке путешествовать.

— Слушай, Пашка, — рассердилась Алиса. — Тебя никто за язык не тянул. Ты сам меня затащил в это необыкновенное путешествие.

— Но я же думал, что оно в самом деле необыкновенное, а оно — самое скучное путешествие в мире. У этой проклятой лодки даже никаких рук нет, чтобы образцы забирать. Может быть, мы сейчас проходим мимо алмазных месторождений и даже не подозреваем об этом.

— Не ворчи,— сказала Алиса.— Займись лучше корабельным журналом. Будешь вести его через пятнадцать минут.

— И что записывать? — Как капитан Селезнева чихнула?

— Я уверена, что еще будут приключения,— сказала Алиса.— А пока что я увеличиваю скорость вдвое. Ты согласен?

— Нет!

— Ты не согласен?

— Каждый лишний метр значит, что нам придется дольше подниматься. Ты об этом не подумала?

— Ты совсем пал духом,— сказала Алиса.— Открывай журнал и пиши, как мы открыли подземную пещеру.

Пашка подчинился. Со вздохом он достал журнал, записал что-то в него, потом открыл контейнер, вытащил оттуда пирожок, начал скучно жевать его, да так и задремал, повиснув на ремнях. Алиса не стала его будить — хуже нет, когда экипаж недоволен. Когда-то матросы чуть было не заставили Колумба вернуться обратно. Послушался бы он матросов, осталась бы Америка не открытой.

Пашка проспал почти час. За это время лодка опустилась еще на сто метров. На счетчике глубины горели цифры — 205 метров. Ой, подумала Алиса, которая тоже очень устала, сколько же нам придется подниматься. А если откажет двигатель? И ей стало не по себе от мысли о том, какой толстый слой камня отделяет их от солнца.

И куда они стремятся? А вдруг до самого центра Земли идет камень, сплошной камень...

Где искать этого Гарольда?

Сами руки потянулись, чтобы повернуть рукоятки на подъем. Но упрямство взяло верх. Еще часок, может, два часа, сказала себе Алиса. И будем возвращаться.

Пашка мирно спал, свесившись ей на плечо, а минуты текли медленно, и было слишком тихо, лишь урчал двигатель.

Алиса незаметно задремала, а когда в следующий раз она поглядела на глубиномер, тот показывал триста шесть метров. Алиса кинула взгляд на второй экран. Плотность упала. Алиса посмотрела на таблицу и поняла, что лодка находится в воде. Понятно, почему она так быстро опу-

скается. Видно, они попали в подземное озеро или даже море. Интересно, глубокое оно?

На отметке четыреста сорок метров погружение прекратилось и лодка снова начала вгрызаться в породу. Если внизу под морем какая-то новая пещера и в ней скрывается несчастный Гарольд, то через туннель, который пробурит лодка, вода хлынет туда и все затопит, испугалась Алиса. Но потом она вспомнила, что не включала обогреватель внешнего корпуса, поэтому лодка отбрасывает породу назад и закупоривает туннель.

Пашка пошевельнулся во сне, лениво открыл глаза и не сразу сообразил, где он. Потом проснулся окончательно, посмотрел на экран и не поверил своим глазам.

— Что это? — спросил он. — Сколько я спал?

На экране горела цифра 456.

— Посчитай, — сказала Алиса. — Ты заснул, когда было двести метров?

— Да.

— Значит проспал четыре часа.

— Шутишь!

— Посмотри на экран. Он не будет врать.

— Что-то неладно, — сказал Пашка. — Четыре часа... Нет, не может быть! Поворачивай назад. Хватит!

— Я пошутила, — сказала Алиса. — Мы прошли сквозь подземное море глубиной в двести метров.

— Море? И ты меня не разбудила? Ты предательница.

— Но в лодке нет иллюминаторов, и ты бы все равно ничего бы не увидел.

Пашка успокоился, но вскоре стал жаловаться, что у него все затекло. Они поменялись местами на кресле, но это не помогло. Алисе тоже надоело висеть на ремнях в махонькой каюте.

Может, и в самом деле повернуть назад?

Алиса решила подождать, пока об этом снова попросит Пашка. Иначе, когда они вернутся на поверхность, он будет всех уверять, что хотел пробиться к центру Земли, да вот Алиса испугалась и сорвала экспедицию.

— Смотри! — крикнул Пашка.

На показателе плотности снова был 0.

— Держись! — крикнула Алиса.

Лодка начала падать. Казалось, что она падает страш-

но долго. Цифры глубины слились в сплошную линию. И когда, наконец, лодка ударила о дно и покатилась по нему, отчего все в каюте перепуталось, на глубиномере горела цифра 624. Это была уже рекордная глубина! Наверное, ни один человек еще не спускался так глубоко.

— Все,— сказала Алиса, потирая ушибленную руку.— Приехали.

— Давай вылезай поскорее,— сказал Пашка.— Полцарства за то, чтобы выпрямить ноги!

Люк со скрежетом и визгом открылся. Они спрыгнули на каменный пол громадной пещеры, и, как ни старались достать до потолка ее лучами фонарей,— так его и не увидели. И во все стороны простиралась пустота.

Тихо. Совсем тихо.

Никто не живет на такой глубине.

— Знаешь, что я сейчас сделаю,— сказал Пашка.— Я вытащу из кабины подушки и буду спать на полу. Не возражаешь?

— Только будем спать по очереди,— сказала Алиса.— Мало что...

— А если придет Гарольд,— сказал Пашка, залезая в лодку за подушками,— скажи ему, чтобы подождал, пока я проснусь.

Пашка положил подушки на камень, вытянулся и закрыл глаза.

Все-таки он храбрец, подумала Алиса. Я бы никогда не осмелилась здесь заснуть. Конечно, известно, что внутри Земли никто не живет. Но ведь получил же записку Семен Иванович... А почему здесь не жить? Воздух хороший, свежий, совсем не холодно. Только темно. Но к этому можно привыкнуть.

И Алиса решила пройти немного вперед, посмотреть, что представляет собой пещера, в которую они попали.

Только она сделала шаг вперед, как услышала голос Пашки:

— Нет,— сказал он.— Спать я не смогу. Я думал, что я устал, а в самом деле хочу начать исследования. Не уходи без меня!

Пашка вскочил и догнал Алису.

И они пошли по гулкому подземному залу, где никогда не ступала нога человека.

Глава 6

В ГОСТЯХ У ПЛЕМЕНИ ОХОТНИКОВ

Метров сто они прошли по гладкому, словно отполированному полу, затем пол начал полого подниматься, кое-где встречались светлые столбики сталагмитов, сверху падали редкие капли воды. Алиса запрокинула голову, посветила фонарем, оказалось, что потолок здесь совсем не высок, с высоты трехэтажного дома свисали многочисленные сосульки сталактитов. И чем дальше они шли, тем ниже опускался потолок и гуще становились столбики и сосульки, кое-где они соединялись, образуя неровные, тонкие посредине стволы, будто путешественники попали в лес.

— Как бы нам не заблудиться, это будет глупо,— сказал Пашка.

— У меня компас на руке,— сказала Алиса.

— Ему здесь нельзя доверять. Вдруг где-то рядом запасы магнитного железняка?

— Пойдем обратно?

— Погоди, что-то блестит.

За лесом сталактитов поднималась гладкая скала. Она была черной, лишь кое-где поблескивали звездочки светлых вкраплений.

— Как ты думаешь, это алмазы? — спросил Пашка.

— Надо бы в справочник по минералогии поглядеть,— ответила Алиса.

— Но я его не взял.

— Зато я взяла,— ответила Алиса.— Только он на борту остался.

Пашка попытался отковырнуть кусочек скалы, но ничего не получилось. Нож только скользил по ее поверхности.

— Легкомысленно ты отнеслась к путешествию! — сказал Пашка.— Надо было молотки взять, взрывчатку.

— В следующий раз возьмем,— ответила Алиса.

— В следующий раз поедешь с кем-нибудь еще,— мрачно сказал Пашка.— Лучше бы я вокруг дома с Аркадией пошел. Сражались бы сейчас с пауками и гусеницами. Все интереснее. Здесь никакой жизни нет.

Но Пашка глубоко заблуждался.

Алиса вдруг почувствовала, что они не одни. Нет, она ничего не услышала и не увидела — так же тихо вокруг, но воздух... шевельнулся, будто повеял легкий ветерок.

Алиса оглянулась.

Луч ее фонаря скользнул по столбам сталактитов и отразился в человеческих глазах.

Кто-то наблюдал за ними.

— Пашка!

— Ну что еще?

— Пашка, здесь кто-то есть!

— Где?

Алиса не успела ответить, потому что раздался пронзительный свист и со всех сторон на них кинулись какие-то черные страшные существа, навалились, повалили на каменный пол.

Алиса отбивалась, как могла, ее пальцы хватались за шерсть, за крепкие корявые пальцы, скользили по мощным мышцам...

Но сопротивление было безнадежно. Она почувствовала, как ее поднимают и тащат.

— Пашка!

— Я здесь!

Алиса сообразила, что ее несет кто-то большой и сильный, перекинув через плечо. Она стала молотить кулаками по спине этого существа, но оно не обращало на это внимания.

Путешествие закончилось быстро.

Алису кинули на землю. Она увидела, что неподалеку горит большой костер, мохнатые люди, что схватили терранавтов, окружили их и переговариваются между собой взвужденно и громко.

Язык этих существ состоял не из слов, а из каких-то междометий.

Так как Алису никто не трогал, она приподнялась и села. Пашка лежал рядом.

— Пашка, — сказала Алиса. — Ты живой?

— Живой, — ответил Пашка. — Только они меня по голове стукнули.

Услышав голоса пленников, мохнатые люди принялись еще громче ухать, ахать и рычать, но в их поведении не было ничего враждебного. Вернее всего, они были

очень удивлены, увидев в своем подземелье таких странных гостей.

Местный ребенок вертелся возле Алисы и трогал ее ручонками. Алиса направила на него свет фонаря, ребенок зажмурился и заверещал, а большой мохнатый человек, что тащил Алису, рассердился и ударил кулаком по фонарю.

Удар был такой сильный, что Алиса поняла: еще раз стукнет — фонарь вдребезги. Так что она выключила фонарь, и мохнатый успокоился. А ребенок отбежал к костру и тер глаза, плакал. Мохнатая женщина подошла к нему и стала успокаивать.

— Уух,— сказал мохнатый человек.— Ты?

— Я Алиса,— ответила Алиса, поднявшись на ноги. Она ткнула себя пальцем в грудь и повторила:

— Алиса.

Мохнатый охотник подумал немного, его маленькие, спрятанные в глубоких глазницах под низким покатым лбом глазки заморгали, видно, мохнатый соображал. Наконец, он сообразил и произнес:

— Алиса! — И ткнул ее в грудь коротким пальцем. Потом еще подумал, ткнул себя пальцем и сказал:

— Рын!

И все мохнатые вокруг повторили: — Рын! Рын! Уух как Рын!

— Начало положено,— сказал Пашка.— Первая встреча доктора Ливингстона с дикарями на реке Замбези.

Он сделал шаг вперед и, ткнув себя в грудь, сказал:

— Павел Гераскин! Москва!

Эти слова привели мохнатых в полное замешательство. Никто из них не мог выговорить таких сложных слов. Мохнатый начал было стараться:

— Аве! Аски... Мо-ва...

Потом махнул рукой и отвернулся от Пашки. Зато при виде Алисы он рассмеялся, показав все свои могучие клыки, и повторил:

— Алиса!

Потом снова показал на себя и повторил:

— Рын.

Остальным Алиса тоже понравилась. Мохнатые люди по очереди подходили к ней и каждый представлялся и каждому Алиса называла свое имя. Пашке это не нра-

вилось, но на него никто не обращал внимания.

Потом мохнатые люди повели Алису к костру и посадили на круглый камень. А когда Пашка тоже постарался занять там место, его оттолкнули в темноту, и Рын зарычал, показав клыки. Пашка счел за лучшее подчиниться.

На костре, насаженное на железные пруты, жарилось мясо.

Один из мохнатых людей долго выбирал куски получше, потом протянул прут Рыну, который был здесь главным. Рын понюхал, одобрил мясо и, сняв кусок с прута, дал Алисе.

— Спасибо,— сказала Алиса.

Сзади из темноты донесся шепот Пашки:

— А он рук не моет.

Сам Пашка не отличался чистоплотностью, но сейчас у него было плохое настроение.

Алиса откусила кусочек, мясо было мягкое, но несоленое.

— Как? — спросил Рын.— Ах, добро? Кус-кус?

— Ах, кус-кус,— согласилась Алиса.

— Они здесь подземных крыс едят,— сказал злобно Пашка.

Рын услышал голос Пашки и не одобрил его тона, потому что, не поворачиваясь, метнул назад большую кость. Послышался удар и Пашкин крик:

— Так и убить можно!

Алиса вскочила:

— Пашка, тебе больно?

— Еще бы, крысоеды проклятые. Ты, Алиса, как хочешь, но я возвращаюсь в лодку и беру курс наверх.

В самом деле он, конечно, никуда без Алисы не движется, но унижений Пашка не выносил.

— Пашка, ах! — сказала Алиса Рыну.— Уух, хронший!

— Нет,— отозвался Рын.— Он груб!

— Груб! Груб! Груб! — закричали остальные мохнатые люди.

Алиса обернулась и протянула Пашке кусок мяса.

— Не надо,— гордо сказал он.— У меня в лодке жареная курица есть.

Но мясо сжевал в мгновение ока.

Подошли две дикие мохнатые женщины, они стали

щупать Алисины волосы, гладить шершавыми пальцами ее лицо. Алиса терпела, хоть и было страшновато.

— Алиса,— тут, Алиса,— кус-кус всегда,— сообщил Рын.

— Нет,— сказала Алиса.— Спасибо за гостеприимство, но у нас здесь дело.

Издали послышались голоса. Они приближались.

Мохнатые люди поспешили туда, где тускло светили факелы. Вскоре к костру подошла еще одна группа подземных жителей. Они волокли за собой большую мохнатую тушу. Морда была оскалена, острые зубы оскалены — это же медведь! Огромный черный медведь!

— Вот это добыча! — сказал Пашка.

— А ты говорил — крысы,— сказала Алиса.

— Но крыс они тоже едят, даю слово,— сказал Пашка.

Женщины сбежались к медведю, начали каменными скребками сдирать с него шкуру.

Главный охотник, седой, хромой, обросший шерстью так, что сам был похож на медведя, сел к костру и, посмотрев на гостей, спросил Рына, кто такие?

Рын начал объяснять, больше жестами, чем словами.

— Я попрошу с ними на охоту,— сказал Пашка.— С моим ножом я для них находка.

— Этого еще не хватало,— сказала Алиса.— Нам пора уходить.

— Нет,— сказал Рын.— Кус-кус свежий медведь.

— Он прав,— сказал Пашка.— Пещерного медведя мы еще не пробовали.

Охотники у костра принялись петь. Пели они заунывно, медленно и однообразно, а вместо припева хором рычали.

— Алиса от-туда? — спросил Рын, показывая наверх.

— Да,— сказала Алиса.

— Я — от-туда,— сказал Рын,— но...— Он искал слова, которых у него в языке было совсем немного.

— Давно? — спросила Алиса.

— Ой, да! — сказал дикарь.

Он стал показывать руками, как давно, и по мере того, как он рассказывал, Алиса поняла, что язык жестов становится ей все более доступен. А по тому, как Пашка, сидевший рядом, поддакивал Рыну, стало ясно, что и Пашка все понимает.

Много-много лет назад,— показал Рын, никто не помнит сколько, племя его жило на Земле, наверху, где солнце и хорошая охота. Но потом пришли другие люди, похожие на Алису и на Пашку, совсем без волос, была война, многих мохнатых убили, и оставшиеся спрятались в пещерах. Но безволосые люди добрались и до пещер. Поэтому мохнатые ушли глубже под землю, пока не забрались так глубоко, что и забыли путь обратно.

— Вы же неандертальцы! — сообразил Пашка.

— Неа — что? — спросил Рын.

— Пашка,— сказала Алиса укоризненно,— как же Рын может знать слово, которое изобрели совсем недавно?

— А я думал, что они сами себя так называли,— сказал Пашка.

— А наверх не хочется? — спросила Алиса, она тоже помогала себе жестами, и Рын ее сразу понял.

— Страшно,— ответил Рын.— Потому что безволосые люди нас убьют.

— Нет! — возмутился Пашка.— Безволосые никого не убивают. Они цивилизованные, они овладели природой и летают в космос.

Рын Пашку не понял, но улыбнулся.

— Ты же видишь,— сказала Алиса.— Мы не хотим зла.

— Вы — другое дело,— ответил Рын.— Ты хорошая. Ты так похожа на женщину, которая попала к нам давно-давно, когда Рын был маленьким. Она пришла сверху и осталась жить у охотников. Рын ее очень любил.

— Наверное, тоже заблудилась,— сказал Пашка.

— Я покажу,— сказал Рын.

Он повел гостей внутрь низкой пещеры, где остановился перед гладкой стенкой, на которой было много рисунков мелом.

— Смотри,— сказал Рын.

На стене был портрет женщины с длинными белыми волосами. Портрет этот был приблизительный, как будто его рисовал пятилетний ребенок. Так что угадать, кто нарисован, было невозможно.

— Смотри! — Пашка бегал вдоль стены и рассматривал рисунки.— Это мамонт! А это саблезубый тигр! Они здесь водятся?

— Совсем мало осталось,— сказал Рын.— Кус-кус нет. Даль ходи.

— Наверное, когда неандертальцы скрывались здесь от древних охотников,— сказала Алиса,— то и другие животные тех времен тоже стали прятаться в пещерах.

— Он кус-кус что? — спросила Алиса, показывая на мамонта.

Молодая женщина, что несла факел, нагнулась и подняла с пола белесую тряпку.

Алиса увидела, что это белый лишайник. Значит здесь есть подземные растения, которые никогда не видели света.

— Рын — кус-кус нет,— сказал охотник, и это значило, что лишайники не годятся людям в пищу.

— Ого! — воскликнул Пашка.— Что мы видим!

На стене был изображен настоящий дракон, вокруг которого, словно для масштаба, были нарисованы маленькие человечки с копьями.

— Драка,— сказал Рын.— Много кус-кус, но бух!

И Алисе стало ясно, что в таком драконе много мяса и он — желанная добыча для неандертальцев, но, к сожалению, охота на него очень опасна и многие погибают во время нее.

И чтобы Алиса в этом не сомневалась, Рын показал на лежащего у ног дракона человечка.

— Амба! — сказал он.

Пашка, не отрываясь, глядел на дракона, и Алиса поняла, что теперь Пашка не поедет обратно до тех пор, пока не отыщет и не поразит в честном бою подземное чудовище.

— Учи,— сказала Алиса.— Если драконы здесь и сохранились, то их нужно немедленно занести в Красную книгу и охранять как зеницу ока.

— Ладно,— согласился Пашка.— Одного мы с тобой поразим, а остальных будем охранять как зеницу ока.

— А кто рисовал все это? — спросила Алиса.

— Рын! — охотник ударил себя кулаком в грудь, и звук получился такой гулкий, что по пещере раскатилось эхо.

Женщина подняла с пола кусок мела, Рын жестом вел Алисе встать к стене, прижавшись спиной, и быстро обвел ее мелом, потом велел отойти и показал на Алисин силуэт на стене, очень гордый своим мастерством.

— Так каждый может,— сказал Пашка,— тоже мне, художник!

Но этим работа Рына не кончилась. Поглядев на Алису, он вернулся к своему рисунку и нарисовал два кружка на месте глаз, потом вертикальную полоску — нос и горизонтальную — рот. Затем подошла очередь волос — их он нарисовал прямыми линиями, и теперь Алиса стала точной копией той женщины, что была нарисована раньше. Сходство поразило и самого художника.

— Ax! — воскликнул он.

А женщину, которая держала факел, больше всего потрясло мастерство художника. Жестами и междометиями она уверяла, что сходство портрета с Алисой — потрясающее. И она так громко восторгалась, что сбежалось все племя. И, конечно же, все были потрясены талантом Рына.

Тут Пашка не выдержал. Он отобрал у Рына кусок мела и заявил:

— Хоть в школе по рисованию у меня всего четверка и художником я становиться не намерен, но я обязан показать, что умеет делать обыкновенный талантливый школьник двадцать первого века.

Он велел молодой женщине с факелом встать у стены и принялся рисовать ее портрет. Портрет был не очень удачным, но, разумеется, куда ближе к действительности, чем работа Рына. Алиса предпочла бы, чтобы Пашка не демонстрировал свои таланты, но останавливать его — это значит еще более укрепить в упрямстве. Так что терпела и ждала, чем это кончится.

Все племя глазело на Пашку. Принесли еще факелов, чтобы приезжему художнику было сподручнее. Пашка увлекся, очень натурально изобразил шерсть, скошенный лоб, маленькие глазки и даже шкуру, в которую женщина была закутана.

Минут двадцать он трудился. Потом отошел на два шага, склонив голову, обозрел свой труд и сказал:

— Готово. Принимайте работу.

Охотники вежливо смотрели на стену, потом хромой охотник сказал:

— Шкура похожа.

Охотники разошлись, а женщина поглядела на свое изображение и вдруг заплакала.

Ее подруга обняла натуращицу и повела прочь.

Алиса и Пашка остались одни.

— Ничего не понимаю,— рассердился Пашка.— Я же старался. Неужели моя картина хуже, чем эти детские каракули?

— Не знаю,— сказала Алиса.— Может быть, они не привыкли к таким рисункам.

— Да,— утешил себя Пашка,— им еще расти и расти, пока они поймут искусство.

Они вернулись к костру. Охотники подвинулись, освобождая им место. Пока жарилась медвежатина, молодые женщины спели гостям песню, а воины сплясали боевой танец, в котором они очень понятно изобразили, как охотятся на мамонта.

— Рын,— спросила Алиса.— А почему Пашкина картина вам не понравилась?

Рын ответил, что понравилась, но видно было, что говорит он это только из вежливости.

Алиса пристала: говори правду. И Рын, вздохнув, объяснил, что Пашка, к сожалению, не понимает искусства. Искусство должно показывать не то, что видишь, а то, что хочешь увидеть. Если ты рисуешь картину охоты, то зверь должен быть побежден. Если ты рисуешь человека, то человек должен быть красивым. Вот Алису Рын нарисовал красивой, а Пашка нарисовал Кы-ну очень некрасивой, он показал, что у нее на теле волосы, что у нее низкий лоб и маленькие глазки. Мы и так знаем, что у нее маленькие глазки и низкий лоб, но это же не искусство!

Может быть, Алиса не все тонкости речи Рына поняла, но главное было ясно: не быть здесь Пашке великим художником.

Охотники спрашивали Алису, как там, наверху, как охота, есть ли мамонты? И когда Алиса пыталась объяснить, что там уже совсем другая жизнь, что безволосые люди на мамонтов не охотятся, ее не понимали.

— А чего бы вам не вернуться наверх? — спросила Алиса.— Вас там никто не обидит.

— Обидят,— ответил Рын уверенно.

— Можно послать кого-то из вас, пускай поглядит.

— Нет,— ответил Рын.— Мы знаем. Безволосые охотятся на нас и очень мучают.

После обеда Алиса спросила:

— Пашка, а где фотография брата Гарольда? Нужно

ее показать неандертальцам, может, они его видели.

— Правильная мысль,— сказал Пашка.— Я как раз собирался сходить на лодку и принести фотографию.

— И заодно принеси оттуда чего-нибудь вкусненького для наших хозяев.

— И об этом я тоже подумал,— сказал Пашка.

Он включил фонарь и пошел к лодке. Никто его не останавливал — нужно человеку куда-то сходить, его воля.

— И куда вы дальше? — спросил Рын.

— Вниз,— сказала Алиса.— У нас там дело.

— Нет,— сказал Рын.— Вниз нельзя. Внизу плохо.

Внизу вас обидят.

— Но что там такое?

— Там царство Четырехглазого!

При этом имени все вокруг костра начали водить ладонями у лица, видно отгоняли злого духа. Женщины завывали, дети плакали, а мужчины били копьями в пол и угрожающе рычали.

— Чем он опасен? — спросила Алиса.— Он дракон?

— Он хуже дракона. Дракона мы кус-кус, а четырехглазый нас кус-кус.

— Людоед?

— Много наших людей погибло навсегда, попав в его царство,— объяснил Рын.

Тут вернулся Пашка с целой коробкой спелых яблок.

Неандертальцы сначала не хотели их есть, боялись, но потом, видя, как Пашка хрустит яблоком, последовали его примеру.

Ну и радость началась!

Алиса следила, чтобы и маленьким досталось, и старикам, которые выползли откуда-то из пещер. К счастью, Семен Иванович не пожалел яблок и всем хватило.

— Вот это вы будете есть каждый день, если подниметесь наверх,— сказала Алиса, которой очень хотелось, чтобы неандертальцы вернулись на Землю.

— Но мы не знаем туда пути — давно уже обвалились все пещеры и забыты ходы,— сказал Рын.

— И не мечтай, обойдемся без этих красных шаров,— сказал хромой охотник.— Там безволосые. Там друзья Четырехглазого.

Пашка воспользовался паузой и вытащил фотографию Гарольда.

— Простите,— сказал он, протягивая ее Рын,— вы не видели где-нибудь такого человека?

Рын взял фотографию, посмотрел на нее, и вдруг лицо его исказилось гримасой ужаса.

— Нет! — закричал он.— Никогда!

Другие неандертальцы, любопытствуя, что же так испугало смелого охотника, подходили, смотрели на фотографию и при виде лица Гарольда Ивановича их охватывал ужас. Женщины тащили детей, прятали их в темноте, охотники потрясали копьями.

— Чего вы так испугались? — спросил Пашка.— Это фотография одного хорошего человека, энтомолога, мы его должны спасти. Вы что, фотографии раньше не видали?

Но Алиса уже поняла, что не в фотографии дело — эти люди узнали Гарольда Ивановича и почему-то его испугались.

— Кто он такой? — спросила Алиса у Рына.

— Ты знаешь! — сказал он.

— Я не знаю о нем ничего плохого.

— Ты его друг,— сказал Рын и поднял копье.

— Они его друзья! Они шпионы Четырехглазого! — раздались крики.

Несколько копий уткнулись в грудь Алисы. Пашка отступал от занесенного над его головой каменного топора.

— Честное слово, мы ничего не знаем! — закричала Алиса.— Мы его даже никогда не видели.

«Еще мгновение — и нас убьют,— поняла она.— Это же дикие люди!»

Но в этот момент раздался голос Рына.

— Охотники великой пещеры не проливают кровь детей! Остановитесь.

Остальные нехотя опустили оружие.

— Может быть, они в самом деле ни в чем не виноваты,— сказал Рын.— Они пришли сверху, а не снизу.

— Тогда пускай уходят,— сказал хромой охотник.

— Пускай уходят! — закричали остальные неандертальцы.

— Пошли, Павел,— сказала Алиса.

— Пошли, нас здесь не поняли,— сказал Пашка и поднял фотографию Гарольда Ивановича с пола пещеры.— Может, еще пригодится.

Когда они уходили, ни один неандерталец не тронулся с места.

Вслед им глядели враждебные глаза.

Отойдя метров на сто, Алиса обернулась. Сзади по-прежнему горел костер и вокруг него черными сутулыми тенями стояли охотники.

— Ничего страшного,— сказал Пашка.— Спустимся пониже, найдем дракона.

Глава

7

ЦАРСТВО ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

— Подытожим, что нам известно,— сказал Пашка, забравшись в лодку.— Где-то здесь, под нами обитает человек, который похож на Гарольда Ивановича. А может быть, это и есть Гарольд Иванович.

— Вряд ли,— сказала Алиса.— Ведь неандертальцы говорили, что он людоед.

— Для того, чтобы проверить информацию, мы должны спуститься в так называемое царство Четырехглазого и посмотреть на него.

— Если он нас не съест,— сказала Алиса.

— Съесть нас нелегко,— уверенно возразил Пашка.— Зубы обломает. Нас с тобой целое племя неандертальцев убить не смогло.

— И не хотело,— сказала Алиса.

— Дикарям доверять нельзя.

— Пашка, если они не оценили твоего произведения искусства, это не значит, что они недостойные люди.

— Дикари, и этим все сказано. Но не отвлекайся. Поехали дальше.

Алиса включила двигатель. Лодка послушно ввинтилась в породу. И снова начали выскачивать на экране цифры глубины.

На этот раз они недолго пробивались сквозь камень. На показателе плотности появился «0». Алиса тут же остановила лодку. Та покачнулась, проехала по инерции вперед, но на этот раз, к счастью, никуда не упала.

— Добро пожаловать в царство Четырехглазого,— сказал Пашка.

Алиса выскочила из лодки на пологий откос громадной полости и удивилась: вокруг было светло. Свет исходил от стен, он был мерцающим, тусклым, но фонарей не требовалось.

— Алиска,— сказал Пашка,— ты взяла счетчик радиации?

— Нет, я не думала...

— Типичное урановое свечение,— сказал Пашка. То ли он где-то об этом читал в фантастическом романе, то ли полагал, что радиация должна быть светящейся, но сказал он это так уверенно, что Алиса невольно сделала шаг назад.

Но потом заметила, что светится не вся стена, а точки на ней, словно зеленые звездочки. Вот одна звездочка оторвалась от стены, перелетела на другое место...

— Алиса, стой! — закричал Пашка.— Ты с ума сошла!

Но Алиса уверенно подошла к стене. Так она и думала — вся стена была усеяна светлячками.

Они переползли на подставленный Алисой палец, и Алиса показала светящийся палец своему другу. Тот, конечно, сообразил, что видит насекомых, но не сдался.

— Может, они тоже радиоактивные,— сказал он.— Ты поосторожнее.

Алиса огляделась — полость была столь огромна, что ни потолка, ни дальнего ее конца не было видно. Алиса прислушалась. Неподалеку журчала вода.

Туда они и направились.

Под ногами пружинил белый мох, идти было легко, как по ковру. Вскоре они увидели подземную речку, которая бежала по камням. В воде мелькали тонкие прозрачные рыбки.

— Жалко, что папы нет,— сказала Алиса.— Он бы страшно обрадовался. Такое открытие!

— Ничего страшного,— сказал Пашка,— считай, что это открытие сделали мы с тобой. Интересно, хватит его на Нобелевскую премию?

— Пашка, зачем тебе Нобелевская премия?

— Мне бы очень хотелось стать самым молодым ее лауреатом. Тогда меня внесли бы в Книгу рекордов Гиннеса.

— Ну и логика! — удивилась Алиса.

— Какая есть. Представляешь, я прихожу в школу, а все спрашивают, что это за медаль у тебя, Гераскин?

А я молчу. Учитель физики спрашивает, что за медаль? А я говорю: можете меня сегодня не спрашивать, я так устал, всю церемонию награждения на ногах простоял.

Порой с Пашкой трудно: непонятно, где кончаются его шутки и начинаются его глупости.

Они пошли вниз по реке. Светлячки, которых они видели на стене, резвились во мху, и оттого было радостно, как на карнавале.

— Мы сюда будем экскурсии возить,— сказал Пашка.

— Не спеши, мы еще не знаем, кто такой Четырехглазый. Может, он не захочет, чтобы сюда ездили экскурсии.

Пашка замер.

— Прислушайся.

Издалека доносилось постукивание: словно несколько молоточков выбивали дробь.

— В случае чего,— напомнила Алиса,— включай фонарь — он ослепит любого местного жителя.

— Знаю.

Речка повернула, огибая высокий холм. За ним обнаружилась большая впадина, в которой горели фонарики, наполненные светлячками. При свете их были видны маленькие существа, которые откалывали молотками куски породы.

— Шахтеры,— сказал Пашка.

При звуке его голоса работа тут же остановилась.

Шахтеры замерли, испугались.

Алиса смогла их разглядеть. Некоторые из них были в красных или синих колпаках, большинство бородатые, ростом каждый не больше ботинка.

— Это же гномы! — сказала Алиса. — Самые настоящие гномы. У нас один живет в Заповеднике сказок, я с ним знакома. Только все думают, что они все вымерли.

— Это кто вымер? — строго спросил гном с самой длинной белой бородой. — Это мы вымерли?

— Я не говорю, что вы вымерли, — сказала Алиса. — Только так считает наука.

— Значит ваша наука никуда не годится.

— Разумеется, никуда не годится, я тоже так считаю, — предательски заявил Пашка. — Я лично всегда был убежден, что вы не вымерли.

— И на том спасибо, — сказал самый старый гном.

— Скажите, пожалуйста,— спросила Алиса,— а вы давно здесь живете?

— Мы всегда здесь живем,— сказал гном.— С тех пор, как люди вытеснили нас с Земли. Развели машины, автомобили, поезда, раскопали все горы — куда деваться честному гному? Пришлось уйти сюда.

— Но мы не жалуемся,— сказал второй гном.— Мы очень довольны.

— Мы счастливы!— сказал третий.

И что-то в их голосах Алисе не понравилось. Люди редко кричат о том, что они счастливы. Если они кричат, значит не очень счастливы.

— А вы откуда?— спросил первый гном.

— Мы сверху, с Земли.

— И зачем к нам приехали?

— Мы ищем одного человека,— сказала Алиса.— Он потерялся много лет назад. Паша, покажи фотографию Гарольда Ивановича.

Пашка достал фотографию и протянул старому гному.

Фотография была размером с гнома, и Пашке пришлось поставить ее на землю.

Старый гном посмотрел на лицо Гарольда Ивановича, которое было чуть поменьше его самого, ахнул и упал в обморок. Среди гномов началась паника. Некоторые кидали свои лопаты и кирки, пытались зарыться в породу, другие с криками убежали.

Пашка поймал на бегу одного из гномов, взял его осторожно двумя пальцами и приподнял. Гном зажмурился.

— Простите,— вежливо сказал Пашка.— Вы, кажется, испугались?

Гном кивнул.

— И чего же вы испугались?

— Мы ничего плохого не сделали,— пискнул гном.— Мы выполняем нормы. За что нас так пугать?

— Честное слово,— сказал Пашка.— Мы не хотели вас пугать. Мы хотели только узнать. И если вы недовольны, мы уйдем и оставим вас в покое.

С этими словами Пашка осторожно поставил гнома на камень.

— Мы так далеко ехали,— сказала Алиса.— А вы не хотите с нами разговаривать.

— Мы знаем,— послышался голос из-за каменной глыбы, где скрывалось несколько гномов.— Вы нас нароч-

но испытываете. Вас прислал господин Четырехглазый.

— Нас никто не присыпал,— сказала Алиса.— Но если вы скажете нам, как пройти к этому господину, мы тут же уйдем.

Гномы осмелели, некоторые стали выходить из укрытий. Старый гном пришел в себя и сказал:

— Уберите портрет. Умоляю. У меня слабые нервы.

Пашка послушно спрятал фотографию в карман.

— Куда же нам идти?

Гномы как по команде показали вниз по течению подземной реки.

Когда Алиса с Пашкой отошли на несколько шагов, сзади послышался тонкий голосок:

— Простите, а зачем вы сюда приехали?

Алиса обернулась. Гномы стояли кучкой, в руках покачивались фонарики со светлячками.

— Я же сказала — мы ищем человека, портрет которого вас так напугал.

— А зачем? — повторил вопрос старый гном.

— Мы хотим ему помочь.

— Я же говорил, говорил! — воскликнул самый молодой из гномов.— Они его хотят убить!

— Тише! — старый гном погрозил ему кулаком.— Как же вы ему поможете?

— Мы еще не знаем.

— Мы вам подскажем.

Алиса присела на корточки.

— Вообще-то он бессмертный,— прошептал старый гном.— И убить вам его будет очень трудно. Но у него во дворце есть потайная комната. В этой комнате хранится стеклянное яйцо. Если это яйцо разбить, то он умрет. Понимаете — его смерть в стеклянном яйце! Но это страшная тайна, которую знаем только мы, гномы. Если вы нас выгадите, то мы все погибнем. Он не пощадит нас!

Гном замолчал.

Его руки так дрожали, что фонарь раскачивался словно маятник.

— Спасибо за информацию,— сказал Пашка.— А у этого Четырехглазого другое имя не Кащей Бессмертный?

— Есть такая версия,— прошептал гном.

— Скажите,— спросила гномов Алиса,— а почему

вам пришла в голову мысль, что мы намерены убить Четырехглазого?

— Это не мысль,— ответил старый гном,— это наша мечта.

— Но почему мы?

— Вы молодые, красивые,— сказал гном.— Пришли сверху. Наверное, там узнали, что у нас безобразия, вот и прислали вас его убить. Правильно? Мы угадали?

— Посмотрим,— сказал Пашка.— А драконы здесь водятся?

— Водились,— сказал гном.

— Пойдем, Пашка,— сказала Алиса.— Ты забыл, что время дорого? Семен Иванович волнуется.

По берегу реки вела дорожка. Сначала она была просто тропинкой, видно ее протоптали гномы, но вскоре, возле озера, где впадала подземная река, тропинка закончилась. Поперек нее был шлагбаум из окаменевшего бревна. На нем прибито объявление:

«ГОСУДАРСТВО ПОРЯДКА»
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

— Мы почти у цели,— сказал Пашка.— Всегда жалею, что приходится вступать в бой без оружия.

— Пашенька,— попросила Алиса.— А можно сегодня не сражаться?

— Ты с ума сошла,— сказал Пашка.— Когда мне еще придется встретиться с настоящим Кащеем Бессмертным?

— Но ведь это не Кащей, вернее всего, это несчастный брат Семена Ивановича, который заблудился и сошел с ума.

— Не исключено,— согласился Пашка.— Но что мы знаем о самом Семене Ивановиче?

— Он твой знакомый.

— Он совершенно случайный знакомый. И очень странный при том. Мне просто не пришло в голову, что он злобный волшебник. И он сознательно послал нас на смерть. Где письмо для Гарольда?

— У меня.

— Надо его немедленно вскрыть. Там инструкция по завоеванию Земли.

— Нехорошо читать чужие письма.

— Алиса, неужели ты до сих пор не поняла, что мы

имеем дело с волшебниками, которые никого не щадят?

— Волшебники вымерли.

— Нет, не вымерли. Они спрятались под землей. Ты это отлично знаешь, но пытаешься закрыть глаза на правду. Земле грозит опасность. Мой долг проникнуть к Кащею и разбить стеклянное яйцо. Но, как ты понимаешь, без боя он не сдастся. Давай сюда письмо.

— Нет, не отдам!

— Я отниму силой!

Алиса поняла, что Пашка настроен решительно. Он уже сам верил в то, что они вступают в царство зла.

Алиса подошла к шлагбауму и хотела подлезть под него, но как только она до него дотронулась, раздался пронзительный вой.

Алиса отпрыгнула от шлагбаума, но вой не прекратился.

— Все,— сказал Пашка.— Поздно. Мы обнаружены.

— Ну и что?— сказала Алиса.— Мы ничего плохого не сделали.

— Бежим обратно к неандертальцам!

Но договорить Пашка не успел.

По берегу озера к ним спешили странные существа, похожие на людей, но в то же время не люди. Они были очень худыми, длинные руки болтались будто тряпичные, узкие лысые головы покачивались на бегу. Существа были покрыты короткой светлой шерстью, сквозь которую просвечивала голубая кожа. В руках они держали заостренные палки.

— Нарушение,— сказало первое существо, подходя к Алисе.— Это нельзя.

Лица у существ были неподвижны, глаза белые, невидящие, движения вялые.

— Пропустите,— сказал Пашка,— нам нужно к вашему царю.

— Слово неизвестно,— ответило существо.— Вы подлежите изоляции для выяснения личностей.

— Еще чего не хватало! — возмущался Пашка.— Мы сами пойдем, куда хотим.

— Нет,— сказало существо,— вы не пойдете, куда хотите, а пойдете, куда положено.

Алиса оглянулась. Сзади подошли еще три таких же монстра.

Пашка протянул руку, чтобы отвести железную палку,

которую существо уперло ему в грудь. Но как только он коснулся ее, из палки вылетела искра и Пашка скрчился от боли.

— Нет! — закричала Алиса. — Вы не смеете!

— Мы охраняем порядок, — сказало существо. — Вы не хотите слушаться, вы сами виноваты.

С этими словами оно направило палку на Алису, которая склонилась к Пашке.

— Мы пойдем, — сказал Пашка. — Но учтите, что я вам это припомню.

Существо кашлянуло, а может, засмеялось.

— Тебе больно? — спросила Алиса, когда они, миновав шлагбаум, шли по прямой, посыпанной песком, дорожке.

— Я умею терпеть, — сказал Пашка.

Они миновали большое квадратное поле, окруженное изгородью из колючей проволоки. На поле трудились неандертальцы. Они выкапывали какие-то белесые корни. По углам поля маячили белоглазые существа с железными палками.

Затем они обогнали вереницу гномов, каждый из которых тащил большой тяжелый мешок, сгибаясь под его тяжестью. За гномами также брело существо с палкой. Один из гномов споткнулся и свалился под тяжестью мешка.

— Вжжик! — вылетела молния из палки, и гномик начал корчиться по камням от боли, потом дернулся и затих. Остальные гномы остановились, но существо с палкой прикрикнуло на них:

— Вперед! Не останавливаться!

Ногой оно отбросило с дорожки тельце гнома, подобрало мешок и сунуло в сумку, прикрепленную к животу.

Пашка сжал кулаки.

— Нет, — прошептал он. — Я не уйду отсюда, пока не прекрашу этот фашизм.

Он с такой ненавистью поднял кулак, обернувшись к охранникам, что те отшатнулись, выставив вперед свои палки.

Это мгновенное отвлечение дало Алисе возможность наклониться и схватить лежавшего у обочины гнома. Она сунула его в нагрудный карман. Никто вроде бы не заметил.

Дорога стала шире. Теперь она шла между совершенно одинаковых высоких каменных стен, в которых через

разные промежутки были двери, забранные железными решетками. Из одной двери доносился плач.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Не разговаривать, — ответил охранник.

У следующей двери Алиса увидела обитателей этих камер: прижавшись к решетке, стояли маленькие существа, во всем подобные тем, что вели Алису и Пашку. Они протягивали сквозь решетку покрытые белой шерсткой лапки и молили:

— Кушать! Кушать! Кушать!

Один из охранников на ходу ударили ногой по решетке — существа отскочили.

— Я думал... — начал было Пашка.

— Как видишь, и среди них не все равны, — поняла его Алиса.

Она осторожно прижимала руку к груди. Ей казалось, что тельце гнома все холодаеет. А может, ей только кажется?

— Пашка, — сказала она по-английски, полагая, что охранники его не знают. — Держи себя в руках. Никаких неосторожных поступков. Мы должны выбраться отсюда.

— Понимаю, не маленький, — сказал Пашка. — Только я очень злой.

Охранники остановились перед пустой камерой. Решетка была откинута.

— Входите, — сказал главный охранник, подталкивая пленников концом палки.

Решетки опустились. Звякнул замок.

Охранники пошли прочь. Алиса осторожно выглянула. Один из них остался, стоит у стены, сторожит.

Внутри было темно. Лишь кое-где по стенам ползали зеленые светлячки.

— Мы требуем свидания с вашим начальником! — сказал Пашка, подходя к решетке.

— Молчать!

— Я буду жаловаться!

Молния из палки пролетела через всю камеру и ударила, разлетевшись искрами, в дальнюю стену.

— Погоди, Паш, — сказала Алиса.

Она отошла в угол так, что охранник не мог ее увидеть, и осторожно достала из-за пазухи гнома. Гном уместился

на ее ладонях, только босые ноги свешивались вниз. Глаза его были закрыты. Алиса осторожно приложила ухо к его груди. Вроде бы сердце бьется. Она погладила гнома пальцем по щеке. Щека теплая. Алиса присела на корточки и открыла аптечку, что была вмонтирована в пояс ее комбинезона. Оттуда она достала мягкую ампулу со стимулятором. Пашка стоял рядом, закрывая Алису от решетки.

Алиса закатала рукав рубашечки гнома и приложила ампулу к его руке. Чуть-чуть прижала, чтобы под кожу гнома попала капля лекарства.

— Чего делаете? — спросил неожиданно охранник, заглядывая сквозь решетку.

— Спим, — сказал Пашка. — Не приставай.

Гном пошевелился. Приоткрыл глаза. И в ужасе захмурился. Алиса поднесла губы к уху гнома:

— Тише, — прошептала она, — а то они услышат.

Гном понял. Он так и остался лежать у нее на ладонях. Но терпения его хватило ненадолго, вдруг он стал биться, стараясь вырваться. Алиса опустила его на пол.

Гном кинулся к решетке, но увидел ноги охранника и бросился обратно к Алисе.

— Вам надо будет подождать, — прошептала Алиса, — пока нас уведут. Потом вы сможете уйти. А сейчас опасно.

— Спасибо, — сказал гном. — Я думал, что меня убили. А вы кто такие?

— Мы ваши друзья.

— Если вы наши друзья, вы должны убить Четырехглазого, — сказал гном убежденно.

— Я это обязательно сделаю, — сказал Пашка.

— Но сделать это можно только, если знаешь страшный секрет, — сказал гном. — Я вам его открою.

— Если вы про стеклянное яйцо, в котором жизнь Четырехглазого, то мы уже знаем.

— Как? Откуда вы знаете эту страшную тайну?

— Нам сказали об этом другие гномы.

— Тогда судьба всего нашего мира в ваших руках. И в этот момент послышался шорох. Гном бросился в угол и сжался там в комочек. Плита в центре камеры поднялась и оттуда хлынул яркий свет.

В люке появилась голова охранника.

— Следовать за мной! — приказал он.

Г л а в а 8

ВО ДВОРЦЕ ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

Вниз вела белая лестница. Возле нее стояли еще два охранника, такие же белоглазые, слепые, с такими же длинными, как хоботки, носами и большими ушами.

Коридор под камерами был ярко освещен и покрашен в белую краску, отчего создавалось больничное настроение.

Охранники быстро пошли вперед. Два охранника впереди, третий сзади.

По сторонам коридора были двери, такие же белые, как и стены. Из-за некоторых слышались голоса, одна была приоткрыта, и кто-то там плакал.

Поворот. За ним еще один охранник. При виде своих коллег он отступил, вжался в стену. Еще поворот. Еще охранник. Они бежали по лабиринту, и за каждым углом стоял охранник с палкой наготове.

Потом они попали в круглый зал. По сторонам большой двери в конце его стояли на страже два чудовища, которых Алисе и в книгах видеть не приходилось. Это были огромные карикатуры на людей, коренастые, корявые, с зубастыми мордами и глазами навыкате. Чудовища качнулись навстречу друг другу, закрывая проход. Первый охранник остановился в шаге от них и прошептал пароль. Чудовища нехотя расступились. Проходя мимо, Алиса подняла голову и встретилась взглядом с чудовищем. И поняла, что оно слепое — белые глаза были без зрачков.

Пропустив пленников вперед, охранники остались снаружи. Дверь тихо закрылась.

Они стояли в самом настоящем тронном зале, как будто перенесенном в это подземелье из старинной сказки. Алисе даже показалось на секунду, будто она видела его на картинке в детской книжке.

Широкая красная ковровая дорожка вела к возвышению, на котором стоял позолоченный каменный трон с высокой спинкой, наверху которой была прикреплена резная хрустальная корона. Балдахин над троном был сделан из белого меха, а под сводчатым потолком было прикреплено вырезанное из камня изображение огром-

ного отвратительного насекомого, глаза которого светились и, казалось, наблюдали за каждым, кто посмел войти в тронный зал.

Прошла минута, может быть, две, пока Алиса и Пашка осматривались, не смея шагнуть вперед. Но зал был по-прежнему пуст и зловеще тих.

— Эй! — не выдержал наконец Пашка. — Кто тут живой?

— И-вой... — откликнулось эхо.

Алиса разглядывала стены зала. Они были украшены картинами, выложенными драгоценными камнями. На картинах были изображены мрачные горы, ущелья, высокие ели, тесно стоящие у подножья гор, между деревьев была протянута паутина, у подножья елей росли громадные поганки и мухоморы. На мухоморах сидели черные улитки. Картины эти были сделаны так тщательно, что не сразу сообразишь, что стоишь в зале, а не в темном лесу. Каждая картина была выпилена из малахита, горы выложены из сапфиров и бирюзы.

— Не прячьтесь от меня! — сказал Пашка. — Меня не надо бояться.

— Пашка! — укоризненно сказала Алиса. — Ты опять за свое.

— Нет, ты только подумай: притащить нас в подземелье, издеваться, а потом привести в минералогический музей.

— Храбришься? — спросила Алиса. — Мне тоже не по себе.

— Я ничего не боюсь, — ответил Пашка громко, чтобы тот, кто подслушивает, не сомневался в Пашкиной отваге. — Просто мне все это надоело.

С этими словами он повернулся и направился обратно к двери, толкнул ее, но дверь была заперта.

— Эй! — сказал Пашка. — Выпустите меня!

Он стучал в дверь кулаками. Но дверь была гранитной, так что он только отбил кулаки.

— Ну ладно! — сказал Пашка. — Тогда я объявляю здесь революцию! Отныне я и есть Четырехглазый! Кашей Бессмертный! Властитель подземного царства!

Он перебежал зал, поднялся на три ступеньки и сел на трон.

— Ну как? — спросил он. — Похоже? Где бы еще корону найти?

Но тут он вскрикнул, подскочил на троне, скатился по ступенькам вниз и сел на ковер.

— Что? Что случилось? — Алиса подбежала к нему.

— Дергается! Током бьет! — сказал Пашка. — Даже трон у них не настоящий.

— Я думаю, что за нами наблюдают, — сказала Алиса. — Наблюдают и посмеиваются. Пустили детей в тронный зал! Посмотрим, настоящие ли это противники или просто детский сад, который вышел сюда порезвиться?

— А что я такого сделал? — обиделся Пашка. — Я пошутил. Каждый может пошутить.

В тишине послышался тихий смех. Совсем рядом.

Он доносился откуда-то из-за трона.

Алиса быстро пошла туда, откинула тяжелую махровую портьеру и увидела за ней небольшую притворенную дверцу.

— Пашка, смотри.

Пашка уже был рядом.

— Он туда спрятался?

— Может, это ловушка?

— Какая еще ловушка? Мы с тобой где? Разве не в ловушке?

— В ловушке.

— А из ловушки в ловушку можноходить без пропуска.

С этими мудрыми словами Пашка первым ступил в тускло освещенный проход за тронным залом.

Это был узкий, чистый, безликий коридорчик, в который выходило несколько дверей.

За первой был какой-то склад, там грудами лежали вывески и плакаты: «Вход воспрещен», «В труде высшее счастье», снова «Вход воспрещен», «Норму выполнил дотла — будет свежей голова», «Сегодня недоел, завтра остался запас», снова «Вход воспрещен» и просто «НЕЛЬЗЯ!».

Они прошли ко второй двери. Она была закрыта на засов. Пашка хотел откинуть засов, но Алиса сказала:

— Если он спрятался, то не сюда.

— Разумно, — согласился Пашка.

В третьей комнате стояло несколько вырубленных из камня ящиков. Все они были наполнены драгоценными камнями. В одном — груды рубинов, в следующем — алмазы, затем ящик с изумрудами. Все камни были огра-

нены и сверкали в полутьме, но от того, что их было слишком много, они не казались драгоценными камнями, а выглядели как кучи стекляшек. Ведь драгоценный камень, чтобы быть драгоценным, должен быть одиноким.

Они повернули за угол. Коридор кончался небольшой лестницей и перилами. Двенадцать ступенек. Они поднялись на площадку, куда выходила дверь, обитая кожей. Обыкновенная дверь, какие бывают в старых домах.

На двери был прикреплен почтовый ящик. На стене рядом с дверью — кнопка звонка.

Пашка толкнул дверь — она была заперта. Тогда Алиса нажала на кнопку звонка. Внутри отозвалось мирно «дзинь-дзинь».

— Иду, иду, — послышался за дверью голос.

Дверь приоткрылась на цепочку, и в щели блеснули очки.

— Вам кого? — спросили изнутри.

Это было как во сне. Только что ты прошел мимо чудовищ, стоял в тронном зале, видел ящики с изумрудами — и вдруг, как пробуждение, а может, провал в другой сон — мирный голос за обыкновенной дверью.

Алиса не нашлась, что сказать, ведь не Кащея же спрашивать. Но Пашка вдруг сообразил.

— Простите, — спросил он. — Гарольд Иванович здесь живет?

— Гарольд Иванович? А кто вас к нему послал?

— У нас письмо к нему от брата, Семена Ивановича.

— Не может быть! Сейчас отворю.

Звякнула цепочка, дверь растворилась. На пороге стоял невысокого роста худенький пожилой человек, в очках, одна дужка которых была сломана и подвязана веревочкой. Он был в синем халате и шлепанцах на босу ногу.

— Заходите, пожалуйста, умоляю вас, здесь опасно стоять снаружи. Проходите внутрь, проходите.

Алиса и Пашка прошли узким темным коридором, где стояло длинное, в рост человека, зеркало и на пустой вешалке висела шляпа, в небольшой кабинет. Стены кабинета были уставлены стеллажами с книгами, там стоял письменный стол, на котором лежали бумаги и тетради, и горела лампа под зеленым абажуром. Перед столом стояли два черных кожаных кресла.

Алиса посмотрела на Пашку, Пашка на Алису.

— Давайте знакомиться, молодые люди,— сказал хозяин квартиры.— Меня, как вы изволили проницательно догадаться, зовут Гарольдом Ивановичем.

— Я — Алиса Селезнева.

— А я — Павел Гераскин.

— Чудесно, чудесно.— Гарольд Иванович пожал гостям руки.— Уж я не чаял дождаться вестей из дома. А как же вам удалось меня отыскать?

— По фотографии,— сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу его портрет, который вызывал такой ужас у обитателей подземелий.

Гарольд Иванович взял фотографию и принял ее рассматривать.

— Как я изменился!— сказал он.— Даже не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять, как промелькнувшие годы избородили мое чено морщинами. О годы, годы!

С этими словами Гарольд Иванович прошел за стол, сел и поднес фотографию к глазам.

— У меня еще письмо к вам есть,— сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу конверт.

— От брата? От Сени? Как я вам благодарен, мои юные друзья! Да вы садитесь, садитесь, отдыхайте, в ногах правды нет, как говорил Цицерон.

Гости послушались. Но как только Алиса опустилась в кресло, она от удивления подскочила — кресло лишь казалось кожаным и мягким. В самом деле оно было искусно вытесано из черного мрамора. Только ударившись об него, можно было понять, что кресло — обман.

Пашка вскочил, потирая ушибленный локоть.

— Это как понимать!— воскликнул он.— Зачем вы обманываете людей?

— В чем дело?— Гарольд Иванович поднял голову и удивленно уставился на Пашку сквозь очки.

— Это же не кресла, а камни!

— Ах, да,— Гарольд Иванович виновато улыбнулся.— Я виноват! Эти кресла стоят здесь так давно и так давно в них никто не садился, что я сам поверил, что они кожаные. Господи, как бежит время! Поймите, я старею, я теряю память, я становлюсь рассеянным. И мне так дороги все воспоминания о моем земном прошлом, о нашей с Сеней квартире, о дедушкиных креслах, что я стараюсь поддерживать в себе иллюзию того, что жизнь продолжается.

Да, жизнь моя давно уже прекратилась, но я себя обманываю... простите старого немощного человека.

— Ничего,— смущаясь Пашка,— я понимаю. Просто от неожиданности...

— Хотите я уступлю вам мой стул?— Гарольд Иванович даже приподнялся.— А я постою...

— Нет, что вы!— возразил Пашка.— Сидите, я не устал.

Наступила тишина. Гарольд Иванович снова углубился в чтение письма.

Пашка отошел к полкам, стал смотреть на корешки книг. Потом, не подумав даже, что надо попросить разрешения, протянул руку, чтобы достать одну из книжек. И тут же отдернул руку, потому что между пальцами и стеллажом пролетела голубая искра.

— Ой! Током бьет!

— Что?— Гарольд Иванович был раздражен.— Из-за вас я не могу дочитать письмо! Что еще стряслось?

— Я хотел взять... А оно ударило.

— Это остаточное электричество,— сказал Гарольд Иванович.— Возможно, вам приходилось об этом слышать. Электричество накапливается в горных породах.

Алисе показалось, что глаза Гарольда Ивановича за толстыми стеклами очков улыбаются. Или ей это показалось? А его указательный палец дотрагивается до кнопки посреди стола.

— Не расстраивайтесь, Павел Гераскин,— продолжал Гарольд Иванович.— Это не настоящие книги. Откуда мне здесь их добыть? Это лишь корешки, выточенные из камня. Как ученый и интеллигентный человек я не мыслю себе существования без библиотеки. За долгие годы я выточил эти стены — точную копию библиотеки моего дедушки. Видите — вот полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. А это моя любимая книга — произведение французского энтомолога Фабра. Он так интересно писал о муравьях! А дальше справочники, справочники, словари. Но есть книги для развлечения. Да, я не чужд этому. Видите «Пиквикский клуб» Диккенса? А это его же роман «Айвенго».

Алиса послушно смотрела на корешки. На них золотом были вытеснены названия. Но ведь «Айвенго» написал не Диккенс, а Вальтер Скотт! А тут написано: Диккенс.

— Простите,— сказала она.

Но Пашка ее опередил.

— Смешно,— сказал он.— Любой ребенок знает, что «Айвенго» написал Вальтер Скотт.

— Что?— Гарольд Иванович буквально подскочил на стуле.— Конечно же. Вальтер Скотт. А там что написано? «Диккенс»? Это безобразие! Я прикажу казнить всю типографию! Я их растерзаю!

Рука Гарольда Ивановича протянулась к красной кнопке, но в миллиметре от нее замерла. Гарольд Иванович спохватился и переменил решение.

— Ладно,— сказал он.— Пощутили и хватит. Но я должен сказать тебе, Паша, что ты безобразно воспитан. Если пожилой немощный человек совершил маленькую ошибочку, неужели ты должен смеяться над ним? Неужели у тебя хватит совести смеяться и издеваться?

Казалось, Гарольд Иванович вот-вот заплачет. Голос его дрожал.

— Я не хотел,— сказал Пашка.— Нечаянно получилось.

— Я принимаю твои слова за извинение,— сказал Гарольд Иванович.— И мы забудем об этом печальном инциденте. Попрошу тебя, Алисочка, расскажи мне подробнее о моем брате Сене. Как он выглядит, чем занимается? Скучет ли обо мне?

— Он очень о вас скучает и любит вас,— сказала Алиса.— Все двадцать лет, прошедшие с того дня, как вы потерялись в пещере, он не вылезал из кузницы, чтобы изготовить подземную лодку для вашего спасения.

— Это удивительно,— сказал Гарольд Иванович.— Значит он всегда верил, что я жив? Я этого не хотел.

— Значит вы нарочно потерялись?— удивилась Алиса.

— Все значительно сложнее, ах, сложнее! Ты еще девочка, тебе не понять той страсти, которая ведет настоящего ученого к подвигам и жертвам. Неужели ты думаешь, что Колумб, отправляясь в безнадежное и опасное путешествие к берегам неизвестной Индии...

— Колумб открыл Америку, а не Индию,— вмешался Пашка.

— Павел,— сказал печально Гарольд Иванович.— Ты плохо кончишь. И может быть, даже в ближайшем будущем.

— Колумб отправился открывать Индию, а открыл Америку,— сказала Алиса.

— Молодец, девочка. Так вот, Колумб также вынужден был разорвать связи со своими близкими, бросить землю, которая его не понимала, и даже оставить на произвол судьбы своих детишек... Но если бы он думал о семье, Америка осталась бы не открыта, а Колумб никогда бы не прославился.

— Но Америка уже открыта. Зачем вы под землю полезли? — спросил Пашка. Он дразнил Гарольда Ивановича, и Алиса, хоть и не одобряла Пашкиного поведения, понимала, что Пашка не верит этому тихому старику. И ни на секунду не забывает о несчастных гномах.

Гарольд Иванович лишь вздохнул и продолжал:

— Я рожден не для обычной жизни, не для того, чтобы ходить на службу или сидеть в кабинете. Я — из тех пионеров, которые первыми поднимаются на Эверест и до-стигают Северного полюса. Меня влекут высокие цели познания! — Гарольд Иванович вскочил, начал бегать по кабинету, размахивая руками, халат его распахнулся и летел сзади, словно крылья летучей мыши. — Мой любимый дедушка посвятил жизнь подземным исследованиям. Он открыл восемь видов насекомых, таящихся в глубинах земли, в тишине, в темноте, в подземных озерах и безмолвных реках. Статьи моего дедушки публиковались в ведущих энтомологических журналах Европы! Но Сколопендра Таинственная, безмолвный страж подземных пространств и пропастей, о которой писал в своем труде средневековый путешественник Генрих Сильмузфандский, который утверждал, что укус ее вызывает сладостные видения, Сколопендра Таинственная моему дедушке не далась в руки! И бессмертная слава ускользнула от него! С той минуты, как я осознал себя, с той минуты, как я впервые взглянул на коллекцию моего дедушки, на прозрачные и почти невидимые тельца и ножки насекомых земной пучины, я понял, что у меня в жизни есть призвание. И этому призванию я послушно следовал всю жизнь. Да, всю жизнь! Меня не волновали страсти и шум земной поверхности. Я убегал с уроков, чтобы забраться в подвал или подпол. Я проводил каникулы в пещерах и ямах. В тишине... в тишине... в тишине...

Последние слова Гарольд Иванович произнес тихим свистящим шепотом.

— Но ваш брат Семен Иванович,— сказала Алиса,— рассказывал нам, как вы о нем заботились, как вы заменили ему родителей...

— Я человек долга! — сказал Гарольд Иванович со всем другим, громким пронзительным голосом. — Во мне уживаются две натуры. Одна — романтическая, стремящаяся к неизведанному, к великим свершениям, любящая тишину и уединение подземных глубин. И вторая моя натура — это Долг. Долг с большой буквы. Как тяжело мне было нести свою ношу, тащить на своих слабых, неокрепших еще юношеских плечах заботу об этом толстом, шумном, неумном мальчишке, полном каких-то шуток, розыгрышей, необдуманных поступков, всегда жающем чего-то, всегда чего-то требующем от меня! Как я порой ненавидел его! Но я стискивал свои молочные зубы и нес свой крест. И ждал, с наслаждением ждал того момента, когда Семен подрастет настолько, что я смогу наконец-то оставить его и не мучаться совестью, что я чего-то недоделал! Вы просто не представляете, какой я совестливый человек... И я дождался. Выполнил свой долг и ушел к романтике глубоких пещер. К одиночеству.

— Значит вы не хотите возвращаться? — спросила Алиса.

— Я! Возвращаться? В сутолоку и суматоху жизни мелких людышек, которые не знают великого слова Порядок? Которые не имеют высокой жизненной цели? Нет. Мое место здесь. Среди моих коллекций и тишины!

— Но ваш брат так переживает!

— Это несоизмеримо! — Гарольд Иванович расстегнул пижамную куртку, и там обнаружился широкий кованый пояс с прикрепленной к нему связкой ключей. Он выбрал маленький серебряный ключ, подошел к большому резному шкафу и, прикрывая замок от гостей спиной, открыл его. Шкаф был поделен на плоские ящики. Один из них Гарольд Иванович вытащил. Осторожно перенес на письменный стол и произнес:

— Можете убедиться сами.

На планшете ровными рядами были прикреплены насекомые. Совершенно одинаковые паучки, почти прозрачные, с ноготь размером, но с длинными тонкими ножками.

— Знаете ли вы, мои дорогие гости, — сказал Гарольд

Иванович, что этот вид паука неизвестен науке? Совершенно неизвестен. Ни один ученый не подозревает о его существовании. И я его открыл! А знаете ли, как он называется? Он называется Паук Гарольди! В мою честь! А в этом шкафу хранится еще более ста неизвестных видов. Более ста. И все они называются в мою честь!

— Очень интересно,— сказал Пашка.— Но если все они Гарольди, как их различить?

— Их не надо вам различать. Я их различаю, и этого достаточно.

— А зачем вам так много одинаковых?— спросила Алиса.

— Одинаковых? В природе не бывает двух одинаковых особей. Каждая отличается. Как отличаемся мы с вами. Я же каждого паука знаю в лицо! Я никогда их не перепутаю. Я должен поймать всех, всех, понимаете? И всех наколоть на булавки. Они все Гарольди — они все мои!

— Но их не останется, если вы их всех поймаете!

— Это мой идеал. Тогда они останутся только здесь! И если вы, профессор Браун, или вы, доктор Сигемиц, захотите убедиться в их существовании, пожалуйста, идите ко мне, просите, умоляйте! И может быть, я соглашусь показать, а может, и нет...

Гарольд уморился, побледнел. Он устало поставил обратно на место планшет с паучками, запер шкаф и застегнул пижаму.

— Это — романтическая половина моей жизни.

— А ту... сколопендру вы нашли?

— Молчите!— вдруг испугался Гарольд Иванович.— Вокруг завистники. Не смейте говорить о самом святом, самом сокровенном!

Он перевел дух, прошел к себе за стол, уселся, устало положил руки перед собой.

Наступило долгое молчание.

Его прервал Пашка.

— А вопрос можно задать?

— Задавай.

— Кто такой Четырехглазый?

— Кто, кто?

— Четырехглазый.

— В жизни не слышал такого имени. А почему ты спрашиваешь?

— Все здесь боятся Четырехглазого. Он правит подземным царством и всех страшно угнетает.

Гарольд Иванович снял очки, прикрыл их ладонью. Покачал задумчиво головой.

— Нет, не приходилось слышать такого имени.

— Но кто же правит этим царством? — не сдавался Пашка. — Кто командует этими... с палками?

— Лемурами?

— Пускай лемурами. Кто сидит на троне в тронном зале? Кто заставляет гномов приносить ему драгоценные камни, кто убивает неандертальцев? Кто держит людей в камерах? Неужели вы не знаете?

— Как? Держит людей в камерах? Угнетает неандертальцев? Здесь? В царстве свободы и порядка? Не представляю. Мальчик, тебя ввели в заблуждение.

— Но кто здесь главный?

— Ума не приложу. Я никогда об этом не задумывался. Наверное, кто-то правит. Но я же ученый, я романтик, я занимаюсь своими делами и не вмешиваюсь в окружающую жизнь.

— А кто вас кормит, кто сделал вам эти кресла и стеллажи?

— Паша, дорогой мой, ты мне надоел, — сказал Гарольд Иванович. — Ты все время задаешь нетактичные вопросы. Я же тебе сказал — совершенно не представляю, что происходит вокруг. Я живу как бы в башне из слоновой кости. Я изолирован от мира и выбираюсь отсюда только на экскурсии в поисках насекомых.

— Странно, — сказал Пашка.

Он не верил этому кабинетному ученому.

— Что же мы должны сказать вашему брату Семену Ивановичу? — спросила Алиса. — Вы не хотите возвращаться?

— Ты угадала. Не хочу.

— Может, вы напишите ему письмо?

— Здесь очень плохо с бумагой.

— Но вы ему посыпали письмо. На золотом листке.

— Золото денег стоит, — отрезал Гарольд Иванович. — Скажете Семену на словах, чтобы не беспокоился и не вмешивался в мои дела. Сколько нужно повторять одно и то же!

— Хорошо, мы пойдем, — сказала Алиса.

— Возвращайтесь и забудьте о том, что видели. Я устал и не буду вас провожать.

— До свидания.

Гарольд Иванович не ответил.

Пашка первым пошел к двери. Алиса за ним. Они вышли на лестничную площадку, закрыли дверь. Щелкнул замок. И тут же они услышали, как звякнула цепочка.

Молча они прошли коридором, вышли в тронный зал. Там было пусто и тихо.

— Он и есть Четырехглазый,— сказал Пашка,— глядя на пустой трон.

— Помолчи,— сказала Алиса.— Здесь слушают. Нам бы скорее добраться до лодки.

— Точно,— согласился Пашка. Но у выхода из тронного зала начал сомневаться.— Не в моих правилах бросать угнетенных на произвол судьбы.

— Пашка!

— Правильно. Мы вернемся.

— Пашка!

— Двенадцать лет Пашка. И знаю, что говорю.

Дверь из тронного зала медленно распахнулась. Два чудовища, что стерегли ее с той стороны, скалились, заглядывая внутрь.

— Скажите, как вас называть?— спросил Пашка, который совсем расхрабрился.

— Мы тролли,— ответило одно из чудовищ и щелкнуло зубами так, что уши заложило от грома.

Охранники-лемуры стояли поодаль, палки наготове.

— Господин Гарольд Четырехглазый,— сказал Пашка,— велел нас отпустить.

И он пошел по коридору прочь от тронного зала. Охранники шли сзади.

— Видишь,— Пашка наклонился к Алисе.— Они не возражали.

— Это ничего не значит,— сказала Алиса.— Не исключено, что он все же просто эгоистичный ученый, который ничего, кроме своих пауков, не видит. И в самом деле не подозревает, что происходит вокруг.

— А кто же тогда здесь правит?

— Не знаю. Не видела.

— Ты наивная или притворяешься?

— Я осторожная,— улыбнулась Алиса.

Пашка спросил:

— А почему он назвал их лемурами? Ведь лемуры это такие обезьянки. У Аркаши был лемур, маленький, как белка, только без хвоста.

— Я думаю, что обезьянок назвали лемурами в память об этих. О жителях подземелий, наверное, потому что они ночные.

— Эх, скорей бы выбраться. Мы бы такую экспедицию организовали. И главное — освободили бы угнетенных!

— Я думаю, что Гарольд Иванович именно этого и боится,— сказала Алиса.

Эта мысль пришла ей в голову, потому что лемуры остановились перед лестницей, что вела в камеру. В ту самую, из которой их час назад увеличили.

Лемур сказал хрипло:

— Иди. Наверх!

И в самом деле, откинув люк, Пашка оказался в за-
гончике с решеткой.

Решетка была закрыта. Люк захлопнулся.

— Вот этого я от него не ожидал,— сказал Пашка.

— А я, к сожалению, ожидала,— ответила Алиса.

Глава 9

ПОПЫТКА БЕГСТВА

Из темного угла камеры послышался голосок:

— Вы живые? А я так боялся за вас.

— Гном!— удивилась Алиса.— Ты почему не убежал?

— Тише. Там снаружи дежурит лемур. А у лемуров замечательный слух.

Алиса присела перед гномом на корточки.

— Я боялся за вас, я думал, что вас съел Четырехглазый. Или тролли разорвали. Я думал — подожду пока выключат свет. Тогда побегу к своим. Но я еще думал — а вдруг они придут обратно? Вдруг вы нашли стеклянное яйцо и разбили его?

— Спасибо,— сказала Алиса,— что ты думал о нас. Но стеклянного яйца мы не нашли.

— А Четырехглазого видели?

— Может быть, видели. Только я не уверена. Мы

видели одного человека и даже разговаривали с ним.

— Какой он? Скажи, какой?

— Он невысокого роста, в очках, седой, он собирает подземных насекомых. А живет в маленькой квартире за тронным залом.

— Нет! — воскликнул гном. — Это не тот. Это кто-то из пленников Четырехглазого. Он скрывает их в подземельях. Четырехглазый громадного роста, у него оскаленные как у тролля зубы, у него четыре глаза. Когда он говорит, изо рта у него идет дым. Если он поглядит на тебя в упор, то ты падаешь без чувств.

Лемур, который стоял снаружи, услышал голоса и заглянул сквозь решетку.

— Что за разговоры? — спросил он. — Нельзя. Надо молчать.

— Молчим, молчим, а ты не подслушивай, — сказал Пашка. — А то я тебя заколдую.

— Нельзя, — сказал лемур, но от решетки отошел.

— А лемуры служат Четырехглазому? — спросила Алиса.

— Некоторые служат, а некоторые боятся. Лемуры глупые. Лемуров можно обмануть, мы, гномы, их обманываем. Вот тролли — это ужасно. Тролль может гнома одним зубом перекусить. Это наши самые страшные врачи. И Четырехглазый их любит. Он, может быть, сам из троллей.

— Гном, — спросил Пашка. — А ты сам Четырехглазого видел?

— Нет, нет, что вы! — пискнул гном. — Кто его видел, долго не проживет. Но мне рассказывали верные люди. Мой старший брат Фуро попал в колесо, но чудом остался живым.

— Куда попал?

— В колесо.

Лемур снова сунул свой бледный нос-хоботок в решетку, вынюхивая.

Так Алиса и не узнала, что такое колесо, в которое попал брат гнома.

Когда он отошел, гном знаком попросил Алису взять его на руки, добрался до ее уха и начал быстро шептать:

— Сейчас свет потушат, я тогда побегу к моим знакомым. Тут есть городские гномы, их заставляют канат-

лизацию чистить, камеры строить, камни гранить. Я у них инструменты возьму, мы вашу камеру откроем и вас к себе уведем. Потому что если не увести, Четырехглазый вас обязательно сожрет. Ждите и молчите, с лемуром не спорьте.

И тут свет в подземелье погас. И в камерах, и в коридорах — везде. Только поблескивали светлячки.

Откуда-то издалека донесся строгий голос:

— Всем честным жителям спать, спать, спать... Вы должны быть готовы к завтрашнему трудовому дню. Запрещается видеть плохие сны, храпеть и вставать с постели. Виновные будут наказаны. Спокойной ночи, спокойной ночи...

Заиграла тихая музыка. За стенкой звякнуло.

— Это лемур спать ложится, — сказал гном.

— А как же он будет сторожить нас?

— Ночью все спят, вы тоже. А если спишь, как можно убежать?

— А ты?

— Меня все равно что нет. Меня уже сегодня убили и в большой книге записано, что я умер. — Гном хихикнул. — Даже лучше, что меня нет. Только вот паек мне теперь выдавать перестанут.

— Не беспокойся, — сказала Алиса, которая вдруг поняла, что страшно проголодалась. — Это долго не может продолжаться.

— Хорошо бы, — ответил гном. — Но мне не дожить. Некуда деваться.

— У нас есть подземный корабль, — сказала Алиса. — Если вы поможете нам до него добраться, мы привезем помочь и вас освободят.

— Какое счастье! Тогда я побежал! Поставь меня на пол!

Легонько прошелестели быстрые ноги гнома, и наступила мертвая тишина.

Пашка с Алисой уселись у стены, прижавшись друг к другу. Было холодно и голодно.

— Почему он нас не отпустил? — спросил тихо Пашка. — Или не убил?

— А вдруг в самом деле Гарольд Иванович ни в чем не виноват? Вот и гном Четырехглазого совсем иначе описывает.

— У страха глаза велики.

— Он, наверное, не знает, что с нами делать,— сказала Алиса.— Если нас отпустить, мы сюда приведем людей. И власть его кончится. А если пропадем без вести, то за нами пошлют экспедицию, и его царство все равно будет открыто.

— Тогда нас лучше убить,— сказал Пашка мрачно.— Пока еще экспедиция сюда доберется. Он успеет следы замести.

— Всеследыемунезамести,—сказала Алиса.— Нас не-андертальцы видели, нас гномы видели. Они расскажут.

— Только нам будет уже все равно.

— Давай надеяться на гномов,— сказала Алиса.— Они нас выручат. Нам бы только до лодки добраться.

Было темно и тихо. Алиса пригрелась, прижавшись к Пашке, и задремала.

Проснулась она от того, что кто-то осторожно дергал ее за рукав.

— Алиса, проснись. Это я, Фуррак, ваш друг.

Алиса сразу пришла в себя — вокруг слышались легкие шаги, шепот, шорохи.

— Я привел других гномов,— сказал Фуррак.— Они принесли инструменты.

— Покачивались зеленые фонарики, наполненные светлячками. Черные силуэты множества гномов суетились вокруг.

— Алиса, подними нас к замку,— сказал гном Фуррак.— А то нам трудно туда забраться.

Проснулся Пашка.

— Привет,— сказал он,— спасатели пришли.

— Шшш,— сказал Фуррак,— лемура разбудишь.

— А я такой страшный сон видел, вы не представляете.

— Шшш,— зашипели на него сразу все гномы.— Страшных снов смотреть нельзя, Четырехглазый накажет!

— Ну и запуганные вы!

Алиса подняла на ладонях двух гномов к замку. Один из них светил зеленым фонариком, второй достал инструменты из мешка, что висел через плечо, и начал копаться в замке. Остальные гномы собрались внизу и подняли фонарики, чтобы было больше света.

— Знаешь, Алиса,— сказал Фуррак,— они все пришли, чтобы на вас поглядеть. Мы так давно живем без всякой надежды, а вы — наша надежда. Чем скорее вы

приведете помошь, тем скорее мой народ будет свободным. А если вы не приведете помошь, то скоро от нас никого не останется.

— Я обещаю,— сказала Алиса,— что вам недолго придется ждать.

Замок щелкнул.

Алиса открыла замок. От щелчка чуть было не просялся лемур, что лежат снаружи. Он заворочался во сне, зачмокал тонкими белыми губами. Все замерли.

Но лемур перевернулся на другой бок и тихонько захрапел.

— Вот кто-нибудь услышит, что он храпит, донесет куда надо, и его накажут,— сказал гном.

— Пускай спит,— сказала Алиса.— Пошли?

— Да. Пошли. Только я хотел попросить у вас прощения.

— За что?

— Мы не принесли с собой никакой пищи. И нам, гномам, которые всегда славились гостеприимством, очень стыдно. Но сейчас конец месяца, и мы истратили все талоны, а без талонов нам не дают никакой еды.

— А что вы обычно едите?— спросила Алиса.

— Мы выращиваем съедобный мох и подземный овес, делаем из них муку и жарим пироги. Мы собираем сладкие грибы и делаем из них приправы. Мы выменивали у подземных охотников мясо...

— Прекрати,— зашумели снизу остальные гномы.— Не говори о еде! Мы же все голодные!

— А почему вы теперь не выращиваете и не обмениваете?— спросил Пашка.

— Но ведь нельзя! Все, что собирается, выращивается и делается, нужно сдавать в распределитель Четырехглазого. А он уже выдает всем, сколько нужно. Это называется справедливость.

— А почему же мало выдают?

— Потому что надо делать запасы. Надо быть разумными. Должен быть порядок.

— Не говори, как глупый лемур,— послышался снизу голос одного из гномов.— Ты же знаешь, что нашу пищу поедают охранники и тролли. Им теперь не надо заботиться о еде. За то, что они нас охраняют и мучают, им выдается пища, только куда больше, чем остальным.

— Вы пойдете или будете беседовать?— раздался

еще один голос.— Скоро свет включат, а вы все разговариваете.

Пашка осторожно открыл решетку, и они пошли по улице между камер, где спали обитатели подземного города, которым нельзя было храпеть и видеть плохие сны.

Впереди бежали три гнома с фонариками и показывали путь. Потом шли Алиса с Пашкой, а остальные гномы замыкали шествие.

Гном Фуррак сидел на плече у Алисы, как матрос на мачте.

Передние гномы повернули направо.

— Не туда,— сказала Алиса.— Нам налево. Я помню, откуда нас привели.

— Мы не можем идти по дороге к шлагбауму,— сказал Фуррак.— Там охрана, которая не спит даже ночью. Придется пойти в обход.

Передний гном покачал фонариком, и вся процессия остановилась.

— Помоги,— сказал Фуррак Пашке.

Тот прошел вперед, нагнулся и поднял крышку люка.

— Нам вниз.

Они очутились в таком же коридоре, как вел из камеры во дворец Четырехглазого.

— Теперь совсем тихо,— прошептал Фуррак на ухо Алисе.

Стены коридора разошлись, исчезли в темноте, и впереди открылся обширный низкий зал, в котором бесконечными рядами тянулись одинаковые каменные столы. Глаза Алисы уже настолько привыкли к темноте, что света зеленых фонариков было достаточно, чтобы понять: на каждом столе лежит лемур. Лемуры лежали одинаково, на спинах, нос-хоботок кверху, руки сложены на мохнатой белой груди и тонкие вялые пальцы переплетены. Сначала Алисе показалось, что лемуры умерли и их здесь сложили перед похоронами. Но тут же она сообразила — лемуры дышат. Они похрапывают, стонут во сне, морщатся, вздыхают, но никто не поворачивается, не меняет позы.

— Что с ними?— спросила шепотом Алиса.

— Как что?— удивился гном.— Они спят.

— А почему все одинаково? И почему здесь. Ведь неудобно.

— Может, и неудобно, но так надо. Они здесь рабо-

тают, за этими столами, и спят здесь, чтобы времени не терять. Проснутся, сразу за работу. Видишь, что у них в руках?

Тут Алиса заметила, что в пальцах каждый сжимает маленькую коробочку.

— Там в коробочке их работа. Маленькие камешки и палочки. Много-много камешков и палочек. Они сидят весь день и перекладывают камешки и палочки. Один считает, сколько пайков надо гномам выдать, другой — сколько штрафов наложить, третий — сколько лемуров на какие работы послать. Очень много работы.

— Ты шутишь, Фуррак?

Но гном не шутил, как и все гномы, он был лишен чувства юмора. Он удивился, что Алиса такая непонятливая.

— Каждому лемуру выдают одну коробочку. Если он ее потеряет — значит останется без работы, а если без работы, значит без еды и попадешь в большое колесо. А чем лучше лемур работает, тем больше у него коробочки. Вон видишь лежит главный лемур?

Алиса увидела лемура, который держал на животе цеплый сундук. Правда, и стол у него был вдвое больше, чем у остальных, и под головой была подушечка.

— А что ты про колесо говорил? Это что-то страшное?

— Иногда очень страшное, а иногда просто страшное, — сказал гном. — Но это увидеть надо.

По узкой лестнице они вышли на поверхность. Если можно считать поверхностью пол громадной полости, поросший мхом и лишайниками. Неподалеку журчала речка.

— Вот тут мы встретились, — сказал Фуррак. — Куда теперь?

— Сейчас соображу, — сказал Пашка. — Река была справа. Теперь слева. Нам туда!

Ноги тонули в белом мху, и потому звука шагов не было слышно. Темными котятами впереди бежали гномы, и зеленые фонарики раскачивались на ходу. А вокруг светлячки.

Скоро мы поднимемся наверх, подумала Алиса. И трудно будет поверить, что далеко внизу останется странное и загадочное царство Четырехглазого, где сидит упрямый Гарольд Иванович и не хочет отрываться от подземных букашек. Словно закроешь последнюю стра-

ницу интересной и страшной книжки и знаешь, что все это неправда, что так не бывает, хотя минуту назад ты в это верил.

Впереди блеснул борт «Терранавта».

Гномы остановились, испугались.

— Вот и наша лодка! — закричал Пашка. — Ну теперь берегись, Четырехглазый!

Он подбежал к лодке и похлопал ее по борту, как боевую лошадь. Какая она твердая, надежная, даже красивая, подумала Алиса.

— До свидания, отважные гномы, — сказала Алиса, опуская на мох Фуррака. — Спасибо вам за помощь.

— Мы ждем, — сказал Фуррак. — Скорее возвращайтесь. Когда Четырехглазый узнает, что вы убежали, он начнет искать, кто вам помог, и, конечно же, догадается, что только гномы могли открыть замок. И он будет нас пытать. Скорее! Привезите много пушек и ружей, привезите острые пики и железные щиты! И ведите нас в бой!

Гном даже приподнялся на цыпочки, чтобы стать выше ростом, и выпятил грудь.

— До встречи, друзья, — сказал Пашка и протянул руку к люку, чтобы открыть его.

— Не спеши, Паша, — раздался тихий голос.

Пашка обернулся. Вспыхнули яркие фонари, которые держали в руках могучие злобные тролли.

Гномы кинулись врассыпную, некоторые старались закрыться в мох.

Алиса зажмурилась.

— Глупые гномы сказали вам, что все спят, когда гасят свет. Но спят не все.

Алиса прищурилась, чтобы рассмотреть, кто это говорит. Она подозревала, что увидит сейчас Гарольда Ивановича, но увидела совсем другого человека.

Перед ней стояла высокая повозка на толстых широких колесах. В повозке сидел человек в черной мантии и широкополой шляпе, с полей которой опускалась книзу сетка, подобно тем, что носят пчеловоды на пасеке.

— Нам надо было узнать, где вы скрываете свой подземный корабль, — сказал человек в шляпе. — Вот мы и подождали, пока вы сами к нему приведете. Теперь для нас не будет преград в подземном мире — мы сможем спускаться и подниматься куда хотим. И власть

моя расширится безмерно. А ну-ка, Паша Гераскин, открои мне корабль, я хочу посмотреть на него изнутри.

— Сами открывайте,— сказал Пашка.

— Не люблю непослушных мальчиков,— сказал человек в шляпе.— Я, повелитель подземелей Четырехглазый, приказываю тебе: открои подземный корабль, который теперь принадлежит мне!

— Еще чего не хватало!— грубо ответил Пашка.

— Тролль, научи этого пацанка хорошим манерам,— приказал Четырехглазый.

Алиса не успела ахнуть, как тролль схватил Пашку за шиворот и поднял в воздух. Алиса бросилась Пашке на выручку, но второй тролль громко захохотал и также схватил ее. Земля ушла из-под ног, и Алиса почувствовала, как на ее горле сомкнулись страшные когти тролля.

— И не подумаю!— закричал Пашка.

— Тогда тролль, милый мой,— спокойно сказал человек в шляпе,— будь любезен, помучай немножко Алисочку. Мне ее очень жалко, но я не вижу другого способа обра-зумить глупого Пашу. Пощекочи ее когтями, почести ее зубами, откуси ее тонкие пальчики, выцарапай ее голубые глазки!

Когти сжали шею Алисы так, что ей стало трудно дышать.

— Нет!— закричал Пашка.— Не смеяйте! Мучайте ме-ня, но Алису не трогайте!

— Вот на это я и рассчитывал,— сказал человек в черной шляпе.— Вы ведь так просто устроены, благородные мальчики.

— Открою я вам корабль,— сказал Пашка.

— А ты, тролль, не отпускай Алисочку и мучай ее немножко, чтобы Паша поторопился.

Алиса не смогла сдержать стона, так больно резали ей шею когти тролля.

Пашка сказал:

— Отпустите меня скорей! Я все покажу.

Пашка отвинтил крышку люка.

Он торопился, чтобы освободить Алису.

— Залезайте,— сказал он.

— А вот это лишнее,— возразил человек в черной шляпе.— Я залезу, а ты меня там запрещь или еще какую-нибудь гадость придумаешь. Нет уж, я вашим кораблем займусь на досуге, без свидетелей. А сейчас нам придется

вернуться ко мне во дворец. Идите рядом с моей каретой, только не смейте убегать. Учтите, что тролли бегают очень быстро. Понятно?

Человек в шляпе стегнул повозку бичом — сначала по правым колесам, потом по левым. Из колес донесся писк и стоны.

Тролль опустил Алису на мох.

Повозка двинулась вперед, Алиса и Пашка шли по ее сторонам.

Алиса потерла шею.

— Тебе не больно? — спросил Пашка с другой стороны повозки.

— Нет, все в порядке, — сказала Алиса.

Колеса медленно поворачивались, повозка ехала со скоростью пешехода. Алисе стало интересно, почему из колес доносятся такие странные звуки. Она нагнулась и увидела, что колеса устроены подобно беличьему колесу — внутри по ступенькам бегут гномы, много гномов. Они нажимают на ступеньки внутри колеса, и оно катится вперед.

— Там живые гномы? — удивилась она.

— Там наказанные, непослушные гномы, — ответил Четырехглазый. — Они знают, что только послушание может помочь им искупить свою вину.

— Но это же бесчеловечно!

— Это разумно и способствует дисциплине, — ответил Четырехглазый. — В государстве нельзя без наказаний, а то все распустятся. Все, что я делаю, я делаю для блага моих подданных.

— Алиса, не разговаривай с ним, — сказал Пашка. — Он же изверг! Когда мы вернемся наверх, я всем расскажу, что он здесь творит!

— Вот почему вы и не вернетесь наверх, — сказал Четырехглазый. — Я, к сожалению, не могу этого допустить. Я столько труда положил в создание образцового счастливого государства, что любое вмешательство со стороны для меня невыносимо.

— Ничего себе справедливое! — возмутился Пашка. — Спросите у гномов, которые заперты в этом колесе, справедливое ли оно?

— Конечно, справедливое. Если бы гномы вели себя достойно, они бы гуляли сейчас на свободе. Ничего не бывает без причины. И каждый мой подданный знает:

ведешь себя хорошо — живешь хорошо. Нашкодил, будешь наказан. Это и есть справедливость. Не замыслил бы ты, Паша, предать меня, убежать отсюда и донести на меня злым людям, что обитаю на поверхности Земли, ты бы тоже остался жив и, может, занял бы высокое положение в моем обществе.

— Не нужно мне высокое положение!

— Вот именно поэтому ты и умрешь.

— Если вы нас убьете, — сказала Алиса, — то за нами тут же пошлют экспедицию и все ваши тайны будут раскрыты.

— Не знаю, не знаю. Пока что эта лодка существует в единственном экземпляре... Впрочем, я обязательно что-нибудь придумаю. Вот соберем сейчас высший совет моего королевства, посоветуемся и найдем способ, чтобы и вас убить, и тайну сохранить.

Четырехглазый обернулся к одному из троллей и приказал:

— Включай свет! Начинается трудовой день.

Тролль поднял трубу, висевшую у него через плечо, и громко затрубил.

И тут же впереди, где лежал подземный город, начали вспыхивать огни, загорелись они и под потолком пещеры, и вдоль улиц города, так похожих на коридоры в тюрьме.

— Хватит спать! — зарычал тролль так громко, что голос его, усиленный эхом, разнесся на километры. — Начинается новый счастливый день! Вставайте, лежебоки! Вставайте, преступники, вставайте виноватые! Все, кто видел дурные сны или храпел, должны немедленно доложить об этом начальнику квартала для получения наказания! С добрым трудовым утром, граждане справедливого королевства!

Тролль снова протрубил.

Огоньки загорелись ярче. Алиса представила себе, как где-то в глубине пленные охотники и наказанные лемуры крутят громадные колеса, дающие свет этому городу.

— А теперь ты, — обернулся Четырехглазый ко второму троллю. — Объяви общее собрание.

— Уважаемые свободные граждане, — закричал второй тролль. — Ваш уважаемый и любимый повелитель просит и умоляет вас, если вам нетрудно, собраться на площади перед дворцом для того, чтобы присутствовать при поучительном и незабываемом зрелище.

— Будем судить этих пришельцев,— подсказал Четырехглазый троллю.

— Справедливый и великодушный повелитель будет советоваться с народом, каким образом казнить двух негодных пришельцев, которые мучили народ и подрывали законную власть. Теперь они осознали свою вину и умоляют наказать их так, чтобы никому неповадно было нарушать порядок в нашем счастливом государстве. Спешите участвовать!

— Молодец,— похвалил тролля Четырехглазый.— Теперь предупреди, как положено.

Тролль снова протрубил сигнал и крикнул:

— Напоминаю! Все, кто не поспешит сейчас, немедленно, быстро, радостно, на собрание, будут сурово наказаны как враги свободы. Только попробуйте не прийти, мерзавцы!

— Ну последнее — лишнее,— сказал Четырехглазый.

— С ними иначе нельзя,— прорычал тролль.— Совсем распустились.

— Вот именно поэтому я хочу, чтобы суд над этими хитрецами был страшным, ужасным! Чтобы он стал уроком для всех!

Они въехали на главную улицу города. Видно было, как лемуры палками и пинками выгоняют из камер своих бедных родичей, как небольшой тролль, видно, троллингий детеныш, гонит перед собой толпу перепуганных гномов, как целая толпа вооруженных лемуров подгоняет связанных цепью неандертальцев.

При виде повозки Четырехглазого лемуры отгоняли народ к стенам и заставляли падать на колени.

— Зачем же так? — не выдержала Алиса.— Вы же производите впечатление интеллигентного человека.

Ее волновал вопрос — человек в черной шляпе и Гарольд Иванович — одно лицо или нет? Голос вроде похож, но и не похож...

— Они иного, к сожалению, не понимают,— ответил Четырехглазый.— Их приходится приучать к демократии палкой. Что ж, мое общество вынуждено пройти через этот реконструктивный период. Пускай для постороннего зрителя он может показаться недостаточно эстетичным, но иначе наступит анархия и вернется та дикость, из которой я год за годом вытаскиваю этих несчастных...

— А зачем? — спросил Пашка.— Зачем вытаскивать?

Четырехглазый полоснул бичом по одному колесу, затем по другому, гномы внутри заныли, заплакали, колеса стали вращаться скорее.

— Для их блага,— сказал Четырехглазый.— Вы просто не представляете, в каком я застал их состоянии. Никакого порядка! Гномы копают драгоценные камни, но не знают им цены и отдают за бесценок грязным отвратительным неандертальцам. Неандертальцы охотятся за кем хотят! Лемуры жрут мох и вообще ничего не делают. Тролли охотятся на гномов и лемуров, и никакого порядка!

— А как же они вас стали слушаться?— спросила Алиса.

— Цивилизованный человек всегда найдет способ, как управиться с дикарями,— ответил Четырехглазый.— Они не знали, что такое справедливая власть, и потому не знали, что надо сопротивляться... А когда сообразили, было поздно. Вот только до неандертальцев я никак не доберусь! Отбиваются! Безобразие какое-то! Я у них пленных беру, набеги совершаю, стараюсь перевоспитывать их трудом — помирают, но не перевоспитываются. Но с помощью вашей лодки я смогу их обуздить.

Как раз в этот момент повозка обогнала еще одну партию неандертальцев. Они были скованы цепями, со всех сторон шли лемуры, уткнув им в спины электрические палки. Один из неандертальцев понял видно, что речь о нем, поднял голову и оскалился. Глаза его горели ненавистью.

— Бей его!— крикнул Четырехглазый троллю.— Бей его!

Тролль ударил наотмашь когтистой ручищкой по лицу неандертальца. По распоротой щеке потекла кровь.

— Вот так! Так будет с каждым, кто не хочет понять высшей справедливости!

— Вы мне противны, Четырехглазый,— сказал Пашка.

— А мне не нужно тебе нравиться, мальчишка! Через несколько часов тебя не будет на свете. Уж я позабочусь, чтобы всенародный суд с тобой расправился пожестче.

Улица кончилась, и они оказались на площади перед дворцом. На этот раз они подошли к нему со стороны главного входа.

Дворец оказался большим зданием из полированного мрамора с зелеными нефритовыми колоннами. Колонны

были украшены пышными капителями, которые представляли собой пауков, плетущих паутину. В стеклянные глаза пауков были замурованы зеленые светлячки, они бились внутри, старались вылететь наружу, и от этого казалось, что пауки вертят глазами. На отполированных стенах дворца были выложены алмазами слова:

«ТРУД — ПОРЯДОК — СПРАВЕДЛИВОСТЬ —
ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ».

Площадь перед дворцом была заполнена жителями подземного города. Свободное пространство перед широкими ступенями, ведущими к дворцу, было оцеплено рядами лемуров-охранников с электропалками наизготовку. За их спинами покорной молчаливой толпой стояли обыкновенные лемуры. Канцеляристы держали в лапках заветные коробочки с камешками и палочками. Другие лемуры также прижимали к груди инструменты своего труда: один лопату, второй лом, третий метлу, четвертый грабли, пятый весы. Гномы толпились в первом ряду, а неандертальцы стояли, закованные в цепи, видно, их здесь боялись.

Два тролля вытащили из дверей дворца трон, что стоял раньше в зале. И замерли по сторонам его, глядя перед собой зверским взглядом. Вслед за троном из тех же дверей вышли знатные лица государства. По крайней мере так решила Алиса, глядя, как важно они выступают и как толкаются, чтобы занять место поближе к трону.

Там были лемуры, но не простые лемуры, а толстые, лоснящиеся, там была старая троллиха в шапке из лемурьих шкур, там были две амебы. Алиса не знала, как их еще назвать — белые студенистые туши, с черненькими глазками по сторонам узкого рта, там был горбатый карлик на костылях из самородного золота и ящерица, которая шагала на задних лапах, упираясь хвостом в пол. Там были две огромные белые летучие мыши, которые семенили, сложив крылья, как плащи, а за ними вышло привидение — ходячий голубой скелет со светящимися зубами. И все эти знатные лица королевства были так густо увешаны драгоценностями, браслетами, ожерельями, диадемами, кольцами, серьгами, что живого места не оставалось. Толпа на площади подалась назад, зашелестел испуганный шепот.

Четырехглазый, увидев этих чудовищ, подумал вслух:

— За верность этих ублюдков мне приходится дорого платить.

— А вы не платите,— сказал Пашка.

— Пускай радуются,— сказал Четырехглазый.— Если кто из них начинает заноситься, я обвиняю его в измене, отдаю на растерзание подземному дракону, а богатства возвращаю в казну. Так что считайте — все ценности у них на временном хранении.

И Четырехглазый засмеялся. Смех его глухо долетал сквозь сетку.

— Эй, стоять! — приказал он гномам в колесах. Повозка замерла. Четырехглазый ступил на площадь, все склонились в поклонах.

— Пашка! — ахнула Алиса. — Это не он!

— Да,— сказал Пашка не менее удивленно.— Я был убежден, что Четырехглазый и есть Гарольд Иванович. Все сходилось. Но этот...

— Он по крайней мере на голову выше Гарольда Ивановича!

— Значит зря мы его подозревали.

Глава

10

СУД И ПРИГОВОР

Странной походкой, будто у него ноги не гнулись, Четырехглазый поднялся по ступенькам. Обернулся, глядя на толпу, но сетки, скрывавшей лицо, не откинул.

Он уселся на трон, поднял руку.

Тролль с трубой вышел вперед и прогудел в трубу.

Второй тролль встал рядом.

— Начинаем показательный суд! Никто не уйдет от справедливой руки закона. Ура!

— Урра! — завопили значительные лица.

— Ура, — потянули отдельные голоса в толпе.

— Не слышу радости! — рассердился тролль.

— Урра! — уже громче крикнула толпа.

— Преступники, подойдите сюда! — приказал Четырехглазый.

В пещере была такая удивительная акустика, что каждое его слово доносилось до последнего человека в толпе.

— Пошли, что ли? — спросил Пашка. Он храбрился, но в самом деле ему было страшно. Алисе тоже. Этот сумасшедший диктатор может в самом деле казнить их. А желающих исполнить его приказание здесь больше чем достаточно!

— Преступление их ужасно! — сказал Четырехглазый.

— Смерть! — закричали значительные лица. Ящерица попыталась укусить Пашку, летучие мыши расправили крылья и принялись хлопать ими, тролли скалились...

— Есть мнение — смерть, — сказал Четырехглазый. — Есть другие мнения?

— Нет! — закричали приближенные. Толпа молчала.

— Есть другое мнение, — сказал Пашка. — Во-первых, я не знаю, в чем нас обвиняют.

— Позор! — закричали значительные лица. — Он издевается над нашим судом! Он ставит под сомнение слова повелителя.

— А вы скажите, скажите! — не сдавался Пашка.

— А почему бы и не сказать? — перекрыл общий шум голос Четырехглазого. — Я скажу. У нас все открыто, демократично. Вы прибыли сюда без приглашения, поговору с нашими злейшими соседями, презренными неандертальцами для того, чтобы свергнуть законную власть, вы вели агитацию против моей персоны, вы склонили к предательству ничтожных гномов, вы, наконец, намерены открыть тайну нашего великого государства чудовищам, что живут наверху. А как все знают, наверху нет разумных людей. Там нет порядка, нет счастья. Вы лазутчики, которые хотят отнять у нас наши славные чертоги! Которые хотят съесть все наши продукты и отобрать драгоценности!

Какой шум подняли тут значительные лица, трудно вообразить! Больше всего испугала их опасность расстаться с драгоценностями. Троллям пришлось защищать пленников от их гнева.

Кое-как угомонив приближенных, Четырехглазый произнес:

— Судить этих негодяев будет народ. Как у нас принято. Я не буду вмешиваться в голос народа. Вот ты!

Палец Четырехглазого уперся в лемура, который стоял

в одном из первых рядов, прижимая к груди маленькую коробочку.

Его сразу же вытолкали из толпы, и, перепуганный, ничего не соображающий, он оказался на пустом пространстве.

На площади наступила гробовая тишина.

— Как зовут тебя, глас народа? — спросил Четырехглазый.

— Забыл, — прошептал лемур.

Значительные лица покатились от хохота. Одна из летучих мышей даже взмыла над площадью, но Четырехглазый погрозил ей пальцем, и мышь ринулась обратно так быстро, что сшибла с ног троллиху, что, конечно, только прибавило веселья.

— Замечательно, — сказал Четырехглазый. — Ты существо без имени, и имя тебе народ. Требуешь ли ты от имени народа, чтобы мы казнили этих мерзавцев?

Лемур стоял неподвижно, лишь рот его открывался и закрывался, а хоботок вздрагивал.

— Молчание — знак согласия, — произнес Четырехглазый. — Итак, народ потребовал смерти пришельцев и мы, конечно же, подчиняемся столь недвусмысленно высказанному требованию. Теперь скажи нам, представитель народа, отдадим ли мы их дракону или кинем в пропасть, чтобы они умерли от голода?

Лемур выпучил от ужаса глаза и пошатывался как ванька-встанька.

— Правильно, — сказал Четырехглазый. — Кинем. Пускай помучаются перед смертью. Но крови не прольем, не такие мы жестокие, как некоторые распускают о нас слухи. Решено. Единогласно. Кто не согласен, поднимите руки и пеняйте на себя!

И вдруг раздался громкий звон.

Все неандертальцы подняли свои волосатые могучие руки.

— Что? — Четырехглазый подпрыгнул на троне и застучал в бешенстве ногами о пол...

Нет, поняла Алиса — не ногами! Он стучал деревянными ходулями! Она хотела сказать об этом Пашке, но тот сделал быстрый шаг вперед, остановился на верхней ступеньке и закричал:

— Жители подземелья! Честные гномы и неандертальцы! Угнетенные лемуры и другие тролли! Объеди-

няйтесь! Да здравствует революция! Долой диктатуру Четырехглазого! Час освобождения близок!

Значительные особы сначала опешили от такой наглости, Четырехглазый все еще в гневе стучал деревяшками по полу, а в ответ на Пашкин призыв из толпы донесся тонкий, но отчетливый голосок гнома:

— Да здравствует свобода!

— Найти! — кричал Четырехглазый. — Уничтожить!

Началась суматоха. Лемуры кинулись в толпу, разыскивая гнома, другие избивали беспомощных неандертальцев.

— А вас.... вас, мерзавцы... — Четырехглазый не находил слов от возмущения. Он поднялся на ходулях, потерял равновесие, уцепился за шапку троллихи, шапка слетела, обнаружив лысую бугристую голову.

И вдруг Четырехглазый громко ахнул и замер.

Голова его медленно поворачивалась, растопыренные пальцы трепетали. Алиса проследила за движением его головы и увидела, что над площадью медленно порхает какое-то насекомое, похожее на ночную моль, только больше размером и совсем прозрачное.

Как во сне, повелитель подземного царства медленно двинулся к моли.

Догадавшись, что привлекло внимание диктатора, значительные лица кинулись вперед, стараясь поймать моль.

— Нет! — закричал Четырехглазый. — Не смейте! Вы повредите ей крылья! Ее нет в моей коллекции! Сачок! Срочно сачок!

Но сачка ни у кого не было.

Все замерли, глядя на моль, которая как ни в чем не бывало порхала над толпой. Четырехглазый прыгнул за ней, упал, но куда проворнее оказался Пашка. Во вратарском прыжке он кинулся за молью, та не успела увернуться и попала в ладони Пашки.

Лежа, Четырехглазый кричал:

— Осторожнее! Не помни крылья! Убью!

— Убью! — кричали значительные лица.

Пашка осторожно держал моль в ладонях.

Тролль достал из-за пояса коробочку и молча подставил Пашке.

Пашка положил туда моль, тролль закрыл коробочку и передал ее диктатору, который одернул свою мантию,

чтобы не были видны ходули, и с трудом поднялся. Он приоткрыл коробочку, заглянул в щелку и сообщил:

— Этот вид науке неизвестен!

— Это он! — прошептала Алиса. — Он ходулями меня одурачил.

Пашка кивнул.

— Спасибо тебе, пришелец, — искренне сказал Гарольд Иванович. — Спасибо, Паша. Наука тебя не забудет. За такую заслугу я позволю тебе высказать любое желание. И я его исполню.

По площади прокатился вздох облегчения. Алиса поняла, что никто из подземных жителей не хочет их смерти. Но в толпе придворных послышались недовольные голоса.

— Молчать! — рассердился Гарольд Иванович. — Здесь я приказываю. Павел Гераскин, тебе предоставляется слово.

— У меня есть желание, — сказал Пашка, — чтобы вы отпустили нас с Алисой домой, а также отпустили всех неандертальцев, выпустили из колес несчастных лемуров и гномов и вообще вернулись к своему брату. Хватит вам здесь прохладиться.

— Много, ох как много желаний у тебя, Паша, — сказал укоризненно Гарольд Иванович. — Но, к сожалению, это все не желания, а требования. А требований я не допущу.

— Разве это не желание — осться живым?

— Нет, это ультиматум. И если ты не хочешь осться без желания, то спеши, проси. Ведь все равно я тебя казню. Потому что интересы государства выше личных. Тебя не я приговорил, тебя народ приговорил. А против народа я не пойду. Говори желание, которое лично я могу выполнить.

— Хорошо, — сказал Пашка. — Есть у меня желание.

Стало очень тихо. Только ящерица постукивала от нетерпения хвостом.

— С детства я интересовался собиранием насекомых, — сказал Пашка. — Не было у меня большей радости, чем накалывать на булавки бабочек и жучков. Все в классе завидовали моей коллекции. Алиса может подтвердить.

Алиса смотрела на Пашку во все глаза. Никогда в жизни он не собирал бабочек и жучков.

— Я хочу перед смертью, — продолжал Пашка, — увидеть великую и знаменитую коллекцию подземных на-

секомых, собранную великим ученым Гарольдом Ивановичем. Если я увижу ее, то могу умереть спокойно.

Над площадью шелестели удивленные голоса. Никто ничего не понимал.

— Ты не лжешь, мой мальчик? — спросил Четырехглазый.

— Я никогда не лгу! — торжественно соврал Пашка.

— Ну что ж, я знаю одного энтомолога по имени Гарольд Иванович. Он живет в задних помещениях моего дворца и никогда не выходит к людям. Я попрошу этого скромного человека показать тебе коллекцию. Но как только посмотришь, сразу на казнь — договорились?

— Разумеется, после такой коллекции и умереть не жалко, — сказал Пашка со слезой в голосе.

Алиса не понимала, что задумал ее друг, но не стала мешать ему. Она надеялась на Пашкину находчивость.

— Идите в тронный зал, — приказал Четырехглазый. — Вас проводит мой верный тролль. А вы, все остальные, расходитесь, срочно расходитесь по своим рабочим местам. И ввиду того, что все прогуляли целый час, проторчав на этой площади и ничего не делая, вы все оштрафованы на дневной паек, а сон сегодня будет укорочен на час. Ура?

— Ура! — крикнул кто-то из придворных.

— А что касается вас, мои дорогие помощники, — сказал диктатор, обернувшись к значительным лицам, — то после казни прошу всех на скромный ужин.

Больше Алиса ничего не слышала. Тролль втолкнул их с Пашкой в тронный зал, молча показал на дверь за троном и остался стоять возле нее. Видно, никто не имел права входить во внутреннюю квартирку кабинетного ученого Гарольда Ивановича.

Они поднялись по знакомой лесенке.

— Ты что задумал? — спросила Алиса.

— Ничего! — ответил Пашка, показав себе на ухо — могут подслушивать.

Он первым подошел к двери в квартиру Гарольда Ивановича и нажал на кнопку звонка.

— Он еще не успел, — сказала Алиса.

И в самом деле им пришлось подождать минуты три, прежде чем изнутри послышались шаркающие шаги и голос ученого произнес:

— Кто там?

— К вам гости! — бодро сказал Пашка. — Ваши старые друзья, нас прислал Четырехглазый.

— Кто-кто? — Гарольд Иванович приоткрыл дверь на цепочку.

— Здешний повелитель.

— Здесь есть повелитель? Никогда не слышал, — сказал ученый. — Ах, это вы, Пашенька и Алисочка? Как я вам рад! Заходите, заходите.

Ученый откинул цепочку и впустил гостей.

Черная шляпа висела на вешалке в прихожей. Но сам диктатор успел снять ходули и был уже в домашнем халате и шлепанцах.

— Заходите, — сказал он ласково. — Что же вас снова привело ко мне?

— Страстное желание посмотреть на вашу коллекцию, — сказал Пашка. — Прежде чем нас казнят, я должен насладиться ею.

— Казнят? Вас? Детей? Какое варварство! Вы, наверное, злостные преступники?

— Честно говоря, нет! — прошептал Пашка. — Но этот мерзавец Четырехглазый думает иначе. И знаете почему?

— Почему же?

— Он нас страшно боится.

— Вас? Детей?

— Он боится, что вернемся обратно и расскажем о тех безобразиях, которые здесь творятся.

— Безобразия? — ученый был очень расстроен. — Не может быть! Я, правда, не встречался со здешним повелителем, но по отзывам он — милейший человек и жертвует всем, чтобы научить местных дикарей жить по справедливости, соблюдать порядок и плановую систему. Он считает, что мир должен быть организован строго и четко, как коллекция насекомых.

— Нет! — поддержал хитрость Гарольда Ивановича Пашка, — когда встретитесь с этим негодяем, то поймете, насколько вы не правы. Это мучитель и садист. Он уверен, что люди должны жить, как бабочки на булавках.

— Не будем отвлекаться. Какую часть коллекции вы хотели бы посмотреть?

— Все части, — сказал Пашка.

— Ну что ж, начнем.

Следующие полчаса показались Алисе самыми скучными в жизни. Гарольд Иванович доставал один за друг-

гим планшеты с наколотыми на них насекомыми и подробно рассказывал о них Пашке, а Пашка не спеша задавал вопросы. И если посмотреть на них со стороны, то подумаешь, что перед тобой старый ученый и его верный увлеченный ученик.

— Вот и все,— сказал, наконец, Гарольд Иванович.— Вы ознакомились с моей скромной коллекцией. Если не считать той коробочки, которую мне принесли сегодня.

Он показал на коробочку с молью, пойманной Пашкой.

— Ею я займусь сегодня вечером, когда с вами будет покончено. Довольны ли вы, Павел Гераскин?

— Мне жалко, что моя мечта стать собирателем насекомых не сбудется.

— Если бы это зависело от меня,— сказал Гарольд Иванович,— ты был бы моим любимым учеником. Но народ... народ требует.

— Чего требует народ?

— Ты же мне сам сказал, что народ тебя приговорил?

— Ничего я не говорил. Народ ждет не дождется, когда вас убьют.

— Ах, не говори страшных вещей, у меня слабые нервы! Как можно меня убить, когда меня все так любят?

— Как жаль,— сказал Пашка, оглядываясь,— что вы не показали мне всю коллекцию. Не думал, что вы будете обманывать меня по мелочам.

— Я? Показал не всю коллекцию?

— А где сколопендра Гарольди? Почему вы ее скрываете?

— Но она же существует в единственном экземпляре?

— В той маленькой комнате?— Пашка показал на дверцу за письменным столом.— В стеклянной банке?

— А ты откуда знаешь?

— Я догадался,— сказал Пашка.— Я только кажусь рассеянным и невнимательным. А в самом деле я все запоминаю и умею делать выводы!

— Впрочем,— Гарольд Иванович поправил очки.— А я и сам собирался тебе ее показать. А почему и нет? Ты же никому о ней не расскажешь!

Гарольд Иванович открыл дверцу. За ней обнаружи-

лась маленькая комната, и сквозь дверной проем Алисе была видна узкая кроватка и шкафчик. Из шкафчика Гарольд Иванович извлек небольшую хрустальную баночку. В ней сидело прозрачное, удивительно гадкого вида членистоногое.

— Вот она! — сказал Гарольд Иванович, показываясь на пороге. — Сколопендра Гарольди! Мое сокровище. Пашка подошел поближе.

— Руками не хватать! — испугался диктатор.

— Я только посмотрю! — произнес дрожащим голосом Пашка. — Посмотрю и умру!

Гарольд Иванович нехотя приблизил банку к лицу Пашки.

Алиса уже все поняла и напряглась для прыжка.

Пашка резко толкнул Гарольда, выхватил банку и кинулся к выходу.

— Ааа! — закричал Гарольд, метнулся к письменному столу, выхватил электрическую палку и бросился за Пашкой. Он забыл про Алису.

Когда Гарольд пробегал мимо нее, Алиса совершила отчаянный прыжок, сбила с ног Гарольда Ивановича, выхватила палку и кинулась вслед за Пашкой. Гарольд Иванович никогда не занимался физкультурой, и потому, когда он с проклятиями поднялся на ноги, Алиса уже была у входа в тронный зал.

Она успела вовремя. Тролль готов был схватить Пашку.

Алиса подняла электрическую палку и воткнула ее в мохнатый бок чудовища. Запахло паленой шерстью, тролль закрутился на месте от боли.

Еще через секунду Пашка и Алиса выбежали на площадь.

А там за эти минуты многое изменилось.

Толпа лемуров поредела — видно, многие успели на рабочие места, но вместо них на площади появились неандертальцы — сотни разъяренных, страшных охотников. Размахивая копьями, они наступали на лемуров и троллей. Их товарищи крутили в воздухе цепями, сбивая с ног охранников. Могучий тролль, утыканный стрелами, как дикобраз, вертелся от боли и ревел, знатные лица метались вокруг трона. Но и неандертальцам приходилось несладко — многие из них уже упали, пораженные электрическими палками.

И в этот момент Пашка вскочил на трон и оттуда закричал:

— Стойте! Все стойте!

Его голос перекрыл шум боя.

Пашка поднял руку с зажатой в ней стеклянной банкой.

— Здесь у меня! — кричал он. — Стеклянная банка, в которой смерть Четырехглазого!

— Уууу! — прокатилось по площади. Одни кричали от ужаса, другие от радости. Все замерли.

И тут из дверей тронного зала выскочил Гарольд Иванович.

— Стойте! — кричал он. — Остановите его! Убейте!

Но никто не двинулся с места. Гарольда Ивановича погубило то, что он всегда появлялся перед своими подданными на ходулях и в черной шляпе с вуалью. А в маленьком лысом энтомологе трудно было угадать великого повелителя подземелий.

Визжа от страха и злобы, Гарольд Иванович старался влезть на трон, чтобы отнять у Пашки склянку со сколопендрай.

И в тот момент, когда его руки дотянулись до Пашки, Пашка размахнулся и со всего маху грохнул склянку о каменный пол. Склянка разлетелась вдребезги.

Знатные лица побежали во все стороны, лемуры-охранники кидали палки и падали на колени перед неандертальцами, умоляя о пощаде. Тролли, сшибая все на своем пути, умчались прочь.

Гарольд Иванович охнул тонким голосом и упал на спину.

И тогда наступила тишина.

И в этой тишине Пашка сказал:

— Все! Кончился ваш Четырехглазый. Это говорю вам я, Павел Гераскин! Можете жить спокойно.

Глава последняя

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БРАТА

К подземной лодке Алису и Пашку пришли провожать гномы и неандертальцы. Лемуров там не было — лему-

ры побежали толпой грабить продовольственные склады, чтобы впервые за десять лет наесться до отвала.

Неандертальцы втиснули в люк завернутое в одеяло бесчувственное тело Гарольда Ивановича, который все еще был в глубоком обмороке. Алиса с трудом уговорила диких охотников это сделать. Она сказала им, что Гарольд Иванович не имеет никакого отношения к злобному диктатору, который исчез без следа после того, как его взяла смерть.

Она присела на корточки перед гномом Фурраком, который был страшно горд тем, что смог пробраться тайными ходами к неандертальцам и поднять их на помощь Алисе и Пашке.

На прощание он подарил Алисе свой фонарик с зелеными светлячками, а Алиса оставила подземным жителям все припасы, которыми их снабдил на дорогу добрый Семен Иванович. Вместо припасов положили Гарольда Ивановича.

— До скорой встречи! — сказал Пашка новым друзьям. — Живите спокойно.

Закрылся люк.

— Постараемся выжать из этой машины все, на что она способна, — сказала Алиса.

— Я тебя сменю, когда устанешь, — сказал Пашка. — Надо за ним присматривать. Как бы чего не натворил.

Поднимались они медленно. Пришлось огибать обширные подземные пещеры. Только через два часа они оказались выше подземелий, и лодка уверенно поползла наверх.

Пашка отыскал забытый кусок сыра, и они с Алисой разделили его.

И тут они услышали сзади стон.

Очнулся Гарольд Иванович.

— Где я? — спросил он слабым голосом. — Я умер?

— Нет, вы живы, — ответил Пашка. — Хотя думаю, что вы заслуживаете смерти.

— Ах! — завопил Гарольд Иванович. — Выпустите меня немедленно! Моя коллекция! Они же ее разорят!

— Когда туда отправится экспедиция, — сказала Алиса, — мы попросим их забрать и вашу коллекцию.

— Нет, я не переживу! — рыдал Гарольд Иванович. — Двадцать лет я посвятил собиранию этих насекомых. Это смысл моей жизни! Я не занимался ничем другим!

— Так уж и не занимались,— сказал Пашка.— А кто был Четырехглазым диктатором?

— А кто?— спросил Гарольд Иванович.

Алиса обернулась. Ей показалось, что за очками глазки Гарольда Ивановича лукаво поблескивают.

— Он забыл!— возмутился Пашка.— Двадцать лет он всех мучил, а теперь забыл.

— А это был не я,— ответил Гарольд Иванович.— Честное слово, не я. Я даже из своей скромной квартирки выходил только в походы за насекомыми. Я ничего не знаю. Клянусь памятью моего дедушки, я ничего не знаю. Клянусь памятью моего дедушки, я ничего не знал!

— Оставь его, Пашка,— сказала Алиса.— Он ни в чем не сознается.

Гарольд Иванович горько рыдал. Он перечислял неизвестные науке виды открытых им насекомых. Он вспоминал паука Гарольди, и сколопендру Гарольди, и мокрицу Гарольди...

И так он стенал, пока Пашка не сказал:

— Хорошо, мы возвращаемся назад. Но учтите, что там вас ждут неандертальцы и ненавидящие вас гномы, я уж не говорю о лемурах... Возвратимся. Вас встретят с распростертыми объятиями.

Гарольд Иванович сглотнул слюну и замолчал.

Он молчал и тяжко вздыхал полтора часа подряд.

Потом вдруг произнес:

— Я все равно уйду под землю. Есть еще много других подземелий, где обо мне ничего не знают...

Алисе вдруг стало его жалко. И она чуть было не до- стала коробочку с молью, что успела схватить со стола диктатора. Но тут она вспомнила о гномах в колесах и передумала. Она отдаст эту моль в музей и пускай ее называют Молью Гераскина, потому что поймал ее Пашка.

Через пять часов подземная лодка выбралась на поверхность Земли неподалеку от мельничной запруды. Гарольд Иванович то стонал, то засыпал и бредил во сне, грозил кому-то, распределял какие-то должности и пайки. Потом просыпался и спрашивал:

Я ничего лишнего не сказал? Мне приснился страшный кошмар.

Но ни Алисе, ни Пашке разговаривать с ним не хотелось.

Когда «Терранавт» замер на поверхности земли, Пашка открыл люк и сказал:

— Вылезайте!

Гарольд Иванович принялся умолять его:

— Пашенька, милый, любименький, только не говори ничего моему брату. Он простой и недалекий человек, он может тебя неправильно понять.

— Нет,— сказал Пашка, спрыгивая на траву,— как приговоренный к смерти, я не имею права молчать.

— Паша!— умолял Гарольд Иванович.— Это была шутка!

— Не надо, не унижайтесь,— сказала Алиса, помогая Гарольду Ивановичу выбраться из подземной лодки.— Есть некоторые поступки, которые нельзя держать втайне. Иначе их повторяют.

Она вышла из лодки последней.

Посреди лужайки стоял громадный, добрый Семен Иванович. Он держал на руках полотенце, на котором лежал пышный каравай хлеба.

— Добро пожаловать, мои дорогие!— сказал он.

Гарольд Иванович оглянулся на Алису, потоптался на месте, а потом с криком:— Братец, младшенький мой, я так скучал, так тосковал по тебе!— побежал к Семену Ивановичу и старался обнять и его, и каравай, что было совершенно невозможно.

— Какое счастье!— повторял сквозь слезы Семен Иванович.— Какое счастье!

Пашка посмотрел на Алису и пошел к флаеру, что стоял у мельницы.

— Вы куда?— удивился Семен Иванович.— Обед на столе!

Алиса, которая пошла следом за Пашкой, обернулась и сказала:

— Мы потом прилетим. Завтра. А сегодня мы очень устали.

Гарольд прижался щекой к локти младшего брата и махал им вслед ручкой. Он быстро осмелел.

— И не надейтесь!— крикнул Пашка,— мы обязательно завтра прилетим.

Он задвинул дверцу флаера и поднял машину в воздух.

СОДЕРЖАНИЕ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ	3
ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА. Фантастическая повесть	275

КИР БУЛЫЧЕВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

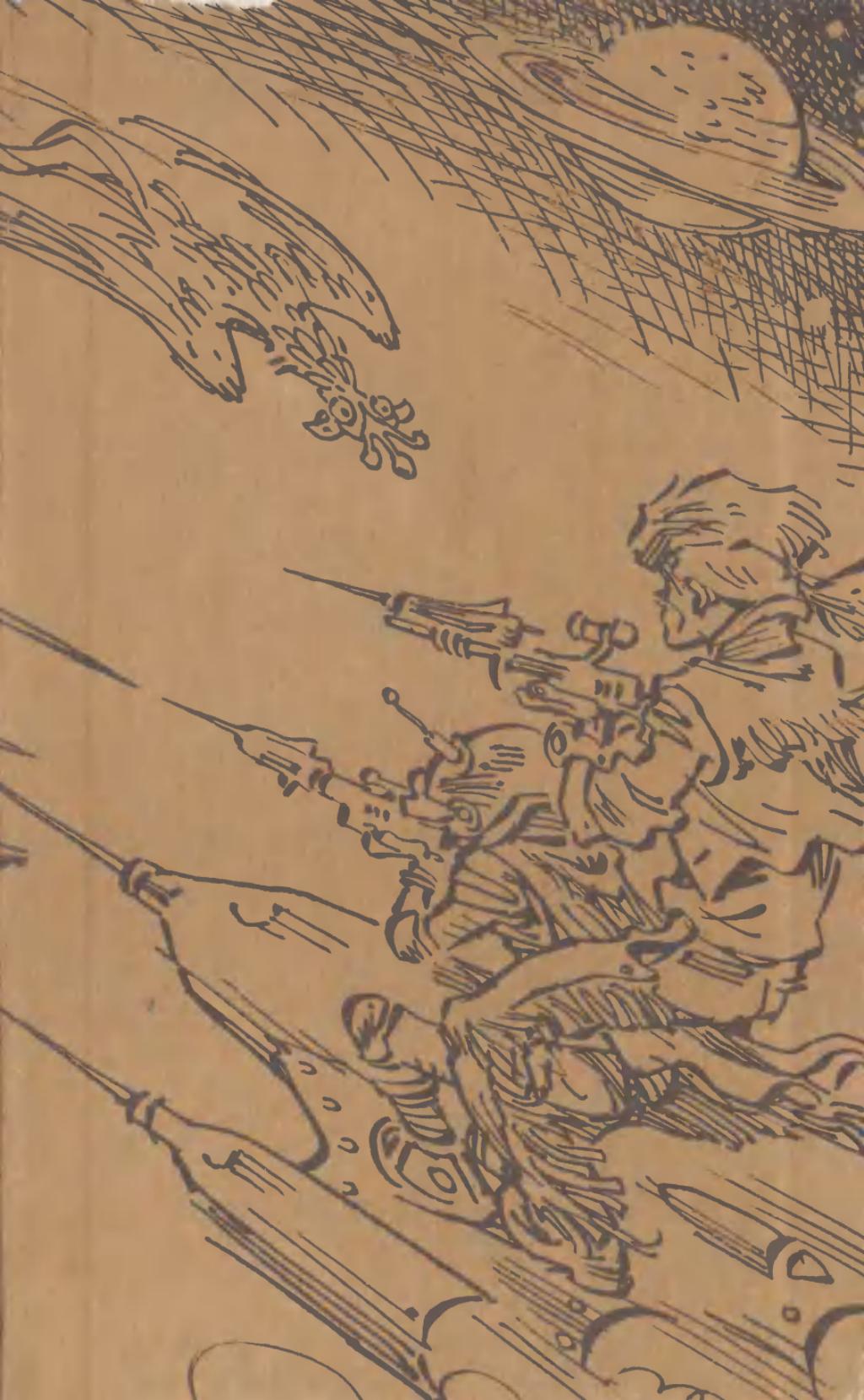
Миллион приключений

Редактор-составитель **С. Митрохина**
Шрифтовое оформление **Ф. Барбышева**
Художественный редактор **В. Горин**
Технический редактор **Л. Рассказова**
Корректоры **В. Кондратьева,**
М. Синяговская

Сдано в набор 20.03.91. Подписано к печати 27.10.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура журн.-рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 350 000 экз. Заказ 2124. Цена 16 руб.
Издательское объединение «Культура». 141200, г. Пушкино Московской обл., ул. Некрасова, 5.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

М.І. БІЛІЦЬКІЙ · ТЕОДОРІВСЬКИЙ · АДАМСЬКІЙ

БІЛІЦЬКІЙ